

ФАНТАСТИКА

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЖУРНАЛ

ЕСЛИ

7'2006

ИНДЕКСЫ ПОДПИСКИ: 73118, 42918, 99336. ИНТЕРНЕТ: WWW.ESLI.RU, WWW.RUSE.RU/ESLI.

КЕЙДЖ БЕЙКЕР МАДАМ АЙГЮПТОС

АНДРЕЙ СЛОМАТОВ
КОРИ ДОКТОРУ
ВЛАДИМИР БЕРЕЗИН
ПАВЕЛ АМНУЭЛЬ

ЕВГЕНИЙ ЛУКИН:
ХИЩНЫЕ КОМПЛИМЕНТЫ

История покорения Луны

«Женщина на Луне»
(1929)

«Космический рейс» (1936)

«Старт первого космического
корабля» (1939)

«Место
назначения –
Луна» (1950)

«Дорога к звездам»
(1957)

«Первые на Луне» (2005)

читайте в разделе **ВИДЕОДРОМ**

РЕДАКТОР ЖУРНАЛА:
Александр ШАЛГАНОВ.

ЗАМЕСТИТЕЛЬ РЕДАКТОРА:
Елена БОСОВСКАЯ.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ:
Татьяна МУРИНА.

РЕДАКЦИЯ:
Екатерина АРОЯН,
Дмитрий БАЙКАЛОВ,
Владимир ГУБАРЕВ,
Михаил КОМАРОВСКИЙ,
Евгений ХАРИТОНОВ,
Тамара ШЕЛАМОВА,
Людмила ЩЁКОТОВА.

ТВОРЧЕСКИЙ СОВЕТ:
Эдуард ГЕВОРКЯН,
Александр ГРОМОВ,
Олег ДИВОВ,
Марина и Сергей ДЯЧЕНКО,
Евгений ЛУКИН,
Сергей ЛУКЬЯНЕНКО,
Владимир МИХАЙЛОВ,
Борис СТРУГАЦКИЙ.

ОБЛОЖКА:
Игорь ТАРАЧКОВ.

ИЗДАТЕЛИ:
Издательский дом
«Любимая книга»,
ЗАО «Асмэр».

АДРЕС ДЛЯ ПЕРЕПИСКИ:
МОСКВА, 119435,
Б.Саввинский пер., д. 9,
ИД «Любимая книга»,
журнал «Если».

ЭЛЕКТРОННАЯ ПОЧТА:
esli@rusf.ru, if@esli.ru

САЙТЫ ЖУРНАЛА:
www.rusf.ru/esli, www.esli.ru

КОНТАКТНЫЕ ТЕЛЕФОНЫ:
248-08-90, 248-08-91.

РАСПРОСТРАНЕНИЕ:
ИД «Любимая книга»,
тел. 248-21-90.

ОФИЦИАЛЬНЫЕ ДИСТРИБЬЮТОРЫ:
«Наша пресса», АРП «Регион»,
«Сейлс», «Метропресс» СПб,
ХК «Сегодня пресс»,
«ЗРС Периодика»,
«Роспечать», ДМ Пресс.

Журнал зарегистрирован
в Комитете РФ по печати.
Свидетельство ПИ № 77-7491.

Отпечатано в ОАО
ордена Трудового Красного
Знамени «Чеховский
полиграфический комбинат».
142300, г. Чехов Московской обл.,
тел./факс (501) 443-92-17,
(272) 6-25-36.
E-mail: marketing@chpk.ru

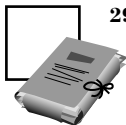
Тираж 15 000 экз.

Перепечатка материалов
допускается только
с разрешения редакции.
Рукописи не рецензируются
и не возвращаются.

Редакция вступает в переписку
только на страницах журнала.

Редакция не несет
ответственности за содержание
рекламных объявлений.

© «ЕСЛИ», 2006

29 Кори ДОКТОРУ ПОСЛЕ ОСАДЫ

Осада снята, но самое трудное — «вернуться с той войны».

139 Кейдж БЕЙКЕР МАДАМ АЙГЮПТОС

Советуем вспомнить рассказ Кейдж Бейкер «Ловушка», опубликованный в майском номере. Героиня — из той же компании. Или, если угодно, Компании.

3 Андрей САЛОМАТОВ СЕРЫЙ АНГЕЛ

Побольше бы таких митингов, говорили граждане, расходясь по домам.

13 Владимир БЕРЕЗИН ГОД БЕЗ ЭЛЕКТРИЧЕСТВА

Это не техногенная катастрофа, это — приговор суда.

105 Владимир ДАНИХНОВ СЛУЧАЙНЫЕ СВЯЗИ

...приводят к случайным событиям, которые могут сложиться в подобную мозаику!..

231 Павел АМУНЭЛЬ ГОЛУБОЙ АЛЬЦИОР

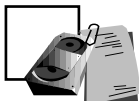
Да, просвещенный читатель, именно голубой. И это не астрономическая ошибка.

241 Ричард ЛОВЕТТ ЗАВТРАШНЯЯ ЗЕМЛЯНИКА

Вам мало шести соток? Пожили бы вы в мире, придуманном писателем.

257 Дуглас СМИТ СОСТОЯНИЕ ХАОСА

Энтропия как способ сведения личных счетов.

118 **Дмитрий БАЙКАЛОВ**

АППЕРКОТ ДА ВИНЧИ

Ну и зачем, спрашивается, было протестовать?

120 **Василий ГОЛОВАЧЁВ**

**«УДИВЛЯТЬ ЗРИТЕЛЕЙ НУЖНО
НЕ УПАКОВКОЙ»**

Популярный роман популярного писателя экранизирует популярный продюсер.

126 **Антон ПЕРВУШИН**

ЛУННЫЕ ХРОНИКИ

Попасть Луне в глаз удалось с первой попытки. Правда, только кинематографистам.

136 **Тимофей ОЗЕРОВ**

ХОРОШЕГО ПОНЕМНОЖКУ

Пусть понемножку, но зато на любой вкус.

123 **ВИДЕОРЕЦЕНЗИИ**

«Темные силы» нас злобно гнетут. Даже в Сайлент-Хилле.

274 **Дмитрий ВОЛОДИХИН**

...И ПУСТЬ НИКТО НЕ УЙДЕТ ОБИЖЕННЫМ

Каждый имеет право на 15 минут славы.

281 **ЭКСПЕРТИЗА ТЕМЫ**

Сегодня у экспертов лирический настрой. Еще бы! Ведь они вспоминают самые приятные минуты.

294 **Евгений ЛУКИН**

СРАВНИТЕЛЬНОЕ ЕСТЕСТВОЗНАНИЕ

Неутомимость, с которой лидер партии национал-лингвистов анализирует русский язык, достойна всяческого уважения.

285 **Сергей НЕКРАСОВ**

СЛУЧАЙ ФИЛОСОФИИ

Последняя книга великого фантаста и футуролога.

287 **РЕЦЕНЗИИ**

Новые работы Нила Геймана — и Вероники Ремизовой, Яны Завацкой — и Виталия Каплана, Герберта Франке — и Глеба Елисеева, Олега Овчинникова — и Сергея Некрасова...

299 **КУРСОР**

«Небьюла», «Интерпресскон» и другие премии.

302 **ПЕРСОНАЛИИ**

О каждом писателе — персонально.

А Н Д Р Е Й С А Л О М А Т О В

СЕРЫЙ

Иллюстрация Людмилы ОДИНЦОВОЙ

АНГЕЛ

На митинг, посвященный Международному дню солидарности трудящихся, Николай Петрович Колыванов отправился с восьмилетним сыном Алешкой. Его дородная спутница жизни Татьяна Васильевна с престарелой тещей давно орудовали ножами на кухне: шинковали и тщательно перемешивали в салатниках овощи, ювелирно нарезали колбасу с мясом, мало-сольную семушку, сыр, в общем, совершали привычный праздничный ритуал, от которого Николай Петрович возбуждался не меньше, чем от супружеских объятий.

Надо сказать, что Колыванов был человеком невысоким, щуплым, а весной и осенью даже и болезненным. В последнее время он трудился охранником на фабрике игрушек, был вполне доволен и зарплатой, и графиком работы. Жизнь ему отравлял лишь один факт: супруга торговала на рынке постельным бельем и зарабатывала больше мужа. Эта несправедливость мучила его, тем более что Татьяна Васильевна нередко упрекала Николая Петровича и делала это нарочито грубо, без родственного такта.

Словно на заказ утро Первомая выдалось хотя и прохладным, но солнечным. На открытых местах проклюнулись жидкие ростки мать-и-мачехи с желтыми мохнатыми головками. На столбах полоскались государственные флаги, откуда-то неслась бравурная музыка, и все вместе это создавало в душе Колыванова особое щемящее чувство бесконечности жизни и одновременно фатальной недолговечности праздника.

Пока Николай Петрович с Алешкой добирались до площади, митинг начался. Народу собралось не меньше тысячи. Нарядно одетые горожане с флажками и шариками пришли сюда целыми семьями. На небольшой, наспех сколоченной сцене под кумачовым транспарантом «Не дадим себя ограбить» стояли трое представительных мужчин в добротных серых костюмах-близнецах.

Первый выступал долго и неинтересно. Он монотонно бубнил в микрофон о высшей справедливости, о постоянно растущих ценах и Божьей каре, которая непременно настигнет зарвавшихся бюрократов. Народ уже начал крутить головами, крайние потихоньку разбрелись: кто домой к праздничному столу, а кто к ближайшему пивному ларьку. Но здесь слово взял второй оратор, и его хорошо поставленный, зычный голос моментально сдул скуку с поредевших рядов митингующих. По мере того как трибун перечислял преступления власти, голос его крепчал, глаза наливались справедливым гневом, и к концу своей пламенной речи он так яростно призвал собравшихся вернуть то, что у них бессовестно украли, так энергично выбросил вперед сжатый кулак, что люди заволновались. Из толпы стали раздаваться возгласы: «Правильно!», «К ногтю гадов!», «Долой правительство!».

Выступление так захватило Колыванова, что он почувствовал, как его душит обида за свой обманутый народ. Он даже расстегнул верхнюю пуговицу сорочки и поглубже вздохнул. Впрочем, когда оратор закончил и к микрофону подошел следующий, Николай Петрович остыл и приписал неприятное ощущение голоду. Он еще не завтракал, мечтал поскорее сесть за праздничный стол, махнуть рюмку, другую, третью и забыться в сладостной яви от всех забот этого суматошного мира.

Поискав глазами, Колыванов понял, что сын сбежал со скучного митинга. Он хотел было отправиться на его поиски, но передумал — искать мальчишку в этой толпе было бесполезно.

Домой Николай Петрович вернулся вовремя. Теща нарезала хлеб, супруга только что сменила домашний халат с кухонным фартуком на нарядное платье и подкрашивала губы. Стол ломился от яств. Запотевшая бутылка «Перцовый» как всегда занимала почетное место среди тарелок с закусками. Запах в квартире стоял одуряющий, и Колыванов поспешил занять свое место во главе стола.

Николай Петрович успел только оценить старания жены и тещи, окинуть одобрительным взглядом весь этот кулинарный фейерверк и проглотить вязкую слюну, как вернулся Алешка. Он вбежал в комнату с надкусанным «Сникерсом» в руке и с чисто детской восторженностью закричал:

— Пап, там настоящая революция, люди магазины грабят!

— Какие люди? — опешил Колыванов.

— Все, — ответил Алешка и с азартом откусил от шоколадки. — Митинг кончился, и все побежали к магазинам.

Вошедшая Татьяна Васильевна напряженно посмотрела на мужа, и от этого взгляда он невольно поежился.

— Не ешь сладкое перед едой, — сказала Татьяна Васильевна и хлопнула сына по руке. — Где взял?

— Там, — испуганно ответил Алешка. — Дядька тащил из магазина целую коробку. Несколько штук упало.

Супруга еще раз многозначительно взглянула на мужа. Николай Петрович заерзал на стуле, затем поднялся и, набирая скорость, бросился из квартиры.

Колыванов бежал к площади и ругал себя последними словами, из которых самым безобидным было «дурак». Легкомысленный уход с митинга казался ему чуть ли не главной ошибкой жизни, преступлением против семьи и той самой Божьей карой, о которой упоминал первый оратор. Навстречу ему все чаще попадались граждане с коробками вермишели, сосисок и конфет, охапками женских платьев, нижнего белья, костюмов и пальто. Мимо пробежал молодой человек с целой поленицей сигаретных блоков. На другой стороне улицы пожилая супруже-

ская чета с трудом волокла два рулона линолеума. Вид этих счастливых разил Николая Петровича в самое сердце и в то же время подстегивал.

Народ с добычей попадался все чаще. Кто-то торопился поскорее добраться до дома, другим не хватало терпения, и они останавливались, чтобы осмотреть, ощупать нечаянную радость. При этом на губах у них блуждали растерянные улыбки, как при выигрыше в лотерею. Были и такие, которые торжествующе поглядывали на опоздавшего Колыванова. Его полный отчаяния взгляд добавлял к их радости толику злорадства, какое испытывает человек при виде своего менее удачливого собрата.

Пивные ларьки на площади, очевидно, были разгромлены в первую очередь. От этих уличных аквариумов остались лишь алюминиевые остовы. Не было даже продавцов, но Николая Петровича сейчас не интересовало, украли их или они сами разбежались под непреодолимым натиском митингующих. Зато на площади недалеко от магазинов в скрюченных позах лежали два затоптанных старика и мальчишка лет десяти. Колыванов на ходу подумал, что следовало бы оказать раненым помощь, но махнул рукой и бросился дальше.

Николай Петрович заскочил в первый магазинчик и сразу понял: здесь поживиться уже нечем. Витрины были вдребезги разбиты, пол усыпан мукой, крупой и дешевыми карамельками. В самом углу у входа в подсобку без движения лежал человек с окровавленной головой. Судя по одежде, это был митингующий. Очевидно, хозяин магазинчика пытался защищаться и успел уложить одного из нападавших. Не задерживаясь, Николай Петрович бросился дальше и в дверях столкнулся с последним добытчиком. Не найдя ничего полезного для домашнего хозяйства, тот тащил уже распотрошенный кассовый аппарат, за которым на проводе подпрыгивала на ступеньках клавиатура.

Колыванов повезло лишь в хозяйственном магазине. На ходу он выхватил у мужика из ящика горсть шурупов, побежал по торговому залу и почти в самом углу обнаружил связку вантузов. Николай Петрович с тоской пошарил глазами по разоренному торговому залу, но ничего, кроме обломков витрин, не увидел. В это время еще один опоздавший метнулся к его находке, и Колыванов угрожающе рыкнул:

— Не трогай! Мое!

Было ясно: бежать еще куда-нибудь поздно. Прижимая к груди охапку вантузов, Николай Петрович выбрался на улицу. Где-то вдали уже слышалось голодное завывание милицейской сирены. Улица почти опустела. Надо было торопиться, и Колыванов припустил к дому.

По пути Николай Петрович несколько раз останавливался и предлагал более удачливым гражданам поменять часть своей добычи на другие товары, но никто не желал отдавать за вантузы ни продукты, ни

одежду. И только у самого дома сосед с большой связкой деревянных стульчаков согласился на обмен. За каждый стульчак он потребовал по пять вантузов и своей жадностью возмутил Колыванова.

— Ты сдурел что ли? — воскликнул Николай Петрович. — Они стоят одинаково. Посмотри, какая резина. Новые!

— Не хочешь, не надо, — перевесив тяжелую связку стульчаков на другое плечо, равнодушно ответил сосед.

— Да тебе их за всю жизнь не просидеть, — обиженно проговорил Николай Петрович.

— Надо будет, просижу, — упрямо ответил сосед.

Сошлись они на трех вантузах за стульчак и расстались вполне довольные друг другом.

Домой Колыванов вернулся отнюдь не победителем. Он свалил в прихожей свою добычу, посмотрел на жену и в ответ на ее презрительный взгляд развел руками.

— Оpozдал, — виновато произнес Николай Петрович. — Все растащили. Можно сказать, революцию проморгал.

— Ты всегда был дураком, — ответил Татьяна Васильевна. — Иди за стол, горе ты мое луковое.

И только теща смиростивилась и поддержала Колыванова.

— Хоть что-то, — внимательно разглядывая вантузы со стульчаками, сказала она. — Другие, которые не ходили на митинг, наверное, вообще ничего не принесли.

Праздник был немного смазан, но только до третьей рюмки. Отходчивое сердце супруги оттаяло, все повеселели, заговорили о вечере. В пять часов должны были приехать сестра Татьяны Васильевны с мужем. А главное, после всех этих событий было что рассказать родственникам, и этого обсуждения сегодняшнего митинга хватило бы кумовьям до самого утра.

После завтрака жена с тещей отправились на кухню мыть посуду. Размякший от обильной пищи и «Перцовой», Николай Петрович вытянул из пачки сигарету и вышел на балкон.

Колыванов чувствовал себя почти счастливым. Правда, на балконе его ждал сюрприз, до того невероятный, что он выронил сигарету с зажигалкой и замер, словно его внезапно настиг приступ каталепсии. На стуле, где в теплое время года Николай Петрович любил выкурить сигаретку, сидело странное существо. Внешне оно напоминало человека, но явно принадлежало иным, не известным ему мирам. Гость был пельно-серого цвета, абсолютно голый и без каких-либо признаков пола. Над костлявыми плечами пришельца, одно выше другого, торчали настоящие крылья. Прохладный ветер шевелил на них серые с металлическим отливом перья, и существо зябко поеживалось.

— Ты кто? — не зная, броситься назад в квартиру, позвать жену или остаться, спросил Колыванов.

— Я Ангел справедливости, — с хрипотцой ответил гость. — Извини, Николай Петрович. Плохо себя чувствую. Решил у тебя на балконе немного отдохнуть.

— Ангел справедливости? — разглядывая пришельца, растерянно повторил Колыванов. — А почему не белый? Справедливости же.

— Потому и не белый, — ответил Ангел и сразу пояснил: — Если смешать справедливость последнего подонка со справедливостью первого праведника, получится вот такой цвет.

— А зачем смешивать? — не понял Николай Петрович. — Справедливость всегда должна быть белой.

— Не скажи, — грустно усмехнулся Ангел. — На земле много людей, которые стараются исправить несправедливость, чтобы причинить ее другим. Вот ты сегодня вместе с ними грабил магазины...

— Я не грабил, — зардевшись, перебил его Колыванов. — Вон, по телевизору показывают, люди доллары домой коробками носят, заводы себе присваивают. Это те заводы, которые наши деды и отцы строили, а матери на них ударно работали. Разве это справедливость? Вот мы ее и восстанавливали.

— Восстановили? — поинтересовался Ангел.

— Немного восстановили, — ответил Николай Петрович и с досадой добавил: — Сын, зараза, поздно сказал.

— А тебе нужно столько вантузов? По-моему, одного на всю жизнь хватает, — вдруг сказал Ангел, и только сейчас Колыванов обратил внимание, какой у него печальный взгляд. Николаю Петровичу сделалось немножко стыдно, он пожал плечами и неуверенно признался:

— В общем-то, не нужно.

— Зачем же взял, если не нужно? — продолжал свой допрос Ангел.

— А больше ничего не было, — ответил Колыванов. — Я же говорю, опоздал. Сын, зараза...

— Ты не понял: зачем ты взял, если не нужно? — повторил Ангел.

— Справедливости ради, — не понимая, чего от него хотят, ответил Николай Петрович. — Нас ограбили, вот мы часть себе и вернули.

— Так ты же взял то, что тебе не нужно, — терпеливо продолжал Ангел.

— А больше ничего не было, — закончил Колыванов.

Некоторое время оба молчали. На лице Ангела читалась смертельная скука. Одно крыло уныло свесилось вниз, длинные костлявые пальцы отстукивали на колене дробь, и Николаю Петровичу показалось, что он слегка потемнел, то есть стал еще более серым. Не смея его побеспокоить, Колыванов переминался с ноги на ногу, с тоской

поглядывал через стекло в квартиру, где еще витали запахи праздничного завтрака, и гадал: случайно Ангел справедливости навестил его скромную персону или этот визит — подарок судьбы и следует ожидать в своей жизни приятных перемен?

Наконец Ангел стряхнул с себя оцепенение и устало проговорил:

— Хорошо, я помогу тебе. Так сказать, осчастливлю.

— Как? — не веря своей удаче, обрадовался Николай Петрович. В голове у него замелькали цветные картинки, одна другой краше: роскошная двухуровневая квартира, загородный дом величиной с соседний Дом Культуры, иномарка ценой в их подъезд.

— Я верну тебя назад к концу митинга, — ответил Ангел.

Колыванов громко проглотил слюну. Подарок Ангела несколько разочаровал его.

— А я буду помнить? — прикидывая в уме, что это сулит и чем грозит ему, поинтересовался он.

— Будешь, будешь, — ответил Ангел.

— Тогда давай.

Николай Петрович не успел моргнуть, как снова оказался в толпе празднично одетых людей. На сцене последний оратор месил кулаками воздух и чеканно выкрикивал в микрофон гневные слова. Но Колыванов не слушал. Подивившись столь невероятному перемещению во времени, он стал протискиваться влево, в сторону ближайшего магазинчика. Николай Петрович не знал, в какой момент толпа бросилась восстанавливать справедливость, была ли на это команда или подогретенные речами граждане сами кинулись на штурм. Он помнил лишь, что Ангел послал его в конец митинга, и заторопился.

Оказавшись в нескольких метрах от дверей магазинчика, Колыванов остановился и наконец прислушался к тому, что говорят с трибуны.

— Все это ваше! — широко раскинув руки, прокричал оратор. — Все это построено вашим непосильным трудом!

Последняя фраза отозвалась в душе Николая Петровича болезненным чувством ограбленного труженика, и он снова, как и в первый раз, ощутил революционность момента, который создавал в воздухе электрическое напряжение.

Беспокойство все больше охватывало Колыванова. Он был единственным человеком, кто знал, чем закончится митинг, но это знание не облегчало ему жизнь и действовало на нервы. Куда спокойней было бы не знать и вместе со всеми целиком отдаться революционной стихии, дать себя затопить справедливому гневу и, не раздумывая, броситься на штурм.

Внезапно Николай Петрович сообразил, что не там стоит. Следовало идти к универсаму или хозяйственному, где продавались дорогие

вещи. Едва Колыванов об этом вспомнил, как его прошиб холодный пот. Один он не смог бы унести не только холодильник, но и стиральную машину. Бежать домой за подмогой было поздно, все могло начаться с минуты на минуту. Оставалась одежда. Можно было пойти к универмагу первым, дожидаться митингующих, дать им ворваться внутрь и на плечах авангарда войти в магазин. Но и здесь была опасность опростоволоситься. Вдруг Ангел решил сморозить какую-нибудь шутку, толпа не дойдет до универмага, и тогда ему опять ничего не достанется. Народ без него, без Колыванова, потащит домой коробки с макаронами, ящики с водкой, колбасой и красной икрой. От этой жуткой мысли Николай Петрович даже застонал. Так трудно было на что-то решиться.

Судя по протяжному воплю, который издал оратор, митинг подходил к концу. Толпа заволоновалась, зашумела, словно роща от предгрозового порыва ветра. Затем народ двинулся с площади. Времени на размышления не оставалось, и нервы у Колыванова не выдержали — он первым бросился к ближайшему магазинчику. Следом за ним туда ворвались с десятков митингующих, и Николай Петрович неожиданно для себя истерично закричал:

— Давай, братва, налетай!

Звон разбитого стекла, пронзительный визг продавщиц только раззадорили Колыванова. Он проскользнул между двумя опешившими покупательницами и рванулся к подсобке, где хранились основные запасы. Неожиданно навстречу ему выскочил хозяин магазина. Лицо у него было перекошено от ненависти и страха, в руках он держал бейсбольную биту, но Николая Петровича это не остановило. Он уже вошел в раж и был настолько взвинчен, что полез бы и на автомат, и на целый танковый полк.

— Уйди, гад! — неистово заорал Колыванов и запрыгнул на стойку. — Хватит, попили нашей кровушки!

Николай Петрович хотел было добавить об отцах и дедах, которые строили этот магазин, но не успел. Не целясь, хозяин врезал ему битой по голове, и свет в глазах Колыванова померк.

Очнулся Николай Петрович на больничной койке. В голове монотонно гудел Царь-колокол, губы приклепи друг к другу, а пересохший язык отказывался шевелиться. Колыванов с трудом разлепил глаза. Он потрогал голову и понял, что она туго перебинтована.

Николай Петрович огляделся. Он лежал в больничной палате на восемь коек. Никого из соседей почему-то не было видно, хотя на тумбочках стояли всевозможные баночки, бутылки, чашки и пакеты с соком. Мягкие, разобранные кровати также говорили том, что он лежит не один. Колыванов повернулся к окну и увидел знакомую щуплую

фигуру Ангела справедливости. Наохлившись, словно большая хищная птица в зоопарке, тот печально смотрел на него и молчал.

— Здорово, — с трудом ворочая языком, хрипло проговорил Николай Петрович. Он отметил про себя, что солнечный свет проходит сквозь Ангела, словно через легкую штору, отчего тело его казалось желтоватым и почти прозрачным.

— Здравствуй, — тихо ответил Ангел.

— А где все?

— Ушли обедать, — сказал Ангел и отвел взгляд. — Ну что, восстановил справедливость?

— Да ладно, — как-то неопределенно ответил Колыванов. Он тоже отвел глаза и зло добавил: — Небось знал, что меня по башке треснут.

— Нет, — покачал головой Ангел. — Предугадать все, что ты можешь натворить, невозможно. Глупость непредсказуема.

— Да. Ты слишком умный, — огрызнулся Николай Петрович.

— Давай оставим эту тему, — предложил Ангел. — А то мы скатимся к взаимным оскорблениям. — Он слегка расправил одно крыло, потянулся и равнодушно проговорил: — Я хочу предложить тебе попробовать еще раз.

Колыванов недоверчиво взглянул на Ангела, оживился и даже приподнялся на локтях.

— Что, опять на митинг?

— Да.

Неожиданно Николай Петрович сник. Он отвернулся от окна, помолчал, а затем ответил:

— Нет, больше не надо. Лучше сделай, чтобы я оказался дома. Так хорошо день начинался.

— Ты же можешь уйти с митинга домой, — словно поддразнивая его, сказал Ангел. — Живой и здоровый. Но без вантузов.

Подобный вариант как-то не приходил Колыванову в голову. Он обрадовался, всем телом повернулся к Ангелу и воскликнул:

— Точно! Ну ее к черту, эту справедливость! Может, ее вообще не существует.

— Но я-то существую.

— У тебя на лбу не написано, кто ты, — ответил Николай Петрович.

— Смотри-ка, ты начинаешь думать, — вдруг тяжелым басом произнес Ангел. Голос его стал таким низким, что по спине Колыванова пробежал холодок, и он со страхом посмотрел на своего благодетеля. — Мне пора, — прислушавшись, сказал Ангел. — Твои соседи возвращаются.

И действительно, за дверью послышались голоса. Николай Петрович посмотрел в их сторону, а когда снова повернулся к окну, Ангела уже не было.

— А я?! — забеспокоился Колыванов. — Ты же обещал!

Проговорив это, он почувствовал легкое головокружение, закрыл глаза, а когда открыл, то обнаружил себя стоящим в толпе на митинге. Повязки на голове не было, он себя прекрасно чувствовал, а оратор на трибуне в который раз повторял: «Это все принадлежит вам!».

Домой Николай Петрович вернулся вовремя. Стол был накрыт, запотевшая бутылка водки, как положено, занимала свое почетное место среди тарелок со снедью. Теща с женой заканчивали прихорашиваться, и над всем этим плыл одуряющий запах домашнего благополучия. Колыванов поглубже втянул ноздрями воздух, на пару секунд зажмурился и быстро пошел к столу.

Николай Петрович успел лишь оглядеть стол, как вернулся Алешка. Он вбежал в комнату с надкусанным «Сникерсом» и закричал:

— Пап, там настоящая революция, люди магазины грабят!

Татьяна Васильевна недвусмысленно посмотрела на мужа и хлопнула сына по руке.

— Не ешь сладкое перед едой.

— Ну, грабят и грабят, — не глядя на жену, ответил Колыванов и потянулся к бутылке. — Мне-то что? Могу я хотя бы в праздник отдохнуть?

— Не спеши, — сказала жена и отобрала у Николая Петровича бутылку. — Успеется, нажрешься.

— Мам, я пойду еще погуляю, — с порога крикнул Алешка, и дверь за ним захлопнулась.

Наконец все сели за стол. Теща тихо проворчала: «У всех мужья, как мужья», — но против обыкновения Колыванов сдержался и промолчал.

На этот раз праздничный завтрак тянулся куда дольше. Когда он закончился и женщины ушли мыть посуду, Николай Петрович достал сигарету и осторожно через стекло глянул на балкон. Пока он разглядывал пустое пространство, вернулся Алешка. Колыванов услышал даже его пыхтение, а затем удивленный возглас жены:

— Ох, милый ты мой!

Николай Петрович поспешил в прихожую и на ходу услышал одобрительное восклицание тещи:

— Добытчик! Не то что этот...

На пороге стоял Алешка с охапкой вантузов. Глаза его сияли от счастья, а рот кривился в какой-то недетской усмешке. Он словно ждал отцовского одобрения, и Колыванов сказал:

— Да зачем? Куда нам столько?

— А больше ничего не было, — ответил Алешка и свалил добычу в угол.

В Л А Д И М И Р Б Е Р Е З И Н

ГОД БЕЗ

Иллюстрация Евгения КАПУСТЯНСКОГО

ЭЛЕКТРИЧЕСТВА

I

Судья наклонился к бумагам, раздвинул их в руках веером, как карты.

Ожидание было вязким, болотистым, серым — Сурганов почувствовал этот цвет и эту вязкость. Ужаса не было — он знал, что этим кончится, и главное, чтобы кончилось скорее. Сейчас все и кончится.

Судья встал и забормotal, перечисляя сургановские проступки перед Городом.

— Именем Города и во исполнение Закона об электричестве...

Сурганов наблюдал за ртом судьи, будто за самостоятельным существом, живущим без человека, чеширским способом шевелящимся в пространстве.

— Год без электричества...

Судья допустил в приговоре разговорную формулировку, но никто не обратил на это внимания.

Все оказалось гораздо хуже, чем ожидал Сурганов. Ему обещали два месяца максимум. А год — это хуже всего, это высшая мера.

Те, кто получал полгода, часто вешались. Особенно, если они получали срок осенью — полученные весной полгода можно было перетерпеть, прожить изгоем в углах и дырах огромного Города, но зимой это было почти невозможно. Осужденного гнали вон сами горожане — оттого что всюду, где он ни появлялся, гасло электричество. Осужденный не мог пользоваться общественным электричеством — ни бесплатным, ни купленным, ни транспортом, ни теплом, ни связью. И покинуть место жительства было тоже невозможно — страна разделена на зоны согласно тому же Закону в той его части, что говорила о регистрации энергопотребителей.

На следующий день после приговора осужденный превращался в городскую крысу, только живучесть его была куда меньше. Крысы могли спрятаться от холода под землей, в коллекторах и туннелях, а человека гнали оттуда миллионы крохотных датчиков, его обкладывали как глупого пушного зверя.

«С полуночи я практически перестану существовать, — подумал Сурганов тоскливо. — Отчего же меня сдали, отчего? Всем было заплачено, все было оговорено...»

Адвокат пошел мимо него, но вдруг остановился и развел руками.

— Прости. На тебя повесили еще и авторское право.

Авторское право — это было совсем плохо, лучше было резать ребенка.

Лет тридцать назад человечество радовали и пугали МБИС (микробиологические интеллектуальные системы). Слово это с тех пор осталось пустым и невнятным, с сотней толкований. Столько надежд и сколько ресурсов было связано с ним, а вышло все как всегда, точь-в-точь как любое открытие: его сперва использовали для порнографии, а потом для войны. Или сначала для войны, а потом для порнографии.

Сурганов отвечал именно за порнографию, то есть не порнографию, конечно, а за увеличение полового члена. Умная виагра, биологические боты, работающие на молекулярном уровне, качающие кровь в пещеристые тела — они могли поднять нефритовый стержень даже у покойника. Легальная операция, правда, в десять раз дороже, а Сурганов тут как тут, словно крыса, паразитирующая на неповоротливом городском хозяйстве.

Но теперь оказалось, что машинный код маленьких насосов был защищен авторским правом. Обычно на это закрывали глаза, но теперь все изменилось. Что-то провернулось в сложном государственном механизме, и недавно механизм вспомнил о патентах на машинные коды.

И теперь Город давил крысу — без жалости и снисхождения. В качестве примера остальным.

Сурганов и не просил снисхождения — знал, на что шел, назвался — полезай, поздно пить, когда все отвалилось.

Адвокат еще оправдывался, но Сурганов слушал его, не разбирая слов. Для адвоката он уже потерял человеческие свойства, и на самом деле тот оправдывался перед самим собой. «Наше общество, — думал тоскливо Сурганов, — наше общество фактически лишено преступности, у нас не то что смертной казни нет, у нас нет тюрем. Какая тут смертная казнь, люди с меньшими сроками без электричества просто вешались».

Единственное общественное электричество, что останется ему завтра — *Personalalausweis*, аусвайс, попросту универсальный РА, таблетка которого намертво укреплена на запястье каждого гражданина. Именно РА будет давать сигнал жучкам-паучкам, живущим повсюду в своих норках, обесточить его жизнь.

«Интересно, если я завтра брошусь под автомобиль, — подумал

Сурганов, — то нарушу ли закон? Как-никак я использую электроэнергию, принадлежащую обществу».

Формально он не мог даже пользоваться уличным освещением. Но на это смотрели сквозь пальцы, тогда бы гаснущие фонари отмечали путь прокаженных по Городу.

В детстве он видел одного такого — тот бросился в кафе, где маленький Сурганов сидел с отцом. Несчастный успел сделать два шага, и его засекли жучки-паучки, сработала система безопасности... Это был порыв отчаяния, так раньше заключенные бросались на колющую проволоку. Проволоку под током, разумеется.

Сурганов не хотел прятаться по помойкам. Он не хотел однажды заснуть, примерзнув к застывшей серой грязи какого-нибудь пустыря — ему был близок конец человека, бросившегося на охранника в кафе.

Некоторые из осужденных пробовали бежать из Города в поисках тепла и еды, но это было бессмысленно. Сначала их останавливали дружинники на границах Города, ориентируясь на писк *Personalausweis*. Те же, кто пытался спрятаться в поездах или грузовых автомобилях, как и те, кто срывал таблетку аусвайса, уничтожались за нарушение Закона об электричестве — прямо при задержании.

Ходили легенды о людях, прорвавшихся-таки на юг, к морю и солнцу, но Сурганов в это не верил. На юг нельзя. Даже если патрули не поймают на подступах к мусульманской границе, то никто не пустит беглеца сквозь нее.

Про мусульман, людей с этим странным названием, из которого давно выветрился смысл, рассказывали странное и страшное. Это, конечно, не люди с псыими головами, но никакого дружелюбия от них ждать не приходилось. Про них никто не знал ничего определенного, но все сходились в том, что они едят только человеческий белок.

Он очнулся, оттого что дружинник, стоявший все это время сзади, тряхнул Сурганова за плечо. Все разошлись, и оказалось, что осужденный сидит в зале один.

Он ехал домой на такси, потому что теперь экономить было нечего. Дверной замок привычно запищал, шелкнул, открылся — но в последний раз. Дома было гулко и пусто — кровать осталась смятой, как и в тот момент, когда его брали утром.

Он собрал концентраты в мешочек, но в этот момент пропел свои пять нот сигнал у двери. На пороге стоял сосед с большим пакетом.

— Сколько? — спросил сосед коротко.

— Год.

Они замолчали, застыв в дверях на секунду. Рассчитывать на эмоции не приходилось — сосед умирал. Он умирал давно, и смерть его проступала через кожу пигментными пятнами — коричневым по желтому.

Сурганов так же молча пропустил соседа внутрь и повел в столовую.

— Выпьем? — сосед достал сферическую канистру. — Я принес.

Это было пиво «Обаянь», очень дорогое и очень противное на вкус.

Сурганов поставил котелок в электропечь и обрадовался тому, что последний раз он обедает дома не один.

— Я пришел тебя отговорить, — сказал сосед вдруг, и от неожиданности Сурганов замер. — Я пришел тебя отговорить, я знаю немного людей, перед смертью начинаешь их по-другому чувствовать. Острее, что ли. Я догадываюсь, что ты хочешь сделать. Ты хочешь бежать. Так вот, не надо. Туда дороги нет.

Сурганов с плохо скрываемым ужасом смотрел на своего соседа, а тот продолжал:

— Не надо на юг. Нет там спасения — я служил двадцать лет назад на границе. Недавно встретил тех, кто там остался дальше тянуть лямку. Так вот, там ничего не изменилось — все те же километры заградительной полосы, высокое напряжение на сетке. Умные мины, что реагируют на тебя, как сушка для рук. Нарушитель не успевает к ним подойти, а они за сто метров выстреливают в него управляемой реактивной дробью. Представляешь, что остается от человека?

Сурганов представлял это слабо, но на всякий случай кивнул.

— Я там видел одну пару — муж и жена, наверное. Они, видимо, договорились, и первым пошел к границе муж, а потом жена толкала его перед собой. Ну, дробь обогнула препятствие и залетела сзади... Не надо, не ходи. Я знаю места в Центральном парке, где теплотрассы проходят рядом с канализационными стоками — там можно отрыть нору. Вот тебе схема. — Он выложил на стол большую пластиковую карту Города. — Не думал, что тебе дадут год, это, конечно, неожиданно. Но, вырыв нору, можно прожить три-четыре месяца. А это уже много, я, например, столько не проживу.

— А что, уже? — спросил Сурганов.

— Я думаю, дня три-четыре. Ну, неделя. Мне предложили «Радостный сон», а это значит, уже скоро. Ты знаешь, я думал, что было бы,

если б я не жалел денег на себя — ну, пошел бы к тебе, я ведь знал обо всем. Именно поэтому я тебя так ненавидел, ты — молодой, здоровый, девки утром с тобой выходят. Каждый раз разные. А я сэконо-мил, да.

Сосед отпил кислого пива и взмахнул рукой:

— Нет, все равно не хватило бы — разве бы ты помог?

Наконец Сурганов понял, зачем пришел сосед. Он замаливал свой грех — именно сосед донес дружинникам на Сурганова. Съедаемый своей смертью по частям, он фотографировал сургановских посетите-лей, вел, наверное, жизнеописание Сурганова. Болезнь жрала тело со-седа, каждый день, каждый час откусывала от его жизни маленький, но верный кусок.

И вот теперь они сидят вместе за столом и пьют дрянное пиво, а в печи уже поспело варево, плотное и пахучее, не то суп, не то каша.

Сидят два мертвеца в круге электрического света, и кто из них ум-рет первым — неизвестно.

Сурганов достал из печи котелок, а из шкафа тарелки с прибора-ми. Они ели медленно, и сосед вдруг сказал:

— А правда, что у нас внутри электричества нет? То есть не везде оно есть.

— Ну почему нет? Есть — только не везде. Немного его есть, а так больше химия одна.

— Значит, все-таки есть... Один человек, кстати, понял, что будут судить и запаса динамо-машиной. Крутил педали, да все бестолку. Так и умер, верхом на этом своем велосипеде — уехал в никуда. Серд-це остановилось — он загнал сам себя. Твой дурацкий юг вроде этого динамопеда, не надо тебе туда. Стой, где стоишь.

— Наверное. Наверное, да. — Сурганов норовил согласиться, пото-му что разговор уже тяготил. Те несколько минут, когда в комнате си-дели два мертвеца, прошли. Нетерпение поднялось внутри Сурганова, расшевелило и оживило его. Мертвец в комнате теперь был только один, и вот он задерживал живого. Дохлая лягушка в кувшине меша-ла живой молотить лапками и сбивать масло.

— Хочешь, я тебе зажигалку подарю? — спросил сосед.

— Конечно, пригодится. Мне теперь все пригодится.

Закрыв за соседом дверь, Сурганов аккуратно поставил зажигалку в шкафчик — после полуночи она уже не зажжется в его руках. Тай-мер точно в срок отключит пьезомеханизм, и будет ждать другого вла-дельца — спокойно и бездушно.

В одном сосед был прав. Сурганов не станет умирать под забором. Но никакого южного пути не будет, он двинется на север. Это тоже не дает особой надежды, но лучше сделать два свободных шага, чем один.

Сурганов огляделся и вытащил из шкафа рюкзак. Несколько простых вещей — что может быть нужнее в его положении? Нож, комбинезон и запас концентратов. Комбинезон он покупал специально простой, без внешней синхронизации. То есть боты, поддерживающие в нем температуру, не сверялись с внешней силой, и через какое-то время они начнут шалить, дурить. Они перестанут латать дыры, и комбинезон умрет — может быть, в самый неподходящий момент. Зато этим не нужно электричество, а только тепло немытого сургановского тела. Говорят, раньше люди собирали себе в тюрьму специальный чемодан, в котором была одежда и еда. Теперь тюрем нет, но чемодан у него есть.

Он готовился к месяцу, в худшем случае — двум, чтобы потом вернуться. Теперь это будет навсегда. Это будет навсегда, потому что он готовился нарушить Закон окончательно и бесповоротно.

Поэтому наконец он достал из шкафа Крысоловку.

Предстояло самое трудное — надо было ловить крысу. Крыса куда хитрее и умнее дружинников, она бьется за свою жизнь каждый день, и каждый день перед ней реальный враг. Но Сурганов был готов к этому — еще года два назад он изобрел «гуманную крысоловку». Патент продать никому не удалось — городским структурам он был не нужен, для гражданина — дорог, а по сути — бессмыслен. Ну, поймал ты гуманно крысу, а что с ней потом делать? Остается негуманно утопить.

Теперь крысоловка дождалась своего часа.

В падающих на Город сумерках Сурганов установил крысоловку вблизи торговых рядов — там, где торчали из земли какие-то вентиляционные патрубки. Он вдавил стержень внутрь коробки, и жало раздавило где-то там внутри ампулу с приманкой.

«Пока я ничего не нарушил, пока... — подумал он. — Да и *Personalausweis* не позволил бы мне ничего сделать. Механика и химия спасает меня. Но это пока».

Крысоловка заработала. Сурганов не чувствовал запаха, да и не для него он предназначался. Он спокойно ждал на медленно отдающей тепло осеннего солнца земле.

Несколько крыс уже билось за возможность пролезть внутрь. Наконец, расшвыряв остальных, туда проникла самая сильная. И тут же остановилась в недоумении — голова крысы оказалась зажата. Сурганов, вдохнув глубоко, вынул нож и, заливая кровью руку, срезал РА со своего запястья. Потом, смазав тушку крысы клеем, прилепил аусвайс ей на спину. Почуя запах крови, крыса забилась в тисках сильнее.

«Вот и все. Теперь меня нет, — подытожил он. — Вернее, теперь я вне Закона».

Если раньше он был осужденным членом общества, то теперь стал бешеной собакой, кандидатом на уничтожение.

Но так или иначе крыса теперь будет жить в Городе — за него. Пока не подойдет сама или пока собраты не перегрызут ей горло. Тогда она остынет, и *Personalalausweis* выдаст сигнал санитарам-уборщикам, которые начнут искать тело Сурганова. Но это случится не скоро, ох, не скоро.

Запоминая эту секунду, Сурганов помедлил и нажал на рычаг крысоловки. Крыса, прыгнув, исчезла в темноте.

Самое сложное было найти просвет в ограде. К этому Сурганов как раз не подготовился — он никогда не подходил к границе Города. Тут можно было только надеяться.

Он специально вышел точно к контрольному пункту рядом с монорельсовой дорогой. Здание караулки было встроено в ограду: одна половина на этой стороне, а другая — на той. Ветер ревел и свистел в электрической ограде. Сурганов забрался на крышу и пополз вдоль бортика. Крыша была выгнутой, прозрачной, и Сурганов видел, как в ярком электрическом свете сидит внутри сменный караул, как беззвучно шевелят губами дружинники, как один из них методично набивает батарейками рукоять своего пистолета.

Но никто не услышал движения на крыше, и Сурганов благополучно свалился по ту сторону своего Города. Бывшего своего Города.

Конечно, его обнаружили бы легко. Да только никто не верил в его существование — он был мелкой взбунтовавшейся рыбой, рванувшей сквозь ячейки электрической сети.

И вот он шел по тропинке вдоль монорельса, шел по ночам — не оттого что прятался от кого-то, а просто днем можно было спать на припеке или искать не учтенную цивилизацией ягоду.

Он шел очень долго, ориентируясь по реке, которая текла на север. Ему повезло, что дождей в эту осень не было.

Наконец холод пал на землю, выстудил все вокруг, и река встала. Сурганов спал, и в бесснежном пространстве его снов, и в пространстве вокруг него не было электричества. Он проспал так два дня, кутаясь в шуршащее одеяло из сухой листвы и травы — одеяло распадалось, соединялось снова, жило своей жизнью, как миллиарды искусственных организмов, забытых своими создателями.

Когда он проснулся, то увидел, что река замерзла до дна — было видно, как застыли во льду рыбы, некоторые — не успев распрямиться, еще оттопырив плавники. Сурганов пошел по поверхности того, что было рекой. Комбинезон еще грел, но начиналось то, о чем его предупреждали — тепло от умной одежды шло неравномерно, и отчето-то очень мерзли локти.

Сумасшедшие боты перестраивали себя, воспроизводили, но никто, как и они сами, не знал, зачем они это делают. Сурганов не стал задумываться об этом, просто отметил, что надо торопиться. Из памяти Сурганова роботы уползали, как муравьи из своего муравейника, но, в отличие от муравьев, без всякой надежды вернуться.

Может, и здесь, где-нибудь под снегом, жили колонии крохотных роботов, дезертировавших из армии или случайно занесенных ветром с нефтяных полей. Они тщетно хотели очистить что-то от нефти или уничтожить несуществующих мусульман по этническому признаку, но скоро потеряли смысл своего существования. О них забыли все, и не было от них ни вреда, ни пользы.

Наконец Сурганов нашел избушку — дверь отворилась легко, будто его ждали. Внутренность избушки походила на картинку из сказки — вся утварь топорщилась тонким пухом инея. Но первое, что он увидел, происходило из другой сказки, совершенно детской — перед печуркой сидел на коленях человек с электрической зажигалкой в руке.

Из электричества тут были только грозы — но от них отделяло целых полгода.

Человек был точь-в-точь как живой, только успел закрыть глаза, прежде чем замерзнуть. Замерзли дорожками по щекам и его последние слезы.

Из открытой дверцы печки торчали тонкие щепки дров и сухая кора.

Сурганов только чуть-чуть подвинул предшественника и принялся орудовать своим диковинным кремневым механизмом. Огонь разгорелся, замороженный незнакомец пересел на улицу, оставив у огня целый мешок концентратов. Но главным для Сурганова было не чужая одежда и припасы, а то, что он на верном пути. Так он добрался до края великого леса.

Еще два дня он шел по твердому льду в предчувствии находки и внезапно обнаружил обветшавшие здания компрессорной станции — отсюда на север, через великие болота, вел брошенный газопровод.

Внутри трубы были проложены рельсы, на них сиротливо стояла тележка ремонтного робота, уже большого, но с мертвой батареей.

Запустив двигатель, он медленно поплыл в темноте железной кишки. Гулко капало сверху.

Мерно постукивали колеса. Робот пытался напиться свой аккумулятор, поморгал лампочками да и заснул. Качая штангу ручного привода, Сурганов подумал о том, что так и не попользовался чужим электричеством — и в этот момент увидел тусклый свет в конце трубы.

Они смотрели на него из-за кустов и обломков зданий. Глаза их были насторожены, но не злы, и ворочались в щелях головных платков и в узком пространстве между шапками и оленьими куртками.

Сурганов медленно слез с тележки и повернулся кругом перед взглядом этих глаз, показывая пустые руки — так, на всякий случай. Тогда кусты выпустили девочку в платке, и она, приблизившись, крепко схватила его за руку. Вместе они сделали первые шаги к людям.

II

«Буква *ы*, еры' — 28-я, а в церковной азбуке 31-я, гласная, состав из *ѣ* и *і*, почему и ни одно слово не может начинаться с этой буквы, как и с безгласного *ѣ*. *Ерь да еры упали с горы*. Букву *ы* следует противопоставлять буквам *и* и *і*. Все они ассоциируются с представлением гласных крайнего языко-небного сужения, но с приближением средней части языка во рту.

Толковый Словарь Живого Великорусского языка Даля.
(1517 страница 4 тома).

И, качаясь от ужаса, я кричу: «Ы! Ы-ыы-ы!».

Это так его звали — Ы. Все вокруг было на «Ы». Твердый мир вокруг был Ырт, а небо над ним было Ын.

Но мальчика давно не звали по имени.

Человек со стеклянными глазами звал его Эй, когда был далеко, и Ты — когда он стоял близко. «Ты» — было хорошее слово, и ему нравилось, только все равно это было не его имя. Стеклянноглазый говорил, что Ы — смешное имя, но мальчик жалел старика и не отвечал ему, что стеклянные глаза, которые тот надевает с утра — еще смешнее.

Мальчик откликался и на Ты, и на Эй — ведь больше звать его было некому, потому что умерли все.

Только Человек со стеклянными глазами жил с ним — вместо настоящей семьи. Человек со стеклянными глазами пришел в стойбище давным-давно, и мальчик уже не помнил когда.

Тогда еще были живы родители мальчика, и еще несколько семей жили рядом. Потом пришла болезнь, и все родственники мальчика ушли из твердого мира. Теперь они остались вдвоем.

Во время Большой войны оттаял лед под землей. Он оттаял там, на юге — и Ырт оказался отрезан от прочей земли. Так говорил Человек со стеклянными глазами, но мальчик вежливо верил ему. Пока у него есть Ырт, есть белесое небо над ним, есть река — больше не надо ему ничего.

Нет, есть, конечно, еще Труба.

Все дело в том, говорил стеклянноглазый, что кончился газ. Если бы газ не кончился, здесь по-прежнему было бы много людей, которые сновали бы между севером и югом. Но газ кончился еще до войны, и местность опустела. Остались странные сооружения, смысл которых был мальчику непонятен, и остался покинутый город.

Город давно уже разрушился — лед толчками, будто легкими ударами, выбивал из земли сваи, затем дома складывались, а потом под ними подтаивала лужа.

Снова на долгий северный день приходило солнце, и остатки дома утягивало на дно — и дальше, вглубь. А потом появлялась ряска, мох смыкался над озерцом — будто и не было здесь ничего.

Мальчик знал, что так происходило, оттого что Ырт живой и он тоже должен питаться. А может, земле было интересно, что там, на поверхности, и вот она тащила внутрь всякое — чтобы лучше рассмотреть.

Так Человек со стеклянными глазами делал, если забывал где-нибудь свои стеклянные глаза. Тогда он водил носом, ощупывая вещи, и

моргал. Сначала мальчик думал, что Стелянноглазый хорошо нюхает, но это оказалось не так.

Просто без своих стеклянных глаз он мог видеть только так.

Город исчезал, подергивался болотным мхом. Лес, который в детстве мальчика стоял на горизонте, придвинулся ближе и уже рос на улицах бывшего города.

Человек со стеклянными глазами нравился мальчику, хотя пользы от него не было никакой. Он был слаб, не умел управиться с оленем. Единственное, что он научился делать, это собирать ягоду морошку. Но мешки с ягодой Стелянноглазый волок в свой огромный дом, в комнату, уставленную стеклянными банками. Там пахло кислым, курился неприятный дымок.

Стелянноглазый был колдуном, но колдуном неважным — он только и умел, что превращать ягоду-морошку в воду, которую можно было зажечь.

Мальчик как-то пробовал эту воду, но ему стало так плохо, как бывает в момент перехода из твердого мира в царство мертвых.

Человек со стеклянными глазами долго объяснял ему, что мальчик просто из другого племени — оттого ему не идет впрок чужое питье. Например, ни у кого из племени мальчика не росла борода, а вот у Стелянноглазого борода была широкая, длинная, разноцветная: серая и желтая — и тоже пахла кислым.

Иногда, выпив превращенной воды, Человек со стеклянными глазами рассказывал ему про другие племена. Он говорил об огромных прозрачных домах, о больших птицах, которые везли людей по воздуху. Он говорил ему о женщинах, что живут без детей, и о детях, что живут, не добывая себе корма.

В это мальчик как раз верил, потому что, когда он был совсем маленький, отец взял его в путешествие к южным болотам. Это были очень неприятные места.

Во время войны на север пошел поток беженцев — они шли с юга толпами, но все исчезли в этих болотах.

Северный народ боялся подходить к тем местам близко, потому что, исчезая в трясине, люди кричали протяжно и печально — и не было потом спокойствия от этого звука. Это рассказывали все — и вот, спустя много лет, мальчик с отцом поехали на юг посмотреть, как там и что. Мальчик видел на кочках оставшиеся от беженцев странные вещи — круглые и блестящие, совсем непонятные и, наоборот, годные в хозяйстве.

Но больше его поразили тотемные звери исчезнувших людей. Они были сделаны из упругого материала — и не было среди них ни медведей, ни оленей — только страшные уродцы. Один полосатый, другой с тонкой длинной шеей, третий с круглыми огромными ушами.

Мальчик взял одного — зверя в полосатых штанах, с круглой головой, откуда торчал нос, похожий на лишнюю руку или ногу.

Поэтому мальчик верил всему — отчего же нет? Пускай.

Даже хорошо, что где-то живут эти люди, но еще лучше, что они живут далеко. И еще он вспоминал о мудрых стариках, которые велели завалить камнями огромное жерло Трубы сразу после того, как по Трубе к ним попал Человек со стеклянными глазами.

Стеклоглазый приехал на тележке, двигавшейся внутри Трубы, и долго был похож на человека, лишенного души.

Только потом он пришел в себя и внешне стал похож на человека севера, тем более что его рассказам про южную жизнь никто не верил. Страшно было подумать, что вслед за ним придут эти звери — с длинными шеями, полосатые, и самый страшный — серый, толстый, с длинным носом посреди морды, похожим на пятую ногу.

И один мальчик слушал рассказы Человека со стеклянными глазами, будто сказки о существах Дальнего мира, то есть царства мертвых.

В эту весну мысли о юге особенно тревожили мальчика по имени Ы. Что-то происходило с ним — он смотрел, как олень покрывает самку, как бьются грудью друг о друга птицы, и ему было сладко и тревожно. Он будто знал, не проверяя силки, знал наверняка, что пойман большой зверь.

Стеклоглазый только улыбался, наблюдая за ним — он говорил, что эта болезнь давно записана в книгах колдунов большого мира, которые понимают и в зверях, и в людях. Стеклоглазый говорил это и хлопал себя по бокам, изображая медведя, стоящего на задних лапах.

Мальчик не обижался и все равно слушал его внимательно. Однако мальчика пугали огромные изображения женщин, висевшие на стенах комнаты Стеклоглазого — эти женщины были раздеты и манили мальчика пальцами. Правда, он видел, что эти женщины немощны, худы и не годны ни к родам, ни к работе.

Иногда ему хотелось посмотреть, есть ли они на самом деле — залезть в Трубу и уехать на тележке Стеклоглазого прочь, на юг. Но твердый мир может пропасть, если не останется в нем никого.

Он свернется, как листочек в огне, или съест его в один кус евражка.

Поэтому мальчик только слушал да запоминал рассказы колдуна.

Но теперь все кончалось.

Стеклоглазый заболел — он уже не выходил из комнаты со своими стеклянными банками, и мальчик начал носить ему еду.

Больной стал говорить все быстрее, мешая слова и употребляя те, которых мальчик не мог понять. Стеклоглазый то убеждал мальчика, что жить в Ырте хорошо, что это счастье — прожить жизнь здесь, никуда не отлучаясь. И тут же начал проклинать Ырт, противореча самому себе.

Мальчик понял: время Стеклоглазого истончается. Когда колдун говорит о том, что мир ему надоел, то боги помогают ему, каким бы дурным колдуном он ни был. Стеклоглазого стало немного жаль — и мальчик даже решил подарить ему одну душу.

У людей юга, даже колдунов, была всего одна душа, и боги забирали ее после смерти.

А вот у людей севера было семь душ — не много и не мало, а в самый раз.

И счет душам был такой.

Душа Ыс должна была спать с мальчиком в могиле, когда он умрет. Она должна была чистить его мертвое тело, оберегать его от порчи. И если человека севера похоронят неправильно, то душа Ыс придет к живым и возьмет с собой столько вечных работников из числа семьи, сколько ей нужно.

А душа Ыт, вторая его душа, унесет мальчика вниз по реке, к морю — она похожа на маленькую лодочку. Там, где кончается река, царство мертвых выходит своими ледяными боками из-под земли наружу.

Третья душа, душа Ым — похожа на комара, что живет в голове мальчика и улетает из нее во время сна. Именно поэтому иногда мальчику снятся причудливые сны, где сверкают на солнце прозрачные дома и между ними ходят огромные звери — и среди них толстый зверь с длинным носом, похожим на пятую ногу.

Мальчик видит сны только потому, что маленький комар летит над землей и ночью мальчик глядит его глазами.

А четвертая душа по имени Ын живет в волосах. Оттого, если у человека вылезли волосы, то, значит, жизнь его в Ырте закончилась.

И есть у мальчика еще три души, предназначенные для его нерож-

денных детей. И их можно назвать как хочешь — согласно тому, какие дети родятся.

Но детей у него пока нет, ведь некого взять в жены, а Стеклянноглазый уже сказал давным-давно, что с ним завести детей нельзя.

Все равно мальчик хотел отдать ему одну душу, и вот теперь он начал шептать в умирающее морщинистое ухо об этом.

Но прежде мальчик хотел узнать, есть ли на юге большая река, текущая на север. Он знал, что душа-лодка не пройдет по болотам — и река на юге, по словам Стеклянноглазого, была. Потом он еще раз уточнил, правда ли, что многие люди на юге стригут волосы, некоторые даже бреются.

Мальчик запоминал все — и то, как двигается тележка внутри Трубы, и то, как устроена жизнь на юге. Человек со стеклянными глазами снова отговаривал его от странствий — на юге, говорил он, люди злы. Они живут в городах, как мыши в клетках. Он говорил, что они вообще живут без души, а у всех на руке железная печать, по которой их отличают одного от другого.

Главное, говорил Человек со стеклянными глазами, там нет свободы — и снова начинал плакать.

Мальчик приходил к Стеклянноглазому еще два дня и поил его оленьим супом — а на третий день Человек со стеклянными глазами открыл рот да и не закрыл его больше. Суп вытек обратно по щеке, и все четыре глаза колдуна потеряли смысл. Тогда бог Стеклянноглазого пришел и забрал его единственную душу.

Подул по комнате ветер, с шорохом перебирая бумажные картинки, развешенные на стенах, упала, подпрыгнула и покатилась куда-то пустая банка от превращенной воды.

Мальчик понял, что чужую душу куда-то увели.

Он закопал колдуна, как и положено — лицом вниз, чтобы тот сразу увидел, что там, внутри земли.

Единственный оставшийся под белесым небом твердого мира человек задумался.

Все, что он знал теперь о мире, позволяло сделать правильный выбор.

Пока человек жив, его душа движется, хотя это нам и не видно: одна душа, как тень облака летящего над Ыртом, другая — как тень птицы, третья — как тень оленя. Пока движутся души, движется и человек.

Дети должны быть рождены, и человеческие души должны совершить свой привычный круг в природе. Мальчик снова вспомнил бессмысленных бумажных женщин колдуна и пожалел его.

Но главное — он придумал, кто сбережет твердый мир Ырта до его возвращения.

Несколько дней он разбирал каменный завал у жерла Трубы.

В полуразрушенном зале, среди железных шкафов и непонятных кранов, перед ним открылась черная дыра, ведущая на юг. По низу Трубы шли рельсы для тележки ремонтного робота. Мальчик залил в огромный бак всю превращенную из ягоды морошки воду, оставив колдуну только одну бутыл.

На утро он стал прощаться с привычным миром. Третья душа, похоя на комара, вернулась из леса — ее обязательно надо было дожидаться, иначе, забыв эту душу, он проведет всю жизнь без сна.

Первая душа проснулась и требовала еды — потому что смерть и еда рядом, а могильной душе нужно много сил. Вторая душа, душалодка, напряглась в его теле, потому что она отвечала за всякое странствие — неважно, на север или на юг, по воде или посуху.

Души его нерожденных детей сидели смирно, как настоящие испуганные дети.

Тогда он сделал последнее из того, что нужно было проделать перед дорогой — во-первых, он оставил волосяную душу Стеклянноглазому, потому что волос у Человека со стеклянными глазами было много, а заботиться о них и о его теле было некому.

Теперь душа волос будет бережно хранить Стеклянноглазого, а много из могильной бутылки все равно она не выпьет. Все-таки это душа северного человека, а не южного.

Во-вторых, напрягшись, он наконец вырвал из себя одну из детских душ и велел ей жить в самом страшном тотемном звере — носатом и ушастом. Эта душа должна ждать его возвращения и хранить безплодный Ырт его предков.

Зверь в полосатых штанах уставился на восход, поднял свой нос и замер. Теперь его, маленького и храброго, звали Ы.

Осталось пять из семи — это не так уж мало.

И вернувшись к Трубе, мальчик запустил мотор самоходной тележки.

Оживший робот подмигнул ему лампочкой, и все они тронулись в путь. Пять душ вцепились в его тело, как дети в быстро бегущие нарты.

За спиной плакали две оставшиеся души, потому что тот, кто остается, всегда берет большую печаль, а тот, кто уезжает — меньшую.

К О Р И Д О К Т О Р О У

ПОСЛЕ

Иллюстрация Сергея ШЕХОВА

ОСАДЫ

Когда началась осада, Валентина была в кино. Новенькое здание кинотеатра выросло напротив ее дома буквально накануне, и, проснувшись утром, она увидела в окно ажурно-серебристые опоры и нарядные, конфетно-красные выпуклые стены вместительного зала. Соблазн был велик, и Валентина упростила маму и папу отпустить ее посмотреть фильм. Она отлично знала, что все окрестные дети проведут сегодняшний день в кинотеатре — ведь и раньше они исследовали каждое новое чудо всей компанией. Неделию назад это были маленькие, диковинной формы летомобили, которые, словно стоя голубей, пронеслись над их головами на расстоянии считанных миллиметров друг от друга. Еще раньше был конфетный лес, где на деревьях росли взаправдашние леденцы и карамель. В чудесном лесу побывали, наверное, все дети Города; они жевали конфеты и смеялись до тех пор, пока — то ли от смеха, то ли от сладкого — у них не разболелись животы. А до этого были крошечные роботы, которые старательно собирали с городских улиц мельчайший мусор и уносили на окраины, где они каким-то образом пережевывали его и строили из образовавшейся массы заводские цеха — просторные и светлые, словно птичьи вольеры. А раньше были невиданные рыбы в реке. А еще раньше — новенькие многоквартирные дома. А до них — больницы. А до больниц — величественные правительственные здания.

А еще раньше произошла Революция, которую Валентина практически не помнила. Тогда она была совсем маленькой: ей исполнилось всего десять, а сейчас — ого! — целых тринадцать. Из тех времен она помнила только ощущение легкого, но постоянного голода да еще то, что все вокруг было серым и грязным, и мама с папой шепотом ругались на кухне, когда думали, что она спит, а ее младший брат Тровер ночами напролет тоненько, визгливо кричал, и от этого крика сама Валентина тоже постоянно злилась.

Новый кинотеатр был великолепен. Он казался Валентине лучшим из всех виденных ею чудес. Она и другие девочки забрались на один из подъемных балконов и нажимали кнопки до тех пор, пока он не взмыл вверх (ах, как громко они завизжали при этом!) и не причалил к определенному месту под самым куполом. Правда, с такой высоты смотреть на экран было не очень-то удобно, зато они могли считать лысины на головах Героев Революции, которые сидели на почетных местах внизу и серьезно кивали друг другу в ожидании фильма, или подсматривать за мальчишками, которые плевали вниз комочками жеваной бумаги. Разумеется, подобные шалости заслуживали самого

серьезного порицания, однако никакого вреда они не приносили: стремительные роботы-уборщики, парившие под куполом, перехватывали «снаряды» на лету, так что ни один из них не достиг цели и не потревожил зрителей.

Сами фильмы Валентине не особенно понравились. Первый из них и вовсе был посвящен Революции — уж о чем о чем, а об этом Валентина знала достаточно. Во-первых, в школе только об этом и говорили. Во-вторых, ее родители... Сколько раз они усаживали ее перед компьютерным экраном, чтобы «рассказать о Революции», по всей видимости полагая это своим священным долгом и обязанностью непосредственных участников событий.

Это, впрочем, был далеко не худший вариант, потому что на самом деле родители не столько рассказывали, сколько играли с ней в образовательную компьютерную игру, в которой Валентина уже довольно неплохо ориентировалась. Во всяком случае, она сразу узнала показанный в фильме Город — он мало чем отличался от виртуальной модели дореволюционного города, который она видела в игре, разве что текстура была немного другой. По игре ей была знакома и танцующая походочка персонажей, и батальные сцены, и даже внушающие ужас зомби, появление которых в конечном счете и привело к Революции.

Как и большинство сверстников, Валентина не сомневалась: без зомби Революция никогда бы не совершилась. Зомбизм был болезнью, необходимость борьбы с распространением которой в конце концов стала доминирующим фактором, перевесившим все остальные соображения. Три правительства обещали горожанам снизить цены на лекарства от зомбизма — и все три не сдержали слово, наткнувшись на упорное сопротивление фармацевтической компании. Дело дошло до того, что однажды зомби ворвались на заседание кабинета министров, разорвали на куски троих членов парламента и заразили еще семерых. После этого разъяренная толпа простых граждан выволокла женщину-премьера из ее кабинета, посадила в бочку, в стенки которой были вбиты стальные гвозди остриями внутрь, и, скатив эту бочку к набережной, бросила в реку. Ужасная смерть, но Валентина не могла о ней не думать, как невозможно не трогать кончиком языка больной зуб.

После этого и началась Революция, в ходе которой кабинет возглавил новый премьер-министр, честно пытавшийся снизить цены на лекарства от зомбизма — хотя и без особого успеха. Ему на смену пришел другой премьер, который вместо переговоров с фармацевта-

ми взял да и построил в Городе несколько государственных фармацевтических заводов, производивших огромное количество дешевых таблеток, вакцин и шприцев. Этот момент стал переломным; впоследствии производство других жизненных благ было только вопросом времени — причем очень небольшого времени. Довольно скоро все необходимое стало производиться непосредственно на месте: появились дешевые матрикаты фильмов, музыкальных записей, тех же лекарств, жилых зданий, автомобилей и всего остального. Это и была истинная Революция, которая, как считала Валентина, оказалась в общем-то неплохой штукой для всех, если не считать несчастной женщины-премьера, посаженной в бочонок с гвоздями, да нескольких аптечных магнатов.

Второй фильм оказался намного лучше, и Валентина с Лизой, ее лучшей подругой на этой неделе, обняли друг друга за плечи и смотрели на экран как зачарованные. В фильме рассказывалось о женщине, которая любила сразу двух мужчин. Мужчины, понятно, терпеть друг друга не могли и постоянно дрались. Кроме драк в фильме было много страстных поцелуев, виртуозных ругательств, а также роскошных нарядов, при одном взгляде на которые у девочек дух захватывало. Звук, правда, был дублирован, но это не имело особого значения, так как озвучивавшие героев актеры превосходно справлялись со своим делом.

После второго сеанса Валентина и ее подруги опустили платформу-балкон и отправились к буфету, где по случаю открытия сияющие владельцы кинотеатра бесплатно раздавали зрителям шоколад, тройные сэндвичи, пирожки с рыбой, бутылки с темным пивом для взрослых и жестянки с бузинной шипучкой для детей. В буфете Валентина заметила одного симпатичного мальчика, который ужасно нравился Лизе. Он как раз проходил мимо, и Валентина, воспользовавшись случаем, так ловко подставила ему ножку, что он буквально упал в Лизины объятия. Это было ужасно смешно, и подруги так хохотали, что едва успели вернуться на свои места.

Но только начался третий фильм, как изображение на экране замерло, в зале вспыхнул свет и на сцену перед экраном поднялся один из владельцев кинотеатра. В руках он держал мобильный телефон, который, похоже, был каким-то образом подключен к звукоусилительной аппаратуре кинотеатра.

— Прошу вашего внимания, товарищи! — сказал он. — Нам только что сообщили: Город подвергся нападению наших заклятых врагов. Они уже бомбили Восточный квартал, много наших сограждан погибло. В ближайшее время ожидается еще одна бомбардировка...

Все, кто сидел в кинотеатре, заговорили одновременно, но это были не осмысленные слова, а, скорее, шум, который предшествует панике. Валентина захотела заткнуть уши ладонями, но не посмела.

— Спокойствие, товарищи!.. — снова крикнул в микрофон владелец кинотеатра. На вид ему было чуть больше шестидесяти, и несмотря на то, что часть волос у него на голове была имплантирована, в облике было нечто, что выдавало в нем старого бойца, закаленного Героя Революции, пережившего мрачную эпоху зомби. Один или два пальца на его руке, явно сломанные во время пыток в застенках тайной полиции, торчали под неестественным углом, а дряблая кожа под подбородком свободно болталась, свидетельствуя о пережитом голоде. — Пожалуйста, сохраняйте спокойствие! Если в ваших домах есть бомбоубежища и они находятся меньше чем в десяти минутах ходьбы отсюда — отправляйтесь туда. Если в ваших домах нет убежищ или вам понадобится больше десяти минут, чтобы туда вернуться, вы можете разместиться в бомбоубежище кинотеатра, хотя оно и не очень большое. Чтобы предотвратить давку, балконы будут опускаться по очереди. Когда балкон, на котором вы находитесь, окажется на земле, постарайтесь покинуть его спокойно, но быстро, чтобы как можно скорее добраться до убежища.

Лиза крепко стиснула руку Валентины.

— Что мне делать, Валя?! До моего дома больше десяти минут, но если я останусь, мои родители сойдут с ума. Мама этого точно не переживет! Что она подумает?!..

— Она подумает, что ты со мной, в безопасности, — ответила Валентина, в свою очередь обнимая подругу. — Или, если хочешь, я останусь здесь, с тобой, и пусть мои папа и мама тоже волнуются!

В конце концов девочки отправились к бомбоубежищу вместе. Бледные и молчаливые, они шагали в медленно текущей толпе, которая спускалась по лестницам сначала в цокольный этаж, затем в подвал, потом в расположенное еще ниже убежище. На входе в него еще один старый Герой Революции раздавал противогазы. Когда подошла очередь девочек, старику пришлось отправиться в кладовую, чтобы отыскать противогазы детского размера, а Валентина с Лизой остались ждать, пока он вернется.

— Эй, Валька, Валя!.. Ты зачем здесь? Отправляйся-ка домой и не занимай чужое место!.. — крикнула ей Тина, еще одна девочка, с которой Валентина дружила на прошлой неделе. От крика лицо Тины покраснело и стало ужасно некрасивым. — Эта девчонка живет в доме напротив! — продолжала выкрикивать она, показывая на свою

бывшую подругу пальцем. — Видите, какая эта Валька эгоистка?! Только о себе и думает! У них в доме есть свое убежище, но она не хочет туда идти. Она будет занимать место здесь, а ее товарищи пусть остаются на улице, под бомбами!..

Герой, вернувшийся с коробкой детских противогазов, жестом велел Тине замолчать и сурово посмотрел на Валентину.

— Это правда, девочка? — спросил он.

— Моя подруга боится, — объяснила Валентина, крепче сжимая дрожащие плечи Лизы. — Я хотела бы остаться с ней.

— Ступай домой, — сурово сказал Герой Революции, убирая один из детских противогазов обратно в коробку. — Ничего с твоей подругой не случится. Вы увидите снова, как только дадут отбой воздушной тревоги. А теперь поторопись, не задерживай очередь!..

Голос и вид у него были такими, что Валентина поняла: спорить бесполезно. Повернувшись, она стала медленно подниматься по лестнице. Ее то и дело толкали люди, направлявшиеся в убежище под кинотеатром, но в конце концов Валентина оказалась на улице. Ее дом действительно был совсем рядом, но вместо того, чтобы бежать к нему со всех ног, она замерла в нерешительности. Город, который Валентина знала с детства, изменился самым разительным образом всего за несколько минут. Улицы, в этот час обычно оживленные и шумные, словно замерли в напряженном ожидании и были совершенно безлюдны. Воздушные экипажи куда-то исчезли, и над мостовыми повисла тишина, от которой даже немного звенело в ушах — так бывает, когда включишь музыку в радионаушниках чересчур громко. Это было настолько странно, что с губ Валентины сорвался короткий смешок. Но нет, не смешно было Валентине, а страшно!..

Она постояла еще несколько секунд и вдруг услышала какой-то звук, похожий на далекий гром. Секунду спустя откуда ни возьмись налетевший ветерок легко коснулся ее кожи. Следом за первым дуновением ветра налетел настоящий шквал, сначала пронизывающе ледяной, а потом — горячий, словно вырвавшийся из раскаленной духовки. Он едва не сбил Валентину с ног, но главное было не в этом. Главное — он нес с собой запах чего-то мертвого и одновременно смертоносного, и Валентина метнулась к своему дому. Но не успела она добраться до двери подъезда, как раздался еще более громкий удар, и Валентина почувствовала: какая-то сила отрывает ее от земли, швыряет в воздух и переворачивает вниз головой. Казалось, все вокруг пришло в движение, закружилось, но Валентина успела увидеть, как великолепный алый купол кинотеатра треснул и разлетелся на

миллион осколков, которые дождем посыпались на мостовую. Потом все та же сила бросила ее вниз, и больше Валентина ничего не помнила.

* * *

На следующий день после начала осады врач вживил Валентине миниатюрный слуховой аппарат и велел приходить для замены батарейки лет через десять. Она едва почувствовала, как крошечное устройство скользнуло под кожу, однако как только оно оказалось там, окружающие звуки, которые после взрыва Валентина слышала словно сквозь толстый слой ваты, приобрели прежнюю отчетливость и даже стали еще более ясными — совсем как в кинотеатре.

Теперь, когда к ней вернулся слух, Валентина снова могла разговаривать. Первым делом она схватила отца за руки и воскликнула:

— О, папа, кинотеатр!.. Я сама видела — там было столько людей! Бедные, бедные, что с ними стало?!..

— Спасательная команда разобрала завалы и вскрыла убежище через десять часов после атаки, — ответил отец. Он никогда не скрывал от дочери правду и не старался ее подсластить, хотя маме и не нравилось, что отец разговаривает с Валентиной как со взрослой. — Половина людей задохнулась от недостатка воздуха — насосы и вентиляционные шахты были повреждены, и убежище оказалось наглухо закупорено. Все, кто остался в живых, находятся сейчас в больнице.

Валентина не смогла сдержать слез.

— Бедная, бедная Лиза!.. — всхлипывала она.

Мать взяла ее за плечо.

— С Лизой все в порядке, — сказала она. — Твоя подружка жива. Она сама просила, чтобы мы сказали тебе об этом, как только сможем это сделать.

Услышав эти слова, Валентина заплакала еще сильнее, но теперь она улыбалась сквозь слезы, и Тровер, сидевший у матери на коленях, озадаченно поглядел на нее. Казалось, он не знал, то ли ему заплакать вместе с сестрой, то ли промолчать, и Валентина машинально пощекотала ему животик кончиками пальцев. Уловка сработала: малыш заулыбался, совершенно забыв о том, что еще недавно он был готов поднять рев.

Из поликлиники они отправились домой пешком, хотя путь был неблизкий. Метро не работало, автомобили по-прежнему оставались прикованы к земле. Многие дома, мимо которых они проходили, превратились в груды щебня и стеклянных осколков, и бригады роботов

копошились в развалинах, разбирая завалы, чтобы попытаться восстановить здания. Валентина смотрела на них и гадала, как долго продлится война...

Только на следующий день она узнала, что под развалинами кино-театра погибла Тина. Эта новость настолько потрясла Валентину, что ее вырвало. Кое-как умывшись, она убежала в свою комнату, заперлась на замок и плакала, уткнувшись лицом в подушку, до тех пор пока не заснула.

* * *

Через три дня после начала осады мама ушла на фронт.

— Не смей!.. — кричал ей отец. — Ты спятила, женщина? Ведь у тебя двое маленьких детей!

Его лицо побагровело от гнева, кулаки сжимались и разжимались. Тровер ничего не понимал, но вопил так, что Валентине захотелось вырвать из-под кожи слуховое устройство и растоптать. Глаза у мамы тоже были красны́, но голос звучал твердо.

— Я должна, Гаральд, и ты сам отлично это знаешь. Ведь я ухожу не просто на фронт — я иду защищать наш родной Город. Я нужна Городу, нужна моим согражданам. Что станет с нашими детьми, если никто не будет сражаться за них?

— А мне кажется, ты просто любишь воевать, — сказал папа с горечью. — Ты, как наркоманка, настолько привыкла к борьбе, что уже без этого не можешь.

Мама шагнула вперед и сунула ему под нос левую руку.

— Я — наркоманка?! Вот значит, как ты обо мне думаешь?.. — Мизинец и безымянный пальцы на ее левой руке были изувечены и не разгибались до конца. На памяти Валентины так было всегда. Когда она спросила у матери, отчего это, та произнесла страшное слово — «костоломы». Так раньше называли полицейских.

— По-твоему, я к *этому* привыкла, да, Гаральд? Нет, я иду сражаться, потому что не забыла, что такое честь, мужество и любовь к родине, хотя ты, наверное, думаешь, что эти качества давно вышли из моды. И я не допущу, чтобы из-за твоей трусости наши дети оказались опозорены. Я иду сражаться за всех нас, Гаральд! И за тебя, между прочим, тоже...

Папа не нашелся с ответом и молчал почти целую минуту. Тем временем мама крепко поцеловала детей в лоб и вышла из квартиры, захлопнув за собой дверь. Папа, Валентина и все еще всхлипывавший Тровер остались сидеть неподвижно. По щекам отца катились слезы,

но он даже не пытался их скрыть. Наконец папа вытер глаза кулаком и спросил с деланной веселостью в голосе:

— Ну-с, кто хочет блинов с вареньем?..

Но электричество выключили еще утром, поэтому им пришлось довольствоваться размоchenными в молоке кукурузными хлопьями.

* * *

Прошло две недели после начала осады. Накануне вечером мама не вернулась домой, и Город пришел за папой.

— Все взрослые обязаны сражаться, товарищ! Нам нужна каждая пара рук!

— Но у меня дети!.. — взорвался Гаральд. Уже не в первый раз мама не приходила домой ночевать, и он буквально извелся от беспокойства, хотя в последнее время они почти не разговаривали друг с другом.

— Ваша девочка уже достаточно взрослая, чтобы позаботиться о себе и о брате. Правда, детка? — Женщина из городского комитета обороны была невысокой и грузной, к тому же на ней был тяжелый бронежилет. На десятый этаж, где располагалась квартира Валентины, ей пришлось подниматься пешком, так как лифт в доме теперь почти никогда не работал, и ее лицо стало багровым от гнева и усилий.

Валентина прижалась к отцу и обхватила руками его ногу.

— Мой папа готов сражаться! — заявила она. — Ведь он тоже Герой!

Она не преувеличивала. Гаральд тоже участвовал в Революции и даже был награжден какой-то медалью. Иногда, когда дома никого не было, Валентина потихоньку доставала родительские награды и разглядывала яркие многоцветные ленточки и затейливые надписи, сделанные крошечными выпуклыми буквами на блестящих бронзовых кружочках.

Женщина из городского комитета обороны бросила на папу многозначительный взгляд, который, казалось, говорил: «Стыдно вам отказываться! Ребенок — и тот понимает!..». Валентина, таким образом, как бы сделалась союзницей толстой женщины, но никаких угрызений совести по этому поводу не испытывала. Ведь у Лизы воевали и папа, и мама; почему же у нее должно быть по-другому?

Ее отец тяжело вздохнул.

— Я должен оставить записку жене, — сказал он, сдаваясь. Только теперь Валентина поняла, что впервые в жизни будет предоставле-

на самой себе, и мысль об этом наполнила ее нетерпением и восторгом.

* * *

Еще через сутки — ровно через пятнадцать дней после начала осады — домой вернулась мама, и в тот же день Город пришел за Валентиной.

Мама казалась угрюмой и подавленной, а лицо ее почернело от нечеловеческой усталости. Кроме того, передвигаясь по кухне, чтобы приготовить детям овсяные хлопья с сухофруктами на воде (все молоко в выключенном холодильнике испортилось), она слегка приволакивала ногу. Тровер, сидя на полу, с любопытством поглядывал на нее, словно не узнавая, но когда один раз он попался ей на пути, мать рывкнула на малыша — дескать, не путайся под ногами и садись за стол. Тровер завопил (Господи, как же этот противный мальчишка умел орать!), но в его криках слышалось чуть ли не облегчение — наконец-то он признал в этой незнакомой тете родную мать.

Он кричал и кричал, и в конце концов мама и Валентина сели за стол вдвоем.

— Где отец? — спросила мама.

— Он сказал — они копают вокруг Города рвы и траншеи, строят, как их... блиндажи. Вчера они занимались этим целый день.

Глаза матери чуть заметно блеснули.

— Это хорошо. Нам очень нужны траншеи и надежные блиндажи. Сначала мы укрепим Город, а потом прокопаем ходы до самых вражеских позиций, чтобы незаметно приближаться и наносить удары. Мы будем убивать их и отходить, пока они не опомнились! — сказала она, очевидно, позабыв, что никогда раньше не разговаривала с Валентиной, как со взрослой. Впрочем, теперь изменилось многое, и не только это.

Именно в этот момент в дверь постучали, и мама пошла открывать. То была уже знакомая Валентине толстая женщина из городского комитета обороны.

— Нам нужна ваша девочка, — начала она, слегка отдышавшись.

— Нет, — твердо ответила мама. Ее голос звучал невыразительно, но твердо, так что каждому было ясно: никаких возражений она не потерпит. Подобный тон она усвоила еще в детстве, когда управлялась со своими девятью братьями, дядьями Валентины, которых разматало теперь по всему свету. Во время Революции мама командовала целым эскадром, и никто никогда не осмеливался ей перечить.

Валентина, во всяком случае, не сомневалась, что ни один человек в мире не сможет переспорить ее маму.

— Что значит — «нет»?.. — удивилась женщина из комитета обороны. — Ни о каких «нет» не может идти речи, товарищ!

Мама резко выпрямилась.

— Мой муж копает оборонительные рвы. Я сражаюсь. Моя дочь присматривает за младшим братом. По-моему, наша семья вносит достаточный вклад в дело обороны Города.

Женщина покачала головой.

— Водопровод работает плохо, а во многих домах — и в вашем, кстати, тоже — остались пожилые люди, которым не под силу спускаться во дворы и качать воду из колонки, а потом подниматься с ведрами на свои этажи. Им нужно носить воду, и мы решили, что эту важную работу можно поручить детям и подросткам. Ваша девочка уже достаточно взрослая и достаточно сильная — она справится. Что касается младшего мальчика, то вы можете отдать его в ясли, которые открылись в подвале вашего дома. Там ему будет хорошо.

— Нет, — снова сказала мама. — Прошу меня извинить, товарищ, но я решительно возражаю...

Женщина ушла, а мама снова села за стол и, не прибавив больше ни слова, принялась за водяную овсянку. Но четверть часа спустя в дверь снова постучали. Женщина из городского комитета обороны привела с собой старого Героя Революции, одноглазого и однорукого. Поздоровавшись, он назвал маму по имени, и та ответила ему четким военным салютом. Потом Герой шепнул ей на ухо несколько слов, и мама, кивнув, снова отдала честь. Потом Герой и толстая женщина ушли.

— Завтра начнешь носить воду, — сказала Валентине мать.

Валентина не возражала. Для нее это была возможность выбрать-ся из квартиры. Одного дня, проведенного с капризным братцем, оказалось достаточно, чтобы убедить ее: самая тяжелая и неблагодарная работа стократ лучше, чем нянчиться с этим крикуном.

Носить воду Валентина начала с самого утра. Она думала, что будет ходить по этажам с коромыслом на плечах, как это нарисовано в школьном учебнике, но вместо коромысла с ведрами ей выдали костюм-пузырь, который наполнялся водой из пожарного шланга. Костюм довольно удачно распределял вес по всему телу, благодаря чему Валентина могла переносить столько воды, сколько весила сама. На лестницах и в подъездах она встречала других детей, одетых в такие же, как у нее, раздутые костюмы-водоносы. Хлюпающая и булькающая при

каждом шаге, они поднимались в квартиры одиноких пожилых людей, где стоял какой-то странный запах, тревоживший Валентину. Впрочем, старики и старухи, которым она приносила воду, встречали ее приветливыми улыбками, трепали по щеке или по плечу, а потом подставляли под сливной кран банки и кастрюли.

Несмотря на замечательные свойства костюмов, работа эта оказалась изматывающе тяжелой, так что уже к полудню Валентина выбилась из сил и перестала обмениваться с другими детьми хотя бы одним-двумя словами. Да и старики, которым она носила воду во второй половине дня, были гораздо менее любезны — ведь им пришлось просидеть весь день одним, страдая от одиночества, жажды и тревоги. Они уже не улыбались Валентине; напротив, разговаривали с ней довольно резко, и ни один не сказал ей даже «спасибо».

Когда поздно вечером Валентина зашла в ясли за Тровером, он раскапризничался и потребовал, чтобы она взяла его на ручки и отнесла домой. Эта просьба так рассердила Валентину, что она чуть не спихнула братца с лестницы. Но, поглядев на лицо Тровера, увидела у него под глазом свежий синяк. Щеки и руки малыша были грязными и липкими, и девочка поняла: у него сегодня тоже был нелегкий день.

Когда они наконец добрались до своей квартиры, мама и папа все еще не пришли, и Валентина сама взялась готовить ужин. Это, впрочем, оказалось нетрудно, поскольку на ужин у них была все та же каша на воде да еще немного кислой капусты и моченых яблок, которые хранились на холоде в вывешенном за окно пластиковом мешке. Родители все никак не возвращались, так что в конце концов Валентина уложила Тровера в кроватку и легла сама.

* * *

Однажды вечером — примерно через месяц после начала осады — мать Валентины вернулась домой в слезах.

— Что случилось, мама? — спросила Валентина как только та появилась дверях. — Тебя опять ранили?

За прошедший месяц мама уже не раз возвращалась домой с забинтованной рукой или ногой, со свежими царапинами и порезами на открытых частях тела, с лоснящимся от противоожоговой мази лицом. Иногда она сухо кашляла и никак не могла остановиться, и Валентина знала, что горло и легкие мамы обожжены каким-то едким химическим веществом.

В этот вечер глаза у мамы распухли совсем как тогда, когда после внезапной газовой атаки противника роботам пришлось оперировать

ее в полевых условиях, чтобы спасти зрение. Но сейчас на веках и в уголках ее глаз не видно было свежих хирургических швов. Глаза мамы распухли от самых обыкновенных слез.

— На восточном участке фронта появились новые ракеты, которые рушат наши траншеи и ходы сообщения. Наши ракеты-перехватчики слишком медлительны и не успевают поразить все цели... — Она всхлипнула. Это был жуткий, неестественный звук, какого Валентина еще никогда не слышала — во всяком случае от матери. — Эти гады покупают у Европейского сообщества и Соединенных Штатов новейшее вооружение, потому что все они заодно. Нас же считают негодьями и ворами, из-за которых они недополучают львиную долю своих процентов!..

Валентина действительно слышала, что Америка и Европейский союз приняли сторону их врагов, тогда как русские, корейцы и бразильцы поддерживали Город. Таковы были слухи, которые витали повсюду — в очередях у водораздаточной колонки, на улицах и в квартирах стариков, которые больше не трепали ее по щеке, а норовили поговорить о войне и о врагах, пришедших, чтобы снова вернуть их в мрачное, почти позабытое прошлое.

— Скажи, тебя ранили?.. — снова спросила Валентина, но мать не ответила. Закрыв лицо руками, она зарыдала так громко, что заглушила даже вопли Тровера, который проснулся и завыл, едва только мама переступила порог.

Мамины плечи тряслись. Она всхлипывала и глотала слезы. Но вот она отняла от лица мокрые, натруженные руки и вытерла о штанины своего парашютного комбинезона. Потом она привлекла Валентину к себе и прижала так крепко, что девочке показалось — у нее хрустнули ребра, которые день ото дня все сильнее натягивали кожу на боках.

— Они убили твоего отца, Валя!

Валентина на мгновение замерла, потом резким движением вырвалась из материнских объятий.

— Нет, — ответила она с ледяным спокойствием в голосе. — Это неправда. Мой папа копает траншеи далеко от линии фронта. Там безопасно. С ним не может случиться ничего плохого!

С самого начала — с того самого момента, когда после своей маленькой патриотической речи мать шагнула за порог квартиры — Валентина была внутренне готова к тому, что на фронте погибнет именно мама, а не отец. Она относилась к этому факту, как к чему-то предопределенному, но, приняв его в душе, старалась думать о нем как

можно меньше. С другой стороны, каждый раз, когда Валентина заглядывала в будущее, она видела в нем папу, себя и Тровера — Героев войны, которая, конечно же, скоро закончится, и даже представляла, как они втроем будут четыре раза в год ходить на могилу матери, как еще совсем недавно они посещали мемориал Героев, павших в годы Революции.

Но война все не кончалась, и Город продолжал нести гигантские потери. Только на улице, где жила Валентина, были полностью разрушены три многоэтажных здания. Предупреждение о воздушном нападении в тот раз почему-то не прозвучало, и все, кто находился в домах, оказались погребены под развалинами. Валентина от души жалела всех, кто погиб в Городе и на фронте, однако понять, почему ее мать все живет и живет, когда столько людей погибает ежедневно, она не могла.

— Нет, — снова сказала она. — Ты ошиблась.

— Но я сама видела тело! — голос матери неожиданно сорвался на визг. В этот момент она была очень похожа на Тровера, когда тот устраивал очередной «концерт». — Он мертв, Валя!.. Я держала в руках его голову!

Смысл последних слов матери до Валентины, к счастью, не дошел, однако ей все равно не хотелось оставаться в квартире и слушать мать дальше. Резко повернувшись на каблуках, она выскочила из квартиры и бегом спустилась на улицу.

На мостовой лежал снег. Мокрый снег сыпался и с холодного ночного неба; подхваченный пронизывающим, ледяным ветром, он несся вдоль улиц, сек кожу на щеках, залеплял глаза. Валентина сразу замерзла, но возвращаться домой за зимним пальто, которое все равно было ей мало, не хотелось. Она была уверена: стоит ей показаться на пороге, как мать снова начнет нести околесицу о том, что папу якобы убили.

На первом же перекрестке Валентину остановил какой-то мужчина. Он сказал, что она нарушает приказ о комендантском часе и что ей следует немедленно вернуться домой, иначе ее могут застрелить. Дрожа от холода, Валентина выслушала незнакомца и, не обратив никакого внимания на его слова, зашагала дальше. Никакой особой цели она не преследовала — девочка просто шла, куда глаза глядят. Это было все же лучше, чем возвращаться домой или торчать на перекрестке и слушать всякий бред.

Через дверь кафе на соседней улице Валентина увидела нескольких солдат, которые пили вино или, может быть, что-то более креп-

кое. Заметив ее, они замахали руками, усиленно зазывая к себе; при этом они выкрикивали такие слова, которые обычно не полагается знать маленьким девочкам, однако Валентина хорошо понимала, что они означают. К этому времени она промерзла буквально до костей и вдобавок промочила ноги; все ее тело сотрясала крупная дрожь, с которой ей никак не удавалось справиться. Но домой она идти по-прежнему не могла, а ее папа был...

Валентина побежала.

Сначала она бежала по улицам, но потом кто-то крикнул ей, чтобы она остановилась, и Валентина, боясь, что сейчас в нее начнут стрелять, свернула в развалины разбомбленного дома. С огромным трудом преодолев груды щебня и обломков, она оказалась на одной из старых городских улиц, сохранившихся еще с дореволюционных времен. Кривая, грязная и вонючая, она была застроена покосившимися темными домами, которые еще не успели снести. Как ни странно, все они были целехоньки: сюда не попала ни одна бомба, и Валентина спросила себя — может, враги специально оставили эту улицу в качестве образца, наглядного примера того, каким должны сделать свой Город обороняющиеся, если хотят остаться в живых?

Валентина все бежала. С одной улицы она сворачивала на другую, петляла по переулкам и аллеям и остановилась, только когда оказалась в тупике. Бег немного согрел ее, и она перестала дрожать, но грудь буквально разрывалась от недостатка воздуха, а колени подгибались от усталости. Сначала это удивило ее, но потом Валентина поняла, что за последние несколько недель, проведенных на диете из кислой капусты и холодных каш на воде, она очень ослабла и не может больше бегать, как раньше.

Прошло еще сколько-то времени, и холод снова дал о себе знать. Вокруг царил полный мрак — окна в домах были затемнены глухими занавесками и портьерами, сквозь которые не пробивался ни один, даже самый тонкий луч света. Снег прекратился, но плотные серые облака по-прежнему закрывали луну, и в Городе было темно и холодно, как в ледяной пещере глубоко под землей.

В конце концов Валентина не выдержала и заплакала. Она не плакала уже очень давно — наверное, с тех самых пор, когда погибла Тина. Эта девочка ей вовсе не нравилась, но узнать, что человек, с которым ты виделся и разговаривал всего несколько дней назад — мертв, было невероятно тяжело. Тяжело и страшно, словно ты сам немножечко умер.

Валентина все еще всхлипывала, когда ее нашел Волшебник. Он вышел из стылого ночного тумана, держа в руке крошечный фонарик размером с горошину, который он к тому же прятал в ладони, чтобы скрыть большую часть света. На вид он был не старше Валентинино-го отца, но лицом больше напоминал маму. Такие лица бывают у людей, которые прошли страшные испытания, но, уцелев физически, все же утратили что-то очень, очень важное. Одет он был как в мирное время — в красивую, яркую одежду, да и в глазах его не видно было голодного блеска, который появился последнее время у всех жителей Города.

— Эй, кто здесь?.. — спросил Волшебник и опустил на корточ-ки, чтобы посмотреть Валентине в глаза. — Откуда ты взялась, девоч-ка? Ой-ой-ой, а почему мы плачем?

Валентина терпеть не могла, когда взрослые обращались к ней по-кровительственным тоном, а голос Волшебника звучал так, словно он был абсолютно уверен — у детей просто не может быть по-настояще-му серьезных причин для слез.

— Мой папа погиб сегодня на войне! — сердито сказала она. — Он копал траншеи и...

— А-а, американские противоблиндажные ракеты!.. — произнес Волшебник и с пониманием кивнул. — Готов спорить, сегодня мно-гие дети потеряли своих пап!

Это заставило Валентину перестать плакать. Многие дети, сказал он... Значит, погиб не только ее папа, но и много других отцов. И ма-терей тоже...

— Вот что мы сделаем, — продолжал тем временем Волшебник. — Сейчас мы тебя почистим, оденем, покормим и отправим домой. Идет?

Валентина с подозрением глянула на него исподлобья. О незна-комцах, которые вот так, за здорово живешь, приглашают тебя домой и обещают накормить, она знала все. Но, с другой стороны, она замерзла, заблудилась да и голод давал о себе знать.

— Моя мама — Герой Революции и солдат, — сообщила она на всякий случай. — Она убила много людей!

Волшебник кивнул.

— Я буду иметь это в виду, — сказал он.

Как выяснилось, Волшебник жил неподалеку, в старой части Го-рода, в довольно старом доме. Впрочем, старым он выглядел только снаружи; внутри дом был настолько новым и современным, насколь-ко вообще возможно. Стены комнат были красиво изогнуты, а новая,

яркая мебель выглядела так, словно ее сматрицировали («напечатали» — как говорили в мирное время) только сегодня. А еще здесь было очень много света, яркого электрического света, который в доме Валентины включали дважды в день, да и то очень ненадолго.

Еды тоже было много. Волшебник дал ей гамбургеров, шипучки из бузины, горячих котлет из настоящего мясного фарша и огромных пирожков с гусиной печенкой величиной с Валентинин кулак. Его домашние роботы — а их было немало — стайкой следовали за хозяином, готовили пищу, мыли и убирали тарелки, вытирали с пола мокрые следы башмаков. Еще у самого порога, когда Волшебник помог Валентине снять куртку, вокруг нее сразу заплясали хорошо знакомые разноцветные лучи измерительных лазеров. Такие устройства она видела в магазинах одежды, куда ходила вместе с мамой. К окончанию ужина ее уже ждали две пары новых брюк, два шерстяных свитера, теплое зимнее пальто, три пары белоснежных хлопчатобумажных панталон (ее прежние панталоны посерели, как только она начала стирать их, вместо того чтобы «печатать» новые каждое воскресенье) и даже...

— Лифчик?!.. — Валентина посмотрела на Волшебника. В руке у нее был нож, которым она резала гамбургеры. — Я тоже умею убивать, — добавила она и нахмурилась как можно свирепее. — Мама меня научила.

Лицо Волшебника покрывала сеть неглубоких морщин, словно когда-то он много смеялся, поэтому даже теперь, когда он испугался (*должен* был испугаться!), Валентине показалось — он вот-вот расхохочется.

— Я тут ни при чем! — возразил Волшебник, умиротворяющим жестом поднимая обе руки. — Просто измерительное устройство так запрограммировано. Если оно считает, что тебе нужен лифчик — оно «печатает» лифчик.

Валентина знала, что ее подруга Лиза уже использует этот предмет туалета. Когда-то лифчик служил для них своеобразным символом «взрослости», но сейчас Валентина на многое смотрела по-другому. Она, во всяком случае, не стала бы напивливать лифчик только для того, чтобы казаться взрослее. Впрочем, спускаясь и поднимаясь по лестницам с грузом воды, Валентина не могла не обратить внимание на определенные изменения, произошедшие с ее телом. В области груди как будто появился дополнительный жировой слой (хотя откуда бы ему взяться?), который колыхался и подпрыгивал при каждом шаге. То же самое Валентина чувствовала и когда бежала, однако до сих пор

ни о каких лифчиках не задумывалась. Быть может, если бы она увидела себя в зеркале... Но в зеркало она не смотрелась, наверное, с самого начала осады.

— Можешь переодеться в ванной, — предложил Волшебник.

Ванная комната была светлой, чистой, удобной — под стать квартире. В специальном держателе рядом с раковиной Валентина увидела шесть зубных щеток.

— Кто еще живет здесь? — строго спросила она, возвращаясь в гостиную в новенькой одежде. Лифчик она тоже надела, но ощущение было, мягко говоря, странным. Впрочем, возможно, к нему нужно просто привыкнуть.

— У меня много друзей, которые часто навешают меня в моем доме, — ответил Волшебник. — Надеюсь, и ты когда-нибудь заглянешь на огонек.

— А почему твоя квартира выглядит так, словно никакой войны вовсе нет?

— Я волшебник — вот почему, — объяснил он и подмигнул. — А волшебники умеют творить чудеса.

Пока они разговаривали, деловитые роботы упаковали лишнюю одежду в удобные водонепроницаемые пакеты с ручками, а потом помогли Валентине надеть теплое пальто с капюшоном.

— Матери скажешь, что встретила в Городе какого-то человека, который накормил тебя и дал смену одежды, — сказал Волшебник, открывая дверь. Потом он объяснил, как добраться до улицы в старой части Города, где до войны было множество частных магазинчиков. Оттуда Валентина могла бы дойти домой без всякого труда, к тому же на прощание Волшебник подарил девочке маленький фонарик.

— Ты не из нашего Города, — заключила Валентина.

— Верно, — подтвердил он. — Поэтому объясни маме, что по-встречала волшебника.

Валентина на мгновение задумалась, что скажет мама, если на вопрос «где ты была?» она ответит подобное.

— Лучше я скажу, что ты из Города, — проговорила она наконец.

— Вот и умница, — одобрил Волшебник.

* * *

Через неделю после гибели отца Валентина перестала носить воду.

— У нас мало еды, — сказала мать, когда они завтракали горсточкой сухофруктов. Запас овсяных и кукурузных хлопьев давно вышел.

— Если ты... — Она сглотнула и на мгновение отвернулась к окну: —

Если ты пойдешь копать траншеи, тебе будут выдавать сто пятьдесят граммов хлеба каждый день.

Валентина посмотрела на Тровера. В последнее время он был необыкновенно тих и совсем не скандалил. Хуже того — он не только не плакал, но и вообще почти не разговаривал.

— Хорошо, — согласилась она. — Я пойду копать траншеи.

И она стала копать.

Как-то вечером, примерно через полгода после смерти отца, Валентина стояла в очереди за хлебным пайком. В разгаре было жаркое лето, а одежда, которую дал ей Волшебник, развалилась еще весной, как разваливалась вся сматрицированная мануфактура. Теперь Валентина была одета в старые отцовские штаны, подвязанные прыгалками и обрванные почти у самых колен, и его же рубашку без рукавов и с оторванным воротником. Воротник она отрывала для того, чтобы во время работы неподвижный летний воздух хоть немного охлаждал тело и осушал пот, но, по правде сказать, никакого особого облегчения Валентина не чувствовала. Помочь мог только холодный душ, но об этом не приходилось и мечтать — воды в Городе было мало, и в конце рабочего дня Валентина чувствовала себя грязной и смертельно усталой.

Кроме того, она просто голодала.

С матерью Валентина в последнее время почти не виделась. Та часто уходила на боевые операции, которые могли длиться неделями и были, конечно, очень опасными. Мама подолгу не появлялась дома, сражаясь с врагами вместе с партизанами и питаясь похлебкой из трав, сосновой коры и грибов. Впрочем, иногда ей удавалось подстрелить в лесу белку или птицу, которые сразу попадали в котел.

Тровер тоже все чаще оставался на ночь в яслях. Многие малыши ночевали теперь не дома: мало у кого из взрослых оставались силы, чтобы после целого дня на рытье рвов или двух-трех суток непрерывных боев в лесах под Городом тащить ребенка вверх по лестнице и нянчиться с ним.

Хлебные пайки выдавали на том же самом месте, где когда-то стоял новенький кинотеатр. Валентина знала, что он был именно здесь, но не помнила ни как он выглядел, ни какие фильмы они смотрели в тот день, когда началась осада. А вот Тину она вспоминала часто — и Тину, и ее слова, из-за которых Валентине пришлось покинуть бомбоубежище и отправиться домой. Похоже, Тина спасла ей жизнь, но Валентина не испытывала к ней никакой благодарности. Ей было немного жаль, что Тина погибла, но она все равно считала ее порядочной дрянью.

Впрочем, сейчас Валентина могла думать только о хлебе. Карточку на получение дневного пайка ей выдал мальчишка, который наблюдал за работами на их участке. Он был лишь немногим старше Валентины и в начальники попал только потому, что не мог копать: кисть его правой руки была раздроблена при бомбежке. Обычно мальчишка прятал руку в кармане, но однажды Валентине все-таки удалось увидеть, какая она: выглядела рука так, словно над ней как следует потрудились «костоломы» — пальцы торчали в разные стороны, мизинца и вовсе не было. Кроме того, с парнем случилось что-то вроде контузии: время от времени он замолкал на середине фразы и, запрокинув голову далеко назад, садился там, где стоял.

Но Валентина не обращала на это внимания. Главное, он всегда давал ей карточку, по которой получали хлеб. Тровера забирать из яслей Валентина почти перестала — она была уверена, что там его чем-нибудь покормят. А если мама и сегодня не придет домой ночевать, весь хлеб достанется ей...

И остатки капусты тоже.

* * *

Со дня гибели отца прошло восемь месяцев. Мама не возвращалась с фронта уже третью неделю, и Валентина, решив, что она погибла, стала спать в ее постели. Поначалу, правда, ей было очень грустно и одиноко; она даже плакала, но потом привыкла. Свою собственную кровать — узенькую, но красивую — Валентина решила продать соседке с нижнего этажа. Та готова была дать ей за кровать четыреста граммов хлеба и сорок граммов масла, а когда Валентина сказала, что этого мало, согласилась добавить сто граммов субlimированной говядины. В последнее Валентине, Впрочем, не особенно верилось.

Она так и не узнала, была ли у соседки говядина (откуда бы ей взяться, если не только кошки и собаки, но даже крысы давно были съедены?!). После трехнедельного отсутствия домой внезапно вернулась мама, которая, оказывается, лежала все это время в госпитале, где ей сращивали сломанные кости (эту операцию еще делали высшим офицерам и бойцам-ветеранам из числа Героев Революции). Когда мама бесшумно, как призрак, возникла на пороге, Валентина как раз кормила Тровера ужином. Увидев мать, девочка вскочила и открыла рот, но слова застряли у нее в горле. Мама была похожа на древнюю старуху, только в глазах горел прежний огонек. Да и двигалась она медленно, словно очень старая или смертельно усталая жен-

щина. Прихрамывая, она пересекла комнату и крепко, почти свирепо прижала дочь к груди. Валентина тоже обняла мать и застыла неподвижно. Они долго стояли не шевелясь и молчали; лишь некоторое время спустя Валентина осознала, что плачет. А еще через пару минут она вдруг почувствовала, что молчаливый маленький Тровер тоже выбрался из-за стола и обнимает их обеих. Как он вырос, слабо удивилась она. Казалось, всего несколько недель назад Тровер мог обхватить ее только за коленки, а теперь гляди-ка — дотягивается почти до пояса! И когда это он успел?..

Потом мама немного поела и приняла таблетку обезболивающего. Валентина знала, что когда-то давно все лекарства выпускались в виде таблеток; после Революции пришла эпоха матрицированных аэрозолей и одноразовых шприцов, но теперь таблетки, произведенные на восстановленных фармацевтических фабриках, снова получили широкое распространение. Лекарство это было довольно сильным. Прими несколько таблеток сразу и забудешь все трудности и проблемы, забудешь даже о голоде... Так, во всяком случае, говорили мальчишки с бегущими глазами, которых Валентина иногда видела на улице. Она старалась не обращать на них внимания и даже не глядеть в их сторону, но все равно не могла не слышать, как они расхваливают свой товар, хотя из осторожности им и приходилось говорить шепотом.

Было уже довольно поздно, поэтому после ужина мама легла на свою кровать и заснула. Валентина тоже устроилась на своей узенькой, девичьей кроватке, однако несмотря на то, что девочка была вымотана до предела, сон не шел. Под ее кроватью, завернутая в остатки пакета, полученного от домашних роботов Волшебника, лежала зимняя галоша Валентины (только одна, вторую украли прошлой зимой, когда она разулась, чтобы растереть онемевшие на морозе пальцы). В миске галоши был спрятан крошечный фонарик величиной с горошину. Валентина так и не решилась обменять его на хлеб, хотя он был очень красив и за него можно было получить, наверное, граммов сто. Сейчас она достала его и сунула в карман. В темной квартире его свет казался слишком ярким, поэтому Валентина включила фонарик только на улице, когда, бесшумно выбравшись в душную летнюю ночь, двинулась по грязным улицам по направлению к старой части Города.

* * *

Прошло девять месяцев после смерти отца. Осень ворвалась в Город грозным посланником зимы. Норма выдачи хлеба сократилась до

ста двадцати граммов; кроме того, в нем все чаще попадались мелкие камешки, которые, как было понятно всем, подмешивали в муку, чтобы увеличить вес пайки. Валентина очень страдала от голода, но в глубине души гордилась тем, что когда качество хлеба упало, то и она, и другие землекопы посылали проклятья врагу, а не родному Городу. Каждый знал, что и остальным живется не лучше. Защитники Города страдали и сражались вместе.

Но одной гордостью сыт не будешь, и муки голода с каждым днем становились все острее, все нестерпимее. А потом случилась беда. Отстояв очередь за хлебом, Валентина протянула в окошко карточку и, сжав в дрожащих пальцах крошечный кусочек, повернулась, чтобы тут же его съесть. Но не успела она поднести хлеб к губам, как какой-то мужчина — достаточно старый, чтобы быть ей отцом — выхватил у нее из рук драгоценный паек и бросился прочь.

Валентина помчалась за ним. Стоявшие в лавку женщины подняли крик, но ни одна из них не сдвинулась с места, боясь потерять очередь (случаи, когда хлеба на всех не хватало, последнее время повторялись все чаще). Валентина, подгоняемая голодом и отчаянием, мчалась как ветер, но вор, видимо, знал, что делал. Не пробежав и полусотни метров, он юркнул в развалины, и Валентина потеряла его из виду между грудami щебня и обломков. Бежать дальше не имело смысла, к тому же она слишком ослабла за последние несколько недель и скоро выдохлась. Опустившись на кучу битого кирпича, Валентина горько заплакала.

Именно тогда она впервые увидела зомби. Эту болезнь победили в первые послереволюционные годы, когда Валентина была еще совсем маленькой, но теперь поветрие вернулось снова. Зомби был одет в военную форму (скорее всего, бациллы зомбизма разносились над траншеями во время газовых атак), но его гимнастерка давно превратилась в грязные лохмотья и свободно болтались на худых, разновысоких плечах. Двигался он характерной дергающейся походкой танцора диско, которая была таким же верным признаком болезни, как раззявленный, слюнявый рот или бессмысленно выпученные глаза. Зомби, впрочем, были достаточно проворны, хотя, глядя на их расслабленную, приплясывающую походочку, в это трудно было поверить. И тем не менее факт оставался фактом: едва заметив (почувяв, услышав, ощутив) жертву, зомби превращались в скаковых лошадей, в борзых собак, которые не останавливались ни перед какими препятствиями в своем стремлении рвать на части, кусать и царапать. Подчас, терзая добычу, они выкрикивали бессмысленные фразы, составленные всего

из нескольких слов и свидетельствующие только об одном — о ненасытной, неконтролируемой ярости.

Заметив зомби, Валентина сразу перестала плакать и, как можно тише поднявшись с кучи битого кирпича, осторожно попятилась назад. Главное, не привлекать внимания, думала она. Валентина знала, что если она не станет шуметь, зомби, быть может, ее не заметит. Тогда она сможет отыскать кого-то из представителей власти и сообщить о появлении больного, и его обязательно вывечат — или, по крайней мере, попытаются это сделать. Так, она знала, делалось раньше.

Зомби, впрочем, и без того удалялся от нее, и все бы закончилось благополучно, если бы Валентина осталась на месте. Но на месте ей не сиделось — сдавали нервы. Кроме того, перед ней был зомби, а это было неправильно. Точно так же она чувствовала бы себя, если бы перед ней вдруг появился гигантский волосатый паук (впрочем, если бы Валентина увидела что-то гигантское и волосатое сейчас, она бы постаралась поймать это, чтобы отнести домой и сварить).

Она не споткнулась о кучу мусора и не задела ногой старую консервную банку. Она вообще едва дышала и двигалась совершенно бесшумно, но зомби все равно ее заметил. Взревев, тварь бросилась в атаку. В широко открытом рту сохранилось совсем мало зубов, но те, что еще остались, кровожадно поблескивали. Когда-то зомби был солдатом, и на нем были добротные солдатские башмаки, которые громко — хруп-хруп-хруп! — хрустели по гравию и стеклу. Взвизгнув от ужаса, Валентина побежала, хотя знала, что все бесполезно. Ей не спастись. Она слишком ослабела от голода, а те немногие силы, которые у нее еще оставались, она истратила на погоню за вором.

Валентина напрягала все силы, но топот тяжелых башмаков за спиной становился все громче и громче. Зомби стремительно сокращал разделявшее их расстояние, подбираясь все ближе и ближе, чтобы наброситься сзади. Вот рука твари опустилась ей на плечо, пытаясь вцепиться в ткань пальто, но Валентина вывернулась и прыгнула вперед — туда, где она заметила обломок металлического шеста, в мирное время служившего, вероятно, причальной мачтой для автомобилей или чем-то в этом роде. Но сейчас это было оружие. Схватив шест обеими руками, Валентина повернулась лицом к нападавшему.

Зомби сделал выпад, но Валентина ударила его железкой по руке — совсем как до Революции учителя били учеников по рукам линейкой. Что-то негромко хрустнуло, и зомби снова взревел. «Голодный, драться хлеб, убивать, все задницы!» — вот как это звучало. Одна его рука выбыла из строя и бессильно болталась вдоль тела, но второй ру-

кой зомби ухитрился схватить Валентину, а она не успела размахнуться, чтобы нанести второй удар. Зомби вцепился ей в волосы, и девочка почувствовала идущий от него запах. Тварь не воняла, и это было хуже всего. От нее исходил запах свежеевыпеченного хлеба. Запах цветов. Еще чего-то. В целом, очень приятный запах... Аппетитный.

Эти мысли промелькнули в каком-то дальнем уголке Валентинино мозга — промелькнули и тут же исчезли. Уже в следующее мгновение ее сознание затопила волна ужаса, смешанного с яростью. Валентина знала: вот сейчас зомби укусит ее, и все будет кончено. Через пару дней она сама превратится в зомби и будет нуждаться в медицинской помощи. Хорошо, если эту помощь ей сумеют оказать достаточно быстро, а если нет?.. Скольких человек она успеет перекусать, прежде чем ее вылечат?

Едва подумав об этом, Валентина перестала сердиться на зомби. В конце концов, этот бедняга ни в чем не виноват. Вместо этого, она разозлилась на врагов, осадивших ее Город. До сегодняшнего дня ее представления о противнике носили более или менее абстрактный характер, но сейчас она вдруг поняла: враги были такими же, как она, людьми, или лучше сказать, человеческими существами. Они способны страдать, как страдала она, и Валентина от всего сердца пожелала, чтобы на их головы обрушились самые страшные муки. Пусть их дети умрут от голода. Пусть погибнут их отцы и матери. Пусть их старики угаснут в мучениях в своих пустых квартирах, где нет ни тепла, ни воды.

Злость удесятирила силы. С яростным воплем Валентина попыталась оттолкнуть от себя зомби. Она пустила в ход руки, ноги и даже голову, с размаху ударив тварь лбом. Удар пришелся куда-то в скулу, и Валентина снова слышала сухой треск ломающейся кости. Зомби попятился, но Валентина знала: твари не чувствуют боли. Зато ей было хорошо известно, что у них нарушено чувство равновесия. Видя, что противник пошатнулся, она сделала выпад своей железкой, метя в коленку. Зомби повалился набок, но продолжал тянуться к ней здоровой рукой, и Валентина ударила снова. Сломав твари вторую руку, она с размаху опустила лом на белеющие под лохмотьями ребра. Потом настал черед лица, страшного, бессмысленного лица, которое продолжало идиотски скалиться на нее. Три удара подряд превратили его в настоящее месиво, а сломанная челюсть отвисла чуть ли не до груди.

Кто-то схватил ее за плечо. Валентина круто повернулась и едва не разможила голову еще одному солдату, который незаметно подошел

сзади. К счастью, это не был зомби. В руке он держал пистолет, и этот пистолет был направлен на нее. Валентина отбросила железный стержень с такой поспешностью, словно он был раскален докрасна, и подняла вверх руки.

Солдат грубо оттолкнул ее в сторону и опустился на одно колено рядом с зомби (с *солдатом*-зомби, подумала Валентина, стараясь сдерживать позывы к рвоте), которого она только что превратила в отбивную. Теперь она видела только спину военного, но от нее не укрылось, как часто он дышит и как напряжена его шея.

— Прошу вас, не надо... — проговорила Валентина. — Когда его вылечат от зомбизма, сломанные кости срастутся, и все будет в порядке. Я... Мне пришлось ударить его, иначе он бы меня убил. Или заразил. Я знаю, что поступила неправильно, но...

Здоровый солдат дважды выстрелил зомби в голову и повернулся. По его лицу текли слезы.

— От этой разновидности зомбизма нельзя вылечиться, — сказал он. — Зараженный человек неминуемо погибает. На это уходит неделя, иногда — чуть больше. Новый штамм вируса действует медленнее, чтобы больной успел заразить как можно больше других людей. Наши враги очень, очень изобретательны и хитры, дочка.

Он поднялся во весь рост и пнул тело ногой.

— Я знал его брата. Он служил под моим началом, пока его не засыпало в блиндаже, подорванном этой новой ракетой. Его отец и мать погибли во время бомбежки. Теперь вот и он мертв... Была семья, и нет семьи. — Слегка наклонив голову, солдат пристально посмотрел на Валентину. — Кстати, он тебя не укусил?

— Нет, — быстро сказала Валентина. Солдат все еще держал пистолет в руке.

— Ты уверена?.. — переспросил солдат. Его голос неожиданно напомнил Валентине папин: точно так же строго, но с сочувствием, он разговаривал с ней, когда она ободрала коленку. — Если он все-таки тебя укусил, скажи мне... По-моему, лучше покончить с этим быстро и безболезненно, чем так... — И он снова толкнул зомби ногой.

— Да, уверена, — ответила Валентина. — Он не успел... Скажите, а у вас нет хотя бы кусочка хлеба? Какой-то негодяй украл сегодня мой паек.

Стоило ей заговорить о хлебе, как солдат сразу потерял к ней всякий интерес.

— До свидания, девочка, — быстро сказал он и, повернувшись, ушел.

Этой ночью Валентину знобило. Ее бросало то в жар, то в холод, и она решила, что простудилась. Подобное бывало с ней часто — как и со всеми, впрочем. Недоедание, отсутствие тепла, недостаток свежих овощей и витаминов сделали свое дело. Но сегодня ей было как-то особенно жарко. В конце концов Валентина не выдержала, сбросила одеяло и сняла всю одежду, позволив холодному воздуху остудить пылающую кожу. Тровер, давно выросший из своей колыбельки, спал на полу рядом с ее кроватью, но Валентина не боялась, что он может проснуться и увидеть ее. Она вообще не думала об этом, хотя брат уже несколько раз шевелился во сне и что-то бормотал.

Холодный воздух быстро привел ее в чувство. Уже через несколько минут Валентина почувствовала себя совершенно нормально, но одеваться не спешила. В задумчивости, она провела кончиками пальцев по своему телу. Валентина уже забыла, когда последний раз раздевалась догола. В осажденном Городе человек мог считать себя счастливым, если ему удавалось ежедневно мыть руки и лицо. Что касалось ванны, то мыться в холодной воде было не очень-то приятно, к тому же эту воду еще нужно было натаскать.

Груды у нее появились — теперь в этом не было никакого сомнения. Месячные начались у Валентины еще полгода назад, но потом прекратились — обычное явление при недоедании и общем истощении организма, зато в паху и под мышками темнели упругие, курчавые волосы.

Валентина начала замерзать и машинально обхватила себя за плечи. Именно тогда она обнаружила укус, который находился как раз в том месте, где плечо переходило в шею. Он представлял собой опухоль размером с перепелиное яйцо. Такие яйца, сделанные из шоколада, росли на деревьях в карамельном лесу, и Валентина до сих пор помнила их волшебный вкус. На ощупь опухоль была твердой и горячей, словно уголек в костре. На самой ее верхушке Валентина обнаружила открытую ранку или язвочку, из которой сочилась какая-то жидкость. Несомненно, это был след, оставленный зомби.

Еще недавно Валентине было жарко, но теперь она превратилась буквально в лед. Лежа голышом на тонком, грубом матрасе, она дрожала всем телом. Через неделю она будет мертва. Обнаруженный ею укус означал не что иное как смертный приговор.

И она не просто умрет. Она будет выть и рычать, бросаться на людей и кусаться. Быть может, она укусит Тровера. Или маму. А может быть, перед смертью она отыщет Лизу и вопьется ей зубами в шею или лицо.

Ее дыхание сделалось неглубоким и частым, и Валентина чуть не до крови прикусила губу, чтобы не закричать. Нет, ни за что она не станет причиной гибели близких людей!

Тихо, чтобы не разбудить брата, она оделась и, зажав в руке крошечный фонарик, выскользнула из квартиры. Валентина решила идти к Волшебнику. Уже не раз по ночам она ходила к его дому, но всегда поворачивала обратно. Теперь она решила непременно увидеться с ним.

По пути ей встретились три зомби. Двое были мертвы — их изрешеченные пулями тела валялись прямо на тротуаре. Третий зомби высунулся по пояс из окна седьмого этажа и оглашал окрестности бессмысленными воплями, от которых кровь стыла в жилах. Мысленно Валентина пожелала ему вывалиться наружу и разбиться вдребезги.

По мере того, как она подходила к дому Волшебника, в ней росла страшная уверенность, что его больше нет, что его убило бомбой или отравило газом. А может быть, он просто уехал, перебрался куда-нибудь в другое место. Прошло уже много месяцев с тех пор, как он угощал ее пирожками и гамбургерами. За это время могло случиться многое. Нет никаких сомнений: Волшебник мертв, как мертвы многие другие.

Вступив в квартал, где находился дом Волшебника, Валентина невольно замедлила шаг. Меньше всего ей хотелось увидеть обугленные стены, провалившуюся крышу, болтающуюся на одной петле дверь, груды цветных пластиковых осколков и обломков его яркой мебели, поэтому, сделав шаг, она почти на полминуты замирала в нерешительности, потом снова трогалась с места и снова останавливалась.

В конце концов ноги все же привели ее к знакомой двери, которая оказалась цела и невредима, если не считать нескольких царапин, едва видных под толстым слоем грязи, поскольку уже давно никто в Городе ничего не красил и не мыл. Как и все двери на улице, она была плотно закрыта, и Валентина подергала ручку. Заперто. Она постучала, но никто не отозвался. Она постучала сильнее — с тем же результатом. Ее разочарование было таким глубоким, что Валентина не выдержала и заплакала. В отчаянии она заколотила в дверь кулаками и даже несколько раз ударила ногой. Волшебник уехал, уехал, уехал, а через неделю она умрет!..

Внезапно дверь отворилась. Это был не Волшебник, а какая-то упитанная белокурая женщина, одетая в теплый домашний халат и тапочки. Валентине она показалась красивой, как кинозвезда, хотя воз-

можно, она решила так только потому, что незнакомая женщина не напоминала живой скелет.

— Что тебе нужно, девочка? Какого дьявола ты ломишься в дверь к незнакомым людям в три часа ночи? — строго спросила она. Голос ее, впрочем, звучал не зло, но в нем сквозило вполне понятное раздражение.

— Мне нужно повидать... — Валентина понизила голос до шепота. — ...Повидать Волшебника.

— А-а-а... — протянула женщина. — Это другое дело. Проходи. Для *его* друзей вход всегда открыт.

Квартира Волшебника была в точности такой, какой Валентина ее запомнила. Казалось, с той давней ночи здесь ничего не изменилось.

Белокурая женщина плавным жестом вытянула руку в сторону кухни, щелкнула пальцами, и оттуда сразу же потянулся дивный аромат свежесваренного кофе. Как пахнет кофе, Валентина давно забыла, но сейчас вспомнила, и ее рот наполнился слюной.

— Ты пока присядь, — предложила женщина, — а я пойду разбужу Его Величество...

Валентина осторожно опустилась на краешек великолепного дивана, который тянулся вдоль изогнутой стены гостиной. Она знала, что ее рабочие брюки, которые были до отвращения грязны еще до схватки с зомби, непременно оставят следы на его роскошной бархатной обивке, но подумать об этом успела только мельком. Из коридора доносились голоса. Слов она разобрать не могла, но тон был раздраженный, почти сердитый, и Валентина даже сквозь жар болезни почувствовала, как от стыда у нее начинают гореть щеки и уши. Этот дом все еще жил тихой, цивилизованной жизнью, а она принесла в него разлад и войну.

Потом в гостиную быстрым шагом вошел Волшебник. Резким движением руки он прибавил свет и невольно прищурился, когда лампы под потолком вспыхнули во всю мощь.

— Разве мы знакомы? — спросил он, пристально разглядывая Валентину.

Она хотела ответить, но почувствовала, что у нее язык прилип к гортани. Хозяин был в пижаме, волосы взъерошены, и все же он по-прежнему выглядел как самый настоящий *Волшебник*.

— Я... — Валентина запнулась и начала сначала: — Я... однажды ты дал мне одежду. И еду. Моя мама — солдат, она сражается с врагом на фронте...

Волшебник щелкнул пальцами и усмехнулся.

— Теперь вспомнил!.. Твоя мать — Герой Революции, не так ли? А ты — та сообразительная девчушка, которая сосчитала зубные щетки в моей ванной комнате.

— Посмотри на нее, она же настоящий ходячий скелет! — сказала красавица-блондинка из кухни, где небрежно манипулировала матрикатормом, способным «печатать» самые изысканные блюда практически без участия человека.

— Хочешь сэндвичей, девочка? — спросила она. — Или рыбных палочек?

— Приготовь ей для начала горячего шоколада, Ана, — сказал Волшебник. — Горячего шоколада и какой-нибудь молочной болтушки. Маленькие девочки любят шоколад.

Валентина подумала, что не пробовала шоколад уже... Она даже не помнила — сколько месяцев. Рот ее заполнился слюной, и она непроизвольно облизнулась, глядя, как блондинка Ана нажимает кнопки на приборе и достает из буфета бутылку рома.

— Добавить тебе в шоколад капельку рома, детка?

— Я... я не знаю, — замялась Валентина.

— Она еще слишком мала для рома, — возразил Волшебник, опускаясь в мягкое кресло. Кресло плавно выгнулось, принимая форму его тела, а из-под низа выдвинулась подставка для ног.

— Я хочу рому, — твердо сказала Валентина. Ей не хотелось умереть, так ни разу и не попробовав спиртного.

— Вот это правильно, — одобрила Ана. — В конце концов, идет война, это многое меняет.

С этими словами она наполнила большую чашку густой темно-коричневой суспензией, похожей на жидкую глину, добавила туда две ложки рома и поставила на стол. Потом она приготовила порцию шоколада для себя.

— Иди сюда и бери, — позвала Ана. — Здесь не ресторан, официанток нету.

Прежде чем встать, Валентина стащила с ног башмаки, которые были малы ей уже почти на размер, и ступила грязными босыми ногами на великолепный ковер. Ощущение было непередаваемое. Упругий, мягкий ворс под ногами напоминал что-то давно забытое: траву на лужайке у реки или что-то еще из счастливого довоенного прошлого.

Шоколад пах просто сказочно. Именно сказочно — другого слова и не подберешь. Его густой, сладкий аромат будил ощущение чуда. Нет, не шоколад она пила, а какой-то волшебный напиток с другой планеты, из другого мира... Может быть, даже из рая.

Держа чашку в руках, Валентина почувствовала, как через ладони в нее вливается его живительное тепло. Осторожно, чтобы не расплескать драгоценную жидкость, она поднесла чашку к губам и, сделав осторожный глоток, задержала напиток во рту.

Шоколад оказался довольно острым, почти жгучим, словно был приправлен перцем. Но разве в шоколад кладут перец?.. Или это от рома? Наверное... Язык у нее защипало, пары подогретого спирта, насыщенные ароматами шоколада и перца, проникли, казалось, прямо в голову. Из глаз Валентины хлынули слезы. Даже уши как будто были полны горячего шоколада.

Поспешно сглотив, Валентина невольно ахнула, широко раскрыв рот, и Волшебник рассмеялся. Она вопросительно посмотрела на него.

— Что тут смешного?

— Прости, я тебя не предупредил. Ана всегда готовит шоколад по собственному рецепту — с перцем чили и другими пряностями. Мне, впрочем, нравится, а тебе? Мы называем этот напиток «шоколад по-ацтекски».

Валентина сделала еще глоток, подержала во рту, проглотила. Теперь она чувствовала шоколад и в желудке, который наконец начал отогреваться, но до полного насыщения было еще далеко. Казалось, два глотка напитка только раздражили ее аппетит, и желудок настоятельно требовал еще и еще. Отбросив приличия, Валентина поднесла чашку к губам и в один присест осушила ее до дна.

Ана и Волшебник снова засмеялись. Потом Ана протянула Валентине покрытый инеем металлический бокал. Сверху горой громоздились взбитые сливки, из которых торчала полосатая оранжево-красная соломинка.

— Шоколад с солодом, — пояснила она. — Отличная заправка!

Валентина, словно загипнотизированная, взяла бокал. Шоколад с солодом оказался таким холодным, что после первого же глотка у нее заломило лоб и переносицу, но она не остановилась — просто не могла остановиться. Ух, как вкусно!.. И ни на что не похоже... Интересно, что еще может с этим сравниться? Может быть — мороженое?..

Соломинка издала хлюпающий звук — Валентина подобрала со дна бокала последние капли и перевела дух.

— Ну вот ты и подкрепилась, — сказал Волшебник. — А теперь — присядь. Пусть напитки сделают свое дело; чуть попозже мы тебя покормим, а сейчас поведай, что привело тебя ко мне.

Валентина повернулась и сделала шаг назад по направлению к дивану. Чувствовала она себя как-то странно, словно шла не по твердой

поверхности, а по качающейся корабельной палубе, которая так и норовила выскользнуть из-под ног. При этом собственные движения казались ей настолько плавными и легкими, что было даже удивительно, почему ее так шатает. «Я пьяная, — подумала Валентина. — Мне всего четырнадцать, но я напилась как свинья!»

Добравшись до дивана, она со всеми предосторожностями опустилась на подушки и выпрямилась.

— Итак, девочка, что же привело тебя ко мне посреди ночи?.. — снова спросил Волшебник, поудобнее устраиваясь в своем кресле.

Только сейчас Валентина вспомнила об опухоли на шее. При мысли об этом ее едва не вывернуло наизнанку — она сдержалась только потому, что боялась потерять хоть каплю драгоценного шоколада.

— Я должна была срочно поговорить с тобой, — сказала она. — Дело в том, что я... В общем, мне нужна помощь.

— Какая же? — осведомился Волшебник.

— Я... — Валентина снова запнулась и некоторое время молчала. Нет, она не могла сказать ему, что больна зомбизмом — новой разновидностью зомбизма. Солдат, которого она встретила в тот роковой для себя день, сказал ей совершенно недвусмысленно: излечиться от этой болезни нельзя, единственное средство — пуля в затылок.

Потом она поняла, что должна сказать. Шоколад... Он может спасти ее брата и мать от голодной смерти.

— Я... я скоро уеду, — проговорила Валентина. — А мама и брат вряд ли сумеют сами о себе позаботиться. Особенно брат — он еще маленький, а маму каждый день могут убить на фронте. Я хочу, чтобы, когда я уеду, они были в безопасности.

— Куда же ты уезжаешь?

От рома Валентину слегка развезло; соображала она с некоторым трудом, однако действию алкоголя противостояло изумительное, волшебное ощущение теплой тяжести в желудке. Перебрав в уме несколько возможных ответов, Валентина сказала:

— Я познакомилась с одним человеком, который... В общем, он обещал вывезти меня из Города в безопасное место.

— Разве на свете еще остались безопасные места? — вмешалась Ана, пожимая плечами.

— На надо дешевого цинизма, — возразил Волшебник. — Безопасных мест еще довольно много. Мир полон ими, надо только знать, где искать. И еще — как искать, потому что такие места не правило, а исключение. Не за этим ли и ты в свое время пришла ко мне?

— Сейчас речь не о том, почему я пришла к тебе, — смутилась Ана и, кивнув головой в сторону Валентины, показала на нее рукой. — Речь идет вот об этой девчонке...

Валентина слегка нахмурилась. Она никак не могла понять, нравится ей Ана или не очень, хотя та, конечно, была очень красива.

— Я прошу не за себя, а за свою семью, — сказала она и нахмурилась.

— А почему я должен помогать твоей семье? — ответил Волшебник вопросом на вопрос. Он все еще улыбался, но на его лице — лице человека, который однажды был тяжело ранен, да так и не оправился до конца — появилось выражение, которое чем-то напугало Валентину. Свет в гостиной был слегка пригашен, и в легкой полутьме глаза Волшебника мерцали, словно уголья.

Стараясь отодвинуться от него, Валентина откинулась назад и сразу почувствовала, как ее плечи мягко обволакивает «умная» спинка дивана.

— Потому что один раз ты уже помог мне, — сказала она.

— Понятно, — кивнул Волшебник. — Один раз я тебе помог, и ты вообразила, что коль скоро я проявил щедрость один раз, — а надо сказать прямо, что тот мой поступок действительно был очень, очень щедрым, — ты можешь рассчитывать на меня и в дальнейшем. И вот ты решила отплатить мне за мою доброту, обратившись ко мне с новой просьбой. Так, что ли, у нас получается?..

Валентина покачала головой.

— Нет?.. А как же?

— Я... найду способ заплатить, — сказала она. — Я могу работать для тебя.

— Вынужден тебя огорчить, детка: мне пока не нужны ни траншеи, ни противотанковые рвы.

Где-то в глубине квартиры отворилась и снова захлопнулась дверь, потом послышались приглушенные голоса. Много голосов. Значит, Волшебник и Ана здесь не одни, поняла Валентина, вспоминая зубные щетки в ванной. Квартира просто полна людей!

— Я могу делать самую разную работу, — сказала она и попыталась улыбнуться. Валентина еще сама не знала толком, что именно она предлагает. Ей ясно было только одно: она еще слишком мала, чтобы предлагать подобные вещи. Кроме того, у нее зомбизм, а с этой болезнью шутить не стоит. Вдруг она передается не только через укусы? Нет, она должна быть предельно осторожной, чтобы Волшебник остался в живых и смог помочь ее семье.

Валентина уже собиралась сказать, что она имела в виду нечто совсем другое, но не успела. Ана сорвалась с места и, молнией метнувшись к Волшебнику, закатила ему такую крепкую оплеуху, что его голова откинулась далеко назад, а на щеке отпечатался отчетливый красный след.

— Не смей играть с этой маленькой девочкой! — воскликнула она. — Разве ты не видишь, в каком она состоянии? Ты — ее последняя надежда!

Потом Ана резко повернулась к Валентине, которой стоило огромных усилий смело встретить взгляд этой откормленной красотки. Больше всего на свете ей хотелось броситься наутек, но она подавила в себе это желание. Глупо было бы пугаться чего-либо после того, как ей хватило наглости предложить себя Волшебнику. Нет, она не дрогнет и будет стоять до конца.

— А ты, милочка, перестань притворяться дурой, — сказала ей Ана. — Я же вижу — ты вовсе не глупа, вот и води себя по-умному. Чтобы выжить, существуют десятки разных способов — для этого вовсе не обязательно ложиться на спину и раздвигать ноги. И эти способы тебе наверняка известны, иначе бы ты давно загнулась. В общем, либо говори дело, либо убирайся. Я не хочу смотреть, как ты тут ломаешь бездарную комедию.

— Что ты знаешь о выживании, Ана?.. — зло спросил Волшебник. Он сидел, прижав руку к щеке и глядя на Ану такими же горящими глазами, какими за минуту до этого смотрел на Валентину.

— Просто перестань играть с ней, — отрезала Ана. — Либо помоги ей, либо прогони, но не играй!..

— Хорошо, — неожиданно согласился Волшебник. — Ступай к остальным, Ануша, а я побеседую по душам с нашей новой подругой. Если мы придем к соглашению, я позову тебя, чтобы еще раз обсудить условия, договорились?

Ана бросила взгляд в направлении коридора, откуда все еще доносились какие-то голоса, потом снова посмотрела на Волшебника и Валентину.

— Смотри не продешеви, милочка, — предупредила она.

Когда Ана вышла, Волшебник принес Валентине тарелку пирожков с гусиной печенкой, а себе взял сэндвич с поджаренной грудинкой, который обильно смазал горчицей.

— Да, — кивнул он. — Игры кончились, детка. Но если ты действительно готова кое-что для меня сделать, что ж работа найдется. Скажи пожалуйста, тебе когда-нибудь приходилось видеть иллюзио-

нистов? Я имею в виду этих скучных типов во фраках, которые достают из цилиндров кроликов и белых голубей?..

Валентина кивнула.

— Да, до войны, — сказала она.

— Тогда ты, конечно, знаешь, что у каждого иллюзиониста всегда есть несколько очаровательных ассистенток?

Валентина снова кивнула. Она хорошо помнила симпатичных молоденьких девушек в плотно облегающих фигуру рейтузах, высоких сапожках, расшитых жилетах с бахромой и с перьями на голове.

— У каждого, кто занимается иллюзионизмом, обязательно должны быть один-два помощника. Я тоже волшебник, но моя магия, пожалуй, самая лучшая. Именно поэтому мне необходимо большое количество помощников, и у меня их действительно много — целая армия. Они помогают мне, а я помогаю им...

— Я уезжаю через пять дней, — напомнила Валентина.

— Дело, которое я хотел тебе поручить, можно сделать, скажем, послезавтра... Тебя это устраивает?

— И тогда ты позаботишься о моей семье?

— Да, — кивнул Волшебник. — Я всегда забочусь о семьях своих ассистентов. Ну что, договорились?

Валентина протянула руку, и они обменялись рукопожатием.

— Ешь свои пирожки, — сказал Волшебник. — А потом мы соберем кое-что и для твоих родственников.

* * *

Прошло два дня, и лихорадка сделалась постоянной спутницей Валентины. Болезнь не оставляла ее ни на секунду, так что в конце концов девочка к ней привыкла и почти перестала замечать, хотя из-за постоянного жара и ломоты во всем теле она двигалась медленно, как старуха, и не всегда могла сосредоточиться на том, что ей говорили.

На третий день она проснулась рано и с удовольствием позавтракала булочками с хрустящей, поджаристой корочкой, лимонным печеньем, крепким мясным бульоном, чаем, кашей с изюмом, черничным джемом и сгущенным молоком, а на десерт съела шоколадный батончик.

Тровер съел еще больше, а потом собрал со стола крошки и тоже отправил в рот. Валентина заметила, что он спрятал под кофтой два джекфрута, но не разозлилась, а напротив — с удовлетворением кивнула. Кажется, ее братец тоже усвоил кое-что по части выживания.

Мать не задала Валентине ни одного вопроса, касающегося ее от-

сутствия позапрошлой ночью. Она даже не спросила, откуда взялись еда и одежда. Когда Валентина вошла в квартиру, сгибаясь под тяжестью пакетов и свертков, она только наградила ее взглядом, который яснее ясного говорил: «Ты мне больше не дочь!». Нет, мама не отказывалась от вещей и продуктов, которые принесла Валентина — это было выше человеческих сил. Она отказывалась от *нее*. Валентина отлично понимала, что думает о ней мама, но даже не пыталась объяснить. Она знала: мать ей все равно не поверит, к тому же правда была во многих отношениях хуже, чем ее самые страшные подозрения.

За завтраком мама с благоговением выпила чашку кофе с тремя кусочками сахара и густыми сливками из специального баллончика. Потом она съела несколько тостов с сардинами, омлет с кусочками селедки и запила чашкой бульона. Натянув свой десантный комбинезон, она взяла автомат и вышла за дверь, так и не сказав Валентине ни слова и даже не оглянувшись на нее.

«Что ж, к концу этой недели ей уже не нужно будет беспокоиться, что ее дочь стала проституткой», — с горечью подумала Валентина. От очередного приступа лихорадки пальцы у нее сильно дрожали, но девочка все-таки ухитрилась допить шоколад, не расплескав.

С некоторых пор Тровер сам ходил в свои ясли-сад, благо те располагались в подвале дома. Валентина выпустила его на лестничную площадку, потом оделась сама и спустилась на улицу. Волшебник назвал ей цену, которую она должна заплатить за счастье и жизнь близких. Пора было отрабатывать долг.

* * *

Кроме продуктов и одежды Волшебник дал Валентине небольшой мешок, в котором лежало несколько сотен искусственных камней с электронной начинкой, внешне очень похожих на обыкновенную гальку. Валентина должна была разместить их не менее чем в трех сотнях мест в непосредственной близости от передового края, а также в траншеях на предполагаемых направлениях вражеских ударов. Это были камни-шпионы, способные воспринимать звуки, картины и даже, кажется, радиоволны и передавать их на значительные расстояния. Похожими, хотя и несколько более простыми устройствами, Валентина и ее подруги когда-то обменивались перед сном, чтобы с их помощью беседовать друг с другом и по ночам, в тайне от родителей.

«Но что будет, если меня схватят?» — спросила Валентина.

«Тебя расстреляют без суда и следствия, — ответил Волшебник. — И для тебя это самый лучший вариант, потому что если ты приведешь контрразведку ко мне, жизнью можем поплатиться не только ты или я, но и все мои друзья и помощники, и даже твои мать и брат. Мой дом со всем, что в нем есть, будет разгромлен. Твоя квартира, вероятно, тоже».

На работу Валентина не выходила уже два дня, но в этом не было ничего страшного. Многие из тех, с кем она работала, пропускали, порой, по несколько дней, когда чувствовали себя слишком слабыми, чтобы держать в руках кирку или заступ. Валентина не сомневалась: ее никто не хватится.

На ногах у нее красовались самые легкие и крепкие туфли, какие Волшебник только сумел «напечатать» на своем аппарате. Разумеется, Валентине пришлось испачкать их грязью и землей, чтобы они не бросались в глаза на улицах, но туфли все равно оставались замечательно крепкими и легкими — самыми подходящими для предстоящего дела. В таких туфлях она могла бегать быстро, как ветер. Даже еще быстрее, потому что Волшебник дал ей ингалятор с лекарством, повышавшим скорость и силу мышечных сокращений. Правда, работа в таком «ускоренном» режиме требовала колоссального расхода калорий, поэтому он специально предупредил ее: после каждого приема лекарства Валентина должна поесть, чтобы компенсировать затраты энергии. В противном случае уже к вечеру она могла свалиться или даже умереть от самого обыкновенного истощения. Валентина хорошо запомнила его наставления, поэтому сейчас карманы ее полувоенного комбинезона были набиты арахисом, кусочками шоколада, вареными почками и кусочками печенки, которые должны были помочь ей сохранить силы и энергию, сколько бы она ни прибегала к помощи ингалятора.

Никто не остановил ее, пока она шла к линии фронта, никто не обратил на нее внимания. Многие юноши и девушки ее возраста сражались с врагом наравне со взрослыми. Еще больше подростков и даже детей помогали взрослым сражаться, подтаскивая боеприпасы стрелкам и артиллеристам и копая новые щели и укрытия взамен разрушенных ракетами. За работу на передовой давали больше хлеба, чем за аналогичный труд в «безопасных» тыловых районах, и Валентина, немного подумав, захватила с собой лопату. Теперь, даже если бы кто-то ее остановил, она всегда могла сказать, что хочет заработать побольше хлеба для своего больного братика.

Полоса укреплений третьей линии обороны была Валентине хорошо знакома. Точно такие же траншеи копала она сама на протяжении

нескольких месяцев и знала, как они устроены. Работы еще не были закончены, и Валентина не раз замечала среди землекопов своих знакомых. Знакомым она кивала как можно небрежнее, хотя в каждом таком случае ее сердце, и без того стучавшее как бешеное, готово было выскочить из груди. «Тебя расстреляют на месте!» — вспоминала она каждый раз, когда вдавливала камень-шпион в свежеврытую землю нового окопа или траншеи.

Понемногу Валентина подходила все ближе к линии фронта, где, по-видимому, шло какое-то крупное сражение. Она слышала шум боя и раньше — далекий, глухой гул, изредка перемежавшийся более резкими звуками. Этот гул никогда не затихал окончательно, но Валентине иногда удавалось отрешиться и не слышать его, к тому же инстинктивно она всегда старалась держаться подальше от источника страшных звуков. Но сегодня она сама шла ему навстречу, и кровь в ее жилах волновалась и бурлила.

Она шла уже довольно долго, когда над самой ее головой внезапно раздалось грозное «вжу-у-у» противоблиндажной ракеты. Взвизгнув от страха, Валентина плашмя бросилась на дно траншеи. Она знала, что ракеты-перехватчики защитников Города срабатывают далеко не всегда. Правда, американские ракеты, уничтожавшие траншеи, укрытия и блиндажи, появлялись в основном вблизи линии фронта, но иногда они долетали и до тыловых укреплений. Валентина сама слышала рассказ о том, как одна такая ракета засыпала землей целую бригаду землекопов совсем недалеко от того места, где она работала.

На этот раз, впрочем, все обошлось. Из соседней траншеи донеслись крики и раздался громкий звук, словно на землю высыпали целый мешок гравия — это стартовала ракета-перехватчик. Словно зачарованная, Валентина следила за тем, как американская ракета, устройство наведения которой вышло из строя под действием информационных помех ракеты-перехватчика, взмыла высоко в небо и там сдетонировала, не причинив никому вреда.

В следующую секунду Валентина поняла, что обмочилась. Не сильно, но все-таки несколько капелек она упустила. Должно быть, это произошло в тот момент, когда ее напугала противоблиндажная ракета. Ну так что ж, с кем не бывает... Упершись руками в утопанное дно траншеи, Валентина встала на колени и принялась отряхиваться.

Именно тогда она увидела палец. Не весь, а всего одну фалангу с треснувшим, пожелтевшим ногтем. Сморщенный, замороженный до

состояния камня, он валялся всего в нескольких сантиметрах от ее руки. Срез был очень аккуратным, почти хирургическим, и Валентина поняла, что палец отрезало осколком.

За последние месяцы Валентина видела немало смертей, но отрезанный палец в пустой траншее — замерзший, втоптаный в грязь человеческий палец — почему-то подействовал на нее сильнее всего. Ее ослабленный желудок не выдержал, и Валентину вывернуло наизнанку. Одновременно она обмочилась еще раз, а глаза защипало от выступивших слез.

Немного придя в себя, Валентина подумала, что вряд ли сумеет довести дело до конца. Этот палец... Для нее это было равносильно встрече с самой Смертью. Валентина не сомневалась, что чем ближе к линии фронта она начнет подходить, тем больше мертвых и кусков тел начнет попадаться ей на пути, а к этому она не была готова. Она просто-напросто не в состоянии этого вынести — особенно сейчас, когда ее карманы оттягивали камни-шпионы. Валентина уже догадалась, что Волшебник сражается на другой стороне, но только сейчас до нее дошло: теперь и она сама служит врагам — тем самым негодьям и мерзавцам, чьим престарелым отцам и матерям она желала голодной смерти в неотапливаемых квартирах на верхних этажах темных, насквозь замороженных зданий и чьих детей она хотела бы разорвать на части своими собственными руками.

Тут Валентину снова затрясло — начинался очередной приступ лихорадки. В голове все плыло, земля под ногами раскачивалась, как палуба корабля, плывущего по беспокойному морю.

Кое-как она поднялась на ноги и сделала шаг вперед. Это был дергающийся, танцующий шаг зомби. Второй шаг вышел точно таким же. Только потом Валентина расходилась и дальше уже двигалась почти нормально.

Пройдя несколько метров, она снова остановилась, сунула руку за воротник рубашки и достала из лифчика (она снова стала носить лифчики, которые «напечатал» ей Волшебник) ингалятор с лекарством. Наплевать... Меньше чем через неделю она умрет.

Все еще думая об этом, Валентина быстро взяла распылитель в рот и нажала кнопку, одновременно сделав глубокий вдох. В голове сразу прояснилось, жар отступил, исчезли куда-то страх и муки совести, и даже холод, казалось, стал не таким пронизывающим. Осталась только жестокая, больше похожая на оскал улыбка, которая словно примерзла к губам Валентины. Все ее чувства многократно обострились, ум мыслил холодно и четко, движения сделались стремительны-

ми и легкими, как будто она танцевала под какую-то зажигательную музыку.

Дальше Валентина уже не шла, а бежала. Чем ближе подходила она к линии фронта, тем хуже пахло из траншей, но теперь она не обращала на вонь никакого внимания. Почти не трогали ее и разбросанные повсюду части тел.

Она установила пять камней-шпионов и слегка пригнулась, когда над самой ее головой пролетела еще одна противоблиндажная ракета. На мгновение ей захотелось поднять руку и прикрепить электронный соглядатай к длинной серебристой сигаре, но она подавила в себе это желание. Вместо этого она установила очередное устройство прямо перед носом сержанта-артиллериста, который, надрывая глотку, орал на двух изможденных женщин, силившихся развернуть громоздкую ракетную установку, очевидно, сдвинутую с позиции близким разрывом. Женщины показались Валентине очень, очень старыми; когда-то она носила воду людям, которые выглядели гораздо моложе этих двоих, но, возможно, впечатление создавала страшная худоба. Обе выглядели так, словно тела их были сделаны из скрученной в несколько раз проволоки. От нечеловеческого напряжения глаза женщин вылезли из орбит и казались огромными и круглыми.

Сержант то ли вовсе не заметил Валентину, то ли не обратил внимания, потому что в руке она по-прежнему держала лопату. Как бы то ни было, он не окликнул ее, и она продолжала двигаться дальше к передовой. Вскоре, однако, траншея закончилась тупиком, и Валентина свернула в соседний ход, но и он вскоре прервался. В каждом тупике она поставила по электронному «глазу», однако довольно скоро ей стало ясно, что дальше пути нет: во всех боковых ответвлениях она уже побывала. Значит, придется возвращаться назад и искать другой путь, который выведет ее к самой линии фронта — искать наугад, потому что никаких карт окопов и соединительных ходов не существовало в природе.

Прежде чем отправиться назад, Валентина приняла еще дозу лекарства из своего ингалятора. В то же мгновение в животе яростно заурчало, а еще через несколько секунд колени Валентины подогнулись, и она сползла по стене траншеи и села на замерзшую, обильно политую кровью и нечистотами землю. Только сейчас она вспомнила, как Волшебник предупреждал ее о необходимости регулярно принимать пищу. Валентина уже протянула руку к карману, где у нее лежали орехи и печенье, но тут с ней случился первый припадок. Руки и ноги тряслись, голова то и дело запрокидывалась назад, так что Ва-

лентина билась затылком о стену траншеи, а горло исторгало дикий рев, не имевший ничего общего с человеческой речью.

Когда приступ прошел, — а он все-таки прошел, хотя Валентине казалось, что он будет длиться бесконечно и никогда не кончится, — она вытащила из кармана пригоршню орехов и кусочков печенки и отправила в рот. Руки у нее по-прежнему тряслись, поэтому большая часть еды просыпалась на землю, однако ей все же удалось проглотить несколько кусков. Дрожь сразу отступила, и Валентина смогла съесть еще немного печенки.

Потом она приняла еще дозу лекарства из ингалятора.

О, Боже!.. Теперь она чувствовала себя просто великолепно. Еда и препарат сотворили настоящее чудо. Траншеи закончились тупиками, ну и что? Кому это нужно — тратить время, возвращаться назад, чтобы начать все сначала? Все равно через пять дней ей умирать.

И, цепляясь пальцами за обледеневшую земляную стенку, Валентина полезла из траншеи вверх.

За несколько месяцев земляных работ она ни разу не осмелилась поднять голову и заглянуть за бруствер. Любопытство жестоко каралось: неосторожных подстерегали лазерные сканеры и автоматические пулеметные установки. Стоило лишь на мгновение высунуть голову, и готово: ты — труп.

Но теперь она была наверху вся. Земля вокруг напоминала лунную поверхность: кратеры, воронки, глубокие шрамы траншей, стелющийся по земле дым и облака пыли... Ничего живого здесь, конечно, не осталось. Повсюду валялись осколки и перекрученные детали оружия; тут и там возвышались какие-то странные холмы, которые вполне могли оказаться разорванными на части человеческими телами. Оглядываясь по сторонам, Валентина не сдержала горделивой улыбки. Она была здесь одна — королева боя, зловещий ангел войны. Ну а коли так, значит, с ней ничего не случится. И, отправив в рот изрядную горсть питательных шариков, Валентина вскочила и побежала.

Фьюить! Фьюить! Фьюить!..

Стоило ей подняться во весь рост, как вокруг засвистели пули и осколки, но девушка даже не поморщилась. Мир вокруг казался четким и ясным, серый свет дня — чистым и прозрачным, и все это принадлежало ей, ей, ей. Погибнуть от пули или шального осколка?.. Да никогда!

Она перепрыгнула ход сообщения, пробежала по краю траншеи, снова прыгнула, потом пробежала еще немного, направляясь прямо к

передовой. Один раз Валентина едва не налетела на автоматическую пулеметную установку, но вовремя сообразила, в чем дело, и вспрыгнула на приземистую бронированную башенку, которая суетливо вращалась, пытаясь снова поймать ее в прицел. Убедившись, что в таком положении пулемет не может причинить ей вреда, Валентина залепила глазок сканера автонаведения растопленным комочком шоколада и, смеясь, побежала дальше.

Ей уже пора было вернуться в траншею, чтобы установить оставшиеся камни-шпионы, но она никак не могла выбрать подходящее место. В конце концов вопрос решился сам собой — Валентина как раз прыгала через очередной ход сообщения, когда шальная пуля срезала каблук ее туфли. Удар был настолько силен, что Валентина, не долетев до противоположного края траншеи, свалилась прямо на дно. Ударившись лицом о дощатые мостки, она несколько секунд лежала, оглушенная, чувствуя, как рот наполняется кровью. Язык распух и наливался пульсирующей болью — очевидно, она его прикусила. Когда же Валентина попробовала пошевелить им, то обнаружила, что при падении выбила один из верхних передних зубов. Сначала она испугалась, что зияющая дыра во рту сделает ее не такой миловидной, как раньше, но потом вспомнила, что через несколько дней ее все равно не станет, и успокоилась.

Поднявшись на колени, Валентина закопала в землю еще один «глаз» и огляделась.

Из дальнего конца траншеи на нее смотрел какой-то солдат. Он что-то говорил — Валентина видела, как шевелятся его губы, но за грохотом разрывов и стрельбы не могла расслышать ни слова. Тогда она решила подойти ближе, чтобы узнать, что ему нужно. Встав на ноги, Валентина сделала несколько шагов и подошла к солдату почти вплотную, когда до нее дошло, что на нем вражеская форма.

Лекарство все еще действовало, и Валентина могла двигаться достаточно быстро, но солдат оказался проворнее. Прежде чем она успела попятиться, он подался вперед и крепко схватил ее за руку.

На всякий случай Валентина решила не вырываться: кто знает, чего можно ожидать от этого человека?

Солдат, впрочем, не собирался ее убивать, во всяком случае — пока. Строго глядя на нее, он сказал что-то на своем языке. На этом языке разговаривали артисты в кино, — когда в Городе еще было кино, — но Валентина его почти не знала, если не считать нескольких слов.

— Друг! — сказала она. — Я друг.

Солдат пристально посмотрел на нее и заговорил на каком-то другом языке, которого Валентина вообще никогда не слышала. В ответ она только пожала плечами, и он заговорил на хинди. На хинди Валентина знала только одну фразу — «Я люблю, я люблю, я люблю тебя!», потому что таким был припев во всех песнях, звучавших в индийских фильмах. Она снова пожала плечами, и солдат сильно встряхнул ее. Судя по всему, он начинал сердиться. Одной рукой он продолжал крепко сжимать ее руку, а в другой держал какое-то оружие, похожее на свернутую кольцом толстую веревку. Тыкая им в Валентину, солдат что-то кричал, но она по-прежнему не понимала ни слова. Судя по всему, он был лишь немногим старше ее, но лицо у него было сытое, как у Волшебника. Почему-то Валентина решила, будто солдат вовсе не хочет ее убивать и сердится только потому, что должен это сделать.

Она попыталась улыбнуться, но солдат сурово нахмурился. Тогда Валентина подняла руку и умоляющим жестом дотронулась до его плеча. Потом она показала на свой карман, где лежала провизия, медленно расстегнула клапан и засунула туда руку. Солдат пристально наблюдал за девушкой, не отводя своего странного оружия, и Валентина подумала, что если бы она была бомбисткой-камикадзе, сейчас этот парень лежал бы уже мертвым. В целом вражеский солдат ей, скорее, понравился; у нее даже немного потеплело на душе, и она подумала, что если все враги такие, то у Города, пожалуй, еще есть шанс.

Вытащив из кармана маленькую плитку шоколада, она откусила от него крошку и протянула солдату. Он посмотрел на незнакомку, и у него сделалось такое лицо, словно он с трудом сдерживал слезы. Валентина поднесла шоколад к самому его рту, чтобы ему не нужно было отпускать ее или оружие.

— Ну, давай же!.. — промолвила она.

Солдат тоже откусил небольшой кусок, пожевал, проглотил. Валентина, в свою очередь, откусила еще немножко и снова предложила шоколад солдату. Так они кусали по очереди, пока плитка не была съедена, и Валентина достала из кармана вторую, потом еще одну.

— Валентина, — сказала она, показывая на себя.

Солдат, все еще пытаясь казаться строгим, покачал головой.

— Уитнейл, — ответил он.

— Рада познакомиться с тобой, Уитнейл, — сказала Валентина на его языке. Эту полезную фразу она тоже выучила благодаря иностранным фильмам, хотя произносила ее, наверное, не совсем правильно.

Потом она протянула руку. Солдат убрал оружие в чехол и осторожно пожал ее пальцы свободной рукой.

— А теперь извини, Уитнейл, мне пора идти, — добавила Валентина. Как сказать это на его языке, она не знала, поэтому старалась говорить как можно медленнее, тщательно выговаривая каждое слово.

Уитнейл снова покачал головой. Он все еще держал ее за запястье, и Валентина, накрыв его руку ладонью, слегка сжала.

— Я должна спасти свою семью, понимаешь? — сообщила она самым доверительным тоном. — Вот почему я взялась за эту поганую работу. И вообще, *сейчас* я действую в ваших интересах. Отпусти меня, пожалуйста!..

Она не знала, что из сказанного он понял. Как бы там ни было, Уитнейл медленно разжал пальцы. Почувствовав свободу, Валентина сделала шаг назад, но остановилась и посмотрела на врага. Только сейчас она заметила, что он очень хорош собой. У него был мужественный подбородок, голубые глаза и полные, чувственные губы. Валентина еще никогда в жизни не целовалась с мальчиками, а теперь у нее оставалось всего четыре дня, чтобы исправить это упущение. Даже меньше, потому что на обратном пути ее вполне могли убить.

И Валентина не стала колебаться. Она снова шагнула вперед и, обхватив Уитнейла за шею обеими руками, крепко поцеловала в пухлые, еще полудетские губы. От этого поцелуя кровь быстрее заструилась у нее в жилах, и, крепко обняв солдата, Валентина прижалась к нему всем телом. А он, — после секундного замешательства, — поцеловал ее в ответ. Почувствовав, как его язык пытается раздвинуть ее сжатые губы, Валентина невольно вздрогнула. На мгновение ей захотелось укусь Уитнейла, передать ему свою болезнь, чтобы он разнес заразу дальше, среди своих, но она сдержалась. Это было бы неправильно. И просто нечестно. В конце концов, она и Уитнейл стали друзьями.

Разжав объятия, Валентина отступила на пару шагов и взялась за край траншеи. Пальцы сильно болели: она то ли ушибла их, то ли сломала, но когда, как — этого Валентина совершенно не помнила. Подпрыгнув, она подтянулась на руках и выбросила свое тело из траншеи. Поднявшись во весь рост, Валентина бросилась прочь, на ходу ощупывая карманы в поисках ингалятора.

— До скорого, Уитнейл!.. — успела крикнуть она. Эту фразу Валентина тоже слышала в каком-то фильме.

* * *

Проснувшись утром на третий день после нападения зомби, Валентина обнаружила, что лежит на спине, прикрывая ладонью опухоль на ключице. Опухоль стала заметно больше — она выросла уже до размеров куриного яйца и была горячей и плотной на ощупь. Подумав, что неплохо было бы рассмотреть ее в зеркале, Валентина попыталась подняться, но обнаружила — тело не слушается ее. Вернее, слушается, однако каждое движение причиняет мучительную боль, какой она не испытывала никогда в жизни. Болело буквально все: руки, ноги, спина, даже мышцы лица. Грудь болела так, словно накануне она участвовала в боксерском поединке и пропустила несколько увесистых ударов в корпус. С огромным трудом ей все же удалось встать и кое-как добраться до стола. Упав на стул, она положила себе несколько ложек каши. Есть ей совершенно не хотелось, но Валентина боялась, что мать может что-то заподозрить.

Мама сидела напротив, однако ее взгляд был устремлен не на дочь, а куда-то в пространство над плечом Валентины.

Валентина отправила в рот ложку каши, но тотчас выплюнула, когда горячая пища попала в ранку от выбитого вчера зуба. Только теперь мама посмотрела на нее.

— Открой рот, Валя! — сказала она.

Валентина послушно открыла рот, продемонстрировав матери пустое место в верхней челюсти.

— Тебя избили? — только и спросила мама.

Валентина не ответила. Мать смотрела на нее такими глазами, что девушка просто боялась говорить.

— Без зубов ты им будешь не нужна, — сказала мама, и в ее голосе Валентине почудился легкий намек на удовлетворение. — Теперь ты сможешь вернуться на строительство.

Валентина молча поднялась из-за стола и вышла из квартиры. У нее был жар, и довольно сильный, настолько сильный, что она не совсем понимала, спускается она по лестнице или, наоборот, поднимается. В конце концов Валентина все же оказалась на улице и пошла по тротуару. Но и идти нормально она не могла. При каждом шаге ее коленки подгибались, мышцы бедер протестующе ныли, и она двигалась неровной, приплясывающей походкой танцора диско. Или зомби. К счастью, час был ранний, и на холодных пустых улицах ей никто не встретился.

Валентина шла к дому Волшебника. Инстинктивно она выбрала верное направление, но ей не хватило сил. Она прошла совсем не-

много, потом села на кучу мусора, и ее вырвало. Кое-как отдышавшись, Валентина сунула руку в карман и достала ингалятор, но рука ее дрогнула; ингалятор упал на тротуар, а нагнуться она не могла из-за сильной боли в спине. Валентине пришлось упасть на землю и, отталкиваясь одной рукой, ползти к ингалятору, который откатился довольно далеко. В конце концов ее пальцы сомкнулись на холодном металлическом цилиндре. Неловко прижав его к губам, Валентина трижды нажала на кнопку распылителя.

Лекарство подействовало, и Валентина, бросив опустевший распылитель, встала на ноги. По рукам и ногам разливался жидкий огонь: мышцы требовали работы, и хотя каждое движение по-прежнему причиняло мучительную боль, Валентина побежала вдоль улицы, крепко стискивая зубы, чтобы не закричать.

На ее настойчивый стук дверь открыла Ана. При виде Валентины она вытаращила глаза.

— Ты сделала это! — воскликнула она. Валентина так и не поняла, была ли то простая констатация факта или вопрос. В глазах у девушки потемнело, и она медленно осела на упругий, душистый ковер.

* * *

Очнувшись, Валентина обнаружила себя в чистой, мягкой постели. Матрас под ней был включен и работал в режиме легкого массажа. Сколько часов (или дней) прошло с тех пор, как она добралась до дома Волшебника, Валентина не помнила. Ее комбинезон куда-то пропал. На ней была свободная фланелевая пижама. У изголовья кровати стоял столик на колесиках, сервированный вазой с какими-то диковинными фруктами — что-то среднее между клубникой и апельсином, если судить по вкусу. К кожуре каждого фрукта была приклеена картинка с улыбающейся рожицей.

Потом в комнату вошел Волшебник.

— Ничего, жить будешь, — сказал он. — *Скорее всего*, будешь, хотя возможны варианты... Я не сомневался бы ни на йоту, если бы ты, идиотка чертова, сразу сказала мне о своей болезни. С зомбизмом не шутят!

В комнату заглянула Ана.

— Неужели ты думаешь, что она стала бы на тебя работать, если б была здорова?

Но Волшебник отмахнулся от женщины.

— В общем, я дал тебе лекарство, понятно? — сказал он. — Теперь, я думаю, все будет в порядке.

— Не будет, — ответила Валентина и сама удивилась, как хрипло звучит ее голос. Казалось, кто-то включил неисправную бетономешалку. — Это новая форма зомбизма... Она неизлечима.

— Вот как? — ухмыльнулся Волшебник. — Может, хочешь поспорить? Давай так: если ты умрешь, я позабочусь о твоей семье. Если останешься в живых — будешь работать на меня, а я опять-таки позабочусь о твоих родных.

— Ты и так обязан позаботиться о моей матери и брате, чтобы они не умерли с голоду и не заболели, — возразила Валентина.

Глаза Волшебника недовольно блеснули.

— Я спас тебе жизнь, детка. С моей точки зрения, это достаточная плата за... за оказанные тобой услуги, поэтому я решил в одностороннем порядке пересмотреть условия нашего соглашения. Если ты не согласна, я могу устроить так, что тебя... что ты заболеешь снова. Тогда мы сможем вернуться к нашей первоначальной договоренности.

— Ты правда меня вылечил?

— У нас здесь есть доступ ко многим вещам, которых в Городе днем с огнем не сыщешь, — подала голос Ана. — Если бы мы тебе не помогли, твоя болезнь наверняка убила бы тебя.

— Ну так как? — снова сказал Волшебник. — Будем биться об заклад или?..

Валентина закрыла глаза и подумала о своем задании, о неприятельском солдате по имени Уитнейл, о том, как на поле боя она чувствовала себя королевой. Еще она подумала о том, как враги бомбили ее Город и как она помогла им убить еще больше его защитников — и солдат, и простых землекопов. Таких, например, как ее отец.

— Я не... я больше не хочу предавать свой Город. — Валентина открыла глаза и села на кровати. Очень прямо. — Я понимаю, что совершила предательство, когда согласилась исполнить твоё задание, — добавила она, — но я была больна. У меня начинался бред, я умирала. А ты изменяешь Городу каждый день. Как *ты* собираешься оправдываться?

— Я? Я — предатель?! Бог с тобой, детка, о чем ты?!..

— Ты прекрасно знаешь — о чем. Я говорю об электронных «глазах», замаскированных под обычные камни. Я разместила их в наших траншеях, так что теперь враги могут следить за всем, что там происходит. То, как ты живешь, пока другие голодают... Откуда у тебя еда, лекарства, все остальное? Может, это плата за жизни тех, кого ты предал?

— Ты умная девочка, Валентина, и твоя мать — Герой Революции, но в данном случае ты не права. Наш маленький дворец — вовсе не шпионское гнездо в сердце твоего любимого Города. Мы кинохроники, документалисты. Мы снимаем войну и отсылаем наши репортажи в большой мир, чтобы люди во всех странах знали правду о трагедии, которая происходит здесь. Быть может, тебе неизвестно, что во многих странах существует мощное общественное движение за прекращение войны, которое мы снабжаем подлинными документальными материалами? Так вот, съемки, сделанные нами, не только породили это движение, но и продолжают его подпитывать. Миниатюрные камеры, которые ты разместила вчера в непосредственной близости от линии фронта, круглые сутки передают заснятые материалы на сайты Движения Мира в пятидесяти с лишним странах. А лучшие кадры даже демонстрируются на заседаниях Организации Объединенных Наций!

Ана презрительно фыркнула.

— Да брось ты!.. На кабельных каналах для взрослых эти кадры показывают вместо новостей перед очередным боевиком — так сказать, для разогрева аудитории. Их крутят в частных кинозалах вместо пародии на садистское порно. Их используют в качестве видеоклипов при создании произведений авангардистского действа. Хватит пудрить ей мозги, Волшебник! Девочка должна знать правду, а не то, в чем ты пытаешься убедить себя, когда не можешь уснуть по ночам!

— Значит, все это нужно для... для развлечения?

— Согласись, это *захватывающие* съемки, — сказала Ана таким тоном, словно «захватывающий» означало «ужасный». — И они очень высоко ценятся в... в определенных кругах.

— Эти съемки будят в людях совесть! — вмешался Волшебник. — Я давно говорю, Ана, что в тебе слишком много нездорового цинизма. Ты склонна видеть только худшую сторону вещей и не обращаешь никакого внимания на то положительное, что... Ведь именно благодаря нам буквально все жители планеты — за исключением, быть может, горстки политических болтунов — знают, что здесь происходит.

— Значит, для кого-то осада Города — развлечение? — снова спросила Валентина.

— Развлечение, — кивнул Волшебник. — Но не только... И не для всех. Понимаешь, девочка, если взглянуть на проблему максимально широко...

— Враги бомбят нас, морят голодом, травят газами, а вы все это снимаете и продаете им же в качестве «забавных картинок»?! — Ва-

лентина отбросила одеяло и спустила ноги на пол. Мышцы еще немного побаливали, но не так сильно, как раньше. От лихорадки тоже осталась лишь легкая слабость.

— Я здорова? — спросила она. — Я здорова или мне нужно принимать еще какие-нибудь лекарства?

Волшебник криво улыбнулся.

— Да, то есть... В общем, я не...

— Ты здорова, — перебила его Ана. — Конечно, не мешало бы тебе несколько дней отдохнуть и получше питаться, но и без этого ты со временем поправишься.

Волшебник издал досадливое шипение и, повернувшись к женщине, с такой силой толкнул к двери, что Ана оступилась и налетела на дверной косяк. Она, впрочем, ничего не сказала: развернулась и вышла в коридор. Валентина тем временем выбралась из постели и встала рядом со столиком на колесах. Она чувствовала себя вполне сносно, и когда Волшебник попытался взять ее за руку, Валентина не долго думая ткнула ему пальцем в глаз. От боли Волшебник вскрикнул и попятился, а она обогнула его и, выйдя в коридор, прошла в великолепную гостиную, где Ана, а точнее — домашние роботы, уже приготовили для нее два объемистых свертка.

— Здесь одежда, — сказала Ана, показывая на один сверток, аккуратно запаянный в водонепроницаемую пленку. — А здесь еда. Бери и иди домой. И больше не возвращайся. Я, конечно, не здешняя, но даже мне ясно, насколько все это подло и... аморально. Волшебник... Тому, что он делает, нет никакого оправдания. А теперь ступай. — И она протянула Валентине пару еще теплых после матрикатора башмаков — крепких, удобных рабочих башмаков.

* * *

Через шесть месяцев после того, как Валентина принесла домой последние два свертка, ее перевели со строительства оборонительных сооружений в санитарную службу. Теперь ее работа состояла в том, чтобы собирать с улиц Города трупы. От голода люди умирали уже не десятками и не сотнями, а тысячами. Зомби, напротив, плодились как мухи. Они питались мертвечиной, поэтому уборка — «санация» — улиц стала насущной необходимостью.

По карточкам теперь выдавали только хлеб, да и то не каждый день, и Валентина часто видела его во сне. Острый голод преследовал ее круглые сутки. Днем он изводил ее, словно надоедливая подруга, а по ночам будил резами в пустом животе.

Летом мертвые тела проще всего было отыскивать по запаху. Из-за этого ужасного запаха напарник Валентины — подросток одного с ней возраста — ходил, не снимая противогаза, и она ни разу не видела его лица. Кроме противогаза у него был пистолет-пулемет с дисковым магазином, и Валентина от души надеялась, что он умеет с ним обращаться, так как зомби встречались в Городе чуть ли не на каждом шагу. Напарник, впрочем, был опытнее ее; он «грузил мясо» уже несколько недель и время от времени давал Валентине советы, стараясь помочь ей побыстрее освоиться со своими обязанностями, однако он так и не сказал, как его зовут, и не спросил имени девушки.

Свою работу они начали еще до рассвета, пока было относительно прохладно. Днем они поспали несколько часов, а ближе к вечеру снова выехали на улицы. От голода и смрада у Валентины кружилась голова, но она старалась справиться со слабостью.

Труп они обнаружили на пятнадцатом этаже здания, построенного в эпоху Революции. Ни один лифт в Городе не работал уже больше года, поэтому подниматься им пришлось пешком. Они шли и отдыхали, шли и отдыхали, а подъем казался бесконечным. О том, чтобы подняться на пятнадцатый этаж единым духом, не могло быть и речи — для этого они оба слишком ослабели.

Мертвый мужчина оказался крупным, ширококостным. При жизни он, наверное, был настоящим гигантом. От голода он высох, превратившись почти в скелет, однако, несмотря на это, Валентина и ее напарник могли поднять его лишь с огромным трудом.

— Нам не под силу стащить его по лестнице, — сказал Валентине подросток. — Открой-ка окно...

Валентина подчинилась без особых раздумий.

— Бери за ноги! — скомандовал напарник. В противогазе он был похож не то на зеленого слона, не то на лысую лошадь, но Валентина не смеялась — она и сама выглядела не лучше. На единственном стуле, который не был сожжен в самодельной печи прошлой зимой, подросток сложил немногочисленные вещи, найденный на трупе: обручальное кольцо, зажигалку, нож с выкидным лезвием и небольшие радионаушники. На наушниках горел красный огонек — это означало, что аккумуляторы почти разряжены.

С грехом пополам они подтащили труп к окну и — «Раз, два, три!..» — перевалили через подоконник. Несколько секунд Валентина как зачарованная провожала взглядом падающее тело. Наконец оно достигло асфальта во дворе. Раздался глухой, чавкающий удар, кото-

рый еще долго эхом отдавался у нее в голове. После падения с высоты пятидесяти метров от мертвого мужчины осталось бесформенное месиво из костей, крови и разлетевшихся во все стороны кусков плоти. Должно быть, это и называется «разбиться вдребезги», тупо подумала Валентина. Слезы сами собой потекли у нее из глаз, и стекла противогаза мгновенно запотели. Неверным шагом она вышла в коридор, сорвала с лица резиновую маску и зарыдала, уткнувшись лбом в покрытые пылью и копотью обои.

— Ничего, дальше будет легче, — сказал напарник. — Идем. — И он потянул ее за рукав.

Он был прав. Дальше действительно пошло легче, но в тот первый день Валентина едва продержалась до конца смены. Чтобы собрать останки мужчины и погрузить их в фургон, им пришлось воспользоваться лопатами, и это едва ее не доконало. Разорванная плоть влажно поблескивала, и Валентина старательно отводила глаза, иначе ее начинало мутить. Но сильнее отвращения было острое чувство вины. Валентина сама жила на десятом этаже, поэтому она решила, что когда настанет ее час, она сама выбросится в окно.

* * *

С начала осады прошло два года. И вот однажды, проснувшись утром, чтобы идти на работу, Валентина вдруг поняла, что оглохла. Мать трясла ее за плечи и что-то говорила, но Валентина видела одно движение губ. Только прислушавшись изо всех сил, она различила далекий, глухой, словно из-под воды доносящийся шум, который показался ей смутно знакомым, но что это могло быть, она никак не могла вспомнить.

За последние несколько месяцев мама стала худой как щепка; возле ее губ залегла горькая складка. Теперь она приходила домой всего на несколько часов и падала на кровать, не расставаясь с автоматом. Ее еще несколько раз ранили, и, находясь дома, она принимала множество самых разных таблеток и стимуляторов, от которых потом становилась немного странной. На мгновение Валентина даже задумалась, не может ли оказаться так, что это не она оглохла, а мама онемела от своих лекарств, но потом до нее дошло, что она не слышит не только маминого голоса, но и вообще ничего.

Это было скверное открытие, но Валентина восприняла его настолько спокойно, что сама удивилась. Показав на свои уши, она сказала:

— Я ничего не слышу, мама.

Но ее мать, похоже, ничего не поняла. Она еще несколько раз сильно встряхнула Валентину, и та нетерпеливым движением стряхнула ее руки со своих плеч.

— Кажется, я опять оглохла! — сказала Валентина и, покачав головой, несколько раз потянула себя за мочки ушей. Только сейчас она начала чувствовать страх. Поспешно сев на кровати, она поковыряла мизинцем в ухе. Ухо было грязное, но не настолько, чтобы не слышать даже шороха пальца в слуховом канале. Она действительно оглохла.

Несмотря на то, что Валентина едва проснулась, ее дыхание было частым и трудным. Голод довел ее до истощения. От голода она страдала и раньше: часто плакала без видимой причины. Бывало, на середине фразы Валентина садилась и, запрокинув голову, смотрела в небо, а слезы текли и текли по ее щекам. Но сейчас слез не было.

Усилием воли она заставила себя дышать помедленнее.

— Мама, — сказала Валентина. — Я...

Но ее мать жестом велела ей оставаться дома, потом с расстановкой произнесла несколько слов, тщательно артикулируя каждый звук, и Валентина кивнула головой в знак согласия. Потом мама ушла, а Валентина осталась дома.

В этот день она тоже должна была «грузить мясо». По крайней мере на этой работе она могла есть хлеб каждый день. По карточке гражданского служащего паек уже давно выдавали через день, но на черном рынке Валентине почти всегда удавалось обменять ценности, найденные в карманах и квартирах умерших, на маленький кусок очень плохого хлеба, в котором опилок и песка было больше, чем муки.

Теперь Валентина работала с новой напарницей — молоденькой девочкой, которую еще надо было обучить и подготовить. Молчаливый подросток — ее первый напарник и наставник — остался в прошлом. На правах старшего он несколько раз пытался хватать ее за грудь, и в конце концов Валентина пожаловалась бригадиру. Бригадир попробовал сделать парню внушение, но тот словно взбесился. Он бросился на бригадира с лопатой, и начальник отправил его на фронт — подносить патроны и снаряды. Там, как полагала Валентина, парень оставался и до сих пор, если только его не убили. Впрочем, его судьба ее почти не волновала. Единственное, что занимало девушку теперь, это где достать хлеба. Ясли-сад в подвале закрылись несколько месяцев назад, но Тровер обзавелся парой друзей — таких же малышей, как и он, — с которыми часто играл в развалинах и пу-

ствующих домах. Иногда он даже приносил домой кое-какую еду (откуда она взялась, Валентина никогда не спрашивала), которой обязательно делился с сестрой. Валентина, впрочем, была уверена, что большую часть добычи Тровер оставляет себе. Она и сама так делала. И все остальные тоже. Даже у мамы под подушкой хранилось несколько вяленых рыб. Валентина знала об этом, но почти никогда не крада у мамы еду, хотя сделать это было бы проще простого.

Пока она лежала, в комнату заглянул Тровер. Он вопросительно посмотрел на сестру, но Валентина только покачала головой.

— Я оглохла, — сказала она и снова подергала себя за уши. Ей казалось — она произнесла эти слова очень громко, но наверняка сказать не могла. Тровер, во всяком случае, никак на них не отреагировал. Повернувшись, он вышел за дверь.

Время шло. Она ждала маму, но та все не возвращалась, а чем дольше она не возвращалась, тем сильнее беспокоилась Валентина. Она даже всплакнула немного, потом попыталась уснуть, но мешал голод. Стараясь справиться с ним, Валентина пососала несколько подобранных на берегу реки камешков и выпила почти всю воду из бачка, но это не помогло. Тогда она решила вынести на улицу ночной горшок, но безмолвный мир, подстерегавший ее на улице, настолько напугал Валентину, что она даже не донесла посудину до канализационного коллектора. Выплеснув содержимое горшка на ближайшую кучу мусора, она почти без передышки взбежала обратно на свой десятый этаж и без сил рухнула на кровать.

В конце концов она все-таки заснула. Разбудила ее вернувшаяся откуда-то мама. Глядя дочери прямо в лицо, она произнесла несколько слов, однако Валентина так ничего и не поняла, хотя очень внимательно следила за движениями ее губ. Мама повторила одну и ту же фразу несколько раз, но Валентина по-прежнему не понимала, что она говорит. Она, впрочем, догадалась, что мама хотела ей сказать — для этого достаточно было взглянуть на выражение маминого лица. Ни один врач в Городе ей не поможет... Что ж, Валентина на это и не рассчитывала.

Насколько ей было известно, ни один врач просто не мог помочь. Валентина понимала причину недуга. Вышло из строя ее слуховое устройство, как ломались все вещи, сделанные в счастливые послереволюционные годы. Старики умирали, когда отказывали их синтетические сердца или начинали сморщиваться и усыхать искусственные почки. Лифты не работали. Матрикатеры не работали — все они выключились чуть ли не в тот же день, когда началась осада. Больницы

перестали «печатать» лекарства. Летомобили приземлились, чтобы больше не подняться. Все разваливалось, портилось, отказывалось работать. Слуховое устройство Валентины тоже было одной из чудесных вещей, появившихся после Революции, поэтому и оно отключилось. Удивительно, как оно вообще протянуло так долго!

Мама не могла этого не знать. Быть может, именно это она и говорила дочери. Если бы Валентина сосредоточилась, она могла бы, наверное, припомнить мамин голос и представить, как та произносит именно эти слова.

— Все в порядке, мама, — ответила Валентина и по испуганным глазам мамы тотчас догадалась, что кричит. — Все в порядке, я поняла, — добавила она чуть тише.

Тут мама заплакала, и Валентина заплакала тоже. Она, впрочем, постаралась поскорее взять себя в руки и притворилась, что спит. Когда она убедилась, что мама и Тровер тоже легли и заснули, то достала из тайника крошечный фонарик Волшебника и, спустившись по лестнице, вышла на безмолвную ночную улицу.

На этот раз она добиралась до дома Волшебника чуть ли не вдвое дольше, чем последний раз. Валентина только оглохла, но ей казалось, что и видеть она тоже стала хуже. Она действительно не очень отчетливо различала окружающие предметы, но больше всего пострадало ее чувство равновесия. Теперь Валентине приходилось прилагать значительные усилия, чтобы не упасть, а из-за этого она шла намного медленнее.

В какой-то момент Валентина задумалась, как же она будет жить дальше, если ей не удастся вернуть слух. Скорее всего, ей снова придется копать траншеи — работу на труповозке придется оставить, коль скоро она не в состоянии услышать простейшую команду «Раз, два, взяли!».

Так она шла, качаясь, будто пьяная, по самым глухим и темным улочкам, куда не заглядывали даже ночные патрули. Фонарь Валентина направила вниз и прикрыла ладонью, так что остался только один узкий лучик, освещавший небольшой участок мостовой под ногами.

Она как раз собиралась свернуть на главную торговую улицу в старой части Города, когда чья-то сильная рука опустилась ей на плечо и потянула в сторону ближайшего переулочка. В первое мгновение Валентина решила, что это зомби, и невольно вскрикнула. Тотчас же тяжелый кулак обрушился на ее губы, расшатав еще несколько зубов. От удара в голове у нее зазвенело (это был первый звук, который она слышала за сегодня), а фонарик выпал у нее из руки и закатился в

какую-то щель в асфальте. Теперь его луч бил вертикально вверх, освещая обшарпанные, темные фасады выходивших в переулок домов и бледное, хрящеватое лицо напавшего на нее человека.

Это был совсем молодой парень в полувоенной форме бригады гражданской самообороны. Его щеки и лоб покрывали прыщи и язвочки, даже при неверном свете фонарика выглядевшие так, словно их искусственно вызвали при помощи каких-то химических препаратов. И пахло от него скверно. Жители Города давно забыли, что такое ванна или душ, но от этого парня пахло не только грязью и немытым телом. От него пахло гораздо хуже. Возможно, он страдал какой-то болезнью. Но главное, это был не зомби.

Обернувшись, Валентина увидела, как движутся его губы. Он что-то говорил, но она, разумеется, не слышала ни слова.

— Я глухая, — спокойно сказала Валентина. Должно быть, она все же произнесла эти слова слишком громко, потому что парень от неожиданности вздрогнул и втянул голову в плечи. Но уже в следующее мгновение он размахнулся и ударил ее снова — и намного сильнее, чем в первый раз. Не устояв на ногах, Валентина повалилась навзничь, а он грубо схватил ее за руки и поволок прочь, подальше от света.

Валентина почти не сопротивлялась, хотя и знала, что будет дальше. Подозрения ее только укрепились, когда прыщавый разорвал на ней рубашку и лифчик.

Мать Валентины была солдатом. В армии ее научили убивать, а она обучила этому дочь. Правда, от голода Валентина очень ослабла физически, зато она никогда не выходила из дома без выкидного ножа — того самого, который ее напарник нашел в кармане мертвого мужчины, сброшенного ими из окна пятнадцатого этажа несколько геологических эпох назад.

Нож лежал у нее в заднем кармане. Не отводя взгляда от парня, который никак не мог справиться с застежкой на своих брюках, Валентина незаметно просунула руку в этот карман и нащупала нож. Да, она знала, что будет дальше, а вот парень не знал. Чтобы усыпить бдительность противника, Валентина несколько раз всхлипнула, и теперь он был уверен, что жертва полностью в его власти.

Но когда он наклонился к ней, Валентина показала ему, что он ошибается. Первым ударом она отсекла ему два пальца и едва не распорол собственный живот. Парень попытался было вскочить, но Валентина схватила его за запястье и дернула на себя. Руку с ножом она отставила в сторону, чтобы он не придавил ее тяжестью своего тела.

Когда же парень повалился на нее, Валентина трижды ударила его ножом между ребер, а потом вонзила клинок в почку. Имея дело с выброшенными из окна трупами, она хорошо представляла, как устроенное человеческое тело.

Уже давно Валентина не соображала так быстро и четко. Парень на ней отчаянно забарахтался и даже нанес ей один-два удара по голове, но Валентина не растерялась и полоснула его ножом сначала по шее, а потом по лицу. Только после этого она оттолкнула его, и он откатился в сторону, громко вопя. Прежде чем насильник успел подняться, Валентина сама оседлала его и снова пустила в ход нож. Парень несколько раз вяло трепыхнулся и наконец затих.

С трудом поднявшись на ноги, Валентина попыталась привести себя в порядок. Ее рубашка была разорвана в клочья, но лифчик почти не пострадал. Найти оброненный фонарик было проще простого — он по-прежнему лежал в щели мостовой и светил, словно маяк. Валентина извлекла его оттуда при помощи длинной щепки и, зажав в кулаке, двинулась дальше к дому Волшебника.

Дверь ей снова открыла Ана. На первый взгляд, она выглядела как обычно, и только потом Валентина заметила, что Ана тяжело опирается на палку, с какой обычно ходят старики.

— Я оглохла, — сказала Валентина. Она понимала, что выглядит крайне подозрительно — одежда в крови и вся разорвана, однако ей казалось, что Ану этим не смутить. Все же та на мгновение растерялась, и Валентина воспользовалась этим, чтобы проскользнуть мимо нее в новенькую, только что «напечатанную» гостиную. Там она быстро приготовила себе кофе и влила в чашку хорошую порцию рома из бара.

— Я оглохла, — повторила она, увидев, что Ана глядит на нее в безмолвном удивлении. Показав на свои уши, Валентина приготовила еще порцию кофе с ромом для Аны и добавила: — Новая рубашка мне бы тоже не помешала, а вообще мне нужен Волшебник. Где он?..

Она неплохо помнила, как пользоваться кухонным матрикатормом, однако, нажимая на кнопки, Валентина чувствовала себя так, словно спит и видит удивительный сон, в котором ей каким-то образом удалось вернуться в счастливое и сытое прошлое. Не обращая на Ану внимания, она приготовила себе целое блюдо пирожков с гусиной печенкой и белый соус. Наскоро вытерев с пальцев засохшую кровь, Валентина принялась за еду.

Ана долго смотрела на нее и молчала, потом покачала головой и, прихрамывая, отправилась за Волшебником.

Едва войдя в комнату, Волшебник начал что-то говорить, но Валентина только пожала плечами. Зато она во все глаза смотрела на него. Все жители Города — и старые, и молодые — выглядели по сравнению с ним глубокими стариками: они были одеты в лохмотья, покрыты грязью, многие лишились зубов. Но Волшебник, казалось, знал секрет вечной молодости. Как и в прошлый раз, он был опрятно одет, чисто выбрит и даже, похоже, немного поправился.

— «Напечатай» мне новую одежду, Волшебник, — сказала ему Валентина. — Видишь, эта вся в крови?.. Да, и не трудись разговаривать со мной — все равно я ни черта не слышу.

Волшебник уставился на нее. Казалось, он был потрясен. Валентина доела пирожки, облизала испачканные соусом пальцы. С самого утра у нее маковой росинки во рту не было — обнаружив, что оглохла, Валентина просто забыла поесть, и ее желудок время от времени давал о себе знать резкими спазмами. Теперь он успокоился: пирожки сделали свое дело, и боль отступила.

Она была глуха. Она убила человека, но зато она поела. Все-таки быть сытой убийцей лучше, чем голодной.

Не прибавив больше ни слова, Волшебник вышел и почти сразу вернулся с охапкой новенькой, еще теплой одежды.

— Твои матрикаторы продолжают работать. Они не испортились, правда? — тараторила Валентина. Она предполагала, что говорит очень громко, но ей было наплевать. — А вот наши матрикаторы отключились в тот день, когда началась осада, — продолжала она. — И матрикаторы, и все остальное. Ничего не работает. Я знаю, в чем дело — в информационной войне*. Из-за нее перестало действовать и мое слуховое устройство. Оно было рассчитано на десять лет, но не проработало и двух... — Валентина немного помолчала. — Я иду в ванну, — добавила она. — Если хочешь, можешь написать мне ответ. Обещаю прочитать его, когда помоюсь.

С этими словами она отправилась в ванную комнату, встала под душ и включила теплую воду. К глазам отчего-то подступили слезы, но Валентина не дала им пролиться. Все хорошо — твердила она себе. Все правильно. На войне как на войне...

* Информационная война — создание неблагоприятной обстановки, в частности, путем вывода из строя компьютеров, управляющих жизненно важными функциями государства, перехвата и искажения информации, внедрением в ПО вирусов, закладок и логических бомб. Термин используется как в широком, так и в узком смысле. (Прим. перев.)

Переодевшись во все чистое и новое, она рыгнула и почувствовала, как ударил в нос запах свежесъеденных пирожков и соуса. Это тоже было почти новое переживание — уж очень давно она не ела досыта. Сто лет или даже тысячу...

Вернувшись в гостиную, она увидела, что Волшебник сложил один из диванов и развернул на его месте большой экран, подобный тому, на каком в далеком, счастливом детстве Валентина любила играть в компьютерные игры.

ТЫ ОГЛОХЛА? — написал Волшебник на экране.

Валентина кивнула.

— Еще в первый день осады, — сказала она. — Бомба разорвалась слишком близко. Мне вживили слуховой аппарат, но когда сегодня утром я проснулась, он не работал. Еще вчера все было нормально, а сегодня... Он просто вырубился, вот так!.. — Она шелкнула пальцами и, заметив уголком глаза какое-то движение за спиной, резко обернулась.

В гостиную вошли еще четыре человека. Валентина никогда их не видела, но сразу догадалась — это им принадлежали те далекие голоса, которые она слышала в прошлые разы. Все они были довольно упитанными и потому походили на Ану. Двое выглядели как иностранцы. Репортеры. Документалисты, мать их так!.. Один из них навел на нее миниатюрную цифровую камеру, и Валентина, оскалив шербатый рот, шагнула вперед. Оператор попятился с испуганным восклицанием, и Валентина нехорошо усмехнулась.

— Ваши камеры работают. Ваши матрикатеры продолжают «печатать» еду и одежду как до войны. Информационная война не действует на вас, следовательно, способ защиты от вирусов и логических бомб существует! И кое-кто этот способ знает... Ведь неспроста же вражеские противоблиндажные ракеты отказывают значительно реже, чем наше оружие.

Волшебник и Ана принялись о чем-то совещаться. Они нарочно отвернулись, чтобы Валентина не видела их губ, но она не растерялась и, вырвав камеру у опешившего оператора, направила в их сторону.

— Я хочу записать, что вы там говорите, и прослушать потом, когда слух ко мне вернется, — сказала она. — Вы ведь не возражаете, правда?

Тут Валентина снова рассмеялась и показала им язык, просунув его кончик в дыру от выбитого зуба. Теперь у нее шатались все зубы, и когда она нажимала на них языком, ей становилось и больно, и щекотно одновременно.

Волшебник, видно, что-то сообразил, так как снова повернулся к экрану, вывел изображение клавиатуры и стал нажимать на кнопки с буквами. Над клавиатурой начал появляться текст:

ДЕЛО ОБОИТ НЕ СОВСЕМ ТАК, КАК ТЫ ДУМАЕШЬ, ВАЛЕНТИНА!

— Ну еще бы! Что могу знать я, пятнадцатилетняя девчонка, которая даже не закончила школу?! Но ведь кое в чем я права, не так ли? Вы можете мне помочь!..

Ана кивнула.

— И вы почините мое слуховое устройство?

Ана снова кивнула.

— А вдруг вы попытаетесь прикончить меня, пока будете менять аппарат?

На этот раз никто ей не ответил, и Валентина усмехнулась.

— Я так и думала. Имейте в виду: в меня вмонтировано взрывное устройство... — Это было не так, но подобные вещи случались. — Если я умру, оно сработает, и тогда — БУМ!.. — Тут Валентина подумала, что, пожалуй,хватила через край. Ну кому, скажите на милость, могло прийти в голову вживлять взрывное устройство голодной, беззубой девчонке из городской санитарной службы?.. — Это моя мама устроила, — добавила она для убедительности.

К счастью, еда сотворила настоящее чудо. Теперь Валентина сообщала гораздо лучше, чем раньше (ей и в голову не приходило, в каком тумане проводила она дни, когда была голодна). Вспомнив один из фильмов, виденных еще до войны, она сказала:

— Кроме того, я оставила в надежном месте подробное описание того, чем вы тут занимаетесь. Если я вдруг умру или исчезну, конверт вскрыют, и тогда...

Это тоже была выдумка, но значительно более удачная. С нее и надо было начинать, подумала Валентина. Сейчас она не могла знать, поверили ей или нет, но, по крайней мере, ей удалось заставить Волшебника и остальных задуматься о возможных последствиях.

Посмотрев на Ану, которая недоверчиво качала головой, Валентина быстро добавила, чтобы не дать им опомниться:

— Я уверена, у вас здесь есть доктор. Я не знаю, что случилось с твоей ногой, Ана, но ведь кто-то тебя вылечил!..

Вместо ответа Ана показала на мужчину, у которого Валентина выхватила камеру. Очевидно, это и был врач.

— Что ж, в таком случае прошу прощения, — сказала Валентина и, насмешливо поклонившись, сунула камеру врачу прямо в руки.

* * *

На следующий день после того, как Валентина убила своего первого человека, к ней полностью вернулся слух. Операция заняла всего десять минут, да и состояла она, главным образом, в дистанционном перепрограммировании слухового устройства. Как сказал врач, новое программное обеспечение с жесткой «защитой» логикой отличалось повышенной надежностью и было устойчиво к вирусным атакам. Валентине, правда, это мало что говорило, зато ей понравилось, как это звучит.

Работоспособность слухового аппарата восстановилась, однако не сразу. Сначала Валентина воспринимала звуки в сильно искаженном виде, с большими паузами, но потом все пришло в норму, и она стала слышать даже лучше, чем раньше. Врач-оператор показал Валентине, как с помощью компьютерного терминала подключаться к размещенному в правом ухе аппаратному буферу памяти, где помещалось огромное количество аудиоинформации. При желании Валентина могла бы заново прослушать все разговоры, которые она вела в течение полугода. Она, правда, сомневалась, что эта опция, какой бы удобной и полезной она ни была, когда-то ей пригодится, поскольку в Городе не осталось ни одного работающего компьютерного терминала.

— А теперь я пойду домой!.. — объявила Валентина, убедившись, что ее слуховой аппарат работает нормально.

Ана, приглядывавшая за матрикатором, «печатавшим» новую одежду и продукты со всей скоростью, на какую он только был способен, дала команду домашним роботам упаковать и то, и другое в непромокаемую пленку и повернулась к девушке.

— Ты и правда сдала бы нас, если бы мы тебе не помогли? — спросила она.

Валентина, пряча улыбку, покачала головой.

— Мне бы все равно никто не поверил. Кстати, никакого взрывного устройства у меня под кожей нет.

— Я так и подумала, — ответила Ана и, шагнув вперед, крепко обняла Валентину и поцеловала в щеку. — Будь осторожна, ладно?

Валентина посмотрела на нее.

— Почему вы не хотите помочь нашим? Почему вы не поделитесь секретом своей жесткой логики с армией? Тогда у нас тоже было бы действенное оружие, и...

Ана покачала головой. В глазах у нее блеснули слезы.

— Думаешь, я не задавала этого вопроса? А знаешь, что мне ответили?.. Поступить так было бы равносильно самоубийству. Ваши вра-

ги, с которыми вы воюете, никогда бы нам этого не простили. Одно дело обвинять их в том, что они развязали кровопролитную войну, и совсем другое — положить конец этой войне.

Потом Валентина попросила Ану «напечатать» ей для маскировки несколько холщовых мешков. Когда они были готовы (с растровым изображением отвратительных грязных разводов и пятен), она сложила туда упакованные роботами свертки и пакеты и вышла на улицу, ярко освещенную весенним солнцем. Каждый раздававшийся в ушах звук — собственные шаги, далекая канонада, плач голодного ребенка где-то поблизости — воспринимался ею отчетливо и ясно, словно падение серебряного камертона на хрустальную поверхность. Медленно шагая по мостовой, Валентина миновала место, где, как она думала, на нее напал прыщавый парень и где она так славно поработала ножом. Никаких следов схватки она, однако, не заметила. Должно быть, на этот раз городские санитары сработали быстро.

На свой десятый этаж Валентина поднялась почти без остановок — после плотной еды сил у нее заметно прибавилось. Она уже потянулась к ручке двери, когда вдруг услышала доносящийся из квартиры плач. Тровер... Когда ее брат был несмышленым младенцем, он ревел буквально часами, но с тех пор как началась война, он почти не плакал, и Валентина успела забыть этот звук.

Рванув дверь, она сразу поняла, почему плачет брат. Мама... Она лежала на полу возле единственного стула, который они еще не пустили на дрова, и не двигалась. Один глаз у нее был открыт, другой — крепко зажмурен. Тровер, громко всхлипывая, тряс ее за плечи.

— Что?!.. — воскликнула Валентина и, в свою очередь, крепко встряхнула Тровера, чтобы привести его в чувство. — Что случилось?!

Брат посмотрел на нее мутным, расфокусированным взглядом, открыл рот и завыл. Казалось, он вовсе разучился разговаривать.

Валентина опустилась возле матери на колени. Ее щека была совсем холодной, руки и ноги окоченели и не гнулись. Каждый, кто работал на уборке трупов, хорошо знал, что означает это окоченение. Весь перед маминоного заплатанного комбинезона был мокрым, и Валентина, потянув носом, уловила запах успевшей остыть мочи. Нагрудный карман комбинезона оттопыривался, и Валентина, отстегнув клапан, достала оттуда несколько лекарственных ингаляторов армейского образца. Прибегать к ним следовало только в крайнем случае — когда от усталости не можешь заснуть или когда твое тело отказывается тебе повиноваться. Но почти все они были пустыми.

Выпрямившись, Валентина снова посмотрела на мать. Казалось, она умерла уже давно и даже успела полежать в могиле. Обтянутый кожей скелет, а не человек. По сравнению с упитанной Аной, эта лежащая на полу женщина казалась уродливой, костлявой, бесчувственной как доска. Слишком бесчувственной, чтобы быть матерью, и все же... Быть может, когда Валентина не вернулась домой, она приняла стимуляторы, чтобы как-то держаться на ногах. Быть может, она даже ходила в Город искать дочь. Или пыталась найти врача. Или ездил на фронт, чтобы убить еще нескольких врагов... Словом, что бы ни убило ее, виновата была она, Валентина. Это из-за нее мама загнала себя в могилу.

Обняв младшего брата за плечи, Валентина крепко прижала его к себе. Плечи у него были костлявыми, слабыми, а в пакетах у Валентины была еда, в которой он так нуждался. Что ж, маму уже не вернешь, но по крайней мере брата она накормит.

Пока Тровер ел, Валентина накрыла тело матери новым пальто. Обшаривать карманы мертвецов она умела мастерски; не были для нее секретом и немногочисленные тайники, которые мама устроила в их маленькой грязной квартире. Вскоре Валентина уже отыскивала мамины документы, ее личное оружие, запасной ингалятор и вещмешок. На фронте сражалось немало подростков и даже детей, и Валентина была уверена, что ее тоже возьмут.

— Идем, Тровер, — сказала она, помогая брату переодеться в новую куртку и зашнуровать новые ботинки. Крепкую обувь Валентина считала даже более важной, чем новую одежду. Сколько им придется ходить пешком, она не знала, но думала, что много.

Потом они спустились вниз. Тровер еще шмыгал носом и изредка всхлипывал, однако обильная еда помогла ему примириться с потерей и сделала немного сонным и покладистым.

Оказавшись на улице, Валентина направилась в районный штаб гражданской обороны.

— Я знаю, как выиграть войну, — заявила она, входя в комнату.

Женщина из городского комитета обороны сильно похудела, но Валентина узнала ее сразу. Это она отправила папу на фронт, это она велела Валентине идти копать оборонительные рвы. Как несправедливо, что папа и мама умерли, а это пугало в бронежилете все еще живет и продолжает командовать!..

Женщина посмотрела на Валентину измученным взглядом и снова уткнулась в лежащие на столе бумаги.

— Я очень занята, девочка, — сказала она устало. Валентину она явно не помнила.

— Я знаю одного... — Валентина на мгновение задумалась, подбирая подходящее слово: — Одного спекулянта. У него есть матризаторы и другие устройства с так называемой «защитой» логикой, на которую не действуют компьютерные вирусы.

Женщина снова подняла голову и посмотрела на Валентину чуть более внимательно.

— Я же сказала, что очень занята.

— Я знаю, где он живет, и могу отвести вас туда. Он «печатает» еду, одежду и многое другое...

Но женщина как будто не слышала ее. Ее взгляд снова уперся в разложенные на столе бумаги, хотя Валентине показалось, что она только притворяется, будто читает.

Таша за собой Тровера, Валентина шагнула к столу и смахнула бумаги на пол.

— Спекулировать запрещено, — сказала она резко. — Может быть, вы арестуете его хотя бы за это?

— Я арестую тебя! — рявкнула женщина и, привстав на стуле, попыталась схватить Валентину за запястье, но та была готова к такому повороту дела. Мама научила ее, как действовать в подобных случаях. Перехватив руку женщины, Валентина так ловко выкрутила ей большой палец, что та свалилась со стула и, задыхаясь от боли, упала на колени.

— Достаточно!.. — сказал позади нее Герой Революции, входя в комнату. В первое мгновение Валентина подумала — он стоит прямо у нее за спиной, но это ей только показалось из-за нового слухового устройства. Обернувшись, она увидела, что Герой прислонился к дверному косяку и строго глядит на нее. За прошедшие два года он сильно постарел и похудел и походил больше на зомби, чем на человека.

— Отпусти ее, — добавил Герой, показывая на женщину из городского комитета обороны.

Валентина повиновалась.

— А вы?.. Разве вы не хотите задержать этого спекулянта? — спросила девушка, поворачиваясь к Герою. Ее мать безмерно уважала этого человека, и Валентина подумала, что может на него положиться.

— Я пойду с тобой, если хочешь, — ответил Герой. — Мы все проверим и тогда...

— Разве вы не возьмете охрану? — удивилась она. — Ведь он вооружен... — Валентина на секунду задумалась и добавила: — По крайней мере, я так думаю...

— Я тоже вооружен. — Герой похлопал ладонью по тяжелому пистолету в кобуре, висевшему у него на ремне. — Думаю, этого хватит.

* * *

Старый Герой шагал по-стариковски медленной, но на удивление твердой походкой. Встречные солдаты отдавали ему честь, пожилые горожане улыбались и делали приветственные жесты, и Валентина почувствовала гордость от того, что ее видят с таким известным человеком. Обычно ее мало кто замечал — для окружающих она была лишь еще одним худым, изможденным лицом среди множества таких же лиц, но рядом со старым Героем она тоже чувствовала себе героиней. И Валентина была героиней. Кто, как не она, может покончить с долгой, мучительной осадой и освободить Город?..

По дороге старый Герой разговаривал с ней скрипучим старческим голосом. Он хорошо помнил ее мать и отца. Во время Революции он был маминым командиром. Герой рассказал Валентине, какой храброй была ее мама, и, слушая его, она чувствовала, как ее сердце начинает биться чаще. Валентина тоже была героем — как этот старый человек, как мама. Она была уверена, что Волшебник поможет им выиграть войну.

Потом они подошли к дому Волшебника. Валентине показалось странным, что старый Герой сразу его узнал. Не успела она показать ему нужную дверь, как он уже поднялся на крыльцо и трижды постучал в нее рукояткой пистолета.

Через секунду дверь отворилась. На пороге стояла Ана. Она была одета в невообразимые лохмотья и по-прежнему держала в руках трость, но хромала гораздо сильнее, чем два дня тому назад.

— Здравствуйте, товарищ, — сказала она, и Валентина заметила, что Ана избавилась от своего странного акцента.

Старый Герой кивнул ей.

— Товарищ Ана... — сказал он, и Валентина удивилась, откуда он знает имя этой женщины.

— Здравствуйте, товарищ Герой... — На крыльцо вышел и Волшебник. Он тоже был одет в какое-то ветхое тряпье, которое никак не вязалось с его упитанным лицом и хитрым блеском в глазах. Его взгляд метнулся вдоль улицы и остановился на Валентине.

— Привет, Валя, — сказал он как ни в чем не бывало.

— Товарищ Георгий... — старый Герой обменялся с Волшебником вполне дружеским рукопожатием. — Эта девочка сообщила, что ты прячешь у себя контрабанду. Извини, но я должен обыскать твой дом.

— Ах, Валентина, Валентина... — Волшебник покачал головой и фальшиво улыбнулся. — Еда, которую ты украла, никакая не контрабанда. Это... из моих личных запасов. — Повернувшись к Герою, он добавил: — Да, она украла у меня кое-что из еды, но я ее не обвиняю. Конечно, бедняжка была голодна. Будь я ребенком, то на ее месте поступил бы так же.

Валентина с такой силой сжала руку Тровера, что тот захныкал, но промолчала. Она не доверяла себе, не доверяла своему языку, боясь, что может сказать что-то не то и все испортить.

Они вошли в прихожую и повернули налево. Прежде, чтобы окатиться в гостиной, Валентина всегда поворачивала направо, но теперь с этой стороны образовалась глухая стена, оклеенная закопченными, грязными обоями. Располагавшиеся слева комнаты были крошечными, душными, голыми. Совсем как квартира Валентины — маленькая, грязная, пахнущая смертью.

— Ищите, — сказал Волшебник. Он попытался положить руку на плечо Валентины, но она отпрянула и схватилась за карман своих новеньких брюк, которые Волшебник «напечатал» для нее не далее как вчера. В кармане у нее лежал крошечный мамин пистолет.

Волшебник посмотрел на нее с деланным сожалением и слегка пожал плечами.

— Ищите, — повторил он. — Только вряд ли вы что-нибудь найдете. У меня ничего нет.

Но Валентина и сама понимала, что они ничего не найдут. Вряд ли Волшебник был настолько неосторожен, чтобы оставить здесь хотя бы банку консервов. И потом, это была не та квартира, совсем не та!.. В той квартире у него было... Валентина прислушалась. Ее новое слуховое устройство работало безупречно, и она без труда различила за стеной шаги и тихие голоса других документалистов.

— Я слышу их! — воскликнула она. — Это не та квартира. Нам нужно в другую...

— Ты привела меня сюда, — возразил старый Герой.

— Я перепутала, — поспешно сказала Валентина. — То есть не перепутала, а... — Она показала на стену в прихожей. — Эта квартира там... Стена фальшивая! — Валентина стукнула по стене кулаком, но та оказалась крепкой, как настоящая. Впрочем, она и была настоящей.

— Посмотрите на эту одежду, товарищ Герой! — в отчаянии воскликнула она, показывая на свои рубашу и брюки. — Она же совсем новенькая!.. Он «напечатал» ее для меня. В его матрикатах устано-

влено улучшенное программное обеспечение с жесткой логикой, которая не поддается вирусам, и эти матрикатеры там, за стеной. Если мы их получим, мы выиграем войну!

Волшебник покачал головой и с улыбкой посмотрел на нее, но его глаза злобно сверкнули.

— Ах, если бы только это было правдой!.. — притворно вздохнул он. — Увы, чтобы выиграть эту войну, нужно...

Валентина с мольбой посмотрела на Ану, но та отвернулась.

Старый Герой протянул Волшебнику свою единственную руку.

— Извини, что побеспокоили, товарищ Георгий.

— Ничего страшного, — отозвался Волшебник. — Вы же знаете, для Города я готов отдать все, что имею.

— Идем, — обратился старый Герой к Валентине. — Ты ошиблась. Эти люди ни в чем не виноваты, и давай не будем им больше мешать.

Тровер позволил вывести себя на улицу и молчал, даже когда Валентина выпустила его руку, чтоб нащупать в кармане мамин пистолет.

— Твоей маме было бы стыдно за тебя, — сказал старый Герой. — Она бы никогда не стала отвлекать людей от дел ради своих фантазий... или мстительных планов.

Валентина не ответила. Ей очень хотелось крикнуть старому Герою, что ее мать погибла, защищая Город, который он, Герой, только что предал, но она промолчала.

Она знала один узкий и темный переулок, куда никто не ходил, а те, кто ходил — пропадали без следа. Когда они подошли к повороту в этот переулок, Валентина с силой толкнула туда Тровера. Малыш вскрикнул и упал, и Валентина бросилась к нему.

— Он споткнулся! — крикнула она. — Кажется, он вывихнул ногу! Помогите же мне!..

Старый Герой с трудом повернулся и, войдя в переулок, приблизился к ней. Тровер барахтался на земле, пытаясь подняться, а Валентина удерживала его. Она, впрочем, надеялась, что со стороны это выглядит так, будто она пытается помочь брату. И она не ошиблась в своих расчетах. Старый Герой, кряхтя, наклонился к Троверу, и в тот же миг Валентина прижала ствол маминого пистолета к дряблой старческой шее у него под подбородком.

— Моя мать умерла за этот Город, паршивый предатель! — прошипела она сквозь зубы. — Я бы убила тебя прямо сейчас, если бы не думала, что ты можешь мне пригодиться.

Лицо старого Героя не дрогнуло.

— Многие пытались убить меня, девочка.

— Так то были враги, — возразила Валентина. — А кто-нибудь из Города пытался?..

— Пытались и те, и другие, — спокойно сказал Герой. — Но, как видишь, я все еще жив и чувствую себя неплохо.

— Ты скоро почувствуешь себя мертвым, если не сделаешь то, что я хочу. Слушай меня внимательно, старик: я должна как можно скорее увидиться с нашими программистами — с теми, кто пытается противостоять вражеским вирусам и логическим бомбам. С теми, кто сражается в информационной войне. Ты отведешь меня туда, иначе я тебя застрелю.

— Ты говоришь глупости, девочка, — голос старого Героя по-прежнему звучал ровно и спокойно, в нем не было ни одной гневной нотки. — Зачем тебе видеться с программистами? Что ты можешь им сказать?.. К тому же этот человек — Георгий — чуть ли не единственный друг нашего Города за границей. Только благодаря ему враг до сих пор не сокрушил нас. Неужели ты хочешь, чтобы такого человека я отдал под трибунал?

— Я хочу выиграть войну, и я это сделаю, — твердо повторила Валентина, однако в душе ее впервые проснулось сомнение. Сначала она думала, что старый Герой мог быть подкуплен Волшебником, но теперь ей вдруг пришло в голову, что вся деятельность этих так называемых «документалистов» с самого начала осуществлялась с ведома и при поддержке руководства Города. Если это действительно так, то она, похоже, совершила самую большую ошибку в своей жизни. И все же ей не верилось, что такое возможно.

— Мы можем выиграть войну, только сотрудничая с нашими друзьями за рубежом, — продолжал старый Герой. — И мы не можем допустить, чтобы кто-то из этих друзей подвергался ненужному риску. Впрочем, ты, наверное, не сможешь понять всего. Мы ведем слишком сложную игру, и такие маленькие девочки, как ты...

Эти его слова до того разозлили Валентину, что она чуть было не застрелила Героя на месте. Это она-то «маленькая девочка»? Это она-то не сможет ничего понять в их дурацкой «сложной игре»?

В конце концов они все же отправились в сторону линии фронта. Старый Герой показывал дорогу, Валентина шла следом. Одной рукой она сжимала в кармане пистолет, другой тащила за собой Тровера. Он действительно немного подвернул ногу, когда сестра толкнула его, и теперь время от времени принимался хныкать, но Валентина шепотом уговаривала его потерпеть. Одновременно она думала о том, что

ее план, конечно, с самого начала был глупостью. Старому Герою ничего не стоило отвести ее не в подземный бункер, где разместился командный компьютерный центр, а в какое-то другое место, где ее схватят или убьют.

— Пожалуй, я лучше застрелю вас сейчас, — хмуро сказала Валентина и, остановившись, достала из кармана пистолет.

— Это почему же?.. — осведомился Герой. Глядя на него, Валентина не могла не поразиться его спокойствию. Казалось, этот человек выкован из самой крепкой стали.

— Потому что вы заведете в ловушку, где меня арестуют или прикончат. А мне непременно надо встретиться с нашим компьютерным командованием. Я должна выиграть эту войну, и я могу это сделать!..

— Эка ты замахнулась, малышка!.. Я воюю с врагами нашего народа уже много лет, и конца что-то не видно, а ты хочешь победить их в два дня! Нет, девочка, чудес, к сожалению, не бывает... Еще до того, как появилась на свет твоя мама, я узнал, что война — любая война — это искусство возможного. Возможно, мы проиграем. Возможно, мы удержим Город и положим конец осаде, но это потребует времени и больших жертв. Однако невозможно, чтобы войну выиграла такая крошка, как ты.

— Значит, вы предпочитаете расстрелять меня, не дав даже попробовать?

— Я бы предпочел не расстреливать тебя, если без этого можно обойтись. Хотя бы в память о твоей маме...

— Если вы скажете еще хоть слово о моей маме, я вас убью, — отрезала Валентина. Она, впрочем, обнаружила, что его ровный, выдержанный тон успокоил и ее. Встречные солдаты по-прежнему отдавали Герою честь, старики улыбались, и Валентина подумала — если бы они только узнали, что она держит его на мушке, то разорвали бы ее на тысячу кусков. Но день был таким солнечным и теплым, что думать об этом ей вовсе не хотелось.

— Извини, — сказал старый Герой. — Я не имел в виду ничего обидного.

— Вот что, — внезапно сказала Валентина. — Я могла бы вас отпустить, если хотите. Тоже в память о... о моей маме. Ну а командование... Я сама найду, где оно прячется.

— Вряд ли, — покачал головой Герой.

— Нашла же я Волшебника! И я заставила вас делать то, что хочу, хотя бы и под угрозой пистолета, а ведь мне всего пятнадцать! Нет, я найду людей, которые занимаются информационной войной, и...

— И что дальше?.. Я допускаю, что тебе удастся убедить их отправиться на квартиру к товарищу Георгию, чтобы реквизировать его улучшенное программное обеспечение, но уверяю тебя: к тому времени, когда вы туда попадете, никакого программного обеспечения там уже не окажется.

За разговором они приблизились к линии фронта. Благодаря своему слуховому устройству, Валентина отчетливо различала далекую стрельбу и протяжный вой противоблидажных ракет.

— Но кое-какие программы есть и у меня... То есть во мне, — сказала она. — Их дал мне Волшебник. Мое слуховое устройство вышло из строя, и один из помощников перепрограммировал его, используя улучшенную, «защитную» логику. Теперь я слышу даже лучше, чем раньше.

— У тебя?.. — Старый Герой остановился как вкопанный, и Валентина, налетев на него, едва не выстрелила от неожиданности.

— Ты сказала, он перепрограммировал вживленное в твою голову слуховое устройство?!

Герой обернулся, и Валентина отпрянула, угрожающе взмахнув пистолетом, но он не обратил на ее жест никакого внимания. Вернее, обратил, но его реакция оказалась совсем не такой, как думала Валентина. Стремительным движением Герой выхватил у нее оружие и опустил в нагрудный карман своей рубашки. Потом он снова поднял единственную руку и, положив ладонь Валентине на макушку, осторожно повернул ее голову так, что стали видны крошечные шрамы под подбородком.

— Волшебник действительно починил твоё слуховое устройство?

— Да, вчера. Оно испортилось, а он...

— Ты не врешь? Если ты врешь, я прикажу тебя расстрелять!

— Валька правда ничего не слышала, когда проснулась позавчера утром, — неожиданно пискнул Тровер. — А теперь она слышит. Моя сестра не врет!

Валентина и старый Герой — оба повернулись к мальчугану.

— Идемте-ка со мной, — сказал старый Герой. — Оба. Нельзя терять ни минуты.

И они пошли.

* * *

Через шесть часов после того, как Валентина оставила мертвую мать в пустой грязной квартире, она и Тровер оказались в подземном бункере, где размещалось высшее военное командование и последние работающие компьютеры защитников Города.

Бункер размещался довольно далеко от передовой — на опушке старого леса на западной окраине города. Чтобы попасть внутрь, нужно было пройти через пять контрольно-пропускных пунктов. На последнем из них часовые отобрали у старого Героя все оружие — не только его и Валентинин пистолеты, но и несколько других смертоносных устройств, спрятанных у него на теле. Валентину и Тровера тоже обыскали и проверили металлоискателем. У Валентины ничего не было, но мальчика заставили вывернуть карманы. Оказалось, что Тровер носит с собой ее старый нож с выкидным лезвием, пропавший несколько месяцев назад. Мальчик торжественно протянул его солдату, а Валентина поцеловала брата в щеку и ласково взъерошила волосы. Этот жест до того напомнил обоим маму, что Валентина и Тровер едва не заплакали.

— Ну вот, мы почти пришли, — сказал старый Герой. — Осталось еще немного.

Миновав пятый пост, они преодолели три воздушных шлюза и переоделись в специальные, похожие на водолазные, костюмы с воздушными баллонами для дыхания. К сожалению, для Тровера не нашлось костюма подходящего размера, и выдававший их солдат сказал, что присмотрит за мальчиком.

Но вот последний шлюз остался позади, и Валентина вступила в просторный зал, который сразу напомнил ей довоенную жизнь. Здесь царили чистота и свет, и самый воздух, казалось, был до предела насыщен энергией.

— Здесь собрано все, что еще не вышло из строя. Прочее оборудование было поражено вирусами и логическими бомбами, — пояснил старый Герой. — Это наш последний ресурс. Сама понимаешь — приходится принимать все возможные меры предосторожности. Если сюда попадет хоть одна вражеская программа — конец. Нам просто нечем будет воевать!

Его голос доносился как будто очень издалека, заглушенный прозрачным пластиковым шлемом, и Валентина почувствовала себя так, словно присутствует при рождении нового мира, чистого, светлого и теплого, где машины и аппараты будут работать и никогда не подведут.

Потом старый Герой повел Валентину в глубь зала. Остановившись позади какого-то человека, как и они, одетого в белый спецкостюм, он тронул его за плечо.

— На пару слов, товарищ...

Оторвавшись от своего рабочего стола, человек обернулся. Несколько секунд он вглядывался в скрытое шлемом лицо старого Героя, потом поднялся и отдал честь.

— Генерал!.. — Его голос показался Валентине таким же старым, как у Героя.

Старый Герой — или генерал — поднял руку к шлему и, вытянув из него какой-то провод, подал собеседнику. Тот подключил провод к разъему в воротнике своего костюма. Теперь даже с помощью своего замечательного слухового устройства Валентина не могла расслышать ни слова.

Минуты через полторы второй человек отсоединил кабель переговорного устройства и повернулся к Валентине.

— Это правда? — спросил он прерывающимся от волнения голосом.

— Да, — кивнула Валентина. — Мое слуховое устройство перепрограммировано с использованием усиленной логики.

— Не может быть! — воскликнул тот, приплясывая от волнения.

Валентина снова кивнула. Тогда мужчина пошарил на рабочем столе и, вооружившись контактным цифровым зондом, приложил его сзади к шее девушки. Похожим зондом пользовался врач-оператор в доме Волшебника.

— Ну как, получается?.. — взволнованно спросил Герой-генерал.

Мужчина не ответил. Склонившись над своим компьютером, он быстро нажимал клавиши на клавиатуре.

* * *

— Ну, куда теперь? — спросила Валентина, когда, выйдя из шлюза, они сняли спецкостюмы, и в нос ей снова ударил горький запах дыма и гнили.

— Давай-ка нанесем еще один визит товарищу Георгию, — ответил Герой. — Возьми своего брата и пистолет...

* * *

Через двадцать часов после того, как Волшебник вернул Валентине слух, она участвовала в его аресте. Как и в прошлый раз, дверь им открыла Ана. Она по-прежнему держала в руках тросточку, но почти не опиралась на нее.

— Вы что-нибудь забыли, товарищ? — осведомилась она.

— Мне нужно поговорить с Георгием и остальными. Вызовите их сюда, пожалуйста, — сказал генерал.

Ана посмотрела на стоявших позади него солдат, державших самое разное оружие — от ножей и старинных пороховых ружей до «гибких» автоматов, — и побледнела.

— Я так и знала, — сказала она и повернулась к Валентине. — Еще увидев тебя сегодня утром, я поняла, что этим кончится.

— Позовите остальных, и побыстрее! — поторопил ее генерал.

Ана качнула головой.

— Они уже знают, что вы пришли.

И действительно, из прихожей выбивались клубы черного дыма, и сильно пахло горелой изоляцией.

— Оборудование самоуничтожается, — пояснила Ана. — Вы не имели ни единого шанса захватить его.

Генерал неловко пожал одним плечом.

Потом на крыльце появился Волшебник и остальные «документалисты», и Валентина машинально схватила за пистолет. Глаза Волшебника горели злобным торжеством.

— Все кончено! — объявил он. — Вам ничего не достанется — ни единого обрывочка программы! А жаль — и для вас, и для нас это большая потеря. Огромная!.. — Волшебник лицемерно вздохнул. — Все-таки мы были на вашей стороне.

— Да, вы действительно неплохо устроились, — подтвердил генерал.

Один из «документалистов» неожиданно всхлипнул.

— И все равно вы сделали глупость, товарищ! — Волшебник ухмыльнулся. — Какой неосторожный и бессмысленный поступок! Мы бы могли и дальше... — он не договорил и уставился на Валентину расширенными от страха глазами. — Слуховое устройство! — прошептал он.

Валентина усмехнулась.

— Вот именно, — сказала она. — Мое слуховое устройство... Хотите сказать еще несколько слов для записи, *товарищ*?

У Волшебника отвисла челюсть; он весь как-то обмяк и упал бы, если бы не солдаты, крепко взявшие его за локти.

— Ах ты, маленькая...

Насмешливо улыбаясь, Валентина поднесла палец к губам, потом сделала вид, будто хочет заткнуть Троверу уши ладонями. Эта маленькая пантомима была столь выразительна, что губы Аны невольно дрогнули в улыбке, но уже в следующее мгновение она отвернулась.

* * *

Через три дня после ареста Волшебника в воздух снова поднялись летомобили. С ревом и грохотом они пронесли над вражескими по-

зициями, сбросив миллионы миниатюрных самонаводящихся резонаторов, запрограммированных на то, чтобы заползать вражеским солдатам в ноздри, в уши, в уголки глаз. После этого резонаторы включались на полную мощность, превращая человеческий мозг в полужидкую аморфную массу.

Через четыре дня после ареста Волшебника ожили матрикатеры, начав производить продовольствие, лекарства, одежду. Специальные червеобразные роботы разыскивали зомби и делали им соответствующие прививки.

Через десять дней разрушенные бомбами здания начали самовосстанавливаться, а в уцелевших домах заработали лифты. Дружное урчание их моторов стало своеобразным сигналом, означавшим возвращение в эпоху цивилизации.

А через две недели после ареста Волшебника была снята осада.

Утро этого дня Валентина и Тровер встретили в лесу на западной окраине города, где они похоронили мать, опустив новенький, блестящий гроб с телом в могилу, выкопанную специальными роботами. Здесь же, в светлом сосновом бору, были похоронены десятки и сотни тысяч других защитников Города, не доживших до победы. Между могилами сновали роботы и устанавливали на могильные холмики металлические таблички с выгравированными на них именами, датами рождения и смерти и словами «Герой осады».

Пока шли похороны, Тровер не произнес ни слова, но он первым бросил горсть земли на могилу мамы. Повсюду вокруг них раздавались рыдания — это уцелевшие оплакивали умерших родственников.

После похорон Валентина с братом поехали в бывший штаб бригад гражданской самообороны. В Городе царила совсем другая атмосфера: солдаты пили шампанское, смеялись и ели шоколад. Мужчины обнимали их, а женщины целовали. Даже суровая женщина из городского комитета обороны смеялась и плакала вместе со всеми.

Потом в штаб приехал генерал. Увидев Тровера и Валентину, он подозвал их и повел в подвал, где находились тюремные камеры. Там он протянул Валентине ключи и махнул рукой в дальний конец коридора.

— Можешь их выпустить. Скажи им, что они свободны и могут идти на все четыре стороны. Но мой им совет — уехать куда-нибудь подальше...

Ана и Волшебник сидели вместе в крошечной камере, прочие «документалисты» занимали две камеры по соседству. Валентина отомкнула замки и распахнула тяжелые металлические двери.

— Все кончилось, — объявила она. — Победа! Генерал сказал, чтобы вы убирались куда-нибудь подальше — с глаз долой.

Ана обнимала ее так долго, что Валентине показалось — она никогда ее не отпустит.

Потом «документалисты» ушли, и Валентина никогда больше их не встречала.

* * *

Через десять лет после окончания осады Валентину наградили медалью.

Церемония была довольно скромной. В Городе почти закончился запас специальных медалей и знаков отличия, которые вручались защитникам, а дети и подростки стояли в списках последними. На церемонии Валентина встретилась с Тровером, которого с некоторых пор видела крайне редко: все его время поглощала учеба. Тровер готовился стать дипломатом, однако характер у него по-прежнему был ужасным, и Валентина не переставала удивляться, как его до сих пор не выгнали.

На церемонию Валентина пришла пешком и оказалась практически единственной, кто избрал столь примитивный способ передвижения. Все остальные прилетели в летомобилях или приехали в машинах на невидимых антигравитационных подушках. В тот день медали должны были получить больше тысячи человек, и Валентине с Тровером пришлось встать в длинную очередь — в самый конец, поскольку медали вручались в алфавитном порядке, а их фамилия начиналась на «Х».

— Тебе должны были дать не медаль, а орден!.. — горячился Тровер, сжимая кулаки. — И по справедливости ты должна была бы получить его первой! В конце концов, кто выиграл войну? Ты! И он отлично это знает!

Генерал, стоя на сцене, как раз поджимал руку одному из награжденных. Очередь дошла пока только до буквы «С», так что ждать им предстояло еще долго.

— Его искусственная рука выглядит очень убедительно, — сказала Валентина. — Ну просто как живая!

Тровер только хмыкнул и пробормотал себе под нос что-то сердитое.

Когда они наконец поднялись на сцену, генерал посмотрел на них и подмигнул. Потом он вручил обоим медали и, обняв Валентину за плечи, прижал к себе. Герой-генерал выглядел еще более старым и

хрупким, но объятия его были по-прежнему крепкими, а движения — быстрыми. На прощание он пожал Валентине руку, и она почувствовала, как он перекачивает ей какую-то информацию, но восприняла это без комментариев.

Потом они с Тровером вышли на улицу, и Валентина проверила, что же загрузил ей генерал. Это, разумеется, оказался аудиофайл. Она запустила его, и в ушах у нее зазвучало:

— *Нашла же я Волшебника! И я заставила вас делать то, что хочу, хотя бы и под угрозой пистолета, а ведь мне всего пятнадцать! Нет, я найду людей, которые занимаются информационной войной, и...*

— *И что дальше?.. Я допускаю, что тебе удастся убедить их отправиться на квартиру к товарищу Георгию, чтобы реквизировать его улучшенное программное обеспечение, но уверяю тебя: к тому времени, когда вы туда попадете, никакого программного обеспечения там уже не окажется.*

— *Но кое-какие программы есть и у меня... То есть во мне. Их дал мне Волшебник. Мое слуховое устройство вышло из строя, и один из помощников перепрограммировал его, используя улучшенную, «защитную» логику. Теперь я слышу даже лучше, чем раньше.*

— *У тебя?..*

Нет, она не забыла тот давний разговор, хотя прошло уже десять лет. Миновала эпоха Возрождения; Валентина побывала за границей, училась, работала, но не было и дня, чтобы она не обращалась к нему в своих мыслях. Теперь у многих имелись слуховые устройства с запоминающим устройством. Ее собственный слуховой аппарат тоже подвергся модернизации и способен был записывать и хранить почти миллион часов аудиоинформации (включая все информационные, учебные и развлекательные звуковые файлы, которые она записывала для себя), однако Валентина никогда не пользовалась им, чтобы вспомнить слова, которые произносила в тот день. Она и так могла воспроизвести их в любой час дня и ночи, не прибегая к помощи техники.

Почувствовав, что у нее подгибаются ноги, Валентина опустилась на лужайку, заросшую сахарной травой, и заплакала. Тровер в тревоге бросился к ней, обнял за плечи, но Валентина покачала головой — мол, все хорошо. Слезы все текли у нее по щекам, однако она уже улыбалась. Это были те самые слова, которые десять лет назад извлек из буфера ее слухового устройства оператор подземного командного пункта. Господи, как давно это было! Где теперь Волшебник, где Ана?.. Что с ними случилось? И куда, куда ушли эти годы?..

* * *

На следующий день Валентина увидела на улице знакомое лицо.

— Это ты! — воскликнул он, останавливаясь как вкопанный.

Он говорил с сильным акцентом — такой акцент обычно бывает у людей, которые учат чужой язык сами, а не просто инсталлируют его. Валентина смотрела на него во все глаза, но никак не могла вспомнить. Быть может, ей было бы легче, если бы не эта глупая борода — раздвоенная, с двумя острыми кончиками, как носили в Каталани в этом году. Тогда она попыталась представить его без бороды, но у нее все равно ничего не получилось — главным образом потому, что он все время улыбался, как идиот.

— Не могу поверить, что это ты!..

Она медленно покачала головой. Откуда все-таки она знает этого парня?.. Валентина глубоко задумалась и даже забыла, что собиралась сегодня вечером в кино с подругами. В лесу, к западу от Города, установили новое видеооборудование, которое не требовало экрана. Изображение создавалось непосредственно в воздухе между деревьями, и зрители могли прогуливаться по дорожкам, попивать бузинную шипучку и общаться друг с другом, пока вокруг них разворачивалось действие фильма. Вечер обещал быть теплым, что весьма удобно для подобного времяпрепровождения, однако сейчас Валентине было не до того.

— Ты меня не помнишь?

И тут у Валентины заныл зуб — тот самый, который она выбила себе в траншеях и который ей регенерировали после победы. Она еще раз взглянула на парня — и вспомнила.

— Уитнейл?!

От радости он даже запрыгал на одном месте.

— Валентина! Ты вспомнила!

Она театральным жестом прижала руку к сердцу и закатила глаза. Уитнейл все еще был очень красив, но она вспоминала его не поэтому. Разве можно забыть свой первый поцелуй?

— Что, черт побери, ты здесь делаешь?

— Я летел в Токио, — объяснил он. — Но мне захотелось осмотреть Город, и я взял билет с таким расчетом, чтобы провести здесь пару дней.

— Как много наших погибло!.. Ты помнишь? — проговорила она. В конце концов, когда-то Уитнейл был в стане врагов и убивал ее соотечественников...

— Конечно, помню, — ответил он и сразу погрустнел. — Я все помню. И ты, конечно, тоже...

Валентина кивнула, думая о том, сколько его товарищей умерло в тот день, когда с неба на них просыпалась невидимая смерть. Уж наверное, их тоже оказалось немало!

Потом она подумала о том, что леса вокруг Города полны могил. Там была похоронена и ее мама. А сегодня там будут показывать кино... Она машинально подняла руку и коснулась кончиками пальцев медали, приколотой к лацкану куртки. У Уитнейла медали не было. Солдат, которые держали Город в осаде, медалями не награждали.

— Сколько ты еще здесь пробудешь? — спросила она.

— Я улетаю завтра утром.

— Завтра утром? Тогда, может быть, сходим сегодня вечером в кино?

Уитнейл посмотрел на нее и слегка наклонил голову. Валентина знала, что она далеко не красавица, но мужчины часто смотрели на нее подобным образом, быть может, видя в ней что-то особенное, связанное с ее прошлым и с тем, что она совершила.

— С удовольствием, — сказал он.

Дальше они пошли вместе. Некоторое время оба молчали. Это было неловкое, гнетущее молчание, и Валентина воспользовалась паузой, чтобы воспроизвести еще один фрагмент давней аудиозаписи.

— *Ты и правда сдала бы нас, если бы мы тебе не помогли?*

— *Мне бы все равно никто не поверил.*

— Валентина?..

— Что, Уитнейл?

— Спасибо, — сказал он. — За то, что угостила меня шоколадом, помнишь? И за поцелуй. До этого я еще ни разу не целовался с девушками.

— Я тоже ни с кем не целовалась.

— Это был лучший поцелуй в моей жизни, правда!

Валентина фыркнула и шутливо стукнула его по плечу.

— Заткнись, Уитнейл, — сказала она.

— Слушаюсь, товарищ Герой!

В конце концов она все-таки разрешила ему себя поцеловать, но только один раз.

Потому что впереди у них была целая жизнь, и они могли позволить себе не торопиться.

Перевел с английского
Владимир КОРОВИН

В Л А Д И М И Р Д А Н И Х Н О В

СЛУЧАЙНЫЕ

Иллюстрация Евгения КАПУСТЯНСКОГО

СВЯЗИ

Ваня Голубцов родился в ночь на пятницу тринадцатое. Его мать, Любовь Петровна Голубцова, жутко боялась, что родит мальчика в несчастливый день, однако — вот незадача! — все-таки родила. Ваня, однако, рос здоровым и смышленным ребенком. Первым его словом было «мама», вторым — «конструирование». До семи лет Ваня ничего не знал о случайных связях. Большую часть времени он проводил в своей комнате; Ваня запылся на щеколду и, усевшись на полу, собирал из разноцветных деталей разнообразные машины. В семь лет Ваню повели в школу. Он долго и стойко выдерживал первосентябрьскую линейку, но было слишком жарко, воротничок нарядной школьной формы неприятно сдавливал горло, и Ваня, продравшись сквозь плотные потные ряды школьников, убежал.

Он гулял по городу, сунув руки в карманы синей формы. Ваня редко выбирался в город и сейчас чрезвычайно заинтересовался его устройством. Город представлялся ему механизмом; механизмом не отлаженным, с множеством лишних деталей, но механизмом работающим. Ваня прошелся по центральному проспекту, с любопытством разглядывая витрины модных магазинов, памятники архитектуры, каких-то пасмурных прохожих, бегущих по своим делам. Сигналили машины; на площадке, где стояли экскурсионные автобусы, играла музыка. Прохожие казались Ване чем-то вроде машинного масла — смазки для скрипящих деталей города. Если смазки не станет, механизм остановится, шестерни еще некоторое время будут вертеться, а потом застынут навеки. Прислонившись к холодной, пахнущей картошкой «фри» витрине «Макдоналдса», Ваня задумался: что будет, если смазки станет слишком много и город утонет в машинном масле? Исчезнет ли трение, будет ли работать механизм вечно? Станет ли дешевле вкусное клюквенное мороженое, которое он так любит?

И тут Ваня заметил плакат. Плакат буквально источал серьезность: он был черно-белый — белые печатные буквы на черном фоне. Эти белые буквы, окруженные чернотой, казались маяком, каким-то путеводным светом. Завороженный Ваня, не дождавшись зеленого света, перебежал улицу и уставился на плакат. На нем было написано: **ИЗБЕГАЙТЕ СЛУЧАЙНЫХ СВЯЗЕЙ.**

Ваня почувствовал, как у него по щекам текут слезы.

В космосе очень много звезд. Они разноцветные. Умные люди говорят так: «Эта звезда спектрального класса...» — и называют спект-

ральный класс звезды. В спектре семь основных цветов. Как у радуги. Еще у звезд есть размер. Есть большие звезды, есть маленькие. Маленькие они только в сравнении с другими звездами. Вы не сможете засунуть звезду в карман, перебежать улицу, войти в пахнущее клопами парадное, подняться на третий этаж и позвонить в железную дверь, покрытую внизу ржой. Железная дверь не скрипнет, и ваш лучший друг Алеша Пантелеймонов не откроет вам дверь, а вы не скажете: «Смотри, что у меня есть!».

И Алеша не спросит:

— Что?

А вы не скажете:

— Звезда! — и, конечно, не достанете звезду из кармана.

И Алеша, понятное дело, нисколько не удивится. Все это потому, что Алеша сейчас не дома: он лежит в больнице и не может двигаться ни рукой, ни ногой.

А звезда вот она, у вас в кармане. Это теплая, добрая звезда, у нее есть настоящие протуберанцы, и если в них сунуть палец, вам станет щекоотно. Любой физик — да что там физик! — любой более или менее образованный человек рассмеется вам в лицо, если вы скажете, что у вас в кармане лежит настоящая звезда. Но ни за что не покажите ему звезду: физик затрясется, как старый, разболтанный мотор, и потребует, чтобы вы отдали ему светило. Потому что вы маленький и можете ненароком его поломать.

Кстати, об Алеше: он ничем не болеет. Он просто боится шевельнуть рукой или ногой, потому что тогда отлаженный механизм бытия разладится и со страшным шумом развалится: наступит то, что сумасшедшие зовут апокалипсисом.

Алеша поэтому лежит тихо-тихо, как самый тихий на свете мышонок. Он — маленький восьмилетний атлант, на слабых плечах которого держится мир.

В мире существуют законы. Нет-нет, я говорю не о государственных законах. Не о тех законах, которые запрещают вам ковыряться в носу, когда хочется поковыряться, или о законах, запрещающих называть подонка подонком в лицо — все эти законы выдуманы людьми и существуют для того, чтоб хоть чем-то забить душевную пустоту, которая окружает каждого человека с рождения. Я говорю о других законах. Например, о законе всемирного тяготения. Согласно ему, если вы шагнете с обрыва, то не улетите в небо, а сорветесь и упадете вниз. Есть еще много других законов. Есть квантовая физика. Есть

теория относительности. Кажется, какой-то из этих законов допускает, что вы, ступив с обрыва, все-таки полетите вверх. Но чтобы это случилось, у вас должно быть много попыток. Точно не уверен, но никак не меньше миллиарда.

И уж наверняка никакой из этих законов не допустит, чтоб у вас в кармане появилась маленькая, но настоящая звезда.

Ваня Голубцов познакомился с Аней Тамахиной в песочнице. Пятилетняя Аня брала песок, влажный после дождя, синей лопаткой и кидала в красное ведерко. Когда набиралось полное ведерко, Аня сыпала песок на пирамиду, которую строила в углу песочницы. Маленькими ладошками она выравнивала стены пирамиды. К пирамиде подходила дорожка, выдавленная в песке. По обочинам дороги росли веточки тополя, которые Аня собирала все утро, бегая по двору.

У Ани были смешные косички цвета соломы и желтое платье. Ваня знал, что желтый цвет означает разлуку, но как это связано с устройством мира в данном конкретном участке мира, он пока не был в курсе. Ваня с любопытством наблюдал за Аней, которая строила пирамиду. Когда Ане в нос попадала песчинка, она смешно фыркала, смеялась, и Ваня улыбался. Аня притворялась, что не замечает Ваню. Наверное, стеснялась. Ваня присел рядом с ней на корточки и сказал:

— Привет.

Аня недоверчиво посмотрела на него.

— Здравсьти...

— Меня зовут Ваня.

Аня оживилась, отложила лопатку.

— Меня зовут Аня, я живу вон там! — Она показала на соседнюю пятиэтажку. Над пятиэтажкой вставало оранжевое солнце, покрытое трещинами телевизионных антенн.

— Красивая пирамида, — сказал Ваня.

Аня нахмурилась и стала ковыряться в песке.

— Это не пирамида, это дом!

— Извини, — сказал Ваня.

Скрипел, будто старые шины, песок. Конусообразный дом становился все выше. Оранжевое солнце, ковыряя лучами синее небо, кряхтело и поднималось к зениту. Тени стали короткими — кажется, наступи на такую, она и вовсе исчезнет. Ваня следил за тем, как Аня строит дом. В руках он сжимал плюшевого одноглазого зайца. Отсут-

ствующий глаз Ваня замотал черной повязкой. Заяц был пиратом на пенсии.

Ваня спросил:

— Кто в твоём доме живёт?

Аня растерялась. Она надула губки и ответила:

— Там пока никто не живёт, там пока пусто.

Ваня спросил:

— Хочешь, в твоём доме будет жить пират на пенсии? — И протянул Ане зайца.

Все ещё хмурясь, Аня схватила зайца и сказала:

— Спасибо.

Вся наша жизнь состоит из случайных связей. Как их избежать, я понятия не имею. Думаю, вы тоже. Но у нас есть вариант. Завтра совместный русско-американский экипаж полетит на Марс. Давайте попробуемся на корабль, выкинем оттуда весь чертов экипаж и вдвоем улетим на красную планету. Мы никогда не вернёмся, но у нас больше не будет случайных связей — только вы и я, оказавшиеся вместе совершенно не случайно. Может быть, на Марсе нас встретит толстовская Аэлита. Но это, конечно, вряд ли.

Любовь Петровна привела Ваню в больницу. Пока Голубцова о чём-то беседовала с врачом, Ваня зашёл в палату. Палата была красивая, солнечная. На полу стояла большая картонная коробка, в которой были свалены игрушки. На подоконнике лежал маленький красно-зелёный мяч. В тщательно вымытое окно ярко светило солнце. На потолке дрожал солнечный зайчик. Это был огромный солнечный зайчик: толстый и расплывшийся, с возрастом переставший следить за собой. Солнечный зайчик на пенсии.

На деревянной кровати, на мягком матрасе лежал Алеша Пантелеймонов. Он лежал на спине, руки вытянув по швам, ноги сложив вместе, и смотрел на солнечного зайца. Заяц дрожал и нервно расплскивал солнце. Наверное, ему задерживали пенсию, вот он и нервничал. Ваня подошёл к Алеше, коснулся его руки.

— Алеша, привет.

Алешины зрачки шевельнулись. Он промолчал.

— Алеша, потерпи ещё немного, хорошо?

Алеша молчал. Ему, наверное, было жалко солнечного зайца. Заяц приходил к нему в палату всегда примерно в одно и то же время. Сейчас для него настало время уйти. Может быть, он хочет навестить

своих солнечных внуков, рожденных от случайных связей между зеркалами и солнцем; внуков, смешно скачущих по серому асфальту и красным стенам.

Ваня сказал:

— Получилось. Я достал звезду.

Он сказал:

— Потерпи еще чуть-чуть, пожалуйста.

Алеша стойко молчал. Он даже пальцем не шевельнул. Мальчик знал, что на его плечах держится мир. Врачи примерно подозревали, что с Алешей происходит. Толстый усатый доктор, который разговаривал в это время с Любовью Петровной, сказал:

— Дак это... диагноз такой, дык...

— Что вы заикаетесь все время?! — возмутилась Голубцова. — А еще врач! Врач, а заикаетесь!

Доктор покраснел. Это был молодой, подающий надежды врач, прекрасный диагност и добрый человек. Но под напором таких женщин, как Любовь Петровна, краснолицых и настырных, он всегда терялся. Такой женщиной была его мать, которая родила его после случайной связи с молодым атлетом из Перми. Связь приключилась в Лазаревке, на побережье Черного моря. Лазаревка — это небольшой городок, летом забитый крикливыми туристами. Рай для случайных связей.

Накануне было солнечно и жарко. Дети гуляли без курток. Кто-то собирал сирень. Аня сидела в песочнице и пыталась слепить из песка дом, но песок осыпался. Горячие песчинки маленькими иголочками кололи Анины пальцы. Аня старалась копать глубже, где песок был влажным. Рядом, прислонившись к бортику, сидел бывший заяц-пират. Теперь его звали Большой Мук, и он прибыл в нашу страну из далекой арабской сказки. Заяц искал свой дом, в котором его ждала возлюбленная зайчиха, но дом все не находился, потому что у Ани не получалось его построить. Черная повязка слетела с поврежденного глаза Мука. Аня жалела зайчика. Она решила стать офтальмологом и пришить зверю новый глаз.

Иногда Аня отвлекалась от работы и внимательно смотрела на затопленный солнцем двор. Она ждала Ваню, но он не появлялся. Ваня — взрослый мальчик; может быть, он пошел сегодня в школу и забыл про Аню. Девочка всхлипнула.

— Привет!

Она обернулась и нахмурилась:

— Почему так долго не приходил? Я ждала!

Ваня присел перед ней на корточки:

— Прости. Как твой дом?

— Плохо, — призналась Аня и вернулась к лопатке. — Так жарко, что даже деревья падают. — Лопаткой она потрогала накренившуюся веточку.

Ваня сказал:

— Я принес твоему зайцу посуду. Теперь он сможет есть из посуды, как взрослый. — Он протянул девочке набор посуды в картонной коробке. В коробке была просто замечательная пластмассовая посуда: желтые тарелки, синие блюда, пузатый красный чайник, белые вилки и ложки, три кастрюли разных размеров. Аня высыпала посуду в песок и выстроила кастрюли по размеру.

— Эта кастрюлька — папа, эта кастрюлька — мама, эта кастрюлька — ребеночек.

— Где твоя мама? — спросил Ваня.

Аня возилась с посудкой. Пальчики, испачканные в песке, ласково касались кастрюлек.

Аня сказала:

— Маме нельзя мешать...

— Она дома?

— Маме нельзя мешать! — громко сказала Аня, не поднимая головы. Теперь она выстраивала по размеру тарелки.

— Эта тарелка — бабушка. Эта тарелка — дедушка...

Аня жила с матерью. У нее не было дедушки с бабушкой; впрочем, и отца тоже не было. Аня родилась в результате случайной связи, произошедшей где-то на Урале. Ее мама в будние дни работала на заводе формовщицей, а в выходные дни обычно сидела дома и пила крепленое вино, уставившись в телевизор.

Ваня сказал:

— Ты вырастешь и станешь как все, ты не будешь избегать случайных связей, несмотря на все эти плакаты, развешанные по городу. Я не хочу, чтобы ты была как все. Я буду воспитывать тебя, чтобы мы всегда были вместе. Ты будешь мамой, я стану папой. У нас родится ребеночек. Мы воспитаем его вместе.

Аня спросила:

— Мы будем играть в дочки-матери?

Он погладил ее по руке:

— Мы не будем играть, мы будем жить. Жизнь — это очень просто. Это большой механизм, который надо вовремя смазывать и чистить. Нет ничего проще жизни, если понять, как она работает.

Ваня спросил:

— Хочешь, я покажу тебе настоящую звезду?

Любовь Петровну Голубцову вызвали к директору школы. У директора в кабинете было влажно и пахло корицей. Пол, застланный китайским ковром, усеивали хрустящие крошки. В углу тихо бубнил напольный вентилятор. За компьютерным столом, заваленным папками, сидел сам директор. Он встал, когда вошла Любовь Петровна, и подал ей руку. Голубцова жеманно поздоровалась. Спросила:

— Что случилось, Антей Петрович?

Директор уселся в кресло, задумчиво почесал подбородок. На подбородке у него вскочил прыщ. Любовь Петровна не одобряла взрослых мужчин с прыщами на лице, но решила пока ничего не говорить по этому поводу.

Антей Петрович сказал:

— Я это... не буду ходить вокруг да около, Любовь Петровна. Вашего сына необходимо перевести в другую школу.

Голубцова вскинулась:

— А чем плох мой сын для вашей школы? Не пойму, что вы хотите сказать? Что мой сын, кровиночка моя...

— Нет-нет! Я это... я хочу сказать...

Голубцова встала:

— А ты знаешь, хлыщ, сколько я ночей не спала, как у меня сердце болело, когда я сама — вот этими руками! — лечила его, спасала? Моего больного астмой сыночка! Да я... а тут ты со своим прыщом! Взрослый мужик! Мужик и с прыщом!

Директор был терпелив.

— Любовь Петровна, вы это... сядьте. Вы не поняли. Не наша школа хороша для вашего сына, а наоборот — ваш сын это... слишком хорош для школы.

Антей Петрович встал, прошел взад-вперед и сказал:

— Ваш сын, Любовь Петровна, это... гений. Ему нужно в школу для одаренных детей. Уже сейчас, по окончании первого класса, он не только прекрасно пишет, читает и считает; Любовь Петровна, ваш сын в уме решает дифференциальные уравнения!

Голубцова села:

— Чего решает?

Антей Петрович, возбужденно потирая руки, спросил:

— Вы это... простите, что интересуюсь... хм... интимной стороной... Но кем был это... его отец?

Голубцова вдруг покраснела. Ее лицо, и так красное, превратилось в какую-то бесформенную свеклу. Мочки ушей горели малиновыми светильниками. Голубцова прошептала, опустив глаза, как нашкодившая ученица:

— Ваня родился в результате случайной связи.

Ваня строил ракету. Он очень хотел, чтобы русско-американский космический полет, запланированный на сегодня, прошел нормально. Но кубики предсказывали другое. Ваня пытался сложить шанхайскую пирамиду, но сегодня она как назло не складывалась. Полет был обречен. Тогда Ваня высыпал на пол все свои игрушки и начал строить ракету; он строил интуитивно, выстраивая в одно кубики, пирамидки, солдатиков и машинки. Все служило доброму делу. Ваня стащил у матери маникюрные ножницы и вырезал из газеты фотографию космонавтов. Космонавты были улыбочивые, а глаза у них — серьезные. самого правого космонавта звали Ваней, как нашего героя. У космонавта были впалые щеки и тонкие губы. Когда Ваня подносил вырезку из газеты поближе к лицу, ему чудилось, что от космонавта Вани пахнет дорогой туалетной водой. Он понятия не имел, откуда мог взяться этот запах и откуда он его знает.

В дверь постучали.

Ваня не слышал. Он строил ракету из детских кубиков и игрушечных людей.

В комнату вошла мама. Она долго стояла и тяжело дышала, от нее пахло водкой.

Она сказала:

— Ваня, тебя хотят забрать у меня.

Ванины руки двигались как в воде. Медленно и плавно. Ракета стала очень высокой, еще немного — и достанет до потолка. Не рушилась она просто каким-то чудом.

Голубцова сказала:

— Тебя будут учить в специальной школе...

У основания ракеты Ваня пластилином прилепил фотографию. Космонавт Ваня серьезно улыбался мальчику Ване. Ваня сжал губы, как космонавт. Мама вдруг наклонилась к сыну и, внимательно посмотрев на фотографию, шумно выдохнула:

— Откуда это у тебя?

— Из газеты, — ответил Ваня.

— Это ведь твой... — пробормотала Любовь Петровна и вдруг закричала, хватая фотографию: — Немедленно отдай!..

Фотография оказалась в руках у матери. Игрушечная ракета качнулась, кубики посыпались вниз, пластмассовые солдатики погнулись и будто расплавились, растеклись; машинки опасно закачались. И тогда Ваня увидел очень ясно, что дело не в фотографии и не в ракете. Он схватил самый тяжелый кубик, вскочил, повернулся на пятке и запустил кубиком в окно...

...стекло зазвенело...

...у соседей испугался, метнулся в сторону кот, царапнул телефонный провод...

...разговор оборвался. Тот, кому звонили, пожал плечами и набрал московский номер...

...она не успела выпить кофе, ее вызвали к начальнику...

...он остался сидеть за столом в тишине. Цифры на экране монитора вдруг мигнули. Его пальцы, желтые и болезненные, забегали по клавиатуре...

...в то же время случилось еще три звонка...

...полет космического корабля на Марс отменили. Космонавт, которого звали Иваном, вернулся в гостиницу и вызвал в номер проститутку...

...теперь космонавт Иван умрет не от того, что космический корабль взорвется...

...плакат «Избегайте случайных связей» заклеили какие-то лысые подростки в черных футболках. Теперь на том месте висят листовки «Уважай Россию или уезжай». Кто-то зачеркнул фломастером «уезжай» и написал матерное слово, которое тоже начинается с «у».

Операция прошла успешно. У зайца, которого теперь звали Веселый Трубадур, стало два глаза. В новом глазу было четыре дырочки, он был пришит яркими желтыми нитками. Ане нравился желтый цвет. Она понятия не имела, что это цвет разлуки.

Веселый Трубадур ел кашку из глубокой желтой тарелочки. Кашку Аня «сварила» из белого песка и минеральной воды. Рядом возвышалась пирамида — заячий домик. Трубадур вернулся в дом, но тот оказался пустым. Аня ждала, когда придет Ваня и принесет Трубадuru его возлюбленную зайчиху. В воздухе пахло сиренью и раздавленными окурками, дул несвежий ветер. Аня распустила косички, потому что мама вчера сказала, что так она выглядит красивее, а Аня хотела стать самой красивой девочкой.

Около полудня появился Ваня. Аня подняла голову и радостно улыбнулась ему, но тут же нахмурилась, потому что за Ваниной спи-

ной стояли похожие друг на друга взрослые дяди в строгих костюмах. Они улыбались Ане Тамахиной, но Аня не доверяла их улыбкам. У них были слишком серьезные улыбки. Дяди смешно подпрыгивали на месте: то на одной ноге, то на другой, словно ногами руководил невидимый кукловод.

— Здравсти... — прошептала Аня.

Ваня сказал:

— Аня, не бойся. — И коснулся ее испачканной в песке ладошки.

Аня спросила:

— Ты уходишь?

Он сказал:

— Да, мне на пару недель придется уйти. Но я к тебе вернусь, обещаю.

Она сказала:

— Я не хочу.

Желтое, желтое солнце, царапая протуберанцами голубое, голубое небо, уходило на запад.

Аня вскочила и закричала:

— Не буду тебя ждать!

Взрослые в строгих черных костюмах взяли Ваню за руки и увели, подпрыгивая на ходу. Ваня хотел обернуться, но ему не дали. Ваню посадили в черную, под лучами солнца словно пластилиновую «Волгу». Машина развернулась и, поднимая клубы пыли, умчалась. Громко мяукали серо-буро-пошкварянные кошки. Сонно переругивались тети; тетя с верхнего этажа повесила мокрое белье над почти высохшим бельем тети с этажа нижнего. По-кошачьи вопило радио. Певица пела о нелюбви.

Аня плакала.

Она вдруг посмотрела на ладошку, которой коснулся Ваня. На ладошке лежал крохотный серый камешек с золотистой прожилкой. Аня Тамахина перестала плакать. Она повертела камешек в пальчиках и воткнула его в самую верхушку пирамиды. Взяла веточку и вогнала ее в песок рядом с камешком... мальчик Петя Великанов увидел это в окно и нарисовал на клочке клетчатой бумажки камешек и веточку... рисунок увидел его папа, и некая мысль пришла ему в голову — он вернулся к чертежу... папу мальчика повысили... какой-то дядя, ожидавший, что повысят его, перерезал себе вены... его жена сидела с ним в больнице всю ночь... они не развелись, как собирались...

Хрупкий зеленый листок упал на бордюр. Аня встала и провела по нему сандаликом. Она достала из переднего кармашка вкладыш с ро-

ботом-трансформером и надорвала левый верхний уголок. Аня топнула ножкой и раздавила желтого муравья. Она подбежала к девочке, которая рисовала на асфальте мелками, и забрала у нее желтый мелок. Опустилась на коленки и нарисовала на асфальте желтую звезду. Взяла синий мелок и ровно три раза перечеркнула ее.

Ваня Голубцов вошел в больницу сквозь главный вход. Медсестра, сидевшая за регистрационным столиком, испуганно глядела на него: у Вани была обожжена левая щека и исцарапаны руки. Он весь был в грязи. «Волга», в которой находился мальчик, попала в аварию: впереди ехал грузовик, из кузова которого сыпался песок. Водитель неловко повернул, и «Волга» заскользила по песку, как по скользкому льду. «Волга» врезалась в столб. Ваня с трудом выбрался из разбитой машины. Его никто не остановил: просто некому было.

Ваня подошел к регистратуре и сказал:

— Случайные связи теперь сильнее, потому что появились мобильные телефоны. Вам так не кажется?

Медсестра остолбенела. Она сказала:

— Э...

Ваня сказал:

— Я несу своему другу Алеше звезду. Вы не возражаете?

Медсестра не возражала, потому что Ваня, подходя к больнице, понюхал тюльпаны в клумбе, подобрал у сигаретного ларька блестящую копеечку и острым камешком нацарапал на водосточной трубе английское слово «fog».

Алеша лежал на кровати. Солнечный зайчик сегодня задержался над его постелью. Он, кажется, о чем-то разговаривал с Алешей. Только мальчик не понимал слов.

— Смотри, Алеша.

Алеша понял: всё. Он с трудом повернул голову. Рядом стоял Ваня. В руках его горела теплая, добрая звезда.

Алеша спросил слабым голосом:

— Ко мне сегодня придет папа?

Ваня кивнул и протянул ему звезду:

— Сегодня он придет и больше никогда тебя не бросит. Ведь ты спас мир.

Алеша спросил, осторожно беря звезду:

— Я, правда, спас мир?

Звезда освещала его лицо, протуберанцы щекотали ладонь. Юрки

тени падали на пол и в страхе прятались под тумбочку и под кровать. Они зря боялись звезды. Звезда была добрая, она не хотела принести вреда.

— Как ты достал ее? — спросил Алеша Пантелеймонов.

Ваня сел на пол и сказал:

— Жизнь состоит из случайных связей. И эти связи мертвы, если шерстери не смазаны машинным маслом...

Через две недели ракета на Марс все-таки стартовала.

Зачатая случайно девочка Аня зашла в подвал и кинула туда пластмассовую крышку. Она подобрала пивную банку и примяла ее ровно посередине. Аня вышла на балкон и водой из игрушечного чайника полила лук, росший в кадке.

Теперь ее мама бросит пить.

Нежеланный ребенок Алеша гулял по парку с отцом. Катаясь на качелях, он ровно четыре раза раскачался до стука. Алеша упросил папу купить ему журнал «Веселые картинки» и вырвал последнюю страницу. Он пнул сандаликом камешек, лежавший рядом со скамейкой.

Теперь его папа всегда будет гулять с ним и никогда его не забудет.

Женя Куприянов нарисовал в пыли круг и положил в центр круга до блеска натертый подсолнечным маслом голыш. Инна Петренко нажала в воду предназначенную для кошки Люськи валерьянку и туда же бросила таблетку валидола. Сережа Мазов выставил на крыльце семнадцать пустых банок из-под колы. Депутат Коловоротов плюнул себе под ноги шесть раз и провел указательным пальцем по кирпичной стене. Сантехник Петров нежно ударил совком по батарее отопления. Домохозяйка Светкина спустила в унитаз свое золотое обручальное кольцо и надела на безымянный палец игрушечное пластмассовое колечко.

Люди ходили по улицам и совершали странные, на первый взгляд, поступки. Поступки накладывались друг на друга, смешивались, уничтожали друг друга или, наоборот, усиливали. Люди учились жить в изменившемся мире. В этом мире не было ничего случайного. В этот мир суждено было вернуться беднякам-космонавтам, улетевшим на Марс.

Ваня сидел на подоконнике и колдовал над листом, вырванным из тетради. Цветными карандашами он рисовал новую схему. Он хотел вернуть разладившемуся механизму прежний вид.

В левом кармане у него лежала холодная, отчужденная звезда.

Ваня сотворил ее, наступив кошке на хвост ровно четырнадцать раз.

АППЕРКОТ ДА ВИНЧИ

Давненько не было в кино такой шумной премьеры. Все мировые новостные ленты наполнились «фронтовыми сводками» об очередном скандале, связанном с этим фильмом. Хотя, казалось, о чем scandalить-то?

Экранизации существуют с тех пор, как существует кино. Но лишь в последние годы окончательно сформировался набор правил под названием «экранизация мирового бестселлера». Основные правила таковы: крепкий, без вывертов режиссер, участие не менее двух-трех звезд, бережное обращение с сюжетом первоисточника, нарочитая иллюстративность с особым упором на зрелищность и спецэффекты и... непереносимые скандальные «информационные поводы», желательны стихийные, массовые и неумные. Никакая хорошо оплаченная рекламная кампания не сделает того, что могут сделать для сборов фильма «доброхоты», протестующие против этой ленты.

В этом мы в очередной раз убедились после премьеры «Кода да Винчи» Рона Говарда. Невероятные рекордные сборы за первую неделю проката (особенно, за пределами США) никак не связаны с качеством картины — ибо народная молва о том, интересный фильм или

нет, не могла распространиться за столь короткое время, да и билеты в кинотеатры раскупались заранее. Благодарить за подобное прокатчики должны прежде всего писателя Дэна Брауна, чья книга за несколько лет многомиллионных продаж успела обрасти скандалами, как облепила ягодами: одни только безуспешные судебные процессы по обвинению автора в плагиате идут бесконечной чередой. Но основную благодарность за тугой кошелек продюсеры должны высказать многочисленным христианским конфессиям.

В этом и основная загадка: зачем было церкви устраивать все эти шумные протесты, демонстрации, попытки запрета показа, бесчисленные выступления кардиналов, епископов и церковных функционеров рангом пониже? Мало того, что подобными протестами привлекалось внимание к фильму, так он еще и возносился на невиданные высоты с помощью простой логики: если книга/фильм способны поко-

лебать чью-то веру, то, вероятно, книга/фильм гениальны и сопоставимы по значению с Книгой всех времен... Можно, конечно, вообразить, что церковь обиделась не на складно скроенную гипотезу (но всего лишь гипотезу) о наследниках Христа, а на то, что Браун довольно язвительно проходуется по католицизму. Но почему тогда не было подобного шума вокруг фильма Альмодовара «Дурное воспитание», где содержатся гораздо более серьезные обвинения?

Видимо, потому, что фильм Альмодовара откровенно реалистичен, основан на реальных событиях и привлекать к нему внимание — себе дороже. Книга/фильм Брауна/Говарда тоже претендуют на реалистичность, при этом являясь вполне обычной фантастикой. У церкви, построенной на традициях и устоях, всего лишь не хватило воображения признать «Код да Винчи» рядовым фантастическим произведением, коих десятки. Признать, что основной постулат произведения (Мария Магдалина была женой Христа и родила от него ребенка), несмотря на множество приведенных автором доказательств, просто фантастическая гипотеза, на которую нанизывается криптологический сюжет. Что самая хорошая ложь (читай: фантастика) — та, в которой содержится 90% правды. Что любое конспирологическое произведение фантастично по определению, ибо тайные общества, о которых написаны книги, уже не являются тайными. Что...

Можно еще долго обсуждать просчеты «гонителей», но лучше поговорить собственно о фильме. Он соблюдает названные выше правила. Добротный режиссер (на счету патриарха голливудского киноцеха Рона Говарда, начавшего режиссерскую карьеру в тринадцать лет, такие знаковые фильмы, как «Кокон», «Ночная смена», «Аполлон 13», «Игры разума»); в главных ролях американская мегазвезда — Том Хэнкс, а также знаменитые европейские звезды — французы Жан Рено и Одри Тоту и британец сэр Иен Маккеллен; почти дословное следование сюжету романа (что, кстати, снижает интерес к фильму у читавших книгу); блестящая музыка; стильные флэшбэки и масштабные по статистам и спецэффектам исторические экскурсы; визуальное решение в духе классических детективных лент; великолепные видовые и пейзажные съемки... Все это образует прекрасный иллюстративный ряд. Читавшие книгу, но не четко представлявшие себе места действия получат неплохую экскурсию по историческим объектам, коими столь щедро наполнен роман. Те же, для кого вглядываться в черненькие закорючки на белом фоне — непосильный труд, обнаружат интеллектуальный просветительский детектив с множеством сюжетных поворотов, приключений разума и тела, полный прописных и не очень истин и фактов. А религия и вера тут ни при чем. Совсем.

Дмитрий БАЙКАЛОВ

Василий ГОЛОВАЧЁВ: «УДИВЛЯТЬ ЗРИТЕЛЕЙ НУЖНО НЕ УПАКОВКОЙ»

Как мы уже сообщали, начата работа над фильмом по мотивам романа Василия Головачёва «Смерш-2» из цикла «Запрещенная реальность». Напомним, что роман «Смерш-2» является одним из самых тиражных произведений в современной российской фантастике. Василий Головачёв любезно согласился рассказать читателям нашего журнала о грядущем кинопроекте, рабочее название которого «Смерш-XXI».

— Расскажите, пожалуйста, о том, как родился кинопроект? Кому пришла в голову идея экранизировать роман, как долго эта идея двигалась к осуществлению?

— Впервые идея создать фильм по одному из моих произведений прозвучала еще в Киеве в 1989 году. Но до осуществления так и не дошло. Идея фильма по «Смершу-2» возникла два года назад, в Харькове, ее провозгласил Арсен Аваков, нынешний губернатор Харьковской области. С тех пор проект «созревал» и, в конце концов, начал осуществляться.

— Какова ваша доля участия в проекте: все ограничивается авторством первоисточника или же вы имеете непосредственное отношение к написанию сценария? Учитывается ли ваше мнение при

подборе творческой группы фильма, при кастинге?

— Я являюсь не только правообладателем, но и сценаристом. Имею право участвовать (и участвую) в кастинге, в подборе актеров на главные роли.

— На своем сайте вы повесили объявление о поиске спонсоров и инвесторов для фильма. Неужели для экранизации столь популярного и тиражного романа нужны дополнительные инвестиции? Насколько в результате помогла Сеть в подобном поиске?

— Сеть пока не помогла, однако появились дополнительные участники рекламной кампании. Что касается популярности произведения, то она хоть и имеет значение, но не абсолютное. Произведений качественных достаточно, а вот

сценариев — мало. К тому же бюджет фильма получился достаточно серьезным, и нужны деньги на рекламу.

— **Съемки начинаются летом 2006-го. Будете посещать съемочную площадку?**

— Да, съемки должны начаться в середине июня. Конечно, я намереваюсь пару раз посетить съемочную площадку. Хотя вполне доверяю режиссерам — Егору Кончаловскому и Константину Максимову.

— **Главным персонажем картины станет, конечно, Матвей Соболев. А каково будет участие Тараса Горшина, героя «Одиночки» — приквела всей серии «Запрещенная реальность», в которую входит и «Смерш-2»?**

— Тарас Горшин является одним из основных исполнителей в фильме. На его роль планируется привлечь известного актера Владимира Вдовиченкова.

— **Роман «Смерш-2» написан в 1994 году, и в нем упоминается множество политических реалий того времени. Сейчас политическая (и преступная) картина в нашей стране совсем другая. Будет ли сценарий как-то адаптирован к современной ситуации?**

— Да, политика изменилась, как и все внутреннее пространство нашей жизни, но одно сохранилось четко: вседозволенность чи-

новников, вполне уживающихся с бандитами всех мастей. Сценарий, конечно, отличается от романа сюжетно, однако идейно — нет.

— **В романе много эзотерических моментов, визуализация которых на экране невероятно сложна. Обсуждали ли вы с производителями фильма эту проблему? Как она будет решена?**

— Для визуализации этих моментов существуют определенные технологии. Естественно, все они будут использованы. Хотя нам и нет необходимости весь фильм делать компьютерным. Удивлять зрителей нужно содержанием, а не упаковкой.

— **То же касается и способов ведения рукопашного боя. В романе постоянно акцентируется внимание на те или иные методы, движения, удары, и по ходу даются пояснения о том, из каких видов боевых искусств взят тот или иной прием. На экране такой «ликбез» провести невозможно. Будет разрабатываться какой-то единый стиль единоборств или эта проблема решится каким-то иным способом?**

— Над съемками единоборств работает мощная группа специалистов. Думаю, все будет решено в таком виде, что зрители забудут о фильмах с Ван Даммом, Сигалом и Джеки Чаном.

— **После «Дозоров» молодежь начала играть в вампиров, дозор-**

ных и т.п. «Стопкрим» (организация, вершащая самосуд над мафией и коррумпированными чиновниками) — идея весьма «вкусная», обреченная на популярность, особенно у молодых людей. Не бойтесь, что после выхода фильма книжная идея может вербализоваться в реальном мире? Не бойтесь, что идею могут взять на вооружение и политические силы?

— «Стопкрим» — не главная идея фильма. Главное — действия героя, вынужденного отстаивать честь и жизни, свою и близких. Он — лицо, которому хочется сочувствовать в полной мере, сопереживать и болеть за успех дела. А политические силы уже давно используют идеи теоретиков плана Гитлера, Чингисхана, Македонского, и мир не рухнет.

— Вообще, ответственность писателя за «тех, кого приручил» возрастает при переходе литературных текстов в иные медийные формы или, наоборот, эту ответственность разделяют с автором другие, причастные уже к новой форме существования произведения?

— Я давно говорил: писатели ответственны за то, что они делают, за свои произведения, являющиеся мощным стимулом формирования мировоззрения у читателей. «Не навреди» — это принцип не

только врачей, но и писателей. Я даже написал на эту тему рассказ «Я вас предупредил». Думаю, что и создатели фильмов ответственные за свою продукцию, привлекающую миллионы зрителей в кинотеатры. Жаль, что потом молодые люди играют в членов «Бригады», в «мафию», в вампиров, сочувствуя б а н д и т а м: черным ли, серым ли, красным ли. Вот почему уверен: фильм «Смерш-XXI» даст много героя — смелого, решительного, умного, доброго и сильного, живущего по совести!

— Кстати, расскажите немного о тех, кому предстоит делать фильм: режиссере, продюсере, актерах.

— Режиссерами фильма являются Егор Кончаловский и Константин Максимов. Первый известен по фильмам «Антикиллер» и «Побег», второй — пока лишь постановками в театрах (в том числе в театрах Европы). Оба достаточно молоды и амбициозны. С ними приятно работать. Актерами на главные роли утверждены Игорь Петренко (Матвей Соболев), Владимир Вдовиченков (Горшин), Александр Балувев (Ельшин, в фильме он — Курыло). На женские роли будут отобраны молодые актрисы, которые уже заявили себя в фильмах.

Беседовал Тимофей ОЗЕРОВ

ТЕМНЫЕ СИЛЫ

(THE DARK)

Производство компаний Constantin Film и Impact Pict., 2005.

Режиссер Джон Фоусет.

В ролях: Шон Бин, Мария Белло, Ричард Элфин и др. 1 ч. 33 мин.

Действие фильма разворачивается на мрачном валлийском побережье, имеющем дурную славу. По легендам, когда-то именно здесь адепты таинственной секты, зомбированные чокнутым пастырем, совершили массовое самоубийство, вместе со своими детьми прыгнув в океан с высокого обрыва. Уже в наши дни беспокойные воды забирают у беспечных родителей дочь, но через некоторое время в доме скорбящих появляется странная девочка, жаждущая родительской ласки.

Мистический триллер Джона Фоусета — экранизация романа Саймона Магинна «Овцы». По понятным причинам западные киноделы решили присвоить фильму другое название, но, похоже, долго над этой затеей не думали и «поменяли шило на мыло». Российские же прокатчики оказались немного сообразительнее и переименовали «Тьму» в «Темные силы», понимая, что настоящим названием зрителей в кинозалы не заманишь.

Появись этот фильм года четыре назад, он бы точно не остался без внимания со стороны любителей страшилок. Но теперь, после «Звонков» и «Темных вод», очередная история о беспокойном призраке девочки никаких восторгов не вызывает. А ведь на подходе еще отечественные «Мертвые дочери» и зарубежный ужастик «Тихий холм», где нас снова будут пугать призраками-малолетками. Да ладно бы дело было только в вездесущих девочках, вернувшихся с того света. Так еще и сюжет в фильме Фоусета удивительно напоминает то, что мы видели в римейке «Звонка», а финалы «Темных сил» и «Темных вод» и вовсе похожи, как братья-близнецы.

Главные просчеты создателей «Темных сил» — подражание популярным японским ужастикам и неправильная расстановка акцентов. Автор книги стремился не столько напугать, сколько предостеречь читателей от опасности стать этими самыми заблудшими овцами, которых ведет темный пастырь. В фильме же основное внимание отведено не раскрытию идеи романа, а попыткам пощекотать нам нервы. Надо сказать, довольно жалким.

Степан КАЙМАНОВ

САЙЛЕНТ-ХИЛЛ

(SILENT-HILL)

Производство компаний TriStar Pictures и Konami Corporation Ltd., 2006.

Режиссер Кристоф Ган.

В ролях: Рада Митчелл, Лори Холден, Шон Бин,

Дебора Кара Ангер и др. 2 ч. 07 мин.

Игра, впервые появившаяся в конце 1990-х и завоевавшая невероятную популярность у пользователей Playstation, выдержав несколько переизданий, наконец-то стала кинофильмом. Наверное, «Сайлент-Хилл» — первая картина, сделанная на основе игры, в которой кроме потрясающего видеоряда и невероятных съемок есть то, чего не было ни в одной из экранизируемых игр за всю историю. Фильм отличает невероятное, нереально гротескное великолепие. Для тех, кто знаком с игрой, экранизация оправдывает нетерпеливое ожидание, да и для остальных действие окажется небезынтересным. Ведь даже несмотря на несколько затянутое повествование, сюжет ленты вполне адекватен.

Маленькая девочка — очаровательный и милый ребенок днем — по ночам страдает лунатизмом и во сне пытается попасть в пункт со странным названием Сайлент-Хилл. Отчаявшаяся приемная мать (Рада Митчелл, «Черная дыра»), невзирая на протесты мужа (Шон Бин), отвозит девочку в это призрачное, туманное место, где когда-то произошел чудовищный пожар, спаливший весь город. При въезде в покрытый пеплом Сайлент-Хилл мать теряет ребенка и в безуспешных поисках не только сталкивается с невероятными призраками городских жителей, но и постепенно становится едва ли не главной фигурой кошмарной тайны...

Кристоф Ган, режиссер «Братства Волка», преображает крепкий сценарий Роджера Эвери в невероятное зрелище, где декорации покрытого пеплом города превращаются в стильную и завораживающую панораму кошмарного ада на земле. Ставшие классикой эпизоды компьютерной игры усилиями режиссера приобретают визуальную элегантность, и единственным недостатком работы К.Гана можно назвать слишком педантичное следование всем ходам первоисточника. Именно эта преданность оригиналу превращает напряженный и жуткий триллер в утомительное подобие квеста. Спасает положение лишь неожиданный и феерический финал.

Вячеслав ЯШИН

ОЧЕНЬ СТРАШНОЕ КИНО 4

(SCARY MOVIE 4)

Производство компаний Dimension Films и Miramax Films, 2006.

Режиссер Дэвид Цукер.

В ролях: Крэйг Бьерко, Анна Фарис, Чарли Шин, Лесли Нильсен, Майкл Мэдсен и др.

Исполнили роли самих себя: Шакил О'Нил, Майк Тайсон, Дон Кинг, доктор Фил Макгроу и др. 1 ч. 23 мин.

С тех пор как управление поездом под названием «Очень страшное кино» у чернокожих братьев-маргиналов Вейансов перехватил заслуженный пародист Дэвид Цукер, новые прицепные вагоны этого поезда обрели более респектабельный вид. Молодежные пародийные комедии, несущие в себе все признаки жанра (когда большая часть шуток «ниже пояса» сочетается с потоками фекалий, спермы и рвотных масс), отошли в прошлое. Нет, у Цукера тоже это случается: какой американский юмор может обойтись без скетчей подобного уровня, однако третий и четвертый вагоны сериала гораздо более приличны. Недаром кроме кинозвезд в лентах участвуют и звезды спорта и шоу-бизнеса, не опасаясь за свою репутацию. Кроме того, Цукер не был бы Цукером, если бы в оболочку из примитивных гэгов не навставлял шуток для зрителей несколько более интеллектуальных, чем попкорновая публика. К тому же сам жанр пародии предполагает, что зритель имеет некоторое представление о современном кинематографическом процессе.

Часть героев четвертого вагона перешла из третьего, часть потерялась в межвагонном пространстве, оставив после себя лишь упоминания. В основе сюжета — битва с треножниками из спилберговской «Войны миров». На борьбу с инопланетными захватчиками нанизываются издевательства над «Пилой», «Пилой 2», японским «Проклятием» и особенно над «Таинственным лесом» Шьямалана. Досталось и реалистическому кино: пострадали «Малышка на миллион» Иствуда (хорош Майк Тайсон в женской форме, откусывающий уши сотнями) и многократно оscarоносная «Горбатая гора» Энга Ли. Не обойден вниманием и шоу-бизнес — долго после этого фильма икалось Майклу Джексону, Опре и кое-кому еще. И наконец, Цукер покусился на Самое Святое. На Президента. В исполнении великого Лесли Нильсена президент безмерно туп и косноязычен, намеки на реальную личность вполне прозрачны — тем не менее Цукер уже настолько зарекомендовал себя в роли шута, что ему и это сошло с рук.

Тимофей ОЗЕРОВ

ЛУННЫЕ ХРОНИКИ

Предлагаем читателям первый обзор из серии «Кинопробы космической экспансии», посвященной истории «освоения» кинофантастикой Солнечной системы. Известный популяризатор истории космонавтики и писатель-фантаст Антон Первушин в трех статьях расскажет о взглядах кинематографистов на грядущее покорение Луны, Марса и Венеры. В первом обзоре автор поглядывает на естественный спутник Земли. О соседних планетах — читайте в ближайших номерах журнала.

И наступили такие удивительные времена, что настоящим русским патриотом считается тот, кто утверждает, будто бы высадка американских астронавтов на Луну была целиком и полностью отснята в Голливуде.

И в самом деле, полет кораблей «Аполлон» к Луне и обратно до сих пор кажется чем-то фантастическим — за гранью возможного. Поэтому те, кто слабо разбирается в вопросе, готовы принять ту версию событий, которая кажется им более «правдоподобной». Благо, за последние годы мы имели возможность убедиться, что подделать можно всё что угодно, в том числе и кадры кинохроники.

Вообще, обывательские представления о космических полетах довольно сильно изменялись с течением времени. В конце XIX века они опирались на мифологию и домыслы уличных репортеров. В

середине XX века стали частью государственных идеологий и через это обрели некую монументальность. К началу XXI века их приравнивали к спекуляциям и используют в качестве одного из орудий информационной войны.

Все эти метаморфозы мало повлияли на развитие реальной науки и техники, зато во всей полноте и блеске были отражены в культуре: в книгах и фильмах, в балетах и опереттах, в радиопостановках и цирковых аттракционах.

Джентльмены осваивают космос

Лунная тема была одной из главных для фантастов и футурологов на протяжении почти целого века. Но поскольку эту тему на страницах «Если» основательно рассмотрел Глеб Елисеев в статье «Устроители ближнего космоса» («Если» № 3 за этот год — *прим. ред.*), от-

правимся сразу в двадцатый век и заглянем к первым кинематографистам.

Один из самых ранних фантастических фильмов в истории кинематографа был создан как экранизация дилогии Жюль Верна «С Земли на Луну» и «Вокруг Луны», а также романа Герберта Уэллса «Первые люди на Луне». Речь идет о короткометражном немом шедевре Жоржа Мельес «Путешествие на Луну» (1902). Это была уже 400-я кинолента французского режиссера, но именно она принесла ему бессмертную славу. Прежде всего потому, что, получив астрономический по тем временам бюджет (10 000 франков!), Мельес создал феерическое зрелище, насыщенное революционными визуальными эффектами.

При обсуждении научно-фантастических романов Жюль Верна принято обычно перечислять допущенные автором ошибки, искажающие физическую картину мира. В случае с экранизацией Жоржа Мельес подобный разговор не имеет смысла. Для режиссера ничего не значили связность сюжета и правдоподобие. Не интересовало его и соответствие экранизации исходным текстам. В итоге получился классический французский бурлеск, созданный, правда, с парижским шиком.

Сюжет «Путешествия на Луну» не так прост, как можно подумать, зная продолжительность картины — 14 минут. Фильм начинается с

научного заседания в Астрономическом клубе — там выступает весьма колоритный профессор Барбенфуллис, которого играл сам Мельес. Профессор рассказывает о проекте полета на Луну. Доклад вызывает неподдельный энтузиазм у присутствующих, и сразу начинается строительство огромной пушки, в которой пятеро астрономов, вызвавшихся сопровождать Барбенфуллиса, готовятся отправиться в космическое путешествие. Наконец стартовое сооружение построено, и весьма милые барышни (Мельес пригласил в качестве статистов танцовщиц кордебалета) заталкивают снаряженный астрономами снаряд в пушку. Затем следует выстрел, и... снаряд прямиком попадает Луне в правый глаз. Луна обиженно подмигивает уцелевшим глазом. Кстати, этот совершенно дикий с позиций научной фантастики кадр стал классическим — его и по сей день приводят в книгах и фильмах, посвященных ранней истории развития космонавтики.

На этом месте «якобы Жюль Верн» заканчивается и начинается «якобы Уэллс». Шестерка первопроходцев выгружается на Луне, любуется пейзажами и засыпает. Потом они видят красочный сон, едва не замерзают при наступлении лунной ночи и попадают в плен к селенитам (на эту массовку Мельес пригласил цирковых акробатов). Разумеется, в плену ас-

трономам не понравилось, и победив лунного короля, они совершают побег. Пушки на Луне нет, а потому снаряд запускает вручную (!) сам Барбенфуллис. Снаряд возвращается на Землю, падает в океан, к морским обитателям, затем всплывает — его подбирает и транспортирует пароход. Франция щедро чествует мужественных межпланетчиков и в память об их полете устанавливает обелиск.

Фильм Мельеса вызвал фурор и был очень популярен в то время. Его даже украли американские кинопираты и крутили копии под названием «Путешествие на Марс» — что говорит о низком образовательном уровне деятелей теневого проката: это ж надо, перепутать Луну с Марсом!

Сама по себе идея путешествия на Луну посредством запуска из гигантской пушки довольно быстро умерла: проект Жюль Верна грешил натяжками и был подвергнут критике со стороны основоположников космонавтики. Однако очарование викторианской эпохи, заложенное в сюжет, сохранилось. Нельзя сказать, что роман «С Земли на Луну» является самым экранизируемым произведением Жюль Верна, но два фильма по нему были сняты: в 1958 году режиссером Байроном Хаскином и в 1967 году — Доном Шерпом.

Забавно, что в своей киноэпопее «Облик грядущего» (1936) Герберт Уэллс попытался стяжать лавры Жюль Верна: его персона-

жи, построившие технократическое государство, пытаются запустить лунный снаряд с экипажем именно из огромной пушки, хотя уж кому-кому, а Уэллсу должна была быть понятна бесперспективность этой затеи.

Немецкий прорыв

Второе десятилетие XX века — один из наиболее интересных периодов в истории космонавтики. В эти годы над теорией космического полета активно работали такие основоположники, как Константин Циолковский, Робер Эсно-Пельтри, Роберт Годдард, Вальтер Гоман и Герман Оберт. Появились повести и романы, в которых подробно расписывались подготовка и осуществление межпланетных перелетов.

Всем уже было понятно, что Луна — пустой мертвый шарик, на котором нет никаких селенитов, потому сюжеты «лунных» повестей в массе своей сводились к перипетиям самого космического полета, к взаимоотношениям персонажей. Здесь уже имела особое значение достоверность, и авторы книг и фильмов стали привлекать в качестве консультантов теоретиков космонавтики. Получилось взаимовыгодное сотрудничество: повести и фильмы стали ближе к реальности, а ученые получали хорошую рекламу, их идеи и достижения выходили на широкую публику.

В качестве примера такого сот-

рудничества можно привести фильм немецкого режиссера Фрица Ланга «Женщина на Луне» (1929).

В нищей Веймарской республике единственным утешением обывателя было кино, что позволяло снимать довольно дорогие фильмы. Ланг, работавший на кинокомпанию «УФА», обратился к немецкому ученому Герману Оберту с заманчивым предложением. Его жена, писательница и автор сценариев Теа фон Харбоу, выпустила роман под названием «Женщина на Луне», и Ланг хотел снять по нему фильм. Однако, по мнению режиссера, это можно было сделать лишь с привлечением «научного консультанта». Взвесив все «за» и «против», Оберт согласился.

В мастерских кинокомпании «УФА» ученый начал с того, что стал проектировать «настоящую» лунную ракету. При этом он посчитал необходимым произвести даже вычисления, позволившие ему указать точную траекторию полета, маневрирование космического корабля перед посадкой на лунную поверхность, активное торможение корабля ракетными двигателями во время посадки и многое другое. Лунная ракета Оберта оказалась гигантским сооружением высотой в 42 метра, и многое в ее конструкции было использовано в будущем ракетостроении: например, водородно-кислородное топливо для верхней ступени.

Вилли Лей, молодой писатель и один из активнейших членов «Общества межпланетных сообщений», предложил кинокомпании «УФА» поручить Оберту не только научные консультации, но и дать возможность построить и запустить (до появления фильма на экранах) небольшую ракету. Эта идея понравилась не только Фрицу Лангу, но и рекламному отделу кинокомпании. Из бюджета фильма Оберту выделили 10 000 марок для экспериментальных работ над ракетой.

Рекламщики хотели, чтобы эта ракета была высотой, как минимум, 13 метров. Оберт убедил их, что это требование нелепо, и в конце концов руководство кинокомпании согласилось на ракету в два метра с кислородно-бензиновым двигателем. По расчетам Оберта, это топливо могло поднять ракету на высоту в 40 километров. Рекламный отдел превратил их в 70 километров и дал об этом информацию в печать. Сообщалось и о месте старта будущей ракеты — для этой цели был выбран небольшой остров Грейфсвальдер-ойе в Балтийском море. Назначили дату пуска: 19 октября 1929 года.

Работа рекламного отдела возымела эффект. О ракете Оберта и о предстоящем запуске начала усиленно писать пресса. Хуже обстояло дело с самой ракетой: никак не удавалось построить надежный двигатель. Оберт провел несколько подготовительных экс-

периментов, но так и не сумел добиться результата.

А фильм все-таки вышел и пользовался успехом. Несмотря на примитивность исходной посылки (немецкие инженеры создают двухступенчатую ракету для того, чтобы отыскать на Луне самородное золото), многие кадры «Женщины...» до сих производят впечатление: стартовый комплекс, вывоз ракеты из ангара, обратный отсчет, сброс разгонной ступени, невесомость, посадка на Луну — все сделано очень профессионально.

Не обошлось, правда, и без ошибок, которые кинодеятели допускают вне зависимости от того, сколько консультантов участвует в съемках фильма. Так, невесомость в ракете наступает только в той точке траектории, где «силы притяжения Земли и Луны уравновешивают друг друга». Впрочем, виноват. Подобную ошибку можно найти во многих фантастических произведениях, начиная с романа Жюль Верна и заканчивая повестями 1960-х годов. Только после полета Юрия Гагарина специалисты наконец-то объяснили профанам, что невесомость в свободно летящем космическом корабле имеет ту же природу, что и невесомость свободного падения, и никак не зависит от местоположения небесных тел. Удивление вызывает наличие на Луне воды и атмосферы, что, конечно же, спасает сюжет (часть экипажа в финале

вынужденно остается на нашем естественном спутнике), но не прибавляет достоверности.

В Третьем рейхе пытались воспроизвести успех Ланга. Сразу две киностудии — «Бавария» и «УФА», подчиненные теперь Министерству пропаганды Геббельса, снимали два полнометражных фантастических фильма о космических путешествиях: «Инцидент в космосе» и «Космический корабль-18». Ни одна из этих кинолент так и не была завершена, но отснятые кадры из них использовались в 20-минутном «культурфильме» «Старт первого космического корабля». Содержание этого больше пропагандистского, чем научно-популярного ролика было незамысловато: в 1963 году в присутствии многолюдной толпы граждан Тысячелетнего рейха из эллинга Цеппелина вывозят на платформе гигантский сигарообразный космический корабль, его создатели выступают перед зрителями с краткими разъяснениями, затем корабль разгоняется с помощью катапульты по специальным направляющим и стартует, приближается к Луне, облетает ее и возвращается на Землю. «Старт первого космического корабля» демонстрировался по всей территории Германии, а в 1943 году даже попал во французский прокат под названием «Путешествие на Луну». Основной идеей «культурфильма» было опровержение еврейской, вредной и ложной, тео-

рии относительности, которой противопоставлялась мощь арийской науки. Парадоксально, но факт: когда эта кинолента досталась в качестве трофея союзникам по антигитлеровской коалиции, ее демонстрировали в США, но именно как иллюстрацию к популярной лекции о теории относительности. Все зависит от точки зрения...

Космонавты Сталина на Луне

Опыт сотрудничества с учеными переняли и советские кинематографисты.

Еще в 1924 году Василий Журавлев, студент Государственного техникума кинематографии, предшественника нынешнего ВГИКа, написал сценарий для полнометражного фильма под интригующим названием «Завоевание Луны мистером Фоксом и мистером Троттом». Однако фильм тогда не склеился, а сюжет сценария использовали при создании одного из первых советских мультфильмов «Межпланетная революция» (1924). К старой идее режиссер вернулся позже, когда на рубеже 1932—1933 годов начал работу «Мосфильм» — крупнейшая киностудия Европы тех лет. С благословения и при поддержке великого Сергея Эйзенштейна во Втором художественно-производственном объединении начались съемки научно-фантастического фильма «Космический рейс». К его соз-

данию привлекли основоположника космонавтики Константина Эдуардовича Циолковского. Ученый разработал эскизы для художников, давал письменные консультации.

Очень быстро авторы фильма убедились, что кинотехника не способна воссоздать все эффекты космического полета и путешествия по Луне. Тогда, взвесив реальные возможности, Циолковский остановился на шести основных моментах: «1) старт ракеты с эстакады; 2) масляные ванны для защиты от перегрузок; 3) немигающие звезды в космосе; 4) невесомость в свободном полете; 5) прыжки по-воробыиному на Луне; 6) мягкая посадка ракеты с помощью парашютов». Хотя решение этих задач было вполне под силу, кинематографистам пришлось столкнуться с такими трудностями, что несколько раз фильм был на грани закрытия.

Кроме Циолковского в работе над фильмом приняли участие и другие специалисты. «Космическое» небо создавалось под руководством первого директора Московского планетария Шестовского. Кабину ракетоплана проектировал известнейший летчик Громов. Архитектурная панорама будущей Москвы была выстроена при консультации академика Рындина.

На съемки этой немой киноленты ушло два года. Спецэффекты получились похуже, чем у Ланга,

но зато выше достоверность: невесомость в кабине ракетоплана «СССР-2» именно такая, какая должна быть.

На волне успеха «Мосфильм» планировал снять киноленту по оригинальному сценарию Алексея Толстого «Голубая звезда» — о полете на Венеру, а «Ленфильм» — «Прыжок в ничто» по роману Александра Беляева. Однако новые амбициозные планы реализовать уже не получилось...

Лунное противостояние

После второй мировой войны законодателем мод в киноиндустрии стал Голливуд. Луна американцев мало интересовала — куда больше внимания они уделяли Марсу. И все же именно с фильма о Луне, вышедшего в 1950 году, начался «космический бум» в американском кинематографе.

Кинолента «Место назначения — Луна» режиссера Ирвинга Пичела снята в документальной манере и рассказывает о том, как группа военных промышленников вопреки решению правительства готовит и осуществляет полет на Луну с целью завоевания приоритета в космической сфере. Сценарий к фильму был написан знаменитым американским фантастом Робертом Хайнлайном по мотивам его же романа «Ракетный корабль «Галилео» (1947). Кроме того, консультантом картины выступил вышеупомянутый Герман Оберт.

Фильм сделан неплохо, и драматизм поддерживается за счет экстремальных ситуаций: то при выходе в открытый космос потеряется астронавт, то возникает проблема сверхлимитной нагрузки и кому-то из астронавтов придется остаться на Луне. Мастерство создателей визуальных эффектов было отмечено премией Американской киноакадемии, однако не уберегло фильм от ошибок. На Луне откуда-то взялись русла высохших рек, невесомость опять наступает в точке «равновесия сил притяжения» и так далее.

Следующий фильм о полете на Луну (и вновь по сценарию Хайнлайна) вышел в 1953 году. В киноленте «Проект Лунная основа» режиссер Ричард Телмедж попытался обыграть мотивы тех старых рассказов писателя, где космические орбиты являются полем военного противостояния. Сюжет раскручивается вокруг боевой станции, которую США вывели на орбиту в 1970 году для того, чтобы она обеспечила стратегическое преимущество американцев над врагами. Враги хотят уничтожить станцию, и на космический корабль «Магеллан», готовящийся к облету Луны, под видом ученого проникает шпион. Однако злое замысел провалился, а «Магеллан» совершает вынужденную посадку на Луну... Главный недостаток фильма — низкое качество визуальных эффектов. Актеры также не сумели вытщисать эту подел-

ку, а потому «Проект...» был навсегда забыт.

Другой вариант космической фильма-катастрофы предложил режиссер Роберт Олтмен в фильме «Обратный отсчет» (1968). Эта кинолента интересна тем, что там представлена вполне реальная схема полета на Луну с использованием легкого корабля «Джемини». Стремясь опередить Советский Союз в космической гонке, НАСА отправляет к Луне астронавта, который должен высадиться на поверхность, найти заблаговременно высланный модуль с системой жизнеобеспечения и ждать прилета корабля «Аполлон». Понятно, что такой самоубийственный план должен был закончиться катастрофой — астронавт совершает посадку, но теряет связь с Землей и бродит в поисках модуля. По дороге он встречает советский космический корабль, разбившийся при посадке, хоронит мертвых космонавтов и бредет дальше. На последнем издыхании он находит-таки модуль, однако теперь ему предстоит дожидаться прилета «Аполлона»... К счастью для американских астронавтов, агентство НАСА выбрало несколько другой способ достижения Луны.

В это время советские кинематографисты снимали не столь экстраемальные фильмы — наоборот, в чести была познавательность. Два популярных фильма о полете на Луну выпустил выдающийся ре-

жиссер Павел Клушанцев. Первый — «Дорога к звездам» (1957) — был посвящен грядущей экспансии человечества в космос, эпизодом которой должно стать освоение нашего естественного спутника. Второй — «Луна» (1965) — рассказывал об этом небесном теле и давал подробную панораму высадки советской экспедиции. Своими фильмами Клушанцев предвосхитил модную сегодня манеру «визуальной реконструкции», когда авторитетные высказывания ученых сопровождаются компьютерными роликами, снятыми в качестве иллюстрации к обсуждаемой теме.

Другая Луна

После того как Нил Армстронг попрыгал по лунному реголиту, снимать фантастические фильмы о Луне стало вдруг неинтересно. Когда в космос уходят «Аполлон» за «Аполлоном», а по кратерам ползает советские «луноходы», трудно придумать нечто такое, чего нет в реальности. Внимание фантастов надолго переключилось на Марс.

Все изменилось с пришествием «постмодернизма». Для этого поджанра, как известно, нет преград в виде достоверности образов, миров или исторического контекста. Главное — идея, которой подчиняется все остальное.

Примером может служить культовый фильм «Амазонки на Луне» (1987), снятый целой группой весе-

лых американских режиссеров под руководством Джо Данте. У них получилась разухабистая, местами абсурдная комедия. В ней наряду с другими сюжетами очень по теме пародируются старые научно-фантастические фильмы о космических полетах. Луна здесь не просто обитаема — на планете живут сексапильные амазонки, среди которых отважные астролетчики находят себе спутниц жизни.

Очень необычен концептуальный «пластилиновый» мультфильм Ника Парка «Уоллас и Громит: Лунный пикник» (1989). В нем «маленький человек» Уоллас и его пес Громит в самодельной ракете отправляются на Луну за сыром, ведь всякий знает, что это небесное тело сделано из отличного сыра.

Российские мультипликаторы не остались в долгу и выпустили полнометражную ленту «Незнайка на Луне» (2000) по незабвенной повести Николая Носова.

Следующий шаг — появление псевдодокументального кино. Это когда под документалистику маскируется эпатажный фантастический фильм. Так, в 2002 году австралийский режиссер Уильям Карел отснял небольшую ленту «Темная сторона Луны», в которой бывший президент Никсон и ряд американских астронавтов каются во всех грехах и признаются, что полеты «Аполлонов» на Луну были отсняты в Голливуде. Несмотря на то, что создатели фильма сделали

все, чтобы никто не принял их де-тище всерьез, появление этой киноленты вызвало нешуточные страсти, подлив масло в огонь старой дискуссии.

Аналогичный эффект произвел и выход долгожданного фильма Алексея Федорченко «Первые на Луне» (2005), в котором очень «доказывается», что еще в 1938 году на Луну высадился советский космонавт. Что бы ни говорил теперь режиссер, эта кинолента вызвала волнение в обществе. Специалистов космической отрасли она обидела, любителей фантастики развлекала, а очень многих наших сограждан убедила: да, так оно все и было на самом деле. И совсем не удивляет, что «Первые...» собрали кучу наград именно в номинации «Документальное кино».

Вряд ли эксперимент Федорченко будет последним. Наверняка в длинном ряду фильмов о полете на Луну появятся новые. Ведь космонавтика тоже не стоит на месте: набирает обороты новая лунная программа НАСА, российские ученые с упорством пробивают отечественный проект лунной базы, о своем намерении высадиться на Луне заявили китайцы. Естественный спутник Земли как был, так и остается форпостом на пути к звездам. Будут новые проекты, будут и новые идеи, книги и фильмы.

Думаю, что Луна еще удивит нас всех...

Антон ПЕРВУШИН

Лунная фильмография

- 1902 год — «Путешествие на Луну» («Le Voyage Dans La Lune», Франция)
- 1924 год — «Межпланетная революция» (м/ф, СССР)
- 1929 год — «Женщина на Луне» («Die Frau im Mond», Германия)
- 1936 год — «Космический рейс» (СССР)
- 1936 год — «Облик грядущего» («Things to Come», Великобритания)
- 1939 год — «Старт первого космического корабля» («Weltraumschiff 1 startet», Третий рейх)
- 1950 год — «Место назначения — Луна» («Destination Moon», США)
- 1953 год — «Проект Лунная основа» («Project Moon Base», США)
- 1953 год — «Женщина-кошка с Луны» («Cat-Women of the Moon», США)
- 1953 год — «Полет на Луну» (м/ф, СССР)
- 1957 год — «Дорога к звездам» (СССР)
- 1958 год — «С Земли на Луну» («From the Earth to the Moon», США)
- 1960 год — «12 на Луне» («12 to the Moon», США)
- 1963 год — «Мышь на Луне» («The Mouse on the Moon», Великобритания)
- 1964 год — «Первые люди на Луне» («The First Men in the Moon», США)
- 1965 год — «Луна» (СССР)
- 1967 год — «Ракета на Луну» («Rocket to the Moon», США)
- 1968 год — «Обратный отсчет» («Countdown», США)
- 1968 год — «2001: Космическая одиссея» («2001: A Space Odyssey», США)
- 1969 год — «Луна-ноль-два» («Moon Zero Two», Великобритания)
- 1973 год — «Лунная база 3» («Moonbase 3», Великобритания)
- 1976 год — «Место назначения — лунная база Альфа» («Destination Moonbase Alpha», Великобритания)
- 1987 год — «Амазонки на Луне» («Amazon Women on the Moon», США)
- 1989 год — «Лунная западня» («Moontrap», США)
- 1989 год — «Уоллас и Громит: Лунный пикник» («Wallace & Gromit: A Grand Day Out», м/ф, Великобритания)
- 1998 год — «Лунная база» («Moonbase», США)
- 1999 год — «Остин Пауэрс: Шпион, который меня соблазнил» («Austin Powers: The Spy Who Shagged Me», США)
- 2000 год — «Незнайка на Луне» (м/ф, Россия)
- 2002 год — «Приключения Плуто Нэша» («The Adventures of Pluto Nash», США)
- 2002 год — «Темная сторона Луны» («Dark Side of the Moon», Австралия)
- 2005 год — «Первые на Луне» (Россия)

ХОРОШЕГО ПОНЕМНОЖКУ

Предлагаем очередной блок анонсов фантастических кинопремьер российского проката на второе полугодие 2006 года. Как показала практика, график этот довольно приблизителен — часто премьеры (особенно фильмов второго ряда) отодвигаются на более поздний срок.

Даты премьер блокбастеров даже компании-конкуренты стараются разносить по времени, на разные месяцы. Исключение составляют, как правило, июнь-июль и декабрь — период отпусков и каникул.

Традиция будет соблюдена и в **июле** 2006-го. Откроется месяц долгожданым сиквелом Гора Вербински *«Пираты Карибского моря 2: Сундук мертвеца»* (*Pirates of the Caribbean: Dead Man's Chest*) — капитану Джеку Воробью, герою Джонни Деппа, и его друзьям предстоит новое путешествие, полное приключений и схваток с морскими фантомами. А завершится июль еще одним масштабным сиквелом-римейком — очередными приключениями самого харизматичного супергероя: *«Возвращение Супермена»* (*Superman Returns*). На этот раз святая для любого американца роль досталась Брэндону Роту, а режиссером стал Брайан Сингер. В промежуток между однозначными «боксофисными» лидерами вклиниваются менее масштабные проекты. Новую леденящую кровь историю вторжения инопланетных «похитителей тел» повеждает нам режиссер Джеймс Ганн в картине *«Скользкий»* (*Slither*); монстры-мутанты будут терроризировать заблудившуюся на бывшем ядерном полигоне семью в римейке одноименного классического хоррора Уэса Крейвена 1977 года *«У холмов есть глаза»* (*The Hills Have Eyes*, режиссер Александр Ажа); а любимому актеру режиссеров семейного кино Тиму Аллену на этот раз предстоит превратиться в собаку в комедии *«Лохматый папа»* (*The Shaggy Dog*).

По некоторым данным релиз «Лохматого папы» может быть перенесен на август. Ибо **август** традиционно отдается под детские фильмы — чтобы школьникам не так тоскливо было ожидать окончания каникул. Поэтому в последнем месяце лета юные зрители смогут полюбоваться также новыми приключениями говорящего кота Гарфилда в комедии *«Гарфилд 2»* (*Garfield 2*), очередными полноэкраннымихождениями Астерикса и Обеликса в мультфильме *«Астерикс и викинги»* (*Astérix et les Vikings*). Зрителям постарше адресована российская молодежная комедия *«Хоттабыч»*, премьера которой уже неоднократно переносилась. В очередной раз главным героем филь-

ма ужасов станет дом — в хорроре «Дом-чудовище» (*Monster House*). Еще один «ужастик» — об электронных посланиях с того света — будет называться «Пульс» (*Pulse*). Научно-фантастическая анимация — нечастое явление в кино. Историю подростка, отправляющегося в вояж по Вселенной с целью найти отца, поведает американо-китайская крупнобюджетная лента «Сквозь созвездие Мёбиуса» (*Thru the Moebius Strip*). Одним из авторов сценария картины стал знаменитый Жан Жиро, он же Мёбиус. Новый фильм ведущего режиссера-фантаста Найта Шьямалана «Девушка из воды» (*Lady in the Water*) явится зрителю под конец месяца. Так же, как и российский мистический триллер «Мертвые дочери» — мода на призраков-девочек дошла и до нашего кино.

В **сентябре** мы, вероятно, сможем увидеть неоднократно откладывавшийся российский триллер-катастрофу «Сдвиг». Мистический детектив классика кино Брайана де Пальмы «Черная орхидея» (*The Black Dahlia*) расскажет о коррупции в полиции. Трагикомедия «Щелчок» (*Click*) с Адамом Сандлером в главной роли даст возможность главному герою, архитектору-трудоголику, при помощи волшебного пульта-«ленивки» управлять чем угодно, в том числе и своей жизнью, «перематывая» ее фрагменты вперед-назад. Очередная экранизация супергеройского комикса будет представлена в фильме «Возвращение Зума» (*The Return of Zoom*), а новая экранизация компьютерной игры — в сиквеле «Обитель зла 3» (*Resident Evil: Afterlife*).

Октябрь — время российской кинофантастики. Ожидается премьера ленты Михаила Хлебородова «Параграф 78», снятой по мотивам произведений Ивана Охлобыстина. В конце месяца наконец можно будет познакомиться с одним из самых громких проектов нашего кино — экранизацией романа Марии Семёновой «Волкодав из рода Серых Псов» режиссера Николая Лебедева. В ленте Филиппа Янковского «Меченосец» главный герой обладает нечеловеческими способностями к уничтожению, но, когда встречает свою любовь, вынужден сделать непростой выбор. Антиутопия Альфонсо Куарона «Дитя человеческое» (*The Children of Men*) поведает о том, как в середине XXI века на Земле перестали рождаться дети. Американский римейк одноименной китайско-тайванской ленты «Глаз» (*The Eye*) выйдет на наши экраны под конец месяца, также как и еще один сиквел-римейк китайского хоррора «Проклятие 2» (*The Grudge 2*). Английский вариант «Королевской битвы» будет продемонстрирован в ленте «Дикарь» (*Wilderness*).

Ноябрьский репертуар кинотеатров интересен прежде всего анимационной сказкой о мальчике, который, уничтожив муравейник, сам был уменьшен до размеров муравья — «Гроза муравьев» (*The Ant Bully*), такая американская версия «Баранкин, будь человеком!». Экранизацию фэнтезийного комикса Арона Колайте «Завет» (*The Covenant*) снял знаменитый американский финн Ренни Харлин. Невероятные способности героя к бесконтактному уничтожению себе подобных, похоже, становятся главной темой российского мистического кино — на эту же тему и фильм «Репушер», снятый по одноименному роману Дмитрия Страхова. Еще одну «мистическую» экранизацию представит режиссер Катя Фон Гарнье — это фильм по роману Аннет Куртиз Клауз «Кровь и шоколад» (*Blood and Chocolate*). Экранизируют не только литературу, но и компьютерные игры — в ноябре любители подобных фильмов смогут посмотреть «Во имя короля. Фильм 1» (*In The Name Of The King: A Dungeon Siege Tale 1*). Ну а главным событием месяца, безусловно, станет двадцать первый фильм (он же римейк одного из первых) о приключениях Джеймса Бонда — «Казино «Рояль» (*Casino Royale*) с новым актером Дэниэлом Крейгом в главной роли.

Декабрь — традиционно фэнтезийный месяц, ибо грядущее Рождество настраивает на сказочный лад. Главный подарок любителям фэнтези — фильм «Эрагон» (*Eragon*). Одноименный роман, первую часть трилогии «Наследие», Кристофер Паолини написал в 15 лет. Книга мгновенно стала популярнейшей в мире — по тиражам она уже вполне серьезно конкурирует с поттерианой и романами Дэна Брауна. Поэтому экранизацию романа, повествующего о деревенском парне из волшебной страны Агалезии, нашедшем яйцо дракона, и о последующих невероятных приключениях Эрагона и выращенной им драконихи Сапфиры, поклонники фэнтези ждут с нетерпением. Традиционны в декабре и релизы полнометражных мультфильмов: на этот раз юным зрителям предложены «Охотничий сезон» (*Open Season*) о приключениях гризли и оленя во время охотничьего сезона, «Делай ноги» (*Happy Feet*) о пингвине-чечеточнике, датская экранизация «Гадкого утенка» (*The Ugly Duckling & Me*) и очередная российская сказка «Илья Муромец и Соловей Разбойник». Романтический триллер «Дежа вю» (*Déjà Vu*) поведаст историю влюбившегося агента ФБР, который умеет перемещаться во времени. Этот фильм выйдет на наш экран в самом конце года.

Тимофей ОЗЕРОВ

К Е Й Д Ж Б Е Й К Е Р

МАДАМ

Иллюстрация Игоря ТАРАЧКОВА

АЙГЮПТОС

Будь вежлив с Дьяволом, пока не перейдешь мост.
Трансильванская поговорка.

В одной стране, где леса и ночи темны и безумны, раскинулась широкая равнина, залитая яростным солнечным светом. По этой равнине мчался стремглав какой-то человек в нелепой одежде.

Утоптанная, спекшаяся глина дороги у него под ногами отражала жар солнца, и человек насквозь промок от пота. От усталости он шатался, потому что бежал уже давно и был довольно тучен, к тому же ему изрядно мешали шелковые кружевные панталоны, так и норовившие соскользнуть с жирных ляжек. Надо сказать, что его костюм был не только нелепым, но и унижительным, потому что кружева и юбки делали мужчину похожим на дебелую деревенскую молочницу.

Слезы отчаяния и страха ручьями лились по щекам беглеца, смешивались с потом и белилами и стекали по длинным темным усам, отчего те казались седыми. Малиново-красные пятна нарисованного румянца тоже размокли и текли розовыми струйками — создавалось впечатление, будто мужчина плачет кровью. Набитая соломой искусственная грудь под платьем растряслась от бега и сползала все ниже. Наконец она вывалилась из-под широкой сборчатой юбки, словно мертворожденный плод, и мужчина, сдавленно ахнув, остановился, чтобы ее поправить. При этом он тревожно обернулся через плечо.

Преследователей еще не было видно, но мужчина знал, что они двинулись в погоню верхом и им, конечно, не составит труда его догнать. На этой пустынной дороге, протянувшейся через голую равнину, он был словно на ладони. И нигде, как назло, ни кустика, ни деревца... Заскулив от отчаяния, мужчина снова бросился бежать, на ходу засовывая за лиф платья искусственную грудь. Над его головой с противным гудением вились мухи.

Примерно через полмили дорога пошла вверх. Преодолев некрутой подъем, мужчина увидел впереди еще одну, идущую под прямым углом к первой. Четверка запыленных лошадей тянула по ней караван из двух сцепленных между собой фургонов, похожих на цыганские кибитки, но выше и уже последних. Да и раскрашены они были не так пестро, как обычные цыганские повозки. Парусиновые тенты обоих фургонов были черными, как одеяние Той, Что Приходит с Косой, и только над дощатыми бортами фургонов белели старинные белые буквы: МАДАМ АЙГЮПТОС.

Мужчину, впрочем, не интересовало, кому принадлежит караван. Он не поколебался бы, даже если бы лошадьми действительно правила Смерть. Напрягая последние силы, он помчался вслед за караваном, держась до поры до времени под прикрытием последнего фургона. Вскоре он нагнал странный караван и, чувствуя, что силы его иссякают, последним отчаянным рывком запрыгнул на сцепку между фургонами. Несколько секунд он балансировал на широком железном дышле, глядя, как пот каплет на нагретый солнцем металл и испаряется с чуть слышным шипением, потом перебрался на передок фургона, отодвинул засов на дверце и без сил повалился в темноту.

Погонщик на кóзлах переднего фургона сидел, накрыв голову капюшоном, защищавшим его от палящих лучей солнца, и не то дремал, не то грезил о каких-то затерянных во времени странах. Он не шевелился и даже не заметил, что подобрал пассажира.

Беглец лежал плашмя на грубом деревянном полу, глубоко и часто дыша. Он так устал, что не обращал никакого внимания на окружающее. Лишь какое-то время спустя он приподнялся на локте и огляделся. Еще через пару секунд он сел, сдернул с головы дурацкий кружевной чепец вместе с фальшивыми косами из грубой желтой пряжи, вытер им потное лицо и вполголоса выругался.

В каком-нибудь другом, более совершенном мире, мрачно размышлял мужчина, в фургоне непременно нашелся бы сундук с одеждой, где он мог бы покопаться и подобрать себе что-нибудь менее приметное. И конечно, там стоял бы ларь с едой и питьем. Увы, судьба снова сыграла с ним злую шутку, ибо фургон, в который он забрался, явно не предназначался для жилья. Судя по всему, это было что-то вроде передвижного склада, где не было ничего, кроме каких-то ящиков и громоздких тюков, тщательно упакованных в мешковину.

Скорчив брезгливую гримасу, мужчина запустил руку за лиф своего платья и вытащил фальшивую грудь. Поднеся ее к уху, он несколько раз встряхнул ее и улыбнулся, услышав приглушенное звяканье. Золотые кольца оказались на месте. Увы, это была лишь часть добычи, которую он успел захватить, прежде чем обратиться в бегство.

В наглухо закрытом фургоне стояла удушливая жара, поэтому мужчина снял с себя всю одежду, за исключением шелковых панталон с оборками. Еще раз оглядевшись по сторонам, он приступил к методичному и тщательному обыску, вскрывая один за другим ящики и тюки. Через несколько минут мужчина уже покатывался со смеху.

С первого же взгляда ему стало понятно: перед ним краденые вещи.

Скатанные и перевязанные ковры, дорогие чайные сервизы с золотым рисунком, каляяны и прочие предметы, несомненно, были похищены у турецких торговцев и чиновников. Здесь же оказались и русские иконы, и написанные маслом портреты каких-то вельмож, и австрийский хрусталь, и украшенная затейливой сканью серебряная посуда, и резные деревянные вазы, и даже подставка для зонтиков с целым арсеналом палашей и кривых кавалерийских сабель. Некоторые были украшены чеканкой и драгоценными камнями, другие — явно старинные — выглядели совсем просто, даже примитивно, но представляли огромную ценность как фамильное оружие, передававшееся из поколения в поколение на протяжении столетий. К сожалению, среди всего этого богатства не нашлось ничего, что поместилось бы в кармане. Впрочем, карманов у мужчины все равно не было.

Недовольно бормоча что-то в усы, беглец взял в руки кривую турецкую саблю и вытащил ее из ножен.

Именно в этот момент снаружи раздался топот копыт нескольких лошадей, скакавших резвым галопом. Выронив саблю из внезапно онемевших пальцев, мужчина бросился к двери и прижался к ней спиной. Топот копыт приближался. Вот кони обогнали фургон, замедлили ход, и кто-то из всадников задал вознице несколько вопросов. Потом мужчина услышал — но не расслышал — ответ, произнесенный, несомненно, женским, но очень низким голосом. В отчаянии пассажир завращал глазами в поисках убежища, но в фургоне не обнаружилось ни одного укромного уголка. Он, конечно, мог бы завернуться в ковер, как Клеопатра, но на это у него уже не оставалось времени.

К счастью, всадники не стали задерживаться. Топот копыт замер где-то далеко впереди, и мужчина, сообразив, что на этот раз опасность миновала, без сил опустился на пол.

Несколько минут он прислушивался к бешеному стуку собственного сердца, потом снова подобрал с пола саблю.

Лишь поздним вечером фургон свернул с дороги и, прогрохотав колесами по неровной, каменистой обочине, остановился. Судя по доносившимся снаружи звукам, возница не спеша распряг лошадей и повел поить к ручью, шум и плеск которого раздавались в некотором отдалении. Потом послышался треск ломаемых сучьев и шорох разгорающегося пламени. Кто-то разжег костер, и мужчина, который в последние пару часов сильно страдал от холода (он по-прежнему сидел среди ковров и ящиков в одних панталонах с саблей наголо), невольно принялся мечтать об огне и горячей пище. Какое-то время спустя снаружи по-

слышались чьи-то неуверенные, легкие шаги и шорох: кто-то карабкался на сцепку между фургонами.

Дверь фургона отворилась, и на фоне полной луны появился силуэт худого существа с непропорционально большой головой и тоненькими, как спички, ручками и ножками. Под мышкой оно держало какой-то сверток, похожий на скатанный в трубку ковер. Существо заглянуло в фургон, и в его больших, красноватых, как у кролика, глазах появилось недоуменное выражение.

— Х-ха!.. — выдохнул мужчина и, схватив это похожее на сморщенного ребенка существо за руку, рывком втянул внутрь. Понятно, существо громко закричало, пронзительно и не совсем по-человечьи. Сопротивляться, впрочем, оно не пыталось; мужчине даже показалось (и это ему очень не понравилось), что он сжимает в руках что-то вроде куклы чревоушателя — нечто почти бестелесное, с ног до головы закутанное в сырые, заплесневелые тряпки и не совсем живое.

— Заткнись, иначе я тебе башку сверну! — прорычал мужчина самым страшным голосом, на какой он только был способен в этих обстоятельствах. — Заткнись и слушай! Мне нужны две вещи...

Но его пленник, похоже, потерял сознание. Поняв это, мужчина поднял голову и увидел какую-то женщину, которая стояла на траве перед фургоном и смотрела на него. Мгновение назад никакой женщины здесь не было — он готов был в этом поклясться. Казалось, она возникла буквально из ничего, словно соткавшись из тонкого воздуха.*

— Не убивай его, — проговорила она негромко и спокойно.

— Я... Мне нужны две вещи! — повторил мужчина, поднимая клинок и прижимая его к тонкой, бледной шее существа. — Иначе я убью его, ясно?!

— Да. — Женщина кивнула. — Что тебе нужно?

Мужчина моргнул и облизнул губы. Что-то в ровном, лишенном выражения голосе женщины пугало его до озноба.

— Мне нужна еда! И еще одежда!

Женщина не пошевелилась, не отвела взгляда. Она была высокой и, видимо, очень смуглой — на нее падал свет полной луны. Впрочем, возможно, это только казалось из-за того, что на женщине было надето простое черное платье и такой же черный платок.

— Еду ты получишь, — сказала она. — Но одежды твоего размера у меня нет.

* Призываем читателей последовать совету редакции, который содержитс^я в аннотации. (Прим. ред.)

— Постарайся найти, иначе... — сказал мужчина и сделал быстрое движение саблей. — Иначе я убью твоего... твоего... — Он попытался сообразить, какое отношение это бледное существо может иметь к женщине. Муж?.. Сын?..

— Раб, — сказала женщина, словно прочтя его мысли. — Подходящую одежду я могу купить в ближайшей деревне, но тебе придется подождать по крайней мере до утра. Не убивай моего раба, иначе я заставлю тебя пожалеть, что ты родился на свет.

— Вот как? — мужчина ухмыльнулся и снова взмахнул саблей. — Я, знаешь ли, никогда не верил в цыганские проклятия. Ты имеешь дело не с деревенским простачком, женщина!

— Я знаю, — отозвалась женщина все тем же ровным, бесцветным голосом. — И еще я знаю, что за тобой охотится полиция. Только попробуй тронуть Эмиля, и увидишь, как скоро фараоны окажутся здесь!

Тут мужчина подумал, что, пожалуй, стоит изменить тактику. Слегка склонив голову и призвав на помощь все свое обаяние, он заговорщически улыбнулся.

— Ну-ну, зачем нам с тобой лишние проблемы? — проворковал он. — В конце концов, мы коллеги, разве не так? Я тут осмотрелся как следует... — Он обвел рукой внутренность фургона. — Неплохой товарец, красotka. Похоже, ты вертишь большими делами. Я не фискал, но если меня схватят... Тебе ведь не хочется, чтобы полиции стало известно о вещах, которые ты возишь в этом фургоне?

— Нет, — сказала женщина.

— Так я и думал! — воскликнул мужчина. — Сама видишь: лучше со мной ладить... — Поташив за собой пленника — как, бишь, она его назвала?.. Эмиль?.. — он шагнул к двери. — Барбу Голеску к вашим услугам, мадам. Позвольте узнать ваше имя?

— Амонет, — ответила женщина.

— Очень, очень приятно, — кивнул Голеску. — Так вы уверены, мадам Амонет, что у вашего мужа нет лишних штанов, которые он мог бы мне одолжить?

— У меня нет мужа, — отозвалась Амонет.

— Поразительно! — воскликнул Голеску и самодовольно моргнул. — В таком случае, мадам, как насчет того, чтобы одолжить мне какое-нибудь одеяло, пока вы не купите подходящий костюм? Мне бы не хотелось... гм-м... оскорбить вашу добродетель.

— Сейчас принесу, — коротко ответила женщина и ушла.

Голеску проводил ее подозрительным взглядом, потом отложил саблю и несколько раз сжал и разжал пальцы, разминая затекшие муску-

лы. Странного пленника он по-прежнему прижимал к полу другой рукой.

— Не вздумай шевелиться, Тыковка, — пробормотал Голеску. — Эй, лежи тихо, я сказал!.. Или ты глухой?

Схватив Эмиля за шиворот, он легко поднял его в воздух и критически осмотрел. Эмиль захныкал и отвернулся, но Голеску успел разглядеть его лицо и подумал, что парень, похоже, не представляет опасности — слишком уж бледным и худым он казался. Голова его была выбрита, как после болезни, и новые волосы росли редкими, неровными пучками.

— Может быть, ты и глухой, — заключил Голеску, — но твоя странная мамочка любит тебя. А для меня это очень удобно. — Пошарив вокруг, он подобрал с пола кусок веревки, которой был перевязан один из тюков с коврами. — Сиди смирно, иначе я сверну тебе шею, понятно?

— От тебя плохо пахнет! — жалобно пропищал Эмиль.

— Ба! От тебя самого плесенью воняет! — отозвался Голеску, привязывая веревку к запястью Эмиля. Второй конец он намотал себе на руку. — Ну вот, это для того, чтобы ты не сбежал. Потерпи немного, и ты ко мне привыкнешь. Думаю, мы даже можем подружиться.

С этими словами Голеску выбрался из фургона на сцепку и спрыгнул на землю. От усталости его ноги дрожали и подгибались, и он попытался опереться на плечо Эмиля, но тот пошатнулся под его тяжестью и едва не упал.

— Вот так так! — удивленно присвистнул Голеску. — Похоже, проку от тебя немного: вряд ли ты способен таскать воду и рубить дрова. Хотел бы я знать, для чего держит тебя твоя хозяйка? — добавил он, подтягивая панталоны.

Тут из-за фургона вышла Амонет и, не говоря ни слова, протянула ему одеяло.

— У тебя очень хилый раб, — сообщил Голеску. — Извини, если я вмешиваюсь не в свое дело, но, по-моему, тебе нужен настоящий, сильный мужчина, который помогал бы тебе вести дела. — И, завернув в одеяло свои обширные тела, он самодовольно ухмыльнулся.

Амонет молча развернулась и зашагала прочь.

— Ступай к костру, — бросила она через плечо. — У меня есть хлеб и помидоры.

Волоча за собой Эмиля и придерживая свободной рукой одеяло, Голеску двинулся к огню. Амонет сидела у костра на каком-то обручке,

неподвижно глядя на пляшущие языки пламени, и повернула голову, только когда они подошли совсем близко.

— Так-то лучше! — сказал Голеску и, усевшись прямо на землю, потянулся к большому караваю, лежавшему на грубом деревянном блюде. Отломив изрядный ломоть, он обмакнул его в сковороду с тушеными помидорами и принялся жадно жевать.

Эмиль, по-прежнему привязанный к нему веревкой, невольно держался каждый раз, когда Голеску тянулся за новым куском хлеба или помидорами, однако вскоре он обмяк и распластался на земле, безжизненный и безучастный, словно сноп соломы.

— Значит, — сказал с полным ртом Голеску, — у тебя нет мужа... Тогда, может быть, я на что-нибудь схожусь? Нет, я имею в виду вовсе не постель, упаси Господь! Я говорю о безопасности — ведь в этом старом, грешном мире столько убийц, воров, грабителей! К счастью для нас обоих, обстоятельства складываются таким образом, что именно сейчас мне необходимо оказаться как можно дальше от долины Дуная, а ты, насколько я успел заметить, как раз направляешься на север. Так давай поможем друг другу, а?! Что если нам с тобой заключить, так сказать, временный союз?..

Губы Амонет слегка изогнулись — но что это было? Презрение? Гнев? С тем же успехом это могла быть и самая обычная улыбка.

— Раз уж ты заговорил о помощи... — промолвила она. — Эмиль почти не умеет общаться с людьми, а я не люблю с ними общаться. Полицейский, который проезжал здесь днем, сказал, что ты какое-то время работал в цирке... Ты знаешь, как получить у властей разрешение выступать на ярмарке?

— Конечно, знаю!.. — ответил Голеску, сопроводив свои слова небрежным жестом. — Это называется антрепренер — человек, который будет представлять твои интересы и договариваться с мелкими чиновниками. Можешь на меня положиться.

— Хорошо. — Амонет опустила голову и снова уставилась на огонь. — Мне нечем тебе заплатить, но я буду лгать, будто ты — не ты, а совсем другой человек. Кроме того, ты можешь есть с нами и спать во втором фургоне.

— А как насчет одежды? — напомнил Голеску.

В знак согласия Амонет слегка пожала плечами.

— Значит, договорились! — подытожил он, откидываясь. — Кстати, чем именно ты занимаешься? Я имею в виду — официально?

— Я предсказываю людям будущее, — сказала Амонет.

— Понятно. Только ты мало похожа на цыганку.

— Я не цыганка, — объяснила Амонет устало. — Я из Египта.

— А-а, тогда порядок, — кивнул Голеску и, прижав ноздрю пальцем, трубно высморкался. — Древняя мудрость таинственного Востока, мистические знания, полученные от самих фараонов, и так далее, и так далее... Очень удачный ход, мадам. Во всяком случае, на пейзаж должен действовать безотказно.

— Для клоуна ты знаешь чересчур много ученых слов, — заметила Амонет.

Голеску поморщился и почесал щеку, на которой засохли остатки белил.

— Это потому, что я не настоящий клоун, мадам, — возразил он. — Я жертва обстоятельств, клеветы и политических интриг. Если бы я рассказал вам с Эмилем свою подлинную историю, вы бы зарыдали от жалости!

Амонет снова улыбнулась. Полоска ослепительно-белых зубов, сверкнувшая в темноте на фоне ее смуглого лица, показалась Голеску такой страшной, что он едва не закричал.

— Ну, в этом я сомневаюсь, — только и сказала она.

Этой ночью Голеску не решился отвязать от себя Эмиля, подумав, что не может полностью доверять Амонет, пока не получит хотя бы пару нормальных брюк. Пол в фургоне был довольно жестким, но он устроился на нем относительно удобно, положив Эмиля под голову вместо подушки. Правда, малыш то и дело принимался хныкать, к тому же от него действительно пахло, как от старого заплесневелого ковра, однако для человека, который твердо решил как следует выспаться, это не могло служить помехой.

Только один раз Голеску проснулся от того, что услышал чей-то голос. Снаружи, в ночном мраке, под раскаленной добела луной, низким гортанным голосом пела женщина. В ее песне звучала такая глубокая, неизбывная тоска, что Голеску почувствовал, как к его глазам подступили слезы, а в горле защипало, хотя в хриловатых нотах и звуках неведомого языка его настороженный слух ловил и неясную угрозу. Казалось, там, в темноте, стонет и жалуется не женщина, а львица, вышедшая на одинокую ночную охоту. Спросонок Голеску решил было отворить дверь и посмотреть, не может ли он чем-то утешить Амонет, но от самой этой мысли его бросило в озноб. Растерянно хрюкнув, Голеску повернулся на бок и снова заснул.

В следующий раз он проснулся только утром, когда фургон качнулся, жалобно заскрипел и тронулся. Не без труда выдравшись из пест-

рого тумана смутных сновидений, Голеску поднял голову и огляделся. Сквозь щели в дощатых бортах внутрь врывались лучи яркого утреннего солнца, и в них танцевали пылинки. Несмотря на то, что Голеску почти сразу забыл подробности своих снов, общее впечатление от них осталось. Сев на полу, он раздраженно засопел и, обернувшись через плечо, посмотрел на Эмиля, который всем телом прижался к нему сзади.

— Эй!.. — Голеску с трудом оторвал Эмиля от себя. — Что это ты задумал, грязный содомит? Или ты думаешь, что если я ношу шелковые панталоны, значит меня можно тискать как какого-нибудь мальчика из гарема султана?

Вместо ответа Эмиль снова захныкал и закрыл лицо руками.

— Солнце!.. — всхлипнул он.

— Да, солнце. Уже давно утро. Или ты боишься солнечного света? — требовательно спросил Голеску.

— Солнце жжется!

— Не говори глупостей. Тебя оно, во всяком случае, не сожжет. Вот смотри... — Голеску схватил Эмиля за руку и поднес к пробивавшемуся сквозь щель свету. — Видишь?

Но Эмиль по кроличьи завершал и, отвернув лицо, зажмурился так крепко, словно и в самом деле думал, что его рука покроется волдырями и задымится.

— Смотри, ничего же нет! — повторил Голеску, но мальчишка по-прежнему не открывал глаз, и он с отвращением выпустил руку Эмиля. Подобрав саблю, Голеску перерезал веревку, которой тот был привязан. Эмиль тотчас откатился в сторону и, свернувшись, как червяк для наживки, замер неподвижно, для надежности прикрыв закрытые глаза ладонями. Голеску некоторое время разглядывал его, в задумчивости потирая запястье.

— Если ты вампир, — промолвил он наконец, — то самый жалкий и ничтожный из всех, о каких я когда-либо слышал. Хотел бы я знать, зачем ты ей понадобился?..

Но Эмиль ничего не ответил.

Вскоре после полудня фургоны остановились. Еще примерно час спустя дверь фургона распахнулась, и на пороге появилась Амонет. В руках она держала ворох одежды.

— Вот! — сказала она, швыряя ее Голеску. Потом мертвый взгляд Амонет остановился на Эмиле, который, съехившись, отполз еще дальше от двери, спасаясь от ворвавшегося в фургон света. Сняв с го-

ловы платок, она набросила его на мальчугана, накрыв того с головой.

Голеску, натягивая брюки, с интересом наблюдал за ее действиями.

— Я тут подумал, мадам, — проговорил он с наигранной веселостью, — может быть, мне следует запастись распятием, чтобы защищаться от нашего маленького друга? Или хватит нескольких головок чеснока?

— Эмиль любит темноту, — ответила Амонет. — Кстати, за этот костюм ты должен мне три монеты.

— Вообще-то, я не привык к подобной одежде, — отозвался Голеску, натягивая рубашку. — Грубое, домотканое полотно всегда вызывало у меня чесотку. Кстати, где мы находимся?

— В двадцати километрах севернее, чем вчера, — усмехнулась Амонет.

«Не слишком-то далеко», — с беспокойством подумал Голеску. Пока он одевался, Амонет повернулась к нему спиной, и сейчас он поймал себя на том, что, застегивая пуговицы, пристально разглядывает ее фигуру. Теперь, когда Голеску не видел сурового, мрачного лица Амонет, все остальное казалось ему очаровательным. Насколько он знал, только у очень юных девушек тела были достаточно упругими и эластичными, чтобы успешно сопротивляться силе земного тяготения. Интересно, сколько лет его спутнице?..

Закончив завязывать шнурки башмаков, Голеску выпрямился и, незаметно втянув живот, подкрутил кончики усов. Затем он извлек из фальшивой соломенной груди одно золотое кольцо.

— Вот, прими это от меня, о мой нильский цветок! — проговорил Голеску и, взяв Амонет за локоть, ловко надел кольцо ей на палец.

Реакция Амонет оказалась довольно неожиданной. Отдернув руку, она обернулась так стремительно, что Голеску показалось, будто он слышит свист рассекаемого воздуха. На мгновение в ее глазах полыхнуло пламя, и хотя отвращения во взгляде Амонет было куда больше, чем страсти, Голеску все равно остался доволен. Все-таки ему удалось заставить ее проявить какие-то чувства.

— Не смей прикасаться ко мне! — резко сказала Амонет.

— Я просто хотел расплатиться, — возразил Голеску, даже не пытаясь спрятать самодовольную усмешку. — Поверь, это кольцо стоит гораздо больше, чем ты отдала за мой костюм.

— От него воняет, — отрезала Амонет, с отвращением сдирая кольцо с пальца.

— Золото может позволить себе дурно пахнуть, — философски воз-

разил Голеску, чувствуя, как улучшается его настроение. Кажется, дело сдвинулось с мертвой точки.

После обеда маленький караван снова тронулся в путь по узкой, извилистой дороге, проложенной по берегу прихотливо петляющей реки. Пока лошади не торопясь преодолевали один поворот за другим, Голеску, которому скучно было сидеть одному в пыльном и душном заднем фургоне, перебрался на козлы к Амонет.

— Мадам не пожалеет, что помогла мне в трудную минуту, — напыщенно сказал он. — Столп силы и неисчерпаемый источник полезных советов — это обо мне. Я не стану расспрашивать тебя о вещах, которые едут за нами во втором фургоне, ибо Молчание — мое второе имя. И все же поведай, что представляет собой это твое предсказательство? Сколько денег оно приносит? Достаточно или ты хотела бы получить больше?

— Свои издержки я покрываю, — ответила Амонет.

— Пф! — Голеску экспансивно взмахнул рукой. — В таком случае, ты не зарабатываешь и половины того, что могла бы иметь. Как ты это делаешь? Гадаешь на картах? Смотришь в магический шар? Торгуешь приворотными снадобьями?

— Я читаю будущее по ладони.

— Ну, тут издержки невелики, — кивнул Голеску. — С другой стороны, читая по руке, трудно произвести на клиентов должное впечатление. Если, конечно, не расписывать будущее в багровых тонах крови и пожаров и не предвещать страшные катастрофы, которые только ты в силах предотвратить... Но ведь для того, чтобы живописать грядущие беды достаточно красочно, нужно виртуозно владеть словом, а ты, насколько я успел заметить, не очень-то разговорчива. Чем же ты воздействуешь на них? Чем впечатлишь? Чем напугаешь, в конце концов?..

— Я говорю им правду, — сказала Амонет.

— Ха! «Надо-мной-тяготееет-древнее-проклятие-поэтому-я-могу-говорить-только-правду!..» Старо, как мир, моя дорогая! Затерто буквально до дыр. Я же предлагаю нечто совершенно новое — такое, чего никогда не было раньше...

Амонет бросила на него быстрый взгляд — недоверчивый и холодный, словно у змеи.

— А именно?

— Я все расскажу подробно, когда поближе познакомлюсь с твоей клиентурой. Но не сомневайся: я сумею выработать подход, который заставит их вывернуть карманы!

— Понятно, — отозвалась она.

— Впрочем, МАДАМ АЙГЮПТОС — подходящее название для представления. В нем есть величие и тайна. Ведь Айгюптос, это, кажется, древнее название Египта, не так ли?.. С другой стороны, слово мадам подразумевает нечто благородно-возвышенное, а где у тебя — прости за прямоту — благородство? Платье у тебя самое простое, да и держишься ты как... как обычная цыганка. Тебе придется поработать над своей внешностью.

— Ни над чем я работать не буду, — отрезала Амонет. — И вообще, ты мне надоел.

— В таком случае, я тасео, мадам, что в переводе с латыни означает «умолкаю», как вам, безусловно, известно.

Вместо ответа она снова изогнула губу, словно оскалилась, и Голеску благоразумно решил не раздражать ее сверх необходимого. Сидя на козлах рядом с Амонет, он пытался изучать ее лицо. Казалось, она была еще молодой женщиной — ее кожа была упругой и гладкой, в волосах ни единой седой пряди, а на верхней губе не пробивались усы. О некрасивых женщинах часто говорят: «у нее нос крючком», «у нее губы слишком тонкие» или «у нее глаза косые». Ничего подобного об Амонет сказать было нельзя. О ней вообще мало что можно было сказать, поскольку каждый раз, когда Голеску пытался взглянуть в ее черты, он видел только тень — и испытывал какое-то глухое внутреннее беспокойство, которое заставляло его отводить глаза.

К вечеру караван достиг небольшого унылого городка, чьи приземистые, с закругленными углами домики сгрудились на берегу. Стояли они почему-то задом к реке, обратившись фасадами к дремучему, темному лесу. Проплутав некоторое время по лабиринту кривых, темных улочек, Амонет и Голеску в конце концов отыскивали пустырь, где расположились лагерь участники завтрашней ярмарки. Пустырь представлял собой два акра голой земли, еще недавно огороженных грубой изгородью, от которой остались теперь только ямы в земле. Судя по витавшему в воздухе крепкому запаху навоза, в обычные дни пустырь использовался в качестве загона для скота, но сейчас здесь стояли фургоны и кибитки и горели в железных ведрах костры. Бродячие актеры, циркачи, цыгане, торговцы и прочий ярмарочный люд, который зарабатывал себе на жизнь, катая детишек на раскрашенных деревянных лошадках или демонстрируя взрослым простенькие фокусы, сидели теперь возле этих импровизированных очагов, устало прихлебывая из бутылок вино и равнодушно обмениваясь новостями. Но когда на пусты-

ре появились фургоны Амонет, все изменилось. Разговоры сразу смолкли. Многие подняли было головы, чтобы посмотреть, кого еще принес попутный ветер, но, узнав черные, как ночь, тенты с белыми буквами, тотчас отвернулись, а кое-кто даже начертил в воздухе особый знак, отгоняющий ведьм.

— Ну и репутация у тебя, как я погляжу, — заметил Голеску.

Амонет не ответила. Казалось, она не обратила на реакцию коллег ни малейшего внимания.

Эту ночь — такую же холодную, как и предыдущая — Голеску снова провел на жестком полу второго фургона. На этот раз он был один, поскольку Эмиль отправился спать на свое место — в ящик под узкой кроватью хозяйки, где он проводил все дни и ночи, когда его не захватывали в заложники. Что касалось самой Амонет, то она продолжала игнорировать прозрачные намеки своего спутника, в которых высшей добродетелью провозглашалось бескорыстное желание согреть ближнего теплом собственного тела. В итоге Голеску пришлось спать одному, поэтому к утру он совершенно окоченел и был зол на весь свет.

Ярмарка начинала понемногу оживать. Слепец — мускулистый, как цирковой атлет — уже крутил рычаг карусели, и бледные, худые дети ездили по кругу на раскрашенных деревянных пони. Шарманщик тоже крутил ручку своего музыкального ящика, и крошечная обезьянка, сидевшая у него на плече, с опаской косилась на ребятишек. Большинство шатров и палаток, однако, еще лежало на земле, представляя собой путаницу шестов, канатов и парусины. Под большим черным зонтиком в центре пустыря сидел муниципальный чиновник, выдававший желающим разрешения на участие в ярмарке и взимавший с них небольшой налог в городскую казну. К нему уже выстроилась очередь торговцев, владельцев аттракционов, директоров бродячих театральных трупп и прочих.

Голеску как раз разглядывал стоящих в очереди людей, когда Амонет, бесшумно подойдя к нему сзади, сказала:

— Ты, кажется, хотел мне помочь? Вот твой шанс, приятель...

— Святой Боже! — Голеску повернулся так быстро, словно его ужалила змея. — Предупреждать надо! Или ты хочешь, чтобы у меня случился сердечный приступ?

Амонет сунула ему в руки потертый кожаный буюар и небольшой кошелек.

— Здесь мои документы. Заплати пошлину и получи разрешение, иначе вечером останешься без ужина.

— Ты бы не осмелилась так со мной разговаривать, если б знала,

кто я на самом деле, — проворчал Голеску, но все же пошел и встал в очередь.

Муниципальный чиновник оказался сравнительно честным, поэтому очередь двигалась быстро. Спустя примерно час мужчина, стоявший перед Голеску, получил разрешение продавать бумажные красно-желто-голубые флажки и отошел в сторону. Голеску шагнул к столу.

— Документы, — сказал чиновник, зевая.

— Прошу! — Голеску с показной любезностью разложил перед ним бумаги. Чиновник прищурился.

— Амонет Кематеф, — прочел он. — Работает под псевдонимом Мадам Айгюптос... Русская, что ли?.. Кроме того, здесь сказано, что ты — женщина.

— Это не мои документы, — поспешил объяснить Голеску, состроив оскорбленную мину. — Это документы... моей жены. И никакая она не русская, моя жена чистокровная египтянка, она работала танцовщицей в гареме, пока... гм-м... пока с ней не произошел один несчастный случай, из-за которого ее несравненная экзотическая красота понесла некоторый урон. Я увидел ее на каирской улице, где она умирала от голода, и решил ей помочь — из чисто христианского милосердия, разумеется. Вскоре я узнал, что Амонет умеет довольно точно предсказывать будущее. Она, видите ли, является адептом древней египетской системы, которой ее обучили в...

— Гадалка? Две марки, — перебил чиновник. Голеску достал деньги и, пока чиновник выписывал разрешение, продолжал:

— Дело в том, почтеннейший, что на самом деле моя Амонет — единственная дочь высокопоставленного коптского вельможи. В раннем детстве ее похитили свирепые варвары...

— Если будешь трепаться, заплатишь еще три марки, — прервал чиновник, с размаху опуская на разрешение печать.

— Премного благодарен. — Голеску низко поклонился и весьма довольный собой зашагал назад к фургонам.

— Вот, мадам, извольте получить, — поговорил он, протягивая Амонет разрешение.

Не говоря ни слова, та взяла документ и стала внимательно просматривать. В ярком утреннем свете угрюмая мрачность ее черт особенно бросалась в глаза, и Голеску, подавив невольную дрожь, спросил:

— Чем еще может быть полезен госпоже зрелый мужчина в расцвете сил?

Амонет повернулась к нему спиной, чему Голеску в глубине души был только рад.

— Постарайся не путаться у меня под ногами, — сказала она. — Вечером погуляешь с Эмилом. Он просыпается после захода солнца.

С этими словами она скрылась в переднем фургоне. Глядя, как она карабкается на передок, Голеску снова поразился тому, насколько несхожее впечатление Амонет производит, когда смотришь на нее спереди и сзади.

— Если хочешь, я могу бить в большой барабан или играть на тамбурине, — крикнул он ей вслед. — Вот увидишь, я сумею привлечь внимание клиентов! Они будут слетаться как мухи на мед!

Амонет обернулась, и Голеску снова увидел ее белозубую гримасу, которая в данном случае могла означать презрение или сарказм.

— Я не сомневаюсь, что ты способен привлекать мух, — сказала она. — Но для моего ремесла зывала не нужен.

Недовольно ворча себе под нос, Голеску отправился бродить по ярмарке. Он, впрочем, изрядно прибодрился, обнаружив, что кошелек Амонет остался у него.

Палатки и шатры вырастали вокруг, как грибы. Их владельцы развешивали на шестах яркие вымпелы и гирлянды флажков, но жаркий и влажный воздух был недвижим, и они безжизненно никли, не производя впечатления праздника. Голеску приобрел дешевую соломенную шляпу и еще немного побродил по ярмарке, прицениваясь к закускам и напиткам лоточников. В конце концов он купил стакан чая со льдом и булочку с черносливом. Сахарная глазурь, которой была покрыта булочка, показалась ему довольно ядовитой на вкус; тем не менее Голеску съел все и, слизывая с пальцев растаявшую глазурь, направился к небольшой группе деревьев, росших за пустырем на берегу реки. Здесь он растянулся в тени и, накрыв лицо шляпой, задремал. В конце концов, если ночью тебе предстоит выгуливать вампира, днем необходимо как следует выспаться.

К вечеру ярмарочная площадь совершенно преобразилась. Дети отправились домой, и карусель, жалобно скрипя, пробегала последние круги. Вместо детей площадь заполнили молодые парни. Они громко хохотали, подталкивали и задирали друг друга или стояли, разинув рты, перед невысокими дощатыми подмостками, на которых кривлялись шуты или выступали жонглеры. В одной палатке показывали уродов, в другой звучала музыка и демонстрировала свое искусство исполнительница экзотических танцев, в третьей выступали шпагоглотатель и мужчина, способный брать голыми руками раскаленный металл. Яркие огни качавшихся на столбах фонарей боролись с мечущимися тенями, а

воздух был полон завывания фанфар, смеха и хриплых выкриков, выражавших восхищение и восторг.

Голеску, впрочем, ярмарочные чудеса ничуть не впечатлили.

— Что значит — «слишком твердый»? — раздраженно спросил он. — Я заплатил за него пятнадцать грошей!

— Я не могу это есть, — прошептал Эмиль, пятясь от света фонарей.

— Смотри! — Голеску выхватил у него поджаренный кукурузный початок и откусил большой кусок. — Ум-м, как вкусно!.. Молодая, хорошо прожаренная кукуруза. Ешь, неженка!

— Но на нем перец! Он жжется! — Эмиль жалобно заломил тонкие ручки.

— Ну что ты будешь делать?! — сказал Голеску с полным ртом. — Это же настоящая пища богов, а он отказывается!.. Что, черт возьми, ты будешь есть? Впрочем, я, кажется, знаю. Раз ты вампир, значит, тебе нужна кровь, правильно? Увы, сейчас мы находимся в общественном месте, поэтому тебе придется обойтись чем-нибудь другим. Как насчет сладких тянучек, а? Или печеных яблок? Или пирогов с капустой? Или жареной картошки «фри»?

Эмиль тихо плакал, слезы катились из его больших кроличьих глаз, и Голеску, вздохнув, отшвырнул прочь обглоданный початок.

— Идем, — сказал он, беря Эмиля за руку.

Они обошли почти все ларьки, прежде чем Эмиль согласился попробовать сосиску по-венски, которую продавец тут же при них насадил на плохо обструганную деревянную палочку, обмакнул в кукурузное тесто и зажарил в кипящем масле. К счастью, новое блюдо пришлось Эмилю по вкусу. Во всяком случае, мальчик не жаловался и потихоньку откусывал от сосиски, пока Голеску ташил его за собой.

Обойдя площадь по кругу, Голеску бросил взгляд в направлении фургона Амонет и заметил выходявшего оттуда клиента. Клиент был бледен, а на его лице застыло потрясенное выражение.

— Посмотри-ка туда! — с отвращением промолвил Голеску. — Ну кто же так дела делает?! Один фонарь над входом, ни одного флага, ни одной афиши, ни одного зазывалы, который бы привлекал внимание толпы! Стоит ли удивляться, что за весь вечер ее посетил только один жалкий клиент? Где волшебство?! Где тайна?!.. Да разве так должна вести себя та, которая избрала себе громкий псевдоним Мадам Айгюптос?!.. Должно быть, то, *другое*, ремесло приносит ей столько денег, что она может не заботиться о доходах от гадания. Я правильно говорю,

Тыковка? — обратился он к Эмилю, но мальчик, занятый сосиской, не ответил.

— А может быть, и нет, раз она не способна позволить себе слугу лучше, чем ты, — покачал головой Голеску. — Хотел бы я знать, куда в таком случае деваются деньги, которые она зарабатывает? — В задумчивости он потянул себя за ус. — Почему она такая мрачная, твоя хозяйка? — снова обратился он к мальчику. — Наверное, у нее была несчастная любовь, а?

Эмиль, продолжая вгрызаться с сосиску, только слегка пожал плечами.

— Да она бы в десять минут забыла о других мужчинах, если б я только сумел заставить ее отнестись ко мне серьезно! — воскликнул Голеску, пристально глядя на черный фургон. — И лучший способ сделать это — поразить ее богатством. Нужно что-то придумать, Тыковка!

— Четыре тысячи семнадцать, — сказал Эмиль.

— Что-что? — переспросил Голеску, поворачиваясь к нему. Мальчик не отозвался, зато поблизости громко и отчетливо завопил ярмарочный зазывала:

— Приходите испытать судьбу, уважаемые! Карты, кости, колесо Фортуны!.. А если кто не любит азартные игры, тот может угадать, сколько ячменных зернышек в нашем кувшине и получить бо-ольшой приз! Наличными! Только десять грошей за попытку! Эй, господин, сыграйте — вы точно выиграете! Да-да, вы, мужчина с усами и мальчиком!..

Только тут Голеску сообразил, что зазывала обращается к нему. Обернувшись, он с негодованием бросил:

— Это не мой мальчик!

— Зато усы-то ваши! — парировал зазывала под смех зевак. — И потом, уважаемый, какая разница, ваш это мальчик или не ваш? Назовите число и получите приз. Не бойтесь — ведь вы ничего не теряете!

— Только десять грошей, — сравнял счет Голеску, но тут же подумал, что деньги все равно не его, а Амонет.

Взяв Эмиля за руку, он подошел к павильону, украшенному изображениями карточных мастей.

— Сколько? — спросил он. — Я имею в виду приз.

— Двадцать тысяч лей, — торжественно ответил зазывала, он же хозяин павильона.

Голеску закатил глаза.

— Вот так сокровище! — презрительно бросил он, но все-таки полез в карман за деньгами. Потом Голеску смерил взглядом большую

стеклянную банку, которая стояла в глубине палатки на полке, украшенной мишурой и новым национальным флагом. — Ты наверняка наложил туда камней, чтобы уменьшить объем, — проговорил он. — Так... гм-м... хорошо. Значит, я должен сказать, сколько в этой банке ячменных зернышек? Угу. Угу...

— Четыре тысячи семнадцать, — повторил Эмиль, и у хозяина отвисла челюсть. Голеску посмотрел на него, потом на мальчика и просиял.

— Значит, это правильный ответ? — проговорил он. — Господь Саваоф и все святые!

— Н-нет, не правильный, — возразил хозяин, с трудом приходя в себя.

— Нет, ответ верный, — уверенно сказал Голеску. — По глазам вижу, что так!

— Нет, не верный, — продолжал настаивать хозяин.

— Может, вытряхнем ячмень да посчитаем? — насмешливо предложил Голеску.

— Нет. К тому же ты мне еще не заплатил... И вообще, это не ты угадал — это твой мальчишка угадал, так что попытка не считается. В конце концов,...

— Ах, мошенник! — прошипел Голеску. — Ты самый настоящий жулик, приятель. Если хочешь, я могу крикнуть это во все горло! Только предупреждаю: легкие у меня хорошие, а голос громкий, так что если уж я закричу, все в городе узнают, что ты отказался выдать маленькому мальчику честно выигранный приз. Ну так как, кричать мне или...

— Тише, тише! — замахал руками хозяин. — Так и быть, я заплачу твоему отродью двадцать тысяч лей, только молчи! — И перегнувшись через прилавок, он прижал палец к губам Голеску. Тот победно улыбнулся в ответ, так что кончики его усов приподнялись, словно у таракана.

На обратном пути к фургону Амонет Голеску поднес кошелек к уху, потряс и, прислушиваясь к звону монет, подмигнул Эмилю.

— Неплохой улов за одну ночь, правда, Тыковка? Готов спорить, когда твоя хозяйка увидит это, она сразу пообреет.

Эмиль, задумчиво обсасывавший палочку от сосиски, опять не ответил.

— Разумеется, о роли, которую ты сыграл в этой комедии, придется умолчать. Из тактических соображений, — добавил Голеску, оглябая по-

следную палатку. Посмотрев на фургон Амонет, он, к своему изумлению, увидел небольшую очередь. Часть ее составляли одинокие женщины и девицы, которым, несомненно, хотелось, чтобы хозяйка нагадала им скорое счастливое замужество, однако таковых было меньшинство. Основную массу клиентов Амонет составляли мужчины подозрительно-го, а если говорить откровенно, явно бандитского вида, глядя на которых, Голеску с беспокойством подумал, что с некоторыми из них он мог столкнуться в прошлом, так сказать, на профессиональном поприще, причем далеко не все эти столкновения можно было назвать приятными. Поэтому он не пошел дальше, а напротив — юркнул назад под прикрытие ближайшей палатки. Стоя в густой тени, где его никто не мог заметить, Голеску посмотрел на Эмиля.

— Думаю, не стоит ей мешать, раз она еще работает, — сказал он. — Да и у нас будет достаточно времени, чтобы состряпать подходящую историю о том, как мы проявили храбрость и находчивость и добыли для нее этот толстенный кошелечек. Она ни за что не поверит, что ты мог угадать... — Голеску осекся и снова смерил Эмиля внимательным взглядом. Потом в комическом отчаянии хлопнул себя по лбу.

— Стоп! Как же я сразу не догадался! Амонет *знает* об этой твоей удивительной способности. Именно поэтому она и держит тебя при себе, так?

Несколько секунд он молчал, но охватившее его радостное волнение было столь велико, что подействовало даже на погруженного в себя Эмиля. Робко подняв голову, мальчуган посмотрел на Голеску, но черты последнего исказились в гримасе такого свирепого добродушия, что Эмиль невольно вскрикнул и закрыл лицо руками.

— Мой дорогой Тыковка! — Голеску сгреб мальчугана обеими руками и крепко прижал к себе. — Да с такими способностями!.. Отныне ты мой лучший друг. Нет, что я говорю?.. Ты мой младший братишка, гениальнейший из вампиров! Идем, мой дорогой, я куплю тебе еще одну сосиску. Не хочешь сосиску? А как насчет мамалыги с баклажанами? Может, купить тебе молочную болтушку? Или горячий шоколад?.. Не беспокойся, дядюшка Барбу позаботится, чтобы у тебя было все, чего бы тебе ни захотелось, драгоценный ты мой. Идем, прошвырнемся по ярмарке вместе. Вот увидишь — я сумею доставить тебе удовольствие.

К тому времени, когда Голеску и Эмиль оказались в густой тени под вторым фургоном Амонет, кошелек с двадцатью тысячами лей понес некоторый урон. Трудно было ожидать, что Эмиль, объевшийся сосисками и сахарной ватой и державший в руках дешевую тряпичную ку-

клу и ярко раскрашенный деревянный волчок, которые занимали все его внимание, будет в состоянии в полной мере проявить свои удивительные способности, продемонстрированные им недавно, однако Голеску был исполнен решимости проверить свою догадку. Вытащив из кармана новенькую карточную колоду, он разорвал бандероль и принялся тасовать карты, то и дело поглядывая на мальчугана с приторно-сладкой и в то же время хищной улыбкой.

— О, мне приходилось слышать о подобных явлениях, мое маленькое чудо, — ворковал Голеску, покуда карты с легким треском порхали между его жирных пальцев. — Гении рождаются редко, но когда это происходит, они, как правило, совершенно не приспособлены к жизни в обществе. Большинство вундеркиндов настолько не от мира сего, что их приходится кормить и ухаживать за ними, как за младенцами, но их ум, их гений!.. Они, как никто, постигают глубину предметов и явлений и играючи создают собственные системы, в которых не могут разобраться дипломированные ученые. Давай-ка проверим, может быть, и ты такой же...

Голеску потребовалось около часа времени, чтобы окончательно убедиться, что Эмиль способен считать карты быстро и точно; увидев сложенную веером колоду даже мельком, он мог перечислить все карты, которые в ней были.

— И последний вопрос, Тыковка, — сказал Голеску, небрежно швыряя колоду через плечо, так что карты рассыпались, словно сухие листья осенью, и пропали в ночной темноте. — Хотел бы я знать, почему мадам Амонет не воспользовалась твоими, не побоюсь этого слова, фантастическими способностями, чтобы стать богатой, как Крез? Или это был Дарий? Впрочем, не важно...

Эмиль не ответил.

— Это же так просто! — настаивал Голеску. — Просто и безопасно. Так почему же она избрала другой путь?

Говоря это, Голеску наклонился, чтобы бросить взгляд на клиентов, по-прежнему толпившихся у дверей переднего фургона. Как раз в эту секунду оттуда выходила какая-то женщина, которая громко всхлипывала и заламывала руки в неподдельном отчаянии. Несмотря на то, что ярмарочная площадь к этому времени почти опустела, несколько мужчин — явных головорезов, судя по их виду — все еще дожидались... чего? Предсказания своей судьбы? Это было маловероятно, к тому же их судьбу Голеску мог предсказать, не прибегая к помощи египетских гадательных техник. Тогда что же им нужно? И что это за таинственные свертки, которые мужчины прячут под своими лохмотьями?

— С таким талисманом, как ты, — продолжал размышлять вслух Голеску, — наша мадам могла бы стать королевой игорных домов от Монте-Карло до Санкт-Петербурга. Кроме того, у нее есть ее тело — роскошное тело, доложу я тебе! С такой фигурой ей ничего не стоило бы сделаться богатейшей куртизанкой Рима, Вены и Будапешта... при условии, конечно, что она не показывала бы клиентам лицо. Так почему же она предпочитает засиживаться допоздна, скупая у мелкой шпаны краденые часы и серебряные ложки? Чего она хочет, Эмиль, дружище? Что ей нужно?

Он не ожидал ответа на свой вопрос, но ответ пришел.

— Ей нужна Черная Чаша, — сказал Эмиль.

Когда последний из воров растаял в ночном мраке, Амонет выглянула из дверей и посмотрела прямо на то место, где в густой тени под фургоном полулежал Голеску. Он собирался обставить свое появление как-нибудь поторжественнее, но поскольку элемент неожиданности был утрачен, он ограничился тем, что просто помахал ей рукой.

— Где Эмиль? — сухо спросила Амонет.

— Жив и здоров, моя королева, — ответил Голеску, предъявляя мальчугана, которого он держал за шиворот. Испуганный упавшим на него ярким светом фонаря Эмиль громко заверещал и зажмурился. — Мы провели вдвоем незабываемый вечер!

— Ступай спать, — приказала Эмилю Амонет, и мальчуган, вырвавшись из пальцев Голеску, с быстротой молнии метнулся в фургон.

— Ты его накормил? — снова спросила Амонет.

— По-царски, — небрежно отозвался Голеску. — Ты, конечно, спросишь, где я добыл необходимые средства? Да просто взял вот отсюда! — И он с торжествующим видом потряс в воздухе звякнувшим кошельком, в котором некогда помещалось двадцать тысяч лей. Ему казалось, что этот жест вышел у него достаточно соблазнительно, но Амонет никак не отреагировала.

— Приведи лошадей и запряги, — сказала она. — Мы отправляемся немедленно.

Голеску растерялся.

— Разве ты не хочешь узнать, где я раздобыл столько денег? — спросил он.

— Украл, наверное, — равнодушно откликнулась Амонет и, сняв с крюка фонарь, задула его.

— Да никогда! — с искренним негодованием воскликнул Голеску. — Я выиграл их, если хочешь знать! Выиграл для тебя. Правда, для этого

мне пришлось угадать, сколько зернышек ячменя было в банке... нет, в кувшине, в большом непрозрачном кувшине. Не скажу, что это было легко, но...

За прошедший вечер Голеску не раз — и в различных вариантах — представлял себе, как Амонет отреагирует на его щедрый дар. Но того, что произошло сейчас, он не предвидел. Отшвырнув фонарь, Амонет стремительно соскочила с козел. В следующее мгновение она уже держала Голеску за горло на удивление крепкой рукой.

— Как тебе удалось угадать точное число зерен? — прошипела она.

— У меня талант!.. — прохрипел Голеску, чувствуя, что его глаза вылезают из орбит. Он почти задышался, но Амонет только сильнее сдавила его горло твердыми, как железо, пальцами.

— Это Эмиль тебе подсказал, верно?

Голеску только кивнул — чтобы говорить, ему не хватало воздуха.

— Значит, ты был настолько глуп, что повел его туда, где играют в азартные игры?

Голеску с трудом сделал отрицательное движение головой, и Амонет притянула его к себе.

— Если я когда-нибудь узнаю, что ты водил Эмиля в игорный дом или в казино, — прорычала она прямо ему в лицо, — я тебя убью. Понятно?

Не дожидаясь ответа, она с силой оттолкнула его от себя, так что Голеску чувствительно ударился затылком о борт фургона. С трудом глотнув воздуха, он выпрямился и поправил сползшую на лицо шляпу.

— Ну хорошо, я узнал его секрет, — пробормотал он. — Но... Да будет мне позволено спросить: почему, черт возьми, ты не используешь этого маленького заморыша, чтобы разбогатеть, чтобы стать до отвращения богатой?!

— Потому, — отрезала Амонет, — что у Эмиля нет никаких секретов. Он сам — секрет.

— Ах так? Ну, теперь мне все понятно, — пробормотал Голеску, потирая саднящее горло.

— Так-то лучше, — кивнула Амонет. — А теперь ступай и приведи лошадей.

И Голеску послушно отправился исполнять приказание, хотя внутри у него все кипело. Он почти готов был взбунтоваться, но... не мог. Не мог, потому что к владевшему им негодованию примешивалось еще что-то, чему он никак не мог подобрать подходящего названия. Нет, никогда в жизни он не сказал бы, что Амонет прекрасна в своем гневе, и все же, все же... В силе ее рук, в самом прикосновении ее паль-

цев и запахе дыхания, которое Голеску ощущал на своем лице и которое напомнило ему аромат каких-то экзотических специй, было что-то такое, что подействовало на него с невероятной силой.

— Скажи, каким чудесным колдовством она меня к себе приворожила и сердце одинокое мое одним прикосновением покорила? — спросил Голеску у передней лошади, пристегивая ее постромками к дышлу фургона.

Луна зашла, и весь остаток ночи они ехали по темной дороге вдоль реки, прислушиваясь к далекому вою волков где-то в лесу, сплошной стеной подступившем почти к самому берегу.

В Голеску этот вой будил яркие, героические фантазии. В них, вооруженный огромным ружьем, он посылал заряды картечи в самую гущу волчьей стаи, напавшей на Амонет, а та в благодарность за своевременное спасение сбрасывала свой черный головной платок, — а заодно остальную одежду, — и тогда Голеску становилось ясно, что страх, который она ему внушала, был всего лишь маской или, точнее, маскировкой. На самом деле Амонет была прекрасна не только телом, но и лицом, которое, однако, ему никак не удавалось рассмотреть, поскольку каждый раз, когда Голеску бросался в ее объятия, его ноги запутывались и скользили в чем-то липком, напоминавшем растоптанную сахарную вату, которую кто-то неведомый разбросал по всей ярмарочной площади.

Потом розовые нити ваты превратились в паутину, в которой пойманной мухой бился и тоненько кричал Эмиль. Это показалось Голеску странным — он знал, что вампиры обычно бывают ловцами, а не добычей. Набравшись храбрости, он решился спросить об этом у Амонет, но та уже бежала к широкой, темной реке, в которой Голеску сразу узнал Великий Нил. Тогда он помчался следом, на бегу срывая с себя одежду, но из-за темнеющих на противоположном берегу пирамид вдруг выглянуло яркое африканское солнце, и...

Голеску громко хрюкнул и, сев на полу фургона, машинально заслонился рукой от бьющих в лицо острых солнечных лучей.

— Кажется, мы стоим? — удивленно проговорил он, выглядывая из дверей фургона и озираясь.

— Совершенно верно, — отозвалась Амонет, распрягавшая лошадей. Ночью, пока Голеску грезил о славе отважного истребителя волков, караван свернул с проезжей дороги и, углубившись в лес, остановился на небольшой тенистой поляне, которую со всех сторон обступали густые заросли.

— Я должна встретиться с одним человеком, — добавила Амонет. — Не здесь, в другом месте... Это недалеко, но добраться туда будет довольно трудно. Я отправлюсь со вторым фургоном, а ты останешься, будешь ждать меня и присматривать за Эмилем. Я вернусь не позднее чем через три дня. Тебе все ясно?

— Угу... — Спросонок Голеску плохо соображал. Вобразившись на козлы, он сидел, почесывая заросший подбородок и провожая мутным взглядом Амонет. Женщина повела лошадей к ручью, журчание которого доносилось откуда-то из-за деревьев. «Наверное, она захочет искупаться в живописном лесном озерке, — подумал Голеску. — В конце концов, ей предстоит важная встреча, так почему бы не привести себя в порядок?»

Соскочив с козел, Голеску поспешно зашагал следом. Он старался двигаться как можно тише, но его усилия пропали втуне. Осторожно раздвинув ветви кустарника, он увидел вполне одетую Амонет, которая стояла на берегу ручья, скрестив на груди руки, и смотрела, как пьют лошади. Лучи солнца упали на ее лицо, и Голеску содрогнулся. Нет, определенно яркий утренний свет ни капельки ей не шел.

Крадучись, он сделал несколько шагов назад, потом снова двинулся вперед, стараясь производить как можно больше шума. Подойдя к Амонет, Голеску сказал небрежно:

— Забыл спросить, что ест наш малыш кроме сосисок и сахарной ваты?

— Корнеплоды, — ответила Амонет, даже не обернувшись в его сторону. — Картофель, репу, морковь, пастернак и прочее. Только их надо сварить и размять, чтобы получилось пюре. Ни масла, ни соли, ни перца не клади. Хлеб он ест любой, но только если срезана корочка. Иногда Эмиль ест мамалыгу, но тоже без масла и соли. Пьет он только воду.

— Как это любезно с его стороны, — заметил Голеску, состроив гримасу. — Интересно узнать, где ты его такого выкопала?

Прежде чем ответить, Амонет чуть заметно поколебалась.

— В приюте, — сказала она наконец.

— Ага, понятно! И там, разумеется, понятия не имели, *что* он такое, верно? — хмыкнул Голеску.

Амонет круто обернулась и посмотрела на него таким взглядом, что он едва не обмочился.

— А *ты* знаешь, что он такое? — спросила она.

— Он... он просто маленький идиот, наделенный уникальными математическими способностями, — ответил Голеску, запинаясь. — У не-

го талант к... в общем, он хорошо считает. Уж не знаю, почему ты не используешь его мозги для собственного обогащения, но факт остается фактом: Эмиль даст сто очков вперед любому профессору... Ну, что еще старой нянюшке положено знать, чтобы хорошо заботиться о нашем вундеркинди?

— Только одно: если тебе придет в голову украсть Эмиля, я отыщу тебя хоть на краю света и убью, — не повышая голоса, сказала Амонет, однако Голеску ни на секунду не усомнился в твердости ее обещания. Как ни странно, эти слова вызвали в нем не только страх, но и какое-то смутное волнение и трепет.

— Единственное мое желание, мадам, оказаться достойным вашего доверия, — напыщенно ответил он. — Кстати, куда именно ты направляешься?

— Не твоего ума дело.

— Ну, разумеется, о богиня тайн и секретов! — Голеску насмешливо поклонился и даже шаркнул ножкой. — Но ведь ты сама сказала, что поедешь во втором фургоне. Любой человек на моем месте обязательно спросил бы себя, не имеет ли отношения эта твоя поездка к воровской добыче, которая по случайному стечению обстоятельств сложена именно в этом фургоне... Думаю, ответ очевиден: ты собираешься встретиться с человеком, который избавит тебя от этой обузы. Ну, я угадал?

Презрительный взгляд, который бросила на него Амонет, пронзил его словно нож, но Голеску понял, что не ошибся.

Оставшись один, Голеску первым делом забрался в фургон Амонет и принялся тщательно его обследовать.

Несмотря на то, что главной его целью были деньги, первым делом он открыл сундук, в котором, как ему казалось, Амонет хранит свое нижнее белье. Но ему суждено было обмануться в своих ожиданиях, ибо в сундуке он обнаружил нечто вроде походной лаборатории алхимика: склянки с толчеными минералами и металлами, бутылочки с разноцветными жидкостями, колбы, реторты, змеевики и прочее. Вся посуда сохранилась в таком идеальном порядке, что можно было подумать — ею никогда не пользовались. В конце концов Голеску все же разыскал корзину с бельем, но оно разочаровало его еще сильнее. Амонет явно не увлекалась кружевами и другими «архитектурными» излишествами: ее панталоны, бюстгалтеры и нижние юбки представляли собой предельно простые, сугубо утилитарные вещи, напрочь лишённые всякого изыска. Все же Голеску похитил пару панталон и, засунув их в нагрудный карман вместо носового платка, продолжил поиски.

Но он не обнаружил ни денег, ни каких-либо личных вещей или бумаг, которые могли пролить свет на прошлое Амонет. В фургоне вообще не оказалось безделушек, которые так любят женщины. Единственными предметами, которые могли сойти за таковые, были небольшой чемоданчик из папье-маше, имитирующий саркофаг для мумии, да висящий на стене «папирус» (несколько иероглифов, напечатанных на куске ситца французского производства), но они, несомненно, предназначались для того, чтобы создавать у клиентов Амонет «египетское» настроение. Даже возле умывального тазика Голеску не обнаружил ни косметики, ни духов. Там лежал только кусок желтого мыла; Голеску понюхал его, но уловил только слабый запах шелока. Откуда же тогда взялся тот летучий, чуть коричный аромат, который почудился ему прошлым вечером?..

В фургоне не оказалось не только бумаг, но и каких-либо принадлежностей для письма, если не считать небольшого полированного ящичка, напоминавшего походное бюро или секретер. Передняя стенка ящичка откидывалась на петлях и могла служить в качестве столешницы, однако ни перьев, ни бумаги, ни песочницы Голеску в нем не обнаружил. Ящичек оказался совершенно пуст, и только в глубине его была смонтирована зеркальная панель из зеленоватого стекла. Для Голеску он не представлял никакого интереса, поэтому он сразу закрыл его и, машинально потирая пальцы, в кончиках которых появилось какое-то легкое покалывание (которое, впрочем, скоро прошло), занялся кладовкой. Но и там не было ничего интересного: луковица, очерствевший каравай, несколько сморщенных картофелин. Здесь же хранились пара кастрюль, сковорода и медный таз. Голеску долго смотрел на него, задумчиво потирая подбородок.

— Где же деньги? — проговорил он вслух и, разочарованно сопя, с размаху опустил на кровать Амонет. Раздался тонкий негодующий писк. Голеску подскочил, как ужаленный, и обернулся.

— Ну конечно! — воскликнул он, открывая расположенный под кроватью ящик. Эмиль, оказавшись на ярком свете, захныкал громче и, прикрывая глаза ладошками, забился в самый дальний угол ящика.

— Привет, это всего лишь я, — сказал Голеску, вытаскивая мальчишку из-под кровати. Потом он опустил на четвереньки и, не обращая внимания на протестующие вопли Эмиля, заглянул в ящик. — Скажи лучше, где твоя госпожа хранит свое золото?.. Похоже, что не здесь. Проклятье!..

Он с кряхтением поднялся и снова уселся на кровать. Эмиль попытался было юркнуть в спасительную темноту, но Голеску ловко поймал его за пятку.

— Эмиль, сокровище мое, чтобы добиться чего-то в этом мире, ты должен научиться терпеть дневной свет, — сказал он назидательно. — Ведь покуда ты будешь вести ночной, а точнее — ящичный образ жизни, мне от тебя будет мало проку. И чем, скажи на милость, тебе солнце не угодило?

— Оно жжется! — всхлипнул Эмиль.

— Вот как? — Голеску подтащил мальчишку ближе и, заставив опустить руки, заглянул в большие, полные слез глаза. — Что ж, попробуем что-нибудь придумать. А когда мы решим эту маленькую проблему... — Он не договорил, но рот его сам собой разъехался в широкой улыбке.

Воспользовавшись этим, Эмиль вырвался из его рук и скрылся под кроватью. Голеску ногой захлопнул дверцу ящика и покачал головой.

— Сиди пока там, поедатель корнеплодов, — пробормотал он, вставая с кровати. — Сиди и никуда не уходи, слышишь? Дядюшка Барбу скоро вернется и принесет тебе подарки.

Негромко напевая себе под нос, Голеску вытер вспотевшее лицо панталонами Амонет, снова сунул их в нагрудный карман и вышел из фургона. Тщательно заперев дверь, он быстрым шагом направился к дороге.

Ему, однако, понадобилось довольно много времени, чтобы отыскать ближайший поселок и приобрести все необходимое, поэтому к фургону Голеску вернулся только под вечер, когда солнце уже почти село.

Поставив на землю свой груз — большой картонный ящик и заплечный мешок, — он отпер дверь и вошел.

— Вылезай, маленький Эмиль! — позвал он, но, не получив ответа, встал на колени и открыл дверцу Эмилевой конуры. — Ну-ка, где ты там?..

— Я есть хочу, — хмуро откликнулся мальчуган, не двигаясь с места.

— Вылезай, я сварю тебе отличной картошки. И не бойся, солнце давно село. Неужели тебе не хочется посмотреть, что я тебе принес, неблагодарный мальчишка?

Эмиль нехотя выбрался из ящика и, обогнув Голеску, направился к двери. Настороженно поджав губы, он выглянул наружу, но, увидев повисший над верхушками деревьев красный солнечный диск, взвизгнул и отпрянул назад, закрывая лицо руками.

— Да, я солгал, — признался Голеску, добродушно ухмыляясь. — Но если ты наденешь вот это...

Он вынул из кармана очки с синими стеклами и, силой заставив мальчика опустить руки, надел очки ему на нос. Они, конечно, тут же свалились, так как нос Эмиля был слишком тонким, к тому же у очков отсутствовала одна дужка.

— Ничего, сейчас мы все наладим. — Сунув руку в мешок, Голеску достал длинный шерстяной шарф, и пока Эмиль с плачем приплясывал перед ним, прорезал в ткани пару отверстий. Потом он снова надел на мальчика очки. Придерживая их указательным пальцем, Голеску быстро обмотал шарф вокруг головы Эмиля таким образом, что отверстия в ткани оказались как раз напротив стекол.

— Это называется очки, — назидательно сказал он. — Теперь тебе не страшен дневной свет, понятно? Да открой ты свои чертовы глаза, вампир несчастный!

Эмиль, вероятно, послушался (сквозь синие стекла его глаза все равно не были видны), так как внезапно замер, опустив руки по швам. Рот его слегка приоткрылся от удивления, да так и остался.

— погоди, это еще не все, — промолвил Голеску и, пошарив в мешке, вынул оттуда клеенчатый кучерский плащ, который и накинуд на плечи мальчику. Плащ был впору человеку вдвое выше и шире, чем Эмиль: он свисал гораздо ниже колен мальчика, а при ходьбе волочился по земле. Голеску понадобилось несколько минут, прежде чем ему удалось просунуть безвольно повисшие руки Эмиля в рукава и подвернуть манжеты, однако когда он покончил с этой нелегкой работой и застегнул все пуговицы, результат оказался не таким уж плохим. Плащ защищад Эмиля словно палатка — быть может, чересчур просторная, зато никакое солнце больше не могло попасть ему на кожу.

— А теперь последний штрих! — Голеску жестом фокусника извлек из того же мешка широкополую шляпу, нахлобучил Эмилю на голову и слегка откинулся назад, чтобы полюбоваться делом своих рук.

— Да ты просто красавец! — воскликнул он. — Ну как, нравится тебе?

На самом деле ни о какой красоте не могло идти речи. Больше всего Эмиль напоминал какой-то диковинный гриб, к тому же в плаще ему наверняка было жарко и душно, однако возразить он не мог, так как Голеску забыл прорезать в шарфе, которым было замотано лицо мальчика, отверстие для рта.

— Теперь, — продолжал разглагольствовать Голеску, — ты полностью укрыт от света и, хотя ты и вампир, можешь выходить из фургона даже днем. Разве это не здорово, Тыковка?.. Ну-ка, поблагодари скорее доброго дядюшку Барбу!

— Я хочу картошки! — пискнул Эмиль, с трудом раздвинув плотные витки шарфа.

— Ладно, давай отпразднуем это дело и немного отдохнем. Сегодня вечером у нас будет много работы, — согласился Голеску и, взяв в руку опустевший мешок, многозначительно потряс им в воздухе.

Он быстро развел костер и повесил над ним котелок, чтобы сварить Эмилю картошки. Сам Голеску поужинал продуктами, которые принес из деревни: крольчатинной, поджаренной с луком грудинкой и красным, как бычья кровь, вином. Вина оказалось много, поэтому, когда с едой было покончено, в кувшине еще оставалось больше половины. Отодвинув его подальше от костра, Голеску отправил Эмиля мыть в ручье грязные сковородки, а сам с наслаждением закурил большую ароматную сигару.

— Добрый раб! — с удовлетворением проговорил Голеску и выпустил колечко дыма. — А знаешь, Тыковка, к такой жизни легко привыкнуть... Когда закончишь с посудой, принеси из фургона медный таз для стирки. Я помогу тебе наполнить его и поставить на огонь. Да, и себе-и еще дров для костра!

Когда Эмиль приволок таз, они наполнили его водой из ручья и, пошатываясь от тяжести и расплескивая воду себе на ноги, снова отнесли на поляну и поставили на огонь. Пока вода грелась, Голеску извлек из своего мешка трехкилограммовый пакет из плотной бумаги, запечатанный аптечной печатью. Его он тоже купил сегодня в поселке. Эмиль, задумчиво глядевший на огонь (очки придавали его лицу непередаваемое выражение), повернул голову и, посмотрев на пакет, спросил:

— Мы будем готовить Черную Чашу?

— Нет, мой дорогой Тыковка, мы будем готовить золотую чашу, — ответил Голеску и, вскрыв пакет, высыпал его содержимое в таз, вода в котором как раз начинала закипать. — Отличная, стойкая желтая краска! — заметил он, принявшись. — А когда она будет готова... — он пошарил позади себя и, придвинув к костру ящик, который принес вместе с мешком, открыл крышку: пляшущие языки пламени отразились в стеклянных горлышках небольших аптечного вида бутылочек, которых в ящике было ровно сто сорок четыре штуки. — Когда краска будет готова, мы остудим ее, разольем по бутылочкам и продадим здешним крестьянам, которые зарабатывают на жизнь разведением кур и другой домашней птицы.

— Зачем? — спросил Эмиль.

— В качестве лекарства, — пояснил Голеску. — Мы объясним им, что с помощью этого снадобья можно выращивать очень крупных кур.

Думаю, нам довольно скоро удастся вернуть наши двадцать тысяч лей и даже больше. Можешь мне поверить — этот трюк всегда срабатывает безотказно. Благодаря краске желтки в яйцах приобретают насыщенный желто-золотой цвет, а крестьяне думают, что яйца стали лучшего качества. Ха!.. Замечательный фокус, верно? А главное, его легко можно повторить в любом другом месте, куда мы попадем, после того как распродадим первую партию.

— Это лекарство? — снова спросил Эмиль, и в его голосе прозвучало что-то вроде сомнения, но Голеску ничего не заметил.

— Точно! — подтвердил он, в последний раз затягиваясь сигарой, и, швырнув окурочек в костер, потянулся за вином.

— Какой чудесный вечер! — проговорил Голеску, делая хороший глоток из кувшина. — Какие звезды, а, малыш? Глядя на них, так и хочется размышлять, философствовать. Нет, в самом деле... В такие моменты я, например, всегда вспоминаю свою жизнь и раздумываю над тем, почему судьба обошлась со мной так круто. Можешь мне не верить, но я не всегда был бездомным бродягой; напротив, моя жизнь начиналась весьма и весьма удачно. Я ведь из старинного аристократического рода, знаешь ли... У нас был замок. Витражные окна с гербом. Слуги. Даже для того, чтобы выгуливать собак, в замке держали специального человека. Я, разумеется, не унаследовал ничего из этой роскоши, ведь я был младшим сыном, зато учился в университете и закончил его с отличием, получив ученую степень в области финансов.

После университета я стал управляющим крупным банком в Бухаресте. У меня были отличные золотые часы на цепочке и рабочий стол в три метра длиной, отполированный до блеска: я даже мог смотреться в него, как в зеркало. Каждое утро, когда я приезжал в банк, клерки выстраивались в ряд и кланялись мне до земли, пока я, помахивая тросточкой, шел к своему кабинету. Тросточка у меня тоже была замечательная — ее украшал крупный бриллиант такой чистой воды, что он горел, как заря, если на него падал хотя бы один луч света.

Ты, наверное, слышал пословицу: мол, богатство и бедность равно губят человека. Так случилось и со мной. Возможно, я оказался слишком доверчив и наивен в том, что касалось людских характеров, ведь их-то в университете не изучали! В общем, не прошло и нескольких лет, как беда постучалась в мои двери, и я рухнул с высот, на какие вознесли меня мое происхождение, мои способности и трудолюбие. Хочешь узнать, дитя, как я дошел до нынешнего моего прискорбного состояния?

— Чего? — спросил Эмиль.

Голеску отхлебнул еще вина.

— В общем, — сказал он, — мой банк посещал крупный вкладчик по имени Али-Паша. Он владел просто колоссальным состоянием. У него были миллионы, буквально миллионы во всякой валюте, а также целые кучи жемчуга, рубинов и изумрудов. Если бы ты видел это богатство, которое лежало в главном хранилище, сверкая и переливаясь, как сверкают блески у танцовщиц на... словом, на всяких таких местах. Я думаю, это было самое большое состояние, какое только может скопить продажный чиновник, а Али-Паша был к тому же довольно высокопоставленным чиновником.

Но однажды разразился крупный скандал, который не удалось замять даже ему. Чтобы избежать неприятных последствий, Али-Паша уехал за границу и бац — погиб! Несчастный случай, представляешь?! Его чистокровный вороной жеребец испугался тележки зеленщика, сбросил Али-Пашу с седла и затоптал.

Будучи человеком честным, я начал поиск наследников, как только услышал о трагической кончине нашего главного клиента. Всем известно, как любят эти похотливые турки нежиться в гаремах, где у них содержатся жены и всякие наложницы... Ты, наверное, тоже думаешь, что у Али-Паши была целая куча наследников? Так вот, ты ошибаешься! Как я выяснил, в детстве с ним произошел случай не менее трагичный, чем тот, который свел беднягу в могилу. Оказывается, у него смолоду был очень красивый голос, который так понравился Верховному Турку, что... Короче говоря, Али-Паше сделали небольшую операцию, благодаря которой он сохранил чарующее сопрано до самой своей безвременной кончины, последовавшей в весьма зрелом возрасте.

Словом, ни жен, ни детей у него не оказалось. Ни одного самого захудалого потомка, представляешь?

А это, помимо всего прочего, означало, что все те несметные сокровища, которые хранились в нашем банке, должны были по истечении определенного срока перейти в собственность Оттоманской империи.

Что мне было делать? Чем больше я размышлял о жестоком турецком иге, под тяжестью которого столько лет изнывал наш народ, тем сильнее кипела во мне кровь гражданина и патриота. В конце концов в моей голове родился дерзкий план.

Я проконсультировался с коллегами из международного банковского сообщества и узнал имя одного вкладчика, широко известного своей кристальной честностью. Как выяснилось, он приехал из Пруссии и

сам владел весьма внушительным капиталом. Я списался с ним, извинился за дерзость, изложил известные мне факты и обстоятельства, а потом сделал свое предложение. Если бы, писал я, он согласился выдать себя за брата покойного Али-Паши, я мог бы подтвердить правоту его притязаний на миллионы, без пользы лежавшие в нашем банке. За помощь в этом небольшом патриотическом предприятии я обещал ему сорок процентов сокровищ. Оставшиеся шестьдесят процентов я, разумеется, собирался пожертвовать Святой Церкви.

Чтобы не утомлять тебя, дитя, долгим рассказом, скажу одно: пруссак согласился. И не просто согласился — он пошел настолько далеко, что в ответном зашифрованном письме выказал себя горячим и принципиальным сторонником независимости Румынии.

Разумеется, дело было далеко не простое. Предстояло подкупить нескольких судебных регистраторов и мелких чиновников, чтобы они удостоверили, будто Шмедлиц (так звали пруссак) действительно является братом Али-Паши, который — по нашей версии — пропал в раннем детстве вместе с матерью, похищенной и проданной в гарем коварными пиратами. К счастью, на теле Али-Паши имелось родимое пятно особой формы, по которому безутешный брат мог бы опознать своего злосчастного родственника.

От Шмедлица также требовалось внести в один из швейцарских банков значительную сумму, чтобы открыть счет, на который он мог бы перевести свое «наследство», как только будет получено соответствующее разрешение. Пруссак согласился, слишком быстро согласился, как я теперь понимаю! — Голеску горестно покачал головой, сделал еще один большой глоток вина, вытер ладонью усы и продолжал: — Напрасно, ох, напрасно я доверился этому пруссаку!.. Вас, звезды, я призываю в свидетели того, как жестоко пострадала честная и наивная душа!

И он снова хлебнул из кувшина.

— Мой план сработал. Наследство Али-Паши было благополучно переведено в швейцарский банк. Вообрази же себе негодование и ужас, охватившие меня, когда, вознамерившись получить для целей благотворительности причитающиеся мне шестьдесят процентов, я обнаружил, что проклятый пруссак успел снять все деньги, закрыть счет и исчезнуть в неизвестном направлении. Разумеется, я не мог этого оставить, начал поиски и вскоре стало очевидно, что Шмедлиц был не простым вором, а подставным лицом — агентом и прислужником международного банковского сообщества, которое ополчилось на меня, как на какого-то преступника!

Но и это еще не все, Эмиль, дружище! Худшее ждало меня впереди. Неожиданно отыскался новый претендент на наследство Али-Паши, и это был не кто иной, как его брат — самый настоящий брат, который ничего не знал о смерти родственника, так как после кораблекрушения провел семь лет на необитаемом острове и был спасен только недавно.

Моя гибель была полной. Мне пришлось бежать под покровом темноты. Самое страшное, что родные, которых я невольно опозорил, отказались от меня, и мне было совершенно не к кому обратиться за помощью. С тех пор я и веду жизнь жалкого изгнанника, несправедливо преследуемого сильными мира сего. — Голеску вытер слезы и снова приложился к кувшину. — Никогда больше мне не сидеть за моим полированным столом, никогда не шествовать мимо вереницы клерков, поигрывая тростью. А что теперь стало с украшавшим ее алмазом, который даже в полутьме сиял, словно полная луна? — Он вскрикнул и перевел дух. — Как гласит пословица, беды и несчастья делают человека не богаче, но мудрее. Увы, мудрость — это единственное, что я имею! Иногда, поверишь ли, я даже подумываю о самоубийстве, но все же так низко я еще не пал!

Голеску снова глотнул вина, рыгнул и добавил уже совсем другим голосом:

— Ага, вот краска и закипела! Возьми-ка палку, Эмиль, да помешай ее как следует.

На следующий день Голеску проснулся, когда было уже совсем светло. С недовольной гримасой он поднял голову над шляпой (он лежал, уткнувшись в нее лицом) и огляделся. Эмиль сидел на том же месте, что и вчера, когда после длительного и смутно припоминаемого монолога Голеску сморил сон. Пустой кувшин из-под вина валялся возле потухшего костра, но в аптечных бутылочках желтела концентрированная краска.

— Что?.. Кто?.. — Голеску сел и, не веря собственным глазам, уставился на бутылочки. Экс-банкир не помнил, чтобы вчера разливал краску, но факт оставался фактом: все сто сорок четыре бутылки были полны и аккуратно заткнуты пробками.

— Лекарство готово, — сообщил Эмиль.

Голеску с трудом поднялся на ноги. Пустой таз блестел, как новенький.

— Не удивительно, что *она* не хочет с тобой расставаться, — пробормотал Голеску. — Должно быть, в тебе течет кровь кухонных фей.

Ладно, разведи огонь, и мы сварим тебе еще картошки. Может быть, и пастернак тоже, поскольку ты хорошо себя вел. Ну а потом мы с тобой отправимся в поселок — нас ждет приключение.

Примерно через два часа оба медленно шли по деревенской улице, держа путь к высоким воротам зажиточного крестьянского двора, который Голеску приметил еще в прошлый свой визит. Солнце шпарило всю, и он обильно потел в лучшем костюме, какой только нашелся в деревенской лавке старьевщика. Костюм этот состоял из потертого черного фрака с рыжими подпалинами, полосатых брюк и почти ненадеванного черного шелкового цилиндра, от которого ощутимо пахло мертвечиной. На левой стороне груди Голеску блестели многочисленные медали на ярких ленточках, в основном — церковного происхождения. Подлинным украшением этой коллекции были, однако, две блестящие наклейки с коробки итальянских галет. В руке Голеску держал увесистый докторский саквояж.

Эмиль в кучерском плаще, шляпе и синих очках то и дело спотыкался, поэтому Голеску приходилось буквально тащить его за собой.

Когда они приблизились к цели своего путешествия ярдов на пятьдесят, за воротами появились два здоровенных волкодава, которые принялись громко лаять и бросаться на хлипкие деревянные планки.

— Возьми-ка чемодан, — сказал Голеску, передавая Эмилю саквояж.

— Он тяжелый, — пожаловался мальчуган.

— Заткнись! — прошипел Голеску. — Доброго утречка, уважаемый господин! — проговорил он громче, обращаясь к хозяину, который как раз подошел к воротам, чтобы выяснить причину шума.

— Мне жарко!

— Заткнись, кому говорят!.. Могу я поговорить с вами, господин?

— Кто вы, черт возьми, такой? — хмуро спросил крестьянин, хватая волкодавов за ошейники.

Голеску приподнял цилиндр и поклонился.

— Доктор Милош Кретулеску к вашим услугам. Я являюсь личным помощником министра сельского хозяйства принца Александру, да дарует ему Господь долгих лет жизни. С кем имею честь, позвольте спросить?

— Буздуган Лилиу, — хмуро ответил крестьянин.

— Очень, очень рад... Вы, несомненно, уже слышали о последнем распоряжении министерства?

— Конечно, слышал, — сказал Буздуган, но по его лицу скользнуло недоуменное выражение. — О каком? — тут же спросил он.

Голеску приятно улыбнулся.

— Я имею в виду указ о необходимости увеличения объемов продукции птицеводства в этом районе. Его Высочество хотел бы видеть нашу страну крупнейшим поставщиком курятины на мировой рынок. Кстати, не могли бы вы посадить ваших псов на цепь?..

Крестьянин загнал волкодавов в сарай и отпер ворота, и Голеску вступил во двор, незаметным тычком в спину придав замешкавшемуся Эмилию нужное направление. Мальчуган осязательно двинулся вперед, волоча за собой саквояж, но Голеску, не обращая на него внимания, дружеским жестом опустил руку на плечо Буздугану.

— Во-первых, я должен проинспектировать ваш птичник, господин Лилиу. Не сомневаюсь, что вы успешно прошли последнюю проверку, однако последним указом нашего министра правила были пересмотрены в сторону ужесточения.

— Да, разумеется, — согласился Буздуган и слегка вспотел. Ни о каких проверках он и слыхом не слыхивал. Тем не менее он отвел Голеску на птичий двор, который представлял собой примерно акр земли, огороженный высоким частоколом из плотно стоящих жердей. Сам двор можно было наблюдать сквозь калитку из частой сетки.

Следует честно сказать, что птичий двор Буздугана выглядел не слишком презентабельно. То же, впрочем, можно сообщить и о большинстве птичников. Он был сплошь залит безжалостным солнечным светом так, что Голеску сразу почувствовал, как утоптанная, спекшаяся земля жжет его ноги сквозь тонкие подошвы ботинок. То здесь, то там неподвижно стояло около полутора сотен тощих кур и цыплят, которых, казалось, не беспокоит ни жара, ни запах их собственного помета, ни густая вонь, тянувшаяся от полуразложившихся трупов каких-то зверьков, насаженных на самые высокие шесты по углам. В двух трупах еще можно было узнать лисиц, а третий трупик настолько разложился и высох на солнце, что определить породу зверя было уже невозможно.

— Тэ-экс!.. — процедил Голеску сквозь зубы и вытащил из кармана блокнот и огрызок карандаша. Покачивая головой, он притворился, будто делает какие-то записи.

— Что-нибудь не так? — с тревогой спросил Буздуган.

— Ну почему же? — ответил Голеску и дружески подмигнул крестьянину. — По-моему, вы нашли довольно эффективный способ борьбы с хищниками. Воздействуете на них наглядным примером, а? Что ж, все правильно: лисы и хорьки только такой язык и понимают. Но ваши птицы, дорогой господин Лилиу... Должен сказать от-

кровенно, вид у них совсем не товарный. Во всяком случае, на бойцовых петухов они не похожи. Почему, скажите на милость, они не расхаживают по двору и не хлопочут над найденным червячком? Конечно, я могу и ошибаться, но по-моему, причина этой апатии и бросающейся в глаза худобы — обыкновенный недокорм. Что вы на это скажете?

— Но я даю моим курам лучшее зерно! — возразил Буздуган.

Голеску только улыбнулся и помахал перед его носом пальцем.

— Я в этом не сомневаюсь, любезный господин Лилиу, но достаточно ли этого?.. Между тем давно известно, что куры, страдающие от недоедания, несут неполноценные яйца, из которых потом получается неполноценное потомство. Кроме того, безвкусные, мелкие яйца, попади они на рынок, способны подорвать вашу репутацию птицевода и поставщика. Нет, нет, не возражайте мне!.. Я же вижу, что вы экономили на корме, и это стало вашей фатальной ошибкой.

— Но...

— К счастью, я могу вам помочь, — сказал Голеску, убирая обратно в карман блокнот и карандаш.

— Сколько? — обреченно спросил Буздуган, и плечи его поникли.

— Позвольте, позвольте, господин Лилиу, уж не хотите ли вы сказать, будто представитель Его Высочества принца способен опуститься до вульгарной взятки?! Возможно, когда-то в прошлом дела именно так и обстояли, но теперь этого не будет. Мы вступили в новую эпоху — эпоху просвещенного птицеводства, где правят бал не деньги, а наука! Вам понятно?

— Наука? — удивился Буздуган.

— Эй, мальчик, подойди-ка сюда! — властно обратился Голеску к Эмилю, который только сейчас догнал их. — Этому верному подданному Его Высочества необходима бутылочка новейшего «Золотого эликсира Ку»!

Эмиль, однако, не пошевелился, поэтому Голеску пришлось взять у мальчика саквояж. Открыв его, он извлек оттуда бутылочку с желтой краской и поднял высоко в воздух.

— Это необходимая и эффективная кормовая добавка, которая была создана нашим Министерством сельского хозяйства. Его Высочество принц собрал лучших ученых из всех университетов страны и поручил им создать средство, способное коренным образом улучшить качество куриного поголовья. Благодаря использованию последних научных открытий нашим ученым удалось создать стимулятор, отличающийся необычайно высокой эффективностью. Он и получил название «Золотого

эликсира Ку». При регулярном использовании он способен давать поистине поразительные результаты!

Будзуган уставился на бутылочку.

— А что делает этот эликсир?

— Как — что? Он обеспечивает ваших кур дополнительным питанием, которого им так отчаянно не хватает, — ответил Голеску. — Впрочем, чтоб было понятнее, позвольте мне провести маленькую демонстрацию. Найдется у вас миска или тарелка?

Когда хозяин принес помятую жестяную миску, Голеску ловко отворил сетчатую дверь и проник в птичник, где, как ему показалось, было еще жарче, чем за оградой. Будзуган по пятам следовал за ним.

— Теперь следите за поведением ваших птиц, — предложил Голеску, откупоривая бутылочку и выливая в миску ее содержимое. — Бьюсь об заклад, бедняжки очень быстро поймут, какой огромной стимулирующей силой обладает наш «Золотой эликсир»! Инстинкт подскажет им — это как раз то, чего им не хватает. Вот, смотрите...

И он поставил миску на раскаленную, потрескавшуюся землю. Ближайшая курица глянула в его сторону, и в ее крошечном мозгу сверкнула мысль: «ВОДА!». Со всех ног бросившись к миске, курица, давно страдавшая от жажды, принялась с таким рвением пить чуть теплую желтую водичку, словно это было охлажденное шампанское. Понемногу и другие куры тоже сообразили, в чем дело, и со всех сторон ринулись к поилке. «Золотой эликсир» определенно пользовался успехом.

— Вот видите? — сказал Голеску, переступая с ноги на ногу, до того ему было горячо. — Бедные, голодные создания!.. Ничего, пройдет всего несколько часов, и вы увидите разницу. Желтки их яиц больше не будут нездоровыми и бледными; напротив, они станут густого золотистого цвета, и все это благодаря «Золотому эликсиру». Всего две марки за бутылочку.

— Они и в самом деле пьют *это*! — воскликнул Будзуган, с легким удивлением наблюдавший за поведением своих кур. — Знаете, пожалуй, я куплю у вас не одну, а пару бутылочек.

— Мне очень жаль, любезнейший, но «Золотой эликсир» пока еще представляет большую редкость, а спрос на него так велик, что министерство приняло решение выдавать фермерам-птицеводам только по одной бутылочке, — вежливо, но твердо возразил Голеску.

— Почему? Ведь у вас целый чемодан этого эликсира! — воскликнул Будзуган. — Я видел, когда вы открывали его...

— Это действительно так, но ведь должны же мы дать шанс и вашим конкурентам! — сказал Голеску. — Было бы несправедливо, если

бы во всем районе вы оказались единственным обладателем призовых кур-чемпионов, не так ли?

Крестьянин, хитро прищурившись, смерил Голеску взглядом.

— Вы сказали — две марки за бутылку? Я дам вам двадцать пять марок за весь ваш чемодан, что скажете?

— Двадцать пять марок?! — с негодованием вскричал Голеску и даже отступил на шаг. — Но что будут делать другие птицеводы, ваши соседи?

Вытаскивая из-за пояса засаленный кошелек с деньгами, Буждуган Лилиу в двух словах объяснил, что должны делать его соседи.

Вечером Голеску и Эмиль возвращались в лагерь, распродав окрестным крестьянам несколько саквояжей «Золотого эликсира Ку». Голеску был очень доволен собой, к тому же его карманы приятно оттягивал груз монет самого разного происхождения и достоинства.

— Ну, что скажешь, Тыковка? — обратился он к Эмилю. — Видал, как дела делаются? Человеческая природа подобна реке, она никогда не меняется, и по-настоящему мудрый человек построит на берегу этой реки мельницу, чтобы слабаки и ничтожества вращали ее колесо. Страх, жадность и зависть — вот три кита, на которых стоит мир.

Эмиль, отдуваясь и пытая под своим плащом, издал какой-то слабый звук, который вполне можно было истолковать как знак согласия.

— И, конечно, для тебя это был знаменательный день, не правда ли? Ты наконец бросил вызов солнечному свету и убедился, что все не так уж страшно... Эй, осторожнее, смотри, куда идешь!.. — добавил Голеску, когда Эмиль едва не врезался в дерево. Схватив мальчугана за шкурку, он вернул его на тропу. — Ничего, мы уже почти пришли. И все же согласись, Эмиль: тебе очень повезло, что я появился в твоей жизни, которая была такой однообразной и убогой... А ведь сегодня ты открыл для себя только маленький кусочек большого мира!.. Ну ничего, завтра мы с тобой продолжим наши исследования, это я тебе обещаю!

Так они и поступили — лишь перенесли свои изыскания на другой край долины, откуда ветер доносил сильный запах аммиака, что указывало на наличие других птицеводческих ферм. Они как раз свернули с дороги на короткую подъездную дорожку и, прислушиваясь к яростному лаю огромного мастиффа, ждали появления хозяина птичника, когда Эмиль вдруг пробормотал:

— Лошадь...

— Это не лошадь, а просто очень большая собака, — объяснил Голеску и приподнял шляпу, готовясь заговорить с крестьянином, который наконец показался из-за сарая.

— Добрый день, господин. Позвольте представиться, мое имя... — Только теперь Голеску расслышал топот конских копыт. На лбу его выступила испарина, но он только улыбнулся еще шире и продолжил как ни в чем не бывало: — Мое имя — доктор Милош Кретулеску из Министерства сельского хозяйства, и я...

Стук копыт приблизился, донесся с дороги возле поворота на подъездную дорожку и стал удаляться. Однако не успело сердце Голеску вернуться к нормальному ритму, как грохот копыт смолк, а потом снова возобновился. Лошадь развернулась и теперь двигалась обратно.

— Я приехал в ваши края, чтобы содействовать исполнению желания принца Александру, который намерен...

— Эй!

— Прошу прощения, это, видимо, меня... — пробормотал Голеску и, обернувшись, сразу увидел Буздугана Лилиу. Крестьянин-птицевод, низко пригибаясь к шее лошади, чтобы не задеть головой ветви деревьев, нависавших над подъездной дорожкой и дававших благодатную тень, шагом ехал к нему.

— Доктор Кретулеску! — окликнул он. — У вас еще осталось это лекарство?

— Простите, как вы сказали?

— Я спросил — у вас еще осталось... — Буздуган бросил взгляд на второго фермера и тут же понизил голос, — средство, чтоб делать золотые яйца?

— А-а!.. — Голеску повернулся так, чтобы фермер мог видеть его лицо и, в отличие от Буздугана, слегка повысил голос: — Вы имеете в виду «Золотой эликсир Ку»? Чудесный эликсир, разработанный под руководством Его Высочества принца Александру Министерством сельского хозяйства с целью увеличения эффективности отечественного руководства?

— Т-с-с! — прошипел Буздуган. — Да, его. Послушайте, я заплачу вам сколько скажете, только...

— Вы сказали — «золотые яйца»?! — почти выкрикнул Голеску.

— Это еще что такое? — Фермер, заинтересовавшись, перегнулся через калитку.

— Не твое собачье дело! — огрызнулся Буздуган.

— Но, мой дорогой, «Золотой эликсир» был разработан, чтобы им могли пользоваться все, — возразил Голеску. Он не совсем хорошо по-

нимал, почему Лилиу так заинтересовался эликсиром, но решил идти до конца. — И если этот господин пожелает применить его в своем хозяйстве, разве я могу ему отказать? По замыслу Его Высочества чудесные свойства эликсира должны сделать богатыми всех фермеров!

— Плачу сто марок за то, что у вас в этом чемоданчике! — выпалил Буздуган, чувствуя, что разговор приобретает нежелательный для него оборот.

— А что у вас в чемодане? — спросил второй фермер, решительно открывая калитку и выходя за забор.

— «Золотой эликсир Ку»! — объявил Голеску, выхватывая саквояж из бесчувственных пальцев Эмиля и открывая его. Вытащив оттуда полную бутылочку, он поднял ее так, чтобы на нее попадали пробивающиеся сквозь листву лучи солнца. — Вот, глядите!

— А что этот тип болтал насчет золотых яиц? — продолжал допытываться фермер.

— Я ничего не говорил, — торопливо сказал Буздуган. — Двести, доктор. Двести марок!.. Это не шутка. Ну, пожалуйста, я вас прошу. Умоляю!

— Уважаемый господин Лилиу несколько преувеличил, — любезно объяснил Голеску. — Золотые яйца? Ну, я бы не стал воспринимать эту расхожую гиперболу в буквальном смысле. Конечно, «Золотой эликсир» не обладает подобными свойствами; если бы я взялся утверждать что-либо подобное, меня бы приняли за шарлатана. С другой стороны, это действительно самая эффективная кормовая добавка для домашней птицы, какая только существует в мире на настоящий момент.

— Тогда продайте мне бутылочку, — потребовал фермер.

Буздуган оскалил зубы.

— Я покупаю все остальное, — объявил он, соскакивая с седла.

— Эй, не торопись! — возразил фермер. — Должно быть, это очень хорошее средство, раз ты так стремишься купить все, что есть. Пожалуйста, я куплю две бутылочки.

— Не надо ссориться, господа! — сказал Голеску. — У меня тут довольно много «Золотого эликсира Ку». Вы, господин Лилиу, уже попробовали это замечательное средство... Можете ли вы сказать, что полностью удовлетворены? Иными словами, довольны ли вы результатом?

— Еще бы, — нехотя признал Буздуган. — Яйца стали значительно крупнее, а желток у них действительно желтый... что твое золото! Да и петухи, которые попробовали средство, словно с ума сошли, и теперь все мои несущки сидят на яйцах. Двести пятьдесят за весь чемодан, доктор. Что скажете?

Что мог сказать Голеску? Немного поупиравшись, он все же дал себя уговорить.

На обратном пути Голеску сам нес свой саквояж, хотя теперь он и был значительно тяжелее, чем утром, когда они только вышли в путь. Несмотря на это, шел он с непривычной для себя скоростью и буквально волоком тащил Эмиля за собой. На поляне Голеску затолкал мальчишку в фургон, потом влез сам и плотно закрыл дверь. Оказавшись внутри, он тотчас начал переодеваться и отвлекся лишь на пару секунд, чтобы заглянуть в саквояж и убедиться, что это не сон и глаза его не обманули. Саквояж был почти доверху наполнен блестящими монетами разного достоинства, однако его это почему-то не обрадовало.

— Хотел бы я знать, что происходит?.. — бормотал Голеску, сдирая с плеч насквозь пропотевший фрак. — Я продал этим деревенским олухам несколько бутылок обычной желтой краски. Никакой это не эликсир и не кормовая добавка — в растворе ничего не было, кроме красящего пигмента и воды!

Пока он переодевался, Эмиль неподвижно стоял рядом. Он даже очки не снял, и его лицо по-прежнему казалось безучастным и отрешенным.

— Мы продали этим болванам поддельное снадобье! — Голеску повернулся к мальчику и сорвал у него с носа очки. — Неужели они настолько глупы, что ничего не поняли?!

— Нет, — бесстрастно сказал Эмиль.

— Что — нет? — озадаченно переспросил Голеску.

Эмиль моргнул.

— Нет, — повторил он. — Мы продали им средство, чтобы выращивать гигантских цыплят.

— Господи, вот еще один идиот на мою голову! — фыркнул Голеску, снимая свои полосатые брюки. — Да, мы *сказали*, что если использовать наш «Золотой эликсир», то куры станут нести отборные яйца, из которых вылупятся необычайно крупные и здоровые цыплята, но ведь это было вранье! — Он свернул брюки и фрак и отложил в сторону. — Неужели ты не понимаешь?

— Нет, — снова сказал Эмиль.

В его ровном, лишенном всякого выражения голосе звучало, однако, нечто такое, что Голеску, который как раз натягивал свои старые штаны, на мгновение замер на одной ноге.

— Разве ты не знаешь, что такое ложь? — спросил он. — Впрочем,

может, и не знаешь. Кроме того, ты у нас чертов гений! Пока раствор кипятился в тазу, я заснул и... гм-м...

Голеску застегнул штаны, напялил рубаху и долго молчал, пристально глядя в неподвижное лицо Эмиля.

— Скажи, прелестное дитя, — промолвил он наконец, — пока я спал, ты... что-нибудь добавил в раствор?

— Да, — кивнул Эмиль.

— Что же?

Эмиль разразился длинным перечнем каких-то химикатов — во всяком случае, Голеску решил, что это именно химические вещества, хотя названия были ему незнакомы. Наконец он поднял руку, призывая Эмиля замолчать.

— Достаточно, достаточно, мне все ясно. Скажи мне лучше вот что: ближайшая аптека, насколько я знаю, находится примерно в часе ходьбы. Где ты взял все эти вещества?

— Здесь, — ответил Эмиль, указывая ладошкой на чемодан в виде футляра для мумии. — И еще из земли. И из листьев тоже.

Голеску бросился к чемоданчику и открыл. В прошлый раз он показался ему пустым, но теперь Голеску действовал внимательнее и вскоре обнаружил тайник. Под обтянутой полотном картонкой, которая служила дном, оказалось еще одно отделение, представлявшее собой ряды ячеек, в каждой из которых лежал пакетик или склянка с каким-то химическим веществом. Потянув носом, Голеску уловил легкий запах химикатов, отдаленно напомнивший ему запах специй.

— Ага, — сказал он и закрыл чемодан. Отодвинув его в сторону, Голеску прищурился и посмотрел на Эмиля, потом несколько раз прошелся из стороны в сторону и наконец опустился на кровать.

— Откуда тебе известно, — спросил он немного осипшим голосом, — какие вещества входят в лекарство для выращивания гигантских цыплят?

Эмиль повернул голову и посмотрел на него. В глубине его больших кроличьих глаз промелькнуло какое-то странное выражение, которое Голеску принял за... насмешку.

— Я просто знаю, и все, — мягко сказал Эмиль, но и в его интонациях Голеску почудилось что-то похожее на сознание своего превосходства — превосходства высшего разума перед низшим.

— Это как с количеством зернышек в кувшине? Ты просто знаешь — и все?

— Да.

Голеску медленно потер руки.

— Ах, ты мой золотой! — пробормотал он. — Моя жемчужина, моя удача, мой счастливый билет! — Тут ему пришла в голову еще одна мысль. — Скажи-ка дядюшке Барбу, бриллиантовый, что такое Черная Чаша, которую ты несколько раз поминал?

— Я каждый месяц должен готовить ее для хозяйки, — сказал Эмиль.

— Каждый месяц, значит?.. — повторил Голеску. — Наверное, это какое-то средство от... от детей. Впрочем, мадам Амонет не интересуется любовью. Пока не интересуется. А что происходит, когда она выпивает эту свою Черную Чашу?

— Она не умирает, — сообщил Эмиль с легкой грустинкой в голосе.

Голеску откинулся назад, словно кто-то ударил его по лицу.

— Все святые и ангелы в небесах! — воскликнул он. Идеи одна заманчивее другой так и мелькали у него в голове. Наконец он немного пришел в себя и спросил:

— А мадам Амонет — она старая? Сколько ей лет?

— Она старая, — ответил Эмиль.

— Очень старая?

— Очень.

— Ну а лет-то ей сколько?

— Не знаю. Не могу сказать.

— Понятно. — Голеску несколько секунд сидел неподвижно, пристально глядя на Эмиля. — Вот почему она не хочет, чтобы о тебе кто-нибудь узнал. Ты ее «философский камень», ее личный источник бессмертия, так? И если ты не врешь, то... — он вздрогнул, но тут же взял себя в руки. — Да нет, не может быть!.. Ты слишком долго проработал в шоу-бизнесе, Голеску, старина... Должно быть, мадам чем-то больна, а Черная Чаша — лекарство, без которого она умрет. Гхм! Надеюсь, это не заразно... Чем больна твоя хозяйка, Эмиль?

— Она не больна, — ответил мальчуган.

— Нет? Ладно... Голеску, друг мой, не забывай, что ты имеешь дело с малолетним идиотом! — сказал он себе, но его воображение продолжало работать, и все время, пока он ликвидировал следы своей куриной авантюры, в его мозгу возникали ослепительные и величественные картины.

За вечер Голеску отвлекся от своих грез только несколько раз, когда со стороны дороги доносился цокот копыт скачущей галопом лошади, но был ли то случайный путник или кто-то опять разыскивал таинственного доктора Кретулеску?.. Этого он не знал.

Наконец стемнело, и Голеску, выбравшись из фургона, разжег костер. Он как раз сидел возле него, когда услышал скрип фургонных колес. Скрип скоро сменился треском ломающихся ветвей, а это означало, что фургон свернул с проезжей дороги и движется через лес по направлению к поляне. Невольно выпрямившись, Голеску перевернул на сковороде сосиски и хлеб и поспешил придать своему лицу выражение, которое, как он надеялся, выражало собачью преданность, послушание и терпение.

— Добро пожаловать, моя королева, добро пожаловать! — проворковал он самым сладким голоском, как только разглядел в темноте Амонет, сидевшую на облучке фургона. — Как видишь, я не только не ушел с Эмилем в ближайший игорный дом, но и приготовил тебе неплохой ужин. Садись и ешь, а я займусь лошадьми.

Амонет смерила его недоверчивым взглядом, но все же соскочила с передка фургона и приблизилась к огню.

— Где Эмиль?

— Как всегда, спит в своем ящике под кроватью. С ним все в порядке, — доложил Голеску и поднялся, уступая ей место. Увидев ее вблизи, он испытал острый приступ разочарования. Судя по выражению лица, Амонет сильно устала и была не в духе; иными словами, она ничем не напоминала бессмертное существо, регулярно вкушающее божественный нектар в заоблачных сферах. Оставив ее у костра, Голеску повел лошадей к ручью, чтобы напоить и искупать. Когда он вернулся, Амонет по-прежнему сидела у огня. Голеску опустился на землю напротив. Несколько минут оба молчали, потом он почувствовал, как в нем пробуждается грешная похоть.

— Судя по тому, как гремел и подпрыгивал на корнях наш несчастный фургон, его груз остался где-то в другом месте, — проговорил он, пытаясь завязать светский разговор.

— Можно сказать и так, — ответила Амонет с невеселым смешком.

— Так что теперь он снова в твоём распоряжении.

— Надеюсь, мы получили за товар хорошие деньги?

Амонет только пожала плечами, и Голеску улыбнулся в усы. Он уже заметил, что никакого кошелька при ней нет. Еще некоторое время Голеску пытался поддерживать ничего не значащий разговор, пока Амонет не сказала, что идет спать, и он от всей души пожелал ей спокойной ночи. На сей раз он удержался от скользких намеков и только смотрел, как она карабкается в свой фургон (как всегда, вид сзади был таким, что дух захватывало). Выждав еще несколько минут, он зажег фонарь и поспешил ко второму фургону.

Войдя в дверь, Голеску поднял фонарь высоко над головой и огляделся.

— Превосходно! — с удовлетворением пробормотал он. Фургон был абсолютно пуст: ни ковров, ни картин, ни даже оброненной серебряной ложки в углу. Как, собственно, и предполагалось. Оставалось только одно «но», и это «но» весьма беспокоило Голеску.

— Где же деньги? — задумчиво произнес он вслух. — Эй, маленький железный ящикек с хитрым замком, не прячься, покажись! Где ты, увесистый кошелек с золотыми монетами?.. Бог мой, она должна была выручить целое состояние, даже если продала барахло с большой скидкой, однако...

Он еще долго рылся в шкафах и прибитых к полу ларях, сначала топорливо, потом методически и тщательно, простукивая обшивку и пол, разыскивая тайник или ящик с двойным дном, но только зря вспотел. Его поиски ничего не дали.

— Но ведь должны же они где-то быть!.. — раздраженно воскликнул он. — Конечно, многие женщины прячут деньги в вырез платья, но — Господь свидетель! — в лифчике у Амонет так мало свободного места, что ее, должно быть, крупно надули при продаже.

И тихонько бранясь себе под нос, Голеску выбрался наружу и подбросил дров в начавший было потухать костер. Потом он вытащил из ближайших кустов саквояж с деньгами, фрак с полосатыми брюками и защитный костюм Эмиля. Надежно спрятав все это в одном из ящиков фургона, он вытянулся на полу и стал напряженно размышлять.

— Я уже видел этот хмурый, разочарованный взгляд, — проговорил он в темноту. — Разочарованный, апатичный, безнадziejный. Даже немного обиженный. Конечно, она может быть больна, что бы там ни говорил этот щенок, но я все же думаю: дело здесь в другом. Такой вид, как у нее сегодня, бывает у шлюх, которых сутенер заставляет работать сутками напролет, а потом отбирает весь заработок. Может быть, Амонет действительно попала в лапы к какому-нибудь крупному уголовнику? Скажем, какому-то королю преступного мира, который возглавляет обширную тайную сеть, состоящую из воров, перекупщиков и посредников, которые отдают наверх всю полученную прибыль? Если я прав, этот тип должен буквально купаться в золоте, не будь я Голеску!.. — Он вдруг сел. — Превосходная идея! — воскликнул он, тихонько хлопая в ладоши.

В эту ночь Голеску снова разбудила песня Амонет. Ее голос походил на угли, которые едва тлеют в подернутом пеплом костре, или на

дым, который поднимается над кострищем, после того как умер последний язычок пламени. От его переливов буквально разрывалось сердце, но вместе с тем звучало в нем и что-то по-настоящему жуткое.

Наутро они двинулись дальше, держа путь к горам, которые цепью вставали на горизонте. Долина, где Голеску так славно потрудились, отдалялась с каждым поворотом колеса, и втайне он был этому рад. Правда, еще не было случая, чтобы кого-нибудь вздернули за торговлю слабым раствором желтой краски, но Голеску твердо знал: людей иногда вешали только за то, что им удавалось слишком быстро достичь успеха. Как бы там ни было, он предпочитал держаться как можно дальше от событий, исхода которых не мог предсказать.

Им удалось довольно легко перевалить горный хребет, следуя по дороге, которую Амонет, по-видимому, хорошо знала. Полдень следующего дня застал их уже у подножия хребта, недалеко от сравнительно большого города, где было несколько больших двухэтажных домов и церковь с круглым куполом.

В городе на большой, мощеной булыжником площади, по которой ветер носил сухие желтые листья, вот-вот должна была открыться ярмарка. Как и в прошлый раз, Голеску считал необходимым внести свои предложения по увеличению доходности гадательного бизнеса — и, как и тогда, Амонет их проигнорировала. Голеску не стал настаивать и покорно отстоял длинную очередь за разрешением на участие в ярмарке. Вместе с ним стояли мелкие торговцы, циркачи и владельцы аттракционов: большинство людей Голеску уже знал в лицо, но на его попытки завязать разговор никто не откликнулся. Тупым и грубым оказался и выдававший документы чиновник.

В результате к вечеру, когда на площадь пали сумерки и ярмарка, ожив, вспыхнула десятками фонарей, запела на разные голоса, задвигалась и затанцевала под трубный зов каллиопы*, Голеску пребывал не в самом лучшем расположении духа.

— Давай пошевеливайся, бледная немочь! — прорычал он, вытаскивая Эмиля из фургона. — Ну, чего ты опять испугался?

— Здесь слишком светло! — прохныкал Эмиль, крепко зажмуриваясь и пытаясь спрятаться под полую сюртука Голеску.

— Мы в настоящем большом городе, идиот, — раздраженно вещал Голеску, шагая сквозь толпу и волоча за собой слабо упирающегося

* *Каллиопа — паровой клавишный музыкальный инструмент со свистками. (Здесь и далее прим. перев.)*

Эмиля. — Эти яркие штуки на столбах — новейшие газовые фонари, последнее достижение цивилизации. Скоро, если мы захотим, у нас вообще не будет ночи, представляешь? Тебе тогда придется переселиться в угольный погреб. Впрочем, тебе, наверное, это понравится.

— Хочу сосиску на палочке, — внезапно объявил Эмиль.

— Терпение, — Голеску огляделся по сторонам в поисках лотка с едой. — Есть — как чесаться: только начни, потом не остановишься, — добавил он назидательно. — Так что чешись, Тыковка, и скоро ты получишь свою сосиску. Хотел бы я знать, куда, черт побери, подевались все лоточки?

Вскоре он заметил знакомого продавца и, протолкавшись сквозь толпу к прилавку, бросил:

— Эй, приятель, сосиску по-венски!

И он положил на прилавок монетку.

— Сосиски по-венски закончились, — ответил торговец. — Могу предложить голубцы с мамалыгой или токетурэ* с мамалыгой. Выберите.

Голеску почувствовал, как у него потекли слюнки.

— Давай голубцы, и побольше мамалыги.

Бумажный фунтик с едой он унес в относительно спокойный уголок и уселся на тюк сена.

— Иди сюда и ешь, — сказал он Эмилю. — Мамалыга тебе, а голубцы — мне, идет?

Эмиль ненадолго приоткрыл один глаз.

— Я это не ем. Там подливка!

— И вовсе там нет никакой подливки, разве немножко... — Голеску поковырял между голубцами пальцем и извлек крошечный комочек каши. — Видишь? Отличная мамалыга!

Эмиль начал всхлипывать.

— Я не хочу это! Я хочу сосиску-у-у!

— Послушай, это же все равно что сосиска, только в виноградных листьях, а не в свиной кишке, вот и вся разница! — Голеску отправил в рот кусок голубца. — Ум-м, вкуснятина!

Но Эмиля эта наглядная демонстрация не убедила. Голеску вздохнул, быстро доел голубцы, проглотил мамалыгу и вытер руки о курточку Эмиля. Потом он снова потащил мальчугана за собой. Они обошли ярмарку вдоль и поперек, но сосисок по-венски почему-то нигде не

* Токетурэ — румынское национальное блюдо: обжаренные в масле кусочки свишины или фарш с сыром и жареным луком.

было. Единственным, что Эмиль согласился есть, была сладкая вата. Вата ему очень нравилась, и Голеску купил мальчугану сразу шесть порций. Пока, скорчившись под фургоном, Эмиль торопливо пожирал лакомство, сам Голеску приплясывал на одном месте и хлопал себя по плечам, пытаясь согреться. Резкий, холодный ветер насквозь продувал сюртук, и он с тоской вспоминал о горячих, острых голубцах.

— Разве это жизнь для мужчины, у которого в жилах течет алая кровь, а не прозрачная водица? — ворчал он. — Женщины, вино и танцы — вот что мне нужно, а где они? Просто смешно: я нянчусь с каким-то недоноском, который к тому же не ест ничего из того, что едят нормальные люди, а властительница моих снов смотрит на меня как на пустое место. Нет, если бы у меня была хоть капелька самоуважения, я бы ворвался ночью к ней в фургон и... Тогда бы она увидела, из чего сделан Барбу Голеску!

Последний розовый комочек сахарной ваты исчез во рту Эмиля. Мальчуган рыгнул.

— Она бы, конечно, отбивалась, — продолжал размышлять Голеску. — Может быть, даже покалечила меня... немножко. Пальцы у нее — словно стальные, бр-р!.. Это-то меня и возбуждает, Эмиль, вот что самое ужасное! Пусть это унизительно, но я готов, видит Бог — готов!

Эмиль снова рыгнул.

Воздух с каждым часом становился все холоднее. Эмиль под фургоном повернулся на бок и принялся что-то негромко гудеть себе под нос. По мере того как затихала ярмарка и один за другим гасли фонари и гирлянды, этот вой становился все слышнее. Теперь его не заглушал даже скрип вращающейся карусели, так как карусельщик закрыл свое предприятие на ночь. Наконец ушел последний клиент Амонет. Не прошло и нескольких секунд, как дверь фургона снова распахнулась, и на пороге показалась сама гадалка. Замерев в напряженной позе, она крутила головой, пытаясь определить, откуда доносится этот протяжный звук. Наконец взгляд Амонет упал на вытянувшегося под фургоном Эмиля.

— Что ты с ним делал? — крикнула она Голеску и оскалилась.

— Ничего, — ответил тот, на всякий случай отступая на пару шагов. — Его Величество Турнепс IV предпочел мамалыге сахарную вату, а теперь, похоже, очень об этом жалеет.

— Дурак! — бросила Амонет, и, спрыгнув на землю, выволокла Эмиля из-под фургона, где он лежал среди соломы и пустых бумажных конусов из-под ваты. Мальчугана тут же вырвало густым розовым сиропом.

— Хочу картошки! — выпалил Эмиль, вытирая рот ладонью.

Амонет метнула в сторону Голеску еще один взгляд, от которого у бедняги в груди что-то екнуло, однако он справился с собой и вполне светским тоном сказал:

— Почему бы нам троим не пойти куда-нибудь поужинать? Я угощаю.

— Потому что уже почти полночь, кретин! — прошипела Амонет.

— Вон то кафе еще открыто, — возразил Голеску, указывая на ярко освещенный павильон на краю площади.

Амонет долго смотрела на него, потом пожала плечами.

— Помоги ему встать, — сказала она.

Голеску поднял Эмиля за шиворот и поставил на ноги.

— Идем, — сказал он. — Твоя картошка зовет нас, маленький упрямец. Не будем заставлять ее ждать.

Эмиль взял его за руку, и они вместе зашагали через площадь. Амонет, немного помедлив, двинулась следом.

Свободный столик нашелся только один, у самого входа. Час действительно был поздний, и кафе оказалось битком набито людьми в вечерних костюмах — довольно дорогих и сшитых по европейской моде. В зале стоял гул множества голосов, которые, эхом отражаясь от стен, приобретали несколько неестественное, металлическое звучание. Окинув зал сумрачным взглядом, Амонет уселась на стул и больше не обращала на окружающее никакого внимания. Она, впрочем, сняла платок и накинула на голову Эмилю, который сразу стал похож на маленькое черное привидение. Мальчик не возражал.

— Зачем ты это сделала? — спросил Голеску, предпринимая еще одну попытку завязать разговор. — По-моему, в последнее время он стал меньше бояться света.

— Будет лучше, если его никто не увидит, — коротко ответила Амонет.

— Что будете заказывать? У нас имеется превосходное мороженое для вашего малыша, — вкрадчиво сказал официант, появляясь возле правого локтя Голеску так быстро и бесшумно, словно выскочил из потайного люка в полу. От неожиданности Голеску даже слегка вздрогнул. У официанта были блестящие, как стекло, светлые глаза, аккуратные усики, похожие на полоску меха, и неподвижная, заученная улыбка.

— Вы еще подаете нормальную еду? — осведомился Голеску.

Лицо официанта даже не дрогнуло. Движением фокусника он извлек откуда-то меню и с поклоном протянул Голеску.

— Здесь вы найдете список дежурных блюд. Особенно рекомендую кровяную колбасу... Что будете пить?

— Принесите нам все самое лучшее, — распорядился Голеску. Официант снова поклонился и исчез.

— Здесь сказано, что суп «Чернина» — выше всяких похвал, — сказал Голеску, заглядывая в меню. — Кстати, официант, кажется, решил, что мы родственники. Забавно, не правда ли?.. Если ты — мадам Ай-гюптос, то я — господин... господин...

— Трепло соломенное, — промолвила Амонет, зевая во весь рот.

— Придется считать это комплиментом, — сказал Голеску, качая головой. — Кстати, здесь есть и неплохие французские блюда, Baudin Noir, к примеру... А для любителей хорошо покушать рекомендован Blutwurst*. Ты сказала, что будет лучше, если нашего вундеркинда никто не увидит... Но кто, по-твоему, может его опознать? Скажи прямо: может быть, Эмиль наследник престола, которого ты еще во младенчестве умыкнула прямо из колыбели, а?..

Амонет метнула на него острый взгляд из-под насупленных бровей, и Голеску резко выпрямился.

— Ты это серьезно?! — воскликнул он. — Впрочем, признаки вырождения слишком очевидны, чтобы можно было усомниться. Конечно же, в его жилах течет самая голубая кровь, и...

Возле стола снова материализовался официант. В руках он держал запыленную бутылку темного стекла.

— Это очень старое вино, господин, — сказал он, показывая на этикетку.

— «Эгри бикавер», — прочел Голеску. — Ладно, сойдет. Скажите, любезный, у вас есть сосиски по-венски? С нами путешествует наследный принц инкогнито, который не ест ничего, кроме этих сосисок.

— Хочу картошку! — донесся из-под платка тоненький голосок Эмиля.

— Я узнаю, что можно сделать, — не моргнув глазом, сказал половой и слегка наклонил голову. — А что закажет мадам?

Амонет подняла голову и произнесла несколько слов на языке, которого Голеску не знал. Официант же, напротив, отлично ее понял. Издав вежливый смешок, почему-то показавшийся Голеску зловещим, он черкнул что-то в блокноте, который появился у него в руках, точно по мановению волшебной палочки.

— Весьма мудро с вашей стороны, мадам. А вы, господин, уже сделали ваш выбор?

* *Baudin Noir* (франц.) и *Blutwurst* (нем.) — *кровавая колбаса*.

— Принесите-ка мне Blutwurst, — сказал Голеску. — Я, знаете ли, люблю плотно покушать.

— Разумеется. — Тот кивнул и исчез, а Голеску наклонился вперед и прошипел:

— Эй, послушай, неужели ты действительно похитила это чудо природы из какого-то королевского...

— Гляди-ка, цыганка!.. — воскликнула какая-то девица, которая как раз выходила из кафе со своим кавалером. Ее молодой человек, успевший выйти за порог, обернулся.

— Погадай нам, цыганка! — попросил он. — Скажи, будем ли мы любить друг друга до гроба?

— Будете, — буркнула Амонет. — Потому что вы оба умрете через три дня.

Девица взвизгнула и сделала жест, отводящий зло. Молодой человек пробормотал какое-то проклятье, и оба растворились в ночном мраке.

— Что это тебе взбрело в голову предсказывать людям всякие ужасы? — спросил Голеску, когда дверь за ними закрылась.

Амонет пожала плечами и налила себе бокал вина.

— А зачем мне лгать? Три дня, три часа или три десятилетия — какая разница? Смерть все равно придет к обоим. Я говорю это всем, кто спрашивает меня о будущем.

— Не удивительно, что твои дела идут не слишком хорошо, — заметил на это Голеску. — Ты должна предсказывать долгую и счастливую жизнь...

— Для чего мне лгать? — повторила Амонет.

Голеску, весьма озадаченный подобным ответом, задумчиво потянул себя за усы.

— Ну зачем ты говоришь такие вещи? — промолвил он наконец. — Зачем ты притворяешься, будто тебе все равно? Ты же не бесчувственная какая-нибудь... Ведь ты же любишь маленького Эмиля, правда?

Амонет изумленно воззрилась на него. Потом она улыбнулась, но в ее улыбке яда было больше, чем в зубах у гадюки.

— Я? Люблю Эмиля? — переспросила она. — Кто тебе сказал? Я бы скорее полюбила тебя!

Последовала пауза. Потом, словно для того, чтобы подчеркнуть презрение, прозвучавшее в ее словах, какая-то женщина у стойки бара засмеялась высоким, визгливым смехом. Голеску не выдержал и отвернулся. Его самолюбие было глубочайшим образом уязвлено, и он попытался смягчить удар, интерпретируя ее слова, интонацию и выра-

жение лица в выгодном для себя ключе. Он уже почти поверил, что только природная стыдливость помешала Амонет признаться ему в своих нежных чувствах более откровенным образом, но ему помешал официант, приблизившийся к их столику с подносом в руках.

— Вот что у нас есть для вашего молодого человека, — сказал он, артистическим жестом сдерживая салфетку с одной из тарелок. — Венские колбаски «на столбах»!

Названное блюдо представляло собой несколько сосисок на тонких деревянных шампурах, живописно торчавших из горки картофельного пюре.

— Как мило! — восхитился Голеску. — Поблагодари официанта, Эмиль!

Эмиль ничего не сказал, но потянулся к тарелке обеими руками.

— Он вам весьма признателен, — сказал Голеску, когда из-под черного платка донеслось громкое чавканье.

Перед Амонет поставили большое блюдо с шашлыком на шампурах, причем крошечные кусочки мяса были зажарены буквально до черноты, и опознать их не было никакой возможности.

— Приятного аппетита, мадам, — проговорил официант и повернулся к Голеску. — А это для вас, господин...

И он поставил на стол глубокую тарелку, при взгляде на которую Голеску заморгал и едва сдержал дрожь. На мгновение ему показалось, что Blutwurst пульсирует и корчится на подстилке из обжаренного лука и баклажан, которые, в свою очередь, напоминали кишашщих на падали личинок, но он крепко сжал зубы и, сказав себе, что это обман зрения, вызванный неверным зеленоватым светом и усталостью, решительно приступил к трапезе.

— Не забудьте, на десерт будет сладкий пирог, — предупредил официант.

— Ты тоже умрешь через три дня, — сообщила Амонет, но молодой человек только рассмеялся.

На следующий день они тронулись в путь и остановились на ночь на перекрестке двух больших дорог, где шумела другая ярмарка. Там Амонет снова гадала, а Голеску гулял с Эмилем и кормил его венскими сосисками. Наутро караван двинулся дальше и два дня спустя достиг еще одного города. Перед городскими воротами Амонет свернула с дороги на заброшенное поле и, достав из-за лифа платья небольшой кошелек, протянула Голеску.

— Иди и купи продуктов, — сказала она. — Мы подождем здесь.

Ухмыльнувшись, Голеску поднес кошелек к уху и несколько раз встряхнул.

— Негусто! — заметил он. — Но не беспокойтесь, мадам, в моем лице вы имеете мужчину, который способен обеспечить вас всем необходимым!

— И не забудь купить картошки, — добавила Амонет.

— Ну конечно, моя драгоценная, — откликнулся Голеску, улыбнувшись самой любезной улыбкой, спрыгнул с передка фургона на землю и отправился в город.

— Она вовсе не бессердечна, — говорил он себе, шагая по главной улице. — Просто ей хочется, чтобы за ней ухаживали, только и всего! Капелька внимания — вот что ей необходимо. А ведь в тебе, друг мой Голеску, таится неисчерпаемый источник обаяния! Пора прибегнуть к этому безотказному средству.

Для начала он решил привести себя в порядок. Отыскав городскую баню, он заплатил мрачному хозяину-турку необходимую сумму, разделся и прошел в залы, где его долго отпаривали, мыли, скребли, терли, мяти, снова мыли и наконец побрили. От ароматной воды, настоянной на цветках померанца, Голеску отказался, предпочтя сохранить толику естественного мужского запаха. Спросив, где находится рыночная площадь, он отправился туда.

Когда примерно час спустя Голеску покидал рынок, у него в руках действительно был мешок картошки, но не только. Кроме лука, муки, масла, моркови и сосисок он купил бутылку шампанского, коробку австрийских шоколадных конфет и букет фиолетовых астр.

Вернувшись к фургонам, Голеску сразу заметил, как удивленно раскрылись глаза Амонет, и почувствовал удовлетворение и гордость.

— Это еще зачем? — спросила она.

— Это тебе, — ответил Голеску, протягивая ей букет.

Еще никогда он не видел ее до такой степени изумленной. Амонет осторожно держала цветы на вытянутой руке, и на лице ее проступали недоумение и растерянность.

— И что мне с ним делать? — проговорила она.

— Попробуй поставить в воду, — предложил Голеску, доставая остальные покупки.

Вечером того же дня они устроили лагерь на лесной прогалине, которая, — очевидно, в виде исключения — выглядела довольно уютно и почти не была обметана старой паутиной. Когда на темном небе отчетливо проступил белый шлейф Млечного пути, Голеску ненадолго уда-

лился в фургон, чтобы взять все необходимое для приятного вечера вдвоем. Астры уже поникли, хотя и стояли в банке с водой, но шампанское и шоколад сохранились, так как лежали на самом дне его мешка. Негромко напевая себе под нос, Голеску отнес их к костру, захватив по пути пару побитых эмалированных кружек.

Амонет сидела на коротком, толстом бревне и, казалось, с головой ушла в какие-то невеселые размышления. Она не пошевелилась, даже когда совсем рядом хлопнула пробка от шампанского, хотя сидевший с другой стороны костра Эмиль вздрогнул и пригнулся. Лишь когда Голеску открыл шоколад, Амонет пришла в себя и обернулась.

— Конфеты? — удивленно спросила она. — Откуда они у тебя?

— Их принес маленький гномик с золотыми крылышками, — ответил Голеску и подмигнул. — И не надо на меня так смотреть, — добавил он. — Гномик заплатил за конфеты из своего кошелечка, в котором, между прочим, лежит без малого двадцать тысяч лей. Хочешь конфетку, моя королева? Выбирай любую! Есть с начинкой из сливок, с черешней, с имбирной крошкой...

Амонет довольно долго сидела, уставившись на коробку неподвижным взглядом, потом протянула руку.

— Почему бы нет? — проговорила она словно про себя. — Какой может быть вред от такой малости?

— А вот вино, которое дарит бодрость и веселье, — сказал Голеску, наливая шампанское в кружки. — Человеку полезно иногда расслабиться, ты согласна? Особенно если у него есть деньги.

Амонет, которая как раз открывала коробку, не ответила и даже не повернула головы, когда Голеску протянул ей кружку, до краев наполненную шампанским. Вино она выпила одним глотком, словно простую воду, и все так же не глядя вернула ему пустую кружку.

— Вот это по-нашему! Молодец, так и надо! — воскликнул Голеску. В груди у него проснулась надежда, и, решив ковать железо пока горячо, он тут же налил Амонет еще вина, но она не отреагировала. Открыв крышку коробки, Амонет как зачарованная склонилась над ней, глядя на шоколад, вдыхая его запах, словно это были не конфеты, а арабские благовония.

— О-о-о!.. — внезапно простонала она глубоким, чувственным голосом и запустила в коробку руку. Вытащив сразу три конфеты, она некоторое время рассматривала их затуманившимся взглядом, потом сжала кулак, раздавив шоколад, словно гроздь винограда. Закрыв глаза и негромко постанывая от наслаждения, Амонет слизывала с руки густую сладкую массу.

Голеску уставился на нее во все глаза. От удивления он даже пролил шампанское себе на брюки.

— Вот не знал, что ты так любишь шоколад, — проговорил он наконец.

— Откуда тебе знать? — с полным ртом откликнулась Амонет. Подняв коробку к лицу, она еще раз вдохнула запах конфет, потом подцепила языком орех в шоколаде, словно пальцами вынув его из гофрированной бумажной корзиночки.

— Ловко у тебя получается, — сказал Голеску и заерзал, двигаясь по бревну так, чтобы оказаться ближе к ней. Одновременно он протянул Амонет шампанское, но она сосредоточенно жевала орех и не обратила на него внимания.

— Пей скорее, — поторопил ее Голеску. — Иначе весь газ выйдет. Улетучится, как юность, как мечты!

Внезапно Амонет запрокинула голову назад и, немало удивив и даже напугав Голеску, громко расхохоталась. Это не был сухой, короткий смех, который он слышал прежде и которым она выражала презрение и насмешку. Это был раскатистый, громкий и такой жуткий смех, что Эмиль взвизгнул и закрыл уши ладонями. Казалось, даже огонь немного пригас и съежился, спрятав свои яркие языки под черными поленьями, а лес, темной стеной стоявший вокруг поляны, откликнулся на этот хохот исполненным угрозы эхом.

Сердце Голеску забилось быстрее. И когда Амонет выхватила у него кружку и залпом опрокинула в рот, он облизнул губы и проговорил слегка запинаящимся голосом:

— Пусть это игристое вино смоем все твои тревоги, моя бриллиантовая. Будем внимательны друг к другу, ладно? Я вижу: тебе нужен мужчина, который снял бы с этих хрупких плеч хотя бы часть забот. К счастью, у тебя есть я. Голеску готов, тебе достаточно только сказать!

Эти слова вызвали еще один взрыв безумного смеха, который неожиданно сменился утробным урчанием. Швырнув кружку на землю, Амонет выхватила из коробки еще горсть конфет и затолкала их в рот вместе с бумажными корзиночками и блестящими обертками.

Еще не веря своей удаче (еще бы, всего несколько глотков, а она уже ведет себя, как самая настоящая вакханка!), Голеску придвинулся еще ближе.

— Расскажи что-нибудь о себе, о мой нильский лотос! — проворковал он.

Амонет только хмыкнула и, жуя шоколад, искоса поглядела на него. Ее глаза озарились красным... но Голеску, хотя и испугался, все же

уверил себя, что это просто отражение пламени костра. Амонет дернула уголок рта, потом вырвала у него из руки бутылку шампанского и сделала из горлышка хороший глоток.

— Ха! — Она сплюнула в костер, который вдруг разгорелся снова. — Ты хочешь знать мою историю, толстяк? Тогда слушай... Тысячу тысяч лет назад в длинной и узкой долине на берегу большой реки лежала прекрасная, зеленая страна. Сразу за долиной начиналась великая пустыня, в которой обитали шакалы и неистовые, жестокие демоны, но Мужчина и Женщина всегда говорили мне, что если я буду послушной девочкой и не стану выходить из хижины ночью, со мной ничего не случится. А если я *всегда* буду хорошей и послушной, я никогда не умру. Я просто уйду вниз по реке, и в конце концов мне навстречу выплывет в тростниковой лодке прекрасный юноша. Он увезет меня к Солнцу, и я буду жить вечно.

Но однажды из пустыни явились Худые. Они так долго кочевали по пустыне и так долго страдали от голода и жажды, что в конце концов начали думать, будто это единственный правильный образ жизни, предначертанный богами для всех людей. Поэтому, когда они увидели наши тучные нивы и пастбища, то объявили нас Отклонением и напали, чтобы убить. Но мы были сильнее, и хотя многие погибли, мы перебили всех Худых и побросали тела в реку. И за ними никакой юноша в тростниковой лодке не приплыл, как я и думала. Но именно тогда я впервые увидела Его — и испугалась...

— Кого, драгоценная? — спросил Голеску.

— Владыку Смерть, вот кого, — ответила Амонет, и багровые отсветы пламени заплескали на ее блестящем от испарины лице. — Великого Владыку Смерть с рядами длинных и острых, как иглы, зубов и зеленой чешуей, которая сверкала под луной словно драгоценный смарагд. И еще Он не отбрасывал тени... Я никогда не видела юноши с лодкой, который отвозит послушных детей на Небо, зато я видела Его и видела Его могущество. Тогда я набрала на берегу глины и слепила маленького Владыку Смерть. Я поклонялась Ему, кормила Его мышами, птицами, ящерицами — всем, что я могла поймать и убить. «Возьми все это, — говорила я, — но не трогай меня, о Великий!»

Прошел год, и на нас снова напали пришедшие из пустыни варвары. Мы не стремились к этой войне, но она означала новую пищу для Него, и я поняла, что на самом деле миром правит только Он и никто другой. Варвары были многочисленны и к тому же гарцевали на прекрасных, быстрых конях. Они налетали, как горячий ветер пустыни, и

мгновенно исчезали, оставляя после себя трупы и сгоревшие тростниковые хижины. Мои соплеменники говорили: «Оставаться здесь опасно, мы больше не можем возделывать эти поля». Многие бежали на север, и только мои Мужчина и Женщина медлили. Они хотели забрать все, что у них было — все миски, плошки, кувшины, одежду и остальное. Во время сборов Женщина нашла мою глиняную статую. Она жестоко высекла меня и назвала ведьмой. Глиняного идола она разбила, и Он наказал ее за это. Когда мы уже шли вдоль реки, нас нагнал... нет, не юноша в лодке. Это был конный отряд варваров, которые убили Мужчину и Женщину, забрали все их вещи и поскакали дальше.

Я была не в силах помочь своим, да и не стала бы. Вместо этого я бросилась бежать. Я бежала по берегу реки и молилась Ему, прося спасти меня...

Амонет говорила теперь совсем тихо, но ее голос странным образом звучал очень молодо, хотя в нем и проскальзывали грустные нотки. Голеску, однако, чувствовал себя разочарованным. В прошлом Амонет, о котором он столько размышлял, не было, оказывается, ничего таинственного, загадочного или хотя бы романтического. Обычная история, хотя и довольно печальная. Но ему-то что за дело до какой-то древней племенной свары?.. Главное, Амонет не была ни древней жрицей, ни дочерью фараона в изгнании — она была обычной беженкой и, по большому счету, мало чем отличалась от сотен худых, изможденных женщин, которые во время войны запрудили все дороги со своими тачками и тележками, нагруженными спасенными из разрушенного дома пожитками. Таких женщин Голеску видел на своем веку, пожалуй, слишком много.

— Но все это случилось в Египте или в каком-то другом месте? И как ты спаслась? — уточнил он, как бы между прочим обвив рукой ее талию. Его голос, однако, словно разрушил какие-то чары. Амонет пришла в себя и, повернувшись в его сторону, улыбнулась такой зубастой улыбкой, что Голеску сразу почувствовал себя маленьким и беззащитным.

— Как я спаслась? — переспросила Амонет. — Очень просто. Вверх по течению реки плыла тростниковая лодочка, в которой сидел Владыка Солнце. Он пристал к берегу и забрал меня, чтобы отвезти в безопасное место. Интересно, что Солнце приплыл не за Мужчиной и Женщиной, которые были хорошими и верили в него. Он приплыл за мной, которая никогда в него не верила, и хотя я сидела с ним в лодке и слушала его рассказы о том, как прекрасно Небо, я думала, что весь мир — ложь и обман.

И я была совершенно права, что не доверяла Солнцу, толстяк. Да, я стала бессмертной, но я заплатила за это очень высокую цену. Я стала рабыней на Небесах. За мою трусость — за то, что я бежала от Смерти — меня наказали, позволив священным пчелам жалить меня снова и снова. Они кусали меня каждый день на протяжении пятнадцати лет, пока внутри меня не скопилось столько яда, что ничто больше не могло мне повредить. Когда же прошла целая тысяча лет, я настолько устала от своего рабства, что снова начала молиться Ему. Лунной ночью я выходила на берег реки, разрывала на себе одежды, обнажив грудь, опускалась на колени и просила Его прийти и забрать меня. Я кричала, и плакала, и целовала мокрый ил на берегу, мечтая только об одном — о Его белых острых зубах.

Но Он не пришел.

А Владыка Солнце отправил меня в странствие по миру, чтобы я предсказывала глупым смертным их будущее и вела дела с грабителями и убийцами... — Амонет сделала глоток из бутылки. — Потому что на самом деле Солнце — это сам Дьявол. Нет, он выглядит как самый благочестивый пастор, и ни рогов, ни хвоста у него нет, но все равно он — отец лжи.

Я очень устала, толстяк, устала работать на него и устала жить. Ничто не меняется, ничто не имеет значения. Солнце каждый день встает на востоке, а я открываю глаза и ненавижу его за это. Я ненавижу колеса фургонов за то, что они вращаются, ненавижу лошадей за то, что они везут меня туда, куда я не хочу. Но больше всего я ненавижу Его — Того, кто владеет всем миром, но не хочет заключить меня в Свои объятия!

Амонет замолчала, глядя поверх костра в темноту.

Голеску был слишком увлечен, рисуя в своем воображении образ Амонет, стоящей на берегу Нила с обнаженной грудью, поэтому ему потребовалось несколько секунд, чтобы сообразить, что рассказ подошел к концу. Встряхнувшись, он собрался с мыслями и, зарегистрировав услышанное под рубрикой «Заумные метафоры», стал искать способ вернуться к делам реального мира, которые занимали его куда больше.

— Кстати, о Дьяволе, дорогая, — сказал он, пока Амонет запихивала в рот еще пригоршню шоколада. — О Дьяволе и о тех ворах и убийцах, которых ты поминала... и которые приносят тебе краденое добро. Скажи, может быть, ты переправляешь их добычу Дьяволу?

Амонет не ответила. Механически пережевывая шоколад, она пристально смотрела в огонь.

— Я вот что имею в виду, — попытался развить Голеску свою мысль. — Что будет, если ты не станешь отдавать ему товар, а возьмешь да и продашь его в другом месте?

— Зачем мне это? — слабо удивилась Амонет.

— Чтобы стать богатой, разумеется! — воскликнул Голеску, начиная жалеть, что так сильно напоил женщину. — Чтобы не жить в нищете и избавиться от страданий!

Амонет снова рассмеялась — словно треснул молодой лед на реке.

— Деньги ничего не изменят, — сказала она. — Во всяком случае, не для меня. И не для тебя.

— Где же он живет, этот твой Дьявол? — небрежно поинтересовался Голеску. — В Бухаресте? А может быть, в Клузе или в Хуедине? Если хочешь, я мог бы поговорить с ним от твоего имени. Как насчет того, чтобы немного ему пригрозить? Вдруг мне удастся добиться изменения условий вашего, гм-м... контракта? Я, знаешь ли, умею договариваться с людьми, дорогая, и если я побеседую с этим Дьяволом как мужчина с женщиной...

Эти слова снова заставили Амонет расхохотаться, да так сильно, что она даже уронила коробку с конфетами.

— Ну, если не хочешь — не надо, — обиженно пожал плечами Голеску. — Тогда как насчет того, чтобы использовать по назначению нашего дорогого Эмиля? Мы могли бы организовать что-то вроде сеанса чтения мыслей на расстоянии, а попутно продавать приворотное зелье, средства от облысения и тому подобное. Одна птичка нашептала мне на ухо, что на этом мы могли бы сколотить приличное состояние, — добавил он вкрадчиво.

Смех Амонет прервался, а верхняя губа чуть приподнялась, обнажая испачканные шоколадом зубы.

— Я же сказала — нет. Эмиль — это секрет.

— Но от кого мы его прячем? — поинтересовался Голеску.

Амонет только покачала головой, потом пошарила в траве и, подобрав коробку, выудила из нее последние несколько конфет с ликером.

— Я не хочу, чтобы Он узнал... — проговорила она вполголоса. — Потому что тогда Он отнимет паренька у меня и... Но ведь это нечестно! Это я нашла его. Дурак надутый!.. Он ищет под холмами, сторожит возле полян, где лунными ночами танцуют феи, словно все эти сказки — истинная правда, а ведь достаточно было просто заглянуть в приют для умалишенных. Попечитель мне так и сказал: у нас, мадам, содержится малолетний гений, который вообразил себя вампиром. Я

попросила позволения взглянуть на него и, как только его увидела, то сразу поняла, что за кровь течет в его жилах. Эти большие глаза, непропорционально большая голова, и прочее... Ошибиться было невозможно. Это был тот самый святой грааль, о котором мечтал Эгей, но нашла его я! Почему же я должна кому-то его отдать? Если найти способ, можно...

«Еще одна чертова метафора!» — подумал Голеску.

— Кто этот Эгей? — спросил он. — Может, это настоящее имя твоего Дьявола?

— Ха! Конечно, Ему бы хотелось, но... Из двух зол выбирай меньшее, а из двух дьяволов... — речь Амонет сделалась нечленораздельной, но, прислушавшись, Голеску усомнился в своем первоначальном выводе. Протяжные гласные и звонкие согласные звуки определенно складывались в слова какого-то незнакомого и древнего языка.

«Еще немного, и она отключится, а я опять ничего не узнаю!» — сообразил он.

— Уже поздно, красавица, пойдем лучше баиньки, — проговорил Голеску самым оболстительным голосом и плотнее прижал Амонет к себе, одновременно пытаясь просунуть руку ей под одежду.

В следующее мгновение он уже лежал на спине, а над ним возвышался кошмарный призрак: огненные глаза и зубы, черная тень крыльев за спиной, вздетые для атаки когти. Он еще услышал пронзительный вопль, от которого кровь стыла в жилах, потом что-то с силой ударило его в лоб, и бархатная чернота взорвалась яркими электрическими искрами.

Когда Голеску очнулся, лес вокруг поляны еще тонул в серых предрассветных сумерках, но звезды в тускло-синем небе уже погасли. Морщась от боли, Голеску с трудом сел. Его одежда насквозь промокла от росы, в висках стучало, к тому же ему никак не удавалось сконцентрировать взгляд на окружающих предметах.

Но туман перед глазами скоро растаял, и Голеску увидел тонкий султан дыма, поднимавшийся над кучей золы и углей. С другой стороны погасшего костра скорчился на земле Эмиль. Он сидел там же, где и вчера, и, тихонько похныкивая, со страхом наблюдал за разгоравшейся на востоке розовой полоской зари.

— Всемогущий Господь и все Его ангелы! — простонал Голеску, нащупав на лбу порядочную шишку величиной с гусиное яйцо. — Что случилось, а?

Эмиль не ответил, и Голеску обратился к собственным воспомина-

ниям, которые после удара по голове пребывали в некотором беспорядке. Ему казалось, что все шло как по писаному, однако наливавшаяся болью гуля над глазом ясно указывала на то, что он чего-то недоучел. С другой стороны...

Эмиль, заломив руки, заплакал громче.

— Что, черт поberi, с тобой такое? — раздраженно спросил Голеску и встал на четвереньки.

— Солнце!.. — всхлипнул Эмиль, не отрывая взгляда от алого зарева над верхушками деревьев.

— Почему же ты не надел свой защитный костюм, а? — проговорил Голеску и выпрямился во весь рост, но тут же зашипел от боли и схватился за голову. — Скажи мне, маленькая бессмертная тварь, что произошло вчера? Мне повезло, и я уложил твою хозяйку или... или она уложила меня? И вообще, куда она подевалась?

В ответ Эмиль снова всхлипнул и закрыл лицо ладонями.

— Ну ладно, идем, я отведу тебя назад, в твой уютный, теплый гробик, — сказал Голеску, стряхивая с одежды грязь и приставшие травинки. — Вставай!

Мальчуган поднялся и подковылял к нему. Голеску отвел его к фургону, посадил на передок и, вскарабкавшись сам, отворил дверь. Эмиль бросился внутрь и в мгновение ока исчез в ящике под кроватью. При этом он довольно громко хлопнул дверцей, и куча тряпья на кровати зашевелилась. В следующую секунду Амонет резко села на кровати, гневно глядя на Голеску.

Их глаза встретились, и Голеску понял: Амонет тоже не помнит подробностей вчерашнего вечера. От радости у него с новой силой разболелась голова, но он сумел выдавить из себя улыбку.

— Милль-пардон, мадам, — пробормотал он с легкой тенью упрека в голосе. — Я лишь позволил себе уложить спать бедняжку Эмиля — ведь вы оставили его одного на улице на всю ночь!

Он поднял руку, чтобы приподнять шляпу, но шляпа осталась где-то возле костра.

— Пшел вон! — рявкнула Амонет.

— Сей секунд, мадам, сей секунд!.. — Голеску не заставил просить себя дважды и попятился, стараясь, впрочем, сохранять достоинство. Выбравшись из фургона, он внимательно огляделся по сторонам и увидел свою шляпу, которая застряла в кусте терна ярдах в десяти от костра.

— А как славно мы могли бы провести вечер вдвоем! — произнес он вслух и осклабился. — Эх, Барбу, душа моя, ведь насчет женщин ты и

сам сущий дьявол, да только кое-кто этого не понимает!.. Пока не понимает!

И хотя ему казалось, что его голова вот-вот лопнет, он не переставал улыбаться все время, пока собирал сучья и разжигал костер.

Во все праздники поминовения святых и на больших осенних ярмарках Амонет ставила свои черные фургоны рядом с ярко раскрашенными кибитками других путешественников и принималась за гадание. Второй фургон снова начал наполняться крадеными сокровищами, и Голеску спал уже не на полу, а на кучах ковров и гобеленов. Лики святых, скорбно глядевших с почерневших досок, охраняли его сон.

Амонет ни разу не заговаривала с Голеску о той памятной ночи. Это, однако, не помешало ему вообразить, будто ее отношение к нему изменилось в лучшую сторону, что, в свою очередь, приятно грело его самолюбие. Тень беспокойства в ее глазах или странная нерешительность, сквозившая порой в словах и жестах Амонет — все это Голеску подмечал и ничтоже сумняшеся относил на свой счет. В конце концов ему удалось убедить себя в том, что он видит признаки смущения, проявиться которому в полной мере мешает угрюмая, замкнутая натура Амонет.

— Она грезит обо мне днем и ночью, — ковыряя длинной палкой в костре, заявил он Эмилию однажды вечером. — На что спорим? Она хочет меня, но гордость не позволяет ей сдаться. Глупая гордость, хочешь заметить...

Эмиль, по обыкновению, не отвечал, рассеянно наблюдая за закипавшей в котелке водой, предназначавшейся для варки его вечерней порции картошки.

Потом из фургона появилась Амонет. Приблизившись к Голеску, она протянула ему листок бумаги.

— Завтра мы подъезжаем к Брашову, — сказала она. — Ты пойдешь в город и купишь все необходимое вот по этому списку.

— Но где я все это найду? — возразил Голеску, проглядев бумагу. — У придворного алхимика? Да я и половины названий не знаю! Разве вот это... — Он поднял голову и посмотрел на Амонет, изо всех сил стараясь не улыбаться. — Шоколад... Какой именно? Сливочный? Молочный? С орехами?

— Нет, — отрезала Амонет, поворачиваясь к нему спиной. — Мне нужен чистый шоколад, без всяких примесей. Посмотрим, удастся ли тебе уговорить кондитера продать столько.

— Гм-гм... — Голеску многозначительно откашлялся, но Амонет уже вернулась в фургон.

Несмотря на то, что Брашов, окруженный высокими средневековыми стенами, был довольно крупным городом, жизнь в котором была ключом, Голеску пришлось побывать в трех аптеках, прежде чем он сумел приобрести все, что хотела Амонет. А вот с шоколадом вышла осечка. Чтобы добыть его, Голеску потребовался почти час, однако, пустив в ход всю свою хитрость и терпение, он сумел убедить помощника кондитера продать ему всего лишь брикет шоколадной массы.

— Можно подумать, я предлагал этому олуху продать государственную тайну, — сказал сам себе Голеску, устало шагая прочь с небольшим полуфунтовым брикетом, завернутым в вошеную бумагу. — Пфуй! Скажу тебе откровенно, старина: сущее расточительство тратить талант и способности такого человека, как ты, на всякие пустяки. В конце концов, я не мальчик, чтобы бегать, высунув язык, и исполнять чьи-то глупые капризы!

Увы, в лагере, куда Голеску вернулся уже под вечер, его ждал отнюдь не теплый прием, на который, как ему казалось, он был вправе рассчитывать. Амонет просто выхватила у него из рук мешок и принялась рыться в нем, пока он стоял перед ней, усталый и запыленный, с ноющими ногами. Найдя сверток с шоколадом, она долго смотрела на него; время от времени по ее телу пробегала какая-то странная дрожь, ноздри слегка раздувались, и Голеску невольно подумал, что Амонет немного похожа на лошадь.

— Я подозреваю, тебе и в голову не пришло приготовить мне что-нибудь на ужин, — проговорил он наконец. — Я угадал?

Амонет еще раз вздрогнула и, подняв голову, смерила Голеску таким взглядом, словно он попросил подать ему жареного младенца под маринадом.

— Нет, нет! — воскликнула она. — Возвращайся в Брашов и поужинай там на каком-нибудь постоялом дворе. А еще лучше, сними на пару дней комнату в гостинице. Сюда вернешься на рассвете третьего дня, не раньше. Завтра и послезавтра я не должна тебя здесь видеть, понял?

— Понял, — с обидой отозвался Голеску. — В таком случае, я заберу деньги и кое-какие вещи, если не возражаешь. Надеюсь, ты не думаешь, будто я тебе не доверяю?

Вместо ответа Амонет круто повернулась на каблуках и, прижимая к груди мешок с покупками, исчезла в фургоне.

Впрочем, шагая по дороге обратно в город, Голеску немного приободрился. У него были деньги, смена одежды, а главное — за ним никто не гнался.

То, что Амонет может уехать, воспользовавшись его отсутствием, Голеску не особенно беспокоило. Странствующие ярмарочные актеры могли демонстрировать свое искусство в ограниченном числе мест, а он вращался среди них достаточно долго и хорошо знал все города и поселки, куда Амонет могла направить свои стопы. Ему оставалось только следовать маршрутами цыган, и тогда рано или поздно он непременно столкнулся бы с Амонет на одной из ярмарок. Правда, она могла оставить свое ремесло странствующей предсказательницы и поселиться где-то в одном месте. В этом случае разыскать ее было бы так же сложно, как найти яйцо в сугробе. Или как чернильницу в погребке. Или как... Почти милую Голеску развлекал тем, что придумывал подходящие сравнения.

В Брашов он вернулся, когда на город уже пали ранние осенние сумерки. Немного побродив по улицам, Голеску остановился перед низкой темной дверью, сколоченной из толстых дубовых досок. Над дверью не было никакой вывески, но этого и не требовалось, ибо идущий из-за двери запах вина и крепких напитков был достаточно красноречив. Голеску толкнул дверь и, низко наклонившись под притолокой, вошел в полутемный зал. Когда его глаза привыкли к полумраку, он увидел то, что ожидал увидеть: низкий закопченный потолок, потемневшие бочки, стойку бара и несколько столиков.

— Большую рюмку шнапса, — сказал Голеску, подходя к стойке, за которой стоял трактирщик с печальным лицом. В зале было немногочисленно, за столиками сидели всего несколько человек. Кто-то подозрительно покосился на Голеску, кто-то не обратил на него никакого внимания. Двое или трое и вовсе не пошевелились: уткнувшись лицом в стол рядом с недопитыми стаканами, они казались мертвыми. Относительно трезвыми были только двое перегонщиков скота, стоявших у самой стойки. Потягивая пиво, они разговаривали о чем-то своем. На всякий случай Голеску улыбнулся всем вместе и никому в отдельности и, бросив на стойку монету, понес свой шнапс к одному из пустующих столиков.

— ...Теперь его повсюду ищут, — сказал один гуртовщик другому. — Он продавал людям какое-то снадобье, от которого куры должны были откладывать особенно крупные яйца.

— Кто-нибудь погиб? — спросил второй перегонщик.

— Точно не знаю. Мне рассказывали только, что большинство тварей застрелили, прежде чем они успели кого-то прикончить.

Стараясь не привлекать к себе внимания, Голеску привстал и повернулся к стойке спиной. Потом он поднес к губам бокал и, случайно подняв глаза, наткнулся на взгляд какого-то человека, сидевшего в дальнем, темном углу.

— Ваше здоровье, — машинально сказал Голеску и выпил.

— Что у тебя в мешке? — спросил незнакомец.

— Ничего особенного, господин. Мамочка послала меня на ярмарку купить хлеба, — ответил Голеску, фальшиво улыбаясь.

Человек в углу поднялся и шагнул к его столу. Голеску невольно отпрянул, но незнакомец уже подсаживался за его стол.

Это был пожилой, очень худой мужчина в потертой и пропыленной куртке, застегнутой на все пуговицы. Он был совершенно лыс, черты его лица заострились и приобрели слегка восковой, как у трупа, оттенок, да и пахло от него чем-то вроде мертвечины, однако его взгляд оставался пристальным и властным. Казалось, глаза незнакомца горят и переливаются в полутьме, словно жемчужины, сходство с которыми усиливалось еще благодаря тому, что они были чуть мутноватыми, как у слепых.

— Ты, кажется, путешествуешь с мадам Айгюптос? — поинтересовался старик.

— А кто это? — вопросом на вопрос ответил Голеску, ставя свой бокал на стол.

Мужчина смерил его насмешливым взглядом.

— Разве ты не знаешь? — проговорил он. — А вот я знаю ее достаточно хорошо. Я, видишь ли, часто переезжаю с ярмарки на ярмарку и... Короче, я видел, как ты крутился возле ее фургонов. Ты получаешь для нее разрешения в магистрате и исполняешь другие поручения, не так ли? Можешь не отвечать — я знаю, что это так. Я следил за вами обоими.

— Должно быть, вы просто перепутали меня с кем-то другим, — возразил Голеску. — Правда, людей с такой неординарной внешностью, как у меня, немного, но ведь могли же вы обознаться?

— Пф! — Старик пренебрежительно махнул рукой. — В свое время я тоже гнул на нее спину. Всегда найдется мужчина, который будет ходить перед ней на задних лапках и служить, словно верный раб.

— Послушай, старик, я никому не служу, — грубовато сказал Голеску, но в глубине души ощутил легкий укол ревности. — Кроме того, она просто слабая, одинокая женщина...

Старик расхохотался. От натуги у него даже что-то закрипело и заклокотало внутри.

— Скажи, она все еще собирает барахло для Дьявола?

— Для какого такого дьявола? — Голеску откинулся на спинку стула и скроил недоверчивую гримасу.

— Для ее хозяина. Однажды я видел его... — Старик поднял руку и рассеянно прихлопнул муху, которая села ему на щеку. — Как-то во время войны солдаты разграбили мечеть. Среди прочего они захватили великолепную золотую лампу. Амонет выкупила ее у них за кругленькую сумму, хотя истинная цена лампы была, конечно, гораздо больше. Вещь была не особенно тяжелой, но довольно громоздкой, поэтому Амонет все время боялась, как бы ненароком не повредить тонкую работу. Когда мы приехали под Тейфельберг, Амонет взяла меня с собой, чтобы я помог ей выгрузить лампу; тогда-то я и увидел Дьявола. Он ждал нас на границе со своими длинными фургонами. Выглядел он точь-в-точь как преуспевающий саксонский фабрикант, но мне показалось...

— Извини, приятель, я понятия не имею, о чем ты говоришь, — перебил Голеску. Потом он перевел дух и добавил небрежно: — Впрочем, мне приходилось слышать о некоем короле воров, который, вероятно, известен в определенных кругах под кличкой Дьявол. Может быть, такой человек действительно существует? Может быть, речь идет о каком-то весьма влиятельном лице, которому достаточно одно слово сказать, и продажные чиновники, которым он платит, бросаются исполнять любые его желания? Если дело обстоит именно так, то он, конечно, способен собрать огромные богатства, не пошевелив и пальцем!

Старик крякнул.

— Ты думаешь, что вычислил его, — сказал он. — И надеешься, что в его шайке найдется местечко и для парня с хорошо подвешенным языком, не так ли?

Голеску, застигнутый врасплох, несколько мгновений смотрел на своего собеседника, потом медленно поднял к губам рюмку с остатками шнапса.

— Ты... ты умеешь читать мысли? — проговорил он наконец.

— Нет. — Старик покачал головой. — К сожалению, нет. Просто я был таким же, как ты. Таким же глупцом! — Чтобы подчеркнуть свои слова, он даже стукнул кулаком по столу, но звук получился слабый, словно ударили не рукой, а пустой перчаткой. — Как и ты, я думал, что сумею сколотить состояние или, на худой конец, смогу использовать ее, чтобы подняться как можно выше в этой воображаемой воровской иерархии. Как же я ошибался!.. Я понятия не имел, что же происходит на самом деле...

— Что же происходит на самом деле, дедушка? — спросил Голеску и заговорщически подмигнул трактирщику, словно призывая его в свидетели: гляди, мол, дед-то совсем с ума спятил! Но трактирщик только пожал плечами и отвернулся со скучающим видом. Старик же то ли ничего не заметил, то ли не обратил внимания на пантомиму Голеску.

— Это не люди, а *стрегои* — духи, пробравшиеся в наш мир. Я вижу: ты не веришь, ты смеешься, но это правда. Правда и то, что их не интересует твоя бессмертная душа — им нужно кое-что другое. Они охотятся за драгоценностями, за красивыми или редкими вещами, древними книгами, рукописями. Где бы ни шла война, они тут как тут: сторожат, вынюхивают и крадут все, что могут, когда победившая армия грабит захваченные города. Даже в мирное время они заранее знают, какой из домов должен сгореть дотла, и появляются за день или за два до пожара, чтобы успеть вынести все ценное. Они слоняются по улицам вокруг обреченного здания и — Боже! — как же сверкают их неземные глаза. Они дожидаются лишь подходящего момента, чтобы пробраться внутрь и забрать картины, книги, резные украшения и прочее — все, что может представлять какую-либо ценность, — до того как их уничтожит огонь. А иногда они забирают и детей!..

Она тоже из них, из стрегов, но она слишком стара и ленива. Амонет ничего не делает сама, а скупает краденое у воров и грабителей. Но Дьяволу это безразлично. Он просто забирает все, что она привозит, а Амонет — мадам Айгюптос — снова отправляется в путь, с ярмарки на ярмарку, и даже убийцы крестятся, когда на них падает тень ее черных фургонов. Это, впрочем, не мешает им выгодно сбывать ей редкие безделушки... Скажи, разве не так?

— Ну а тебе-то что от нее нужно, дед? — спросил Голеску, слегка подаваясь вперед.

— У Амонет есть тайна, — сказал старик. — Некая секретная вещь. Я расскажу тебе все, что мне о ней известно, ты украдешь ее, принеся сюда, и мы поделимся. Скажи, ты хотел бы быть вечно молодым?

— Кто же не хочет? — усмехнулся Голеску. — Только вечной молодости не существует. Это сказки.

— Сказки, говоришь? — Старик улыбнулся, но его улыбка напоминала оскал черепа. — Я вижу, ты плохо знаешь мадам Айгюптос. Однажды я подсмотрел, как она готовит для себя Черную Чашу. Скажи, она все еще возит с собой чемоданчик из папье-маше, выполненный в форме футляра для египетской мумии? Чемодан, где хранятся разные порошки и снадобья?

— Да, — выпалил Голеску, от неожиданности позабыв об осторожности.

— С их помощью она это и делает! — торжественно заявил старик. — Горсточка того, щепотка этого... Она смешивает много всяких снадобий, и хотя я следил за ней много лет, но так и не узнал всех ингредиентов и их точного количества. Винный спирт — да, но не только. Она кладет в свою Черную Чашу много странных веществ, например — мышьяк или простую краску. Потом она выпивает состав и плачет или кричит так, словно умирает. Но на самом деле она не умирает — напротив, она все живет и живет. Это мое время ушло, пока я подглядывал в замочную скважину за ее жизнью. Я много раз мог убежать от нее, но остался и продолжал впустую тратить годы и годы, надеясь узнать ее тайну.

Однажды ночью она поймала меня за подглядыванием и прокляла. Только тогда я убежал. Несколько лет я скрывался: думаю, теперь она уже позабыла меня, но я не забыл. И когда я снова увидел ее в Арже — и тебя вместе с ней, то подумал: вот мой шанс. Этот человек мне поможет.

Итак, ты должен украсть Черную Чашу, когда Амонет приготовит ее в очередной раз, и принести ее мне. Я поделюсь с тобой. Мы выпьем из Чаши и никогда не умрем. И станем богатыми, как короли!

— Ты спятил, старик! — воскликнул Голеску с наигранным возмущением. — Предлагать мне такое! Неужели ты думаешь, что я способен предать женщину, которую я люблю?! Значит, я должен поверить в эту невероятную историю и совершить низкий и бесчестный...

Старик, которого собственный рассказ привел в состояние крайнего возбуждения, не сразу осознал смысл слов Голеску. Наконец он моргнул и окинул собеседника презрительным взглядом.

— Ты любишь мадам Айгюптос? — переспросил он. — В таком случае я тратил свое красноречие на идиота!

С этими словами старик поднялся на ноги, собираясь уходить, и Голеску поспешно схватил его за рукав.

— Ну ладно, дедуля, не кипятись! — произнес он примирительным тоном. — Я же не сказал, что не верю тебе... Должен признаться, однако, что еще никогда не слышал ничего более удивительного. Чем ты докажешь, что все это не выдумка?

— Да пошел ты!.. — огрызнулся старик и, вырвав руку, сделал шаг прочь от стола.

— Как долго ты был с ней? — спросил Голеску, привставая на стуле, чтобы удержать собеседника.

— Она взяла меня из сиротского приюта в Тимишоаре, когда мне было десять лет, — сказал старик со злобной гримасой.

Голеску, пораженный, снова упал на стул, а старик бросился к выходу и исчез в ночной тьме.

Несколько мгновений Голеску приходил в себя, потом допил шнапс и поспешил вдогонку. Выйдя из таверны, он поглядел сначала налево, потом направо. Полная луна только что поднялась над крышами домов, и в ее ярком свете улица была видна как на ладони — только тени казались особенно плотными, словно вырезанными из черного картона. Где-то вдали выла собака — во всяком случае, это было очень похоже на собаку, но странный старик исчез.

Голеску поехал и пошел отыскивать постоянный двор подешевле.

Гостиница, в которой он остановился, действительно слыла одной из самых дешевых, и все же Голеску было приятно после долгого перерыва снова спать на нормальной кровати, на чистых, хотя и ветхих простынях. Утром, наслаждаясь горячим кофе и сладким рулетом, он чувствовал себя миллионером на отдыхе. Голеску давно взял за правило не слишком задумываться над разного рода тайнами, какими бы важными и жуткими они ни казались, и теперь, при свете дня, ему было гораздо проще считать вчерашнего старика обыкновенным сумасшедшим. Он уже давно заметил, что Амонет пользовалась не самой лучшей репутацией у тех, кто кочевал вместе с ней по дорогам, но ему-то что за дело?..

После завтрака Голеску отправился на прогулку. Позвякивая в кармане монетками, он шагал по улицам Брашова с таким видом, словно весь город принадлежал ему. На площади перед зданием городского муниципалитета его внимание привлек невысокий помост, явно сооруженный на скорую руку. На помосте громоздились корзины, сундуки, ящики и коробки, набитые каким-то разносортным барахлом, где лениво копалось около десятка горожан. Помост, возле которого стояли два каких-то жалких субъекта в кандалах, охраняли несколько полицейских.

— Распродажа имущества должников, если не ошибаюсь? — величественно осведомился Голеску у старшего полицейского.

— Совершенно верно, господин, — подтвердил тот. — Обанкротилась труппа странствующих комедиантов. Эти двое — бывшие антрепренеры труппы. Правильно я говорю, а?! — внезапно рывкнул полицейский и ткнул одного из узников кончиком дубинки.

— К несчастью, так, — уныло отозвался бедолага. — Благоволите, господин, подняться на помост: быть может, что-то вам приглянется. Помогите уменьшить наш долг, и пусть наша судьба послужит вам предостережением. Помните, что у дьявола в аду есть специальный кол для нечистых на руку казначеев и бухгалтеров.

— Весьма вам сочувствую, — сказал Голеску и быстро вскарабкался на помост.

Первым, что попало ему под руку, была вешалка с театральными костюмами, украшенными блестящей мишурой и перьями. Некоторое время Голеску перебирал их, надеясь отыскать себе что-нибудь элегантное, но единственным костюмом, подходившим ему по размеру, оказался камзол из алого бархата и короткие штаны того же цвета. Усмехнувшись, Голеску стал снимать костюм с «плечиков» и обнаружил остроносые туфли из красной кожи, привязанные к вешалке шнурками. Здесь же болталась картонная бирка, на которой было небрежно нацарапано: «Фауст, I — II».

— Да ведь это никак костюм Дьявола! — пробормотал Голеску, и глаза его сверкнули. Его осенила блестящая идея. Перебросив красный костюм через руку, он продолжил поиски. В «Фаусте», поставленном бродячей актерской труппой, был предусмотрен целый штат второстепенных чертей (очевидно, они нужны были для пушей зрелищности), так как Голеску попало три или четыре детских костюмчика, состоявших из черных акробатических трико, чулок и капюшонов с крошечными рожами. Один из них — тот, который был трачен молю меньше других — Голеску тоже взял себе. В корзине рядом он разыскал дополнявшие мефистофельский костюм чулки и плотно прилегающую к голове шапочку, а в коробке с реквизитом и сделанными из папье-маше масками наткнулся на позолоченную деревянную арфу, на которую вместо струн были натянуты простые нитки. Ее Голеску тоже прибавил к куче отобранных вещей. Уже под конец ему попался на глаза бутфорский гроб, который лежал на боку между двумя составленными «домиком» декорациями. Хихикая себе под нос, Голеску вытащил гроб из щели, сложил в него свои покупки и поволок через помост к продавцу-распорядителю.

— Я это беру, — сказал он важно.

К тому времени, когда Голеску, насвистывая какую-то веселую песенку, добрался до гостиницы, у него в голове начал складываться примерный план собственной пьесы. Поднявшись в комнату, Голеску выложил на кровать свои покупки и некоторое время сосредоточенно раз-

глядывал. Потом надел костюм Мефистофеля (он оказался ему как раз впору, только туфли немного жали) и попытался рассмотреть себя в небольшом зеркале для бритья, висевшем над умывальником. Результатами осмотра Голеску остался доволен, хотя чтобы увидеть себя целиком, ему приходилось отходить в дальний конец комнаты.

— Ну, против этого ей нечего будет возразить! — воскликнул Голеску. — Такое великолепие! Плюс глубокие познания в классической литературе, что не может не служить косвенным указанием на богатую эрудицию... Да, черт меня возьми, в таком виде и в самой Вене появиться не стыдно. Но даже если она будет возражать, ты сумеешь убедить ее, Голеску, не так ли?.. Ведь ты же *чертовски* обаятельный парень!

Придя в хорошее настроение, Голеску, не скупясь, заказывал за ужином самые дорогие блюда. В промежутках между салатом из огурцов, сарамурэ* и вином он сочинял речи столь изящные и убедительные, что к концу второй бутылки растрогался чуть не до слез. Наконец он поднялся и, слегка покачиваясь, начал медленно взбираться по лестнице, которая вела из обеденного зала к комнатам на втором этаже. Как раз в этот момент входная дверь распахнулась, и с улицы в обеденный зал вошли несколько мужчин.

— Эй, кто здесь? — крикнул один. — Скорее сюда! Садись, бедняга, тебе нужно срочно выпить чего-нибудь покрепче, — добавил он, обращаясь к одному из своих товарищей, который грузно опирался на плечи остальных. — Кровь остановилась?

— Почти. Эй, осторожно, нога!

— Вы убили обоих?

— Одного точно убили. Пришлось стрелять трижды, и все три раза серебряными пулями — только после этого он свалился. Голову мы отрезали, она валяется где-то в фургоне. Видел бы ты...

Что было дальше, Голеску не слышал. Он как раз добрался до первой площадки, где лестница поворачивала; кроме того, он слишком сосредоточился на обдумывании пьесы, чтобы обращать внимание на болтовню проезжих охотников.

Голеску был настолько уверен в успехе своего замысла, что уже на следующий день отправился в типографию и заказал пачку рекламных объявлений, которые печатались, пока он сидел в ближайшей таверне

* *Сарамурэ* — румынское национальное блюдо: жареный на углях соленый карп или селедка.

с бутылкой сливовицы. Готовые объявления его, впрочем, несколько разочаровали: выглядели они далеко не так броско, как он рассчитывал, зато были украшены множеством жирных восклицательных знаков.

К тому моменту, когда перед рассветом третьего дня Голеску покидал гостиницу, сценарий пьесы окончательно оформился у него в голове. Зевав во весь рот, Голеску спустился на первый этаж и, поставив на пол гроб и сумку, полез в карман, чтобы расплатиться за комнату.

— А это вашим помощникам на чай, добрейший хозяин, — сказал он, бросая на прилавок пригоршню мелких медных монет. — Обслуживание было выше всяких похвал.

— Да пребудут с вами молитвы всех святых, господин, — без воодушевления отозвался хозяин. — Кстати, не хотите ли оставить ваш новый адрес на случай, если вас будут спрашивать?

— Да, конечно, спасибо, что напомнили. Если у вас остановится мой друг эрцгерцог, передайте ему, что я буду ждать его в Париже, — сказал Голеску. — Я, знаете ли, занимаюсь постановкой опер; приходится много путешествовать.

— В таком случае не прикажете ли нанять для вас карету? — осведомился хозяин. — Таковую, знаете, с золотыми колесами?

— Наверное, не стоит, — сказал Голеску, мило улыбаясь. — До Предила я и пешком как-нибудь доберусь. Там меня уже ждет мой хороший знакомый со своим экипажем.

— Вы собираетесь идти пешком? — Скептическая гримаса на лице владельца гостиницы сменялась неподдельным интересом. — В таком случае, будьте осторожны. Говорят, в окрестностях города появилось еще одно чудовище!

— Чудовище?.. — переспросил Голеску и погрозил хозяину пальцем. — Знаете, мой друг, если бы я верил в подобные истории, то никогда бы ничего не добился и не стал бы тем, кем стал!

И, закинув на плечо гроб и подобрав сумку, Голеску вышел за дверь.

Несмотря на то, что раннее утро выдалось довольно прохладным, он успел здорово вспотеть, пока добрался до городских окраин. Когда же Голеску миновал городские ворота и зашагал по проселочной дороге, его радужное настроение уступило место легкой озабоченности. Тем не менее он снова просиял, когда увидел, что фургоны стоят на прежнем месте, а стреноженные лошади мирно пасутся на поляне неподалеку. Сбросив свою ношу на траву, Голеску взобрался на передок фургона Амонет и, стукнув кулаком в дверь, крикнул:

— Доброе утро, сони! Дядюшка Барбу вернулся!..

Ни звука в ответ.

— Эй?..

Из-за двери послышался чуть слышный, тоненький писк.

— Это я! — крикнул Голеску и толкнул дверь. Она оказалась не заперта, и Голеску осторожно заглянул внутрь.

В фургоне стоял какой-то очень резкий запах: сильно и густо пахло специями, карамелью и, кажется, кровью. Вытащив носовой платок, Голеску закрыл им рот и нос и, наклонившись вперед, всмотрелся в царивший в фургоне полумрак.

Амонет, полностью одетая, лежала, вытянувшись, на своей койке. Ее руки были скрещены на груди, словно у покойницы. Глаза ее были закрыты, кожа казалась серой, будто зола, но лицо выражало такое неземное блаженство, что Голеску поначалу не понял, кто лежит перед ним. Бочком протиснувшись в дверь, он шагнул к кровати и наклонился над ней.

— Мадам?.. — Он коснулся руки Амонет. Ее плоть показалась ему неподатливой и холодной, как камень.

— О-о-о!.. — вырвалось у Голеску. Амонет казалась ослепительно прекрасной, ибо смерть (а как еще можно было назвать ее состояние?) стерла с ее лица выражение всегдашней настороженности, враждебности и тоски. Это было так неожиданно и непривычно, что Голеску невольно попятился и вдруг услышал какой-то стук. Что-то упало с кровати и покатилося по полу. Наклонившись, Голеску увидел у самых своих ног вырезанный из какого-то темного камня кубок на высокой ножке. Сначала он показался Голеску пустым, но потом по его внутренней поверхности сползла вниз и замерла у самого ободка густая черная капля.

— Черная Чаша... — пробормотал Голеску и несколько раз моргнул, чувствуя себя в точности как тот комический персонаж, который получил по лицу кремовым тортом. Только потом до него дошло, что тоненький писк, который он слышал с самого начала, доносится из-под кровати Амонет. Вздыхнув, он наклонился и, пошарив в ящике, вытащил оттуда Эмиля.

— Ну, давай вылезай скорее, червяк! — проговорил он.

— Я хочу есть, — сообщил Эмиль.

— Это все, что ты можешь сказать? — удивился Голеску. — Королева Печали отошла в лучший мир, а ты только и думаешь о том, как бы набить брюхо?

Эмиль не ответил.

— Что тут произошло? — требовательно спросил Голеску. — Амонет покончила с собой?..

— Ее убила Черная Чаша, — нехотя пробормотал мальчуган.

— Да, я догадался, что в чаше был яд, это и младенцу понятно. Я имел в виду — почему? Почему она это сделала?

— Она хотела умереть, — сказал Эмиль, тщательно подбирая слова. — Она была очень, очень старой, но умереть никак могла. Тогда она сказала мне: «Сделай яд, который бы наверняка меня убил». Каждый месяц я готовил для нее новый состав, но он ни разу не сработал. Тогда она сказала: «Что если попробовать теобромин?». Я попробовал, и все получилось. Перед смертью она смеялась.

Голеску долго стоял неподвижно, глядя себе под ноги, потом сделал шаг назад и с размаху опустился в старенькое кресло.

— Мать пресвятая Богородица! — со слезами на глазах пробормотал он. — Значит, старик не лгал!.. Амонет и вправду была бессмертной!

— Я есть хочу, — напомнил Эмиль.

— Но как можно устать от жизни? — не слушая его, размышлял Голеску. — Ведь так приятно есть мягкий хлеб со сливочным маслом... Или спать... Или заставлять других верить тебе, какую бы чушь ты ни нес... Жизнь дает человеку множество удивительных возможностей и захватывающих переживаний — и лишиться всего этого по собственной воле?.. Не понимаю! Амонет крупно повезло, но она сама отказалась от своего счастья!

— Они не знают счастья, — сказал Эмиль.

— Кто это — они? — спросил Голеску, удивленно уставившись на мальчика. — И кто *ты* такой?.. Ты угадываешь числа, готовишь магические зелья... Быть может, ты способен изготовить и лекарство, дающее бессмертие?

— Нет, — сказал мальчуган.

— Ты уверен?

— Да.

— В самом деле, что это я?.. — Голеску потер подбородок. — Что ты можешь знать, ты же идиот! С другой стороны... — Он бросил еще один взгляд на Амонет, чья застывшая улыбка пугала его все больше. — Может быть, она действительно заключила сделку с дьяволом. Может быть, вечная жизнь совсем не такая, какой мы ее представляем, потому что иначе гадалка не стремилась бы избавиться от нее во что бы то ни стало. Эй, а что это у нее в руке?

Наклонившись над Амонет, он с трудом разжал ее стиснутые пальцы. Из кулака Амонет торчала заостренная мордочка какого-то грубо

вылепленного из глины существа, в котором Голеску без труда узнал крокодила.

— Хочу картошки! — снова захныкал Эмиль.

Голеску содрогнулся.

— Сначала нужно выкопать могилу, — ответил он.

В конце концов ему пришлось копать могилу самому, поскольку Эмиль, одетый для защиты от солнца в плотный клеенчатый плащ и очки, был не в состоянии работать лопатой.

— Покойся с миром, моя прекрасная незнакомка, — пробормотал Голеску, становясь на колени, чтобы опустить закутанное в простыню тело в могилу. — Я бы уступил тебе гроб, но он нужен мне самому. Кроме того, этот облегающий саван очень тебе идет. Впрочем, я думаю, тебе это уже безразлично.

Встав на краю могилы, он снял шляпу и немного помолчал. Потом поднял глаза к небу и добавил:

— О, святые ангелы! Если это несчастное создание действительно продало душу дьяволу, пожалуйста, не обращайте внимания на мои слова. Но если у бедняжки есть хоть малейший шанс избежать вечно-го проклятия, прошу вас: не покиньте ее и проведите ее душу в рай хотя бы через черный ход. Да, чуть не забыл: обещаю, что отныне буду вести более добродетельную жизнь. Аминь.

Он надел шляпу, подобрал лопату и быстро забросал могилу землей.

Вечером после похорон Голеску немного всплакнул. Он оплакивал Амонет или, если быть точным, свои надежды на бессмертие, потерянные, как ему казалось, навсегда. Ночью Амонет привиделась ему во сне. Но утром, когда лучи бледно-розового солнца пробились сквозь дым, поднимавшийся из множества дымоходов Брашова, Голеску уже улыбался.

— Теперь я владею четырьмя лошадьми и двумя вместительными фургонами, — сказал он Эмилю, разводя огонь под котелком с картошкой. — От таких подарков судьбы не отказываются, не так ли? Кроме того, у меня есть ты, несчастное, забытое дитя... Слишком долго твой свет был сокрыт от мира!

Эмиль никак не отреагировал, неподвижно глядя на котелок сквозь очки. Голеску густо намазал ломоть хлеба вареньем и откусил большой кусок.

— Бухарест! — воскликнул он с полным ртом. — Константинополь! Вена! Прага! Берлин! Мы будем ходить по главным улицам величайших

городов мира, и золото так и посыплется в наши карманы. Вся картошка, какую ты только пожелаешь, будет твоей, и подавать ее тебе будут на лучшем ресторанном фарфоре. Что касается меня, то... — Голеску проглотил хлеб. — Меня, мой милый, ждет жизнь, для которой я был рожден. Слава. Уважение. Прекрасные женщины. Вино. Финансовые затруднения уйдут в прошлое, превратятся в простые воспоминания.

Ты спросишь, откуда все это возьмется? Все очень просто, мой друг. Мы с тобой способны дать широким народным массам то, в чем они так нуждаются. Как ты думаешь, что пугает обычного человека на протяжении всей жизни? Я тебе скажу. Люди боятся старости, боятся бесилия и болезней, боятся одиночества и бесплодия. И они готовы щедро платить всякому, кто избавит их от этого кошмара. О, Эмиль, тебя ждет большая работа, но и награда будет, э-э-э... соответствующей.

Эмиль повернул к нему свое лишенное выражения лицо.

— Работа? — повторил он бесстрастно.

— Угу, — подтвердил Голеску и ухмыльнулся. — Твои колбы и реторты, твои химикаты и порошки, а главное — твой гений! Черт с ними, с цыплятами! Мы с тобой — ты и я — совершим много других действительно прекрасных дел, и грядущие поколения будут чтить нас как героев. Я думаю, мы станем даже более известными, чем Прокруст!...* Если ты не в курсе, так звали одного грека, который украл с неба огонь и отдал людям.

Впрочем, ты можешь не беспокоиться, мой маленький друг. Твои скромность и любовь к уединению заслуживают всяческого уважения, поэтому я готов принять на себя все бремя славы, чтобы ты мог оставаться в тени — в буквальном и переносном смысле. Чтобы отвлечь от тебя докучное внимание толпы, мне, пожалуй, следует взять себе другое, более звучное имя. Знаешь, я уже решил, что отныне стану зваться... — Голеску повернулся к Эмилю и закончил драматическим шепотом: — Профессор Гадес!

Наконец наступил базарный день, и в Брашове появились разноцветные кибитки странствующих артистов и циркачей. В час, когда на улицах было особенно многолюдно, в город въехал и Голеску. Он двигался нарочито медленно, чтобы дать возможность собравшимся на тротуарах зевакам оценить свой художественный талант, ибо черные фургоны Амонет были теперь разрисованы золотыми и алыми солнцами, полумесяцами и звездами, а также затейливыми закорючками, от-

* Читатель уже понял «относительность» знаний Голеску.

даленно напоминавшими алхимические символы. Кроме того, на боку каждого фургона красовалось: ПРОФЕССОР ГАДЕС, и буквами поменьше: ИЗБАВЛЮ ОТ СТРАДАНИЙ!

Несколько праздных горожан последовали за удивительными фургонами до пустыря напротив Торговых ворот и, разинув рты, глазели, как Голеску выпрягает лошадей и возится с досками и планками, устраивая что-то вроде сцены. Особый интерес толпы вызвал полицейский, который появился, чтобы потребовать у Голеску разрешение на выступление перед публикой. Зевая, однако, ждало разочарование, так как документы оказались в полном порядке. Полицейский, получивший к тому же щедрую мзду, взял под козырек и ушел, а Голеску забрался в передний фургон и закрыл за собой дверь. Больше ничего интересного не произошло, и спустя какое-то время любопытные начали расходиться.

Но после обеда, когда в школах закончились занятия, на пустыре появились стайки ребятишек. К этому времени на импровизированной сцене уже красовались пурпурные бархатные занавески, которые закрывали ее с трех сторон. С четвертой стороны за дощатую обшивку сцены были заткнуты рекламные афишки.

Сын лавочника первым подошел к сцене и, наклонившись вперед, прочел вслух:

— «Бесплатное представление!!! Здоровье и Мужская Сила Вернут-ся к Вам!!! ПРОФЕССОР! ГАДЕС! ЗНАЕТ! ВСЕ!!! Гвоздь программы — Мирмидионский Гений!»

— Мирмидионский?.. — переспросил сын директора школы.

— «Поразительные способности — моментальный счет!»... — продолжал читать сын лавочника. — «Рис, горох, бобы или просо — Мирмидионский Гений мгновенно назовет ТОЧНОЕ количество Зернышек в вашем кувшине!!! Великолепный ПРИЗ каждому, кто сумеет обмануть гения!»

— Мирмидионский — это какой? — спросил сын кузнеца.

— А что такое «моментальный счет»? — поинтересовался сын цирюльника. — Это значит, он угадает, сколько бобов будет у меня в банке?

— Надувательство, — авторитетно заметил сын полицмейстера.

— Вот и нет! — донесся из-за занавесок гулкий, бестелесный голос. — Убедитесь сами! Бегите скорее домой и расскажите друзьям о бесплатном представлении, которое состоится сегодня вечером. Обещаю вам — вы увидите настоящие чудеса своими собственными глазами. Да не забудьте горшки с бобами!..

Мальчики с таким рвением бросились исполнять поручение невидимого незнакомца, что дьявол в аду ухмыльнулся и, потирая копытца, записал их имена на будущее. Вскоре новость о бесплатном представлении распространилась по всему городу, и когда в сумерках дети с банками и кувшинами потянулись к пустырю у Торговых ворот, следом за ними двинулось немало взрослых. Вскоре перед помостом собралась в ожидании изрядная толпа.

Теперь вдоль сцены горели факелы; их пламя трепетало на холодном ветру, от которого, казалось, раскачиваются и трепещут даже звезды в небесах. Алые занавески тоже колыхались под ветром; когда они приподнимались, те, кто стоял ближе всех к сцене, видели за ними чьи-то движущиеся ноги и слышали натужное кряхтение и топот.

Цирюльник не выдержал первым. Откашлявшись, он громко крикнул:

— Эй, там!.. Где же обещанное представление? Мы замерзли!

— В таком случае, нужно вас скорее согреть! — донесся в ответ чей-то могучий голос, и закрывающая сцену алая занавеска эффектно откинулась в сторону. Ветер тут же потащил ее назад, но отдельные зрители все же успели заметить облаченного в мефистофельский костюм Голеску, который в горделивой позе стоял на помосте. Впрочем, минуты через две он сумел изловчиться и поймать занавеску. Придерживая ее рукой, Голеску выступил вперед к самому краю сцены.

— Привет вам, добрые жители Брашова! Вы даже не представляете, как вам повезло!

Толпа откликнулась на это приветствие невнятным гулом. Пытаясь придать себе таинственный и зловещий вид, Голеску наложил на лицо театральный грим, однако то ли он перестарался, то ли грим был не самого высокого качества. Как бы там ни было, теперь Голеску больше всего походил на жирного енота, зачем-то напьялившего красный купальный костюм. Впрочем, общее впечатление все равно получилось довольно жутким.

— Профессор Гадес к вашим услугам! — Голеску поклонился и, ослабившись, подкрутил кончики усов. — Я объехал весь мир и познал многие запретные искусства древних!

— Мы принесли бобы! — крикнул сын цирюльника.

— Очень хорошо. А теперь я хотел бы поведать вам о моих удивительных...

— Что это за костюм у тебя? — раздался из толпы еще чей-то голос.

— Может, ты нарядился дьяволом?

— Конечно, нет, хотя вы, бесспорно, достаточно умны, чтобы знать: не так страшен черт, как его малюют, — прокричал в ответ Голеску. — Нет, друзья, я не дьявол. Я ученый и принес вам подлинное счастье. Благодаря мне все человечество сможет жить, не ведая тревог и печалей. Давайте-ка я расскажу вам, как сумел познать тайны бытия...

Голеску извлек из-под плаща лиру и притворился, будто наигрывает на струнах какую-то мелодию, хотя до зрителей не доносилось ни звука.

— В дни моей юности я изучал Темные Искусства в мистической школе, которой руководил прославленный мастер Парацельс. Вообразите себе мой ужас, когда я случайно узнал, что каждые семь лет мой учитель приносил одного из своих семерых учеников в жертву Адским Силам! А я как раз был седьмым в моем классе! Что мне оставалось делать? Только бежать, как, безусловно, поступили бы на моем месте и вы. И вот, я тайно приобрел на свои средства корабль, чтобы плыть в Египет — древнюю страну, которая, как известно, является родиной всех мистических учений. На подготовку к побегу ушло много времени и денег, но наконец настал день, когда я погрузил на борт провизию и отчалил.

Я долго плавал непрямыми путями, так как боялся, что мастер Парацельс сможет отыскать меня при помощи своего искусства. Случилось так, что у меня вышла вся вода, и я высадился на острове, где бил пресный источник. Не думайте, что это было просто, так как остров защищали опасные рифы и подводные скалы, однако я сумел с честью преодолеть все препятствия.

Но это оказался не обычный остров, друзья! На нем находилось святилище великого бога Осириса, которое охраняли свирепые полулюди-полумуравьи, называвшиеся мирмидионцы...

— Может быть, вы хотите сказать — мирмидоняне? — подал голос директор школы. — Но мирмидоняне жили в...

— Я знаю, — торопливо сказал Голеску. — Но я говорю вовсе не о них. Мирмидионцы, о которых я рассказываю, обладали шестью конечностями и мощными челюстями. Бог Осирис наделил этих гигантов сверхчеловеческой силой и поставил охранять тайны своего храма. С их челюстей капал концентрированный яд, который прожигал насквозь камень. Неминуемая смерть ждала каждого, кто отваживался появиться рядом со святилищем.

К счастью для меня, за прошедшие тысячелетия раса мирмидионцев почти полностью вымерла. Когда я приблизился к храму, мне на-

встречу вышел, шатаясь от слабости, последний из человекоуравьев. Да и он, надо сказать откровенно, представлял собой существо настолько деградировавшее, что справиться с ним мне не составило труда. И когда после короткой схватки при свете луны я стоял, наступив ногой на горло последнему из древних защитников храма, в моей душе шевельнулась жалость к несчастному, поверженному существу...

— Когда же вы будете считать бобы? — подал голос сын полицеймейстера.

— Сейчас мы к этому подойдем, — отозвался Голеску. — Имейте терпение, юный господин. Итак, я не стал убивать эту тварь, хотя легко мог это сделать. Переступив через упавшее тело, я вошел в священный храм Осириса.

Фонарь я держал высоко над головой, и его свет сразу вырвал из вековой тьмы величественную статую страшного бога, но не это было главным чудом. На внутренних стенах святилища я разглядел многочисленные надписи на древнеегипетском языке, выполненные иероглифами. Кто не знает — иероглифы это такие маленькие картинки, которые изображают птиц, змей и прочие вещи. К счастью, в школе мастера Парацельса я учил древнеегипетский язык и мог прочесть эти надписи.

Вы, конечно, думаете, что это были молитвы? Совсем нет. Тогда, может быть, заклинания? Тоже нет. Это были рецепты древних лекарств! Возможно, вам известно, что у египтян Осирис был главным богом-целителем, и вот в его храме на затерянном в океане острове я обнаружил рецепты от любых болезней, которые только могут поразить злобное человечество.

Что же я сделал? Я быстро вытащил из кармана мой верный блокнот, с которым никогда не расставался, и начал переписывать рецепты, намереваясь с их помощью осчастливить страждущее человечество, для которого средства древних египтян могли стать истинным благословием. Я писал очень быстро, но как раз тогда, когда разбирал последние рецепты, которые, сумей я их переписать, могли бы избавить человечество от самой Смерти, я услышал глухой гул, а язычок огня в моем фонаре запрыгал и заморгал. Подняв голову, я увидел, как статуя Осириса закачалась на фундаменте. Очевидно, в момент, когда я своими нечестивыми ногами пересек порог храма, я — сам того не ведая — привел в действие какое-то ужасное заклятие, и теперь святилище готово было обрушиться мне на голову.

Мне ничего не оставалось, как броситься бежать, предварительно засунув в карман драгоценный блокнот. Я остановился лишь для того,

чтобы подхватить последнего из мирмидионцев, который, громко стелая, продолжал лежать на том же месте, где я поверг его на землю. Обладая значительной силой, я без труда донес его до своего корабля и отплыл, прежде чем храм Осириса рухнул со страшным грохотом, словно столкнулась целая сотня молочных тележек.

Но не только храм прекратил свое существование. Самый остров раскололся на сто тысяч кусков и навеки погрузился в океанскую пучину.

Голеску замолчал и отступил немного назад, чтобы оценить произведенный его рассказом эффект. Он был весьма доволен тем, что сумел завладеть вниманием слушателей. Еще больше обрадовало его то обстоятельство, что с каждой минутой к толпе возле помоста присоединялось все больше любопытных горожан. Подкрутив ус, он продолжил:

— А теперь о бобах, о которых спрашивали меня дети. Пока мой корабль плыл в Египет, я пытался приручить последнего из мирмидионцев. С моей подготовкой это оказалось нетрудно. Попутно я узнал, что, хотя по сравнению со своими грозными предками мой мирмидионец был довольно мал и слаб, он все же сохранил кое-какие свойственные муравьям умения. Среди них была способность мгновенно подсчитывать число зерен, которая, как известно, хорошо развита именно у муравьев.

— Минуточку, минуточку! — перебил директор школы. — Муравьи не умеют считать!

— Вы ошибаетесь, уважаемый господин, — возразил Голеску. — Вспомните хотя бы историю об Амуре и Психее*. Каждый образованный человек помнит, как в наказание за любопытство юную принцессу заперли в комнате, где была огромная куча пшеницы пополам с просом. Бедняжке приказали за одну ночь рассортировать все зернышки, собрав пшеницу в один мешок, а просо — в другой. Непосильная задача для человека, но на помощь Психее пришли муравьи — а все потому, что когда-то давно принцесса не стала разорять муравейник, находившийся на тропе, по которой она обычно гуляла. Маленькие труженики не только разобрали всю кучу по мешкам, но и пересчитали зерна. Этот случай отражен в классической литературе, друзья. Об этом писал сам Аристотель, а кто мы такие, чтобы подвергать сомнению его слова?

** Психея — в легенде, изложенной Апулеем «Амур и Психея», прекрасная царская дочь, которая после многих ниспосланных Венерой испытаний становится супругой бога Амура.*

— Но... — начал было директор.

— А теперь — внимание! — воскликнул Голеску и, отступив в глубину сцены, выдвинул вперед гроб, прибитый к деревянной раме, которая поддерживала его почти в вертикальном положении. — Вот он! Смотрите и удивляйтесь: перед вами — последний из мирмидионцев!

И величественным движением он откинул в сторону крышку гроба.

Эмиль зажмурился от яркого света и испустил пронзительный вопль. Он был одет в черный бархатный костюмчик чертенка, и к костюму были пришта еще одна пара набитых соломой конечностей. На капюшоне красовались длинные усы из гибкой проволоки.

— Раз, два, три! — Голеску захлопнул гроб, впопыхах прищемив крышкой один ус. — К сожалению, вы можете лицезреть мирмидионца в его, так сказать, натуральном виде только очень непродолжительное время, поскольку, хотя он очень слаб, но все еще способен воспламенять вещи и людей одной лишь силой своего взгляда. Но я изобрел устройство, способное защитить вас. Одну минуточку...

Под ропот толпы Голеску снова задвинул занавеску. Стоявшие в первом ряду видели, как его башмаки перемещаются по сцене то в одну, то в другую сторону. Потом послышался короткий таинственный стук, чей-то слабый вскрик, и алая занавеска снова отодвинулась.

— Ну а теперь, — сказал Голеску, — смотрите на последнего мирмидионца!

И он снова открыл крышку гроба. Эмиль, чьи глаза на сей раз были надежно защищены очками, хранил молчание. Так прошло несколько секунд, потом среди публики раздались смешки.

— А-а, вам кажется, он действительно слаб? Вам кажется, он безвреден? Что ж, тогда испытайте его удивительные способности к арифметике. Ну-ка, мальчик... да-да, ты, подойди сюда. Знаешь ли ты — только не говори мне сейчас! — сколько именно горошин лежит в твоём кувшине?

— Да. — Мальчик кивнул, моргая от яркого света факелов.

— А теперь, уважаемая публика, скажите: этот паренек из вашего города? Вы его знаете?

— Это мой сын! — выкрикнул цирюльник.

— Очень хорошо. Теперь мне нужен представитель полиции.

— Я здесь, — отозвался полицеймейстер и, выступив вперед, зловеще улыбнулся Голеску.

— Превосходно. Ну, дорогое дитя, будь добр: сообщи господину полицмейстеру точное количество горошин, но только шепотом... Шепотом, я сказал!

Сын цирюльника послушно привстал на цыпочки и прошептал что-то на ухо начальнику полиции.

— Великолепно. Могу я попросить храброго господина полицмейстера записать сообщенное ему число на бумажке? — проговорил Голеску, которого прошибла испарина.

— Пожалуйста. — Полицмейстер черкнул что-то в записной книжечке, потом обернулся к зрителям и подмигнул — многозначительно и холодно.

— Отлично, — сказал Голеску. — А теперь с твоего позволения... — Он взял из рук сына цирюльника кувшин с горохом и поднес к одному из факелов. Потом он повернулся к Эмилю. — О, последний из мирмидионцев, взгляни на этот кувшин! Сколько в нем горошин?

— Пятьсот шесть, — ответил Эмиль тихим, но ясным голосом, который был отлично слышен во внезапно наступившей тишине.

— Сколько?

— Пятьсот шесть, — повторил Эмиль чуть громче.

— Ну, уважаемый господин полицмейстер, не откажитесь сообщить нам записанную вами цифру, — сказал Голеску, снова поворачиваясь к начальнику полиции.

— Пятьсот шесть, — ответил тот и прищурился.

— Вот! — радостно воскликнул Голеску и, сунув кувшин в руки опешившему сыну цирюльника, ловко вытолкнул его со сцены. — Хотите видеть еще доказательства? Пожалуйста! Кто еще принес кувшинчик с горохом или бобами?

Теперь над толпой возникло около полудюжины кувшинов сразу. Дети с пронзительным визгом проталкивались вперед, желая поскорее попасть на сцену. Кряхтя от натуги, Голеску подсадил на помост следующего мальчика.

— А ты у нас кто? — спросил он.

— Это мой сын, — сказал полицмейстер.

— Отлично. Скажи-ка своему папе, сколько у тебя зернышек! — выкрикнул Голеску, и мальчик что-то шепнул отцу. — Запишите, господин полицмейстер!

Потом Голеску выхватил у мальчика кувшин и поднес к лицу Эмиля.

— О, последний из мирмидионцев, сколько горошин здесь?

— Триста семнадцать, — был ответ.

— Ты уверен? — с некоторым беспокойством переспросил Голеску.
 — Ведь этот кувшин намного больше первого.
 — Триста семнадцать, — повторил Эмиль.
 — Какое число вы записали, господин полицмейстер?
 — Триста семнадцать, — ответил тот.
 — Я спрятал в горохе большую луковицу, — с гордостью сообщил сын блюстителя порядка.

— Молодец, — похвалил Голеску, ссаживая паренька со сцены на землю, где он тут же удостоился отцовского подзатыльника.

Теперь уже взрослые мужчины стали проталкиваться вперед, размахивая кувшинами и банками с семенами бобовых, а также с просом и ячменем. Эмиль отвечал правильно; он не ошибся, даже когда ему предъявили горшочек с рисом, на дне которого находилась пара скомканных носков. Наконец Голеску, сияя улыбкой, поднял вверх руки.

— Итак, вы своими глазами видели доказательство того, что я действительно побывал в тайном храме древнего бога Осириса! — прокричал он. — Но это было только вступление, любезные господа. Сейчас вы будете удивлены по-настоящему, потому что мы переходим к основной цели моего приезда в ваш благословенный городок. Вот они, главные дары Осириса!

С этими словами он сдернул плотную серую ткань со штабеля каких-то коробок, стоявших в углу сцены, и свет факелов заиграл на стеклянных горлышках медицинских бутылок.

— Вот они, превосходные лекарства, составленные мною в точном соответствии с древнеегипетскими рецептами. Эти лекарства исцеляют не болезни, а человеческие несчастья. Цена — одна крона за бутылку — во многих случаях не покрывает и половины стоимости редких ингредиентов, истраченных на их изготовление, но я все равно готов продать вам эти лекарства даже себе в ущерб, потому что мое главное желание заключается в том, чтобы видеть людей здоровыми и счастливыми. Ну, кто первый? Всего одна крона!

Гробовое молчание было ответом на его последние слова. В наступившей тишине явственно прозвучал голос полицмейстера:

— Я так и знал, что этим кончится...

— Всего одна крона за бутылку? — переспросил чей-то дрожащий от ярости голос. — Ну и наглец!

— Я вижу, вам нужна демонстрация, — сказал Голеску кротко. — Наглядная и, по возможности, бесплатная. Что ж, будь по-вашему. Подойдите-ка сюда, господин, будьте любезны... Да-да, вы — тот, который не хочет расставаться со своими деньгами.

Означенный господин вскарабкался на сцену и с вызывающим видом встал на краю.

— Человеческие несчастья! — воззвал Голеску к зрителям. — Что является их первопричиной? Одиночество. Старость. Немошь. Импотенция. Сами по себе они не могут убить вас, но они способны сделать вашу жизнь невыносимой, не так ли?.. А теперь, господин, — повернулся он к стоявшему рядом с ним скептику, — снимите, пожалуйста, шляпу. Я вижу, вы страдаете от облысения?

Мужчина густо покраснел и сделал такое движение, словно собирався ударить Голеску, но в публике засмеялись, и он только низко опустил голову и набычился.

— Не стесняйтесь, — уговаривал его Голеску. — Что бы вы сказали, если бы у вас вдруг отросли чудесные, густые волосы?

— Я бы, гм-м...

— Держите! — Голеску вытащил из коробки бутылочку и протянул мужчине. — «Лосьон Птолемея». Поразительный результат, причем почти мгновенно. Сейчас я вам покажу.

И, не дав клиенту опомниться, он вынул пробку и аккуратно капнул несколько капель на голову мужчины, которая действительно оказалась совершенно лысой. Привстав на цыпочки, Голеску равномерно размазал средство по коже носовым платком.

— Эй, что ты со мной сделал?! — взвыл мужчина. — Оно же жжет-ся! У меня вся голова горит!

— Терпение, мой друг! Настоящее лекарство всегда сначала жжется, или щиплет, или... Давайте, друзья, сосчитаем до шестидесяти, ну-ка!..

Зрители послушно начали считать. Не успели они, однако, добраться и до сорока, как в передних рядах раздались первые удивленные восклицания. И удивляться было чему! На лысине мужчины-скептика — во всех местах, куда попал лосьон — начали расти густые черные волосы.

— О-ох!.. — воскликнул мужчина, ощупывая голову. — Не может быть!

— Еще как может, — откликнулся Голеску и снова повернулся к зрителям. — Теперь вы видели, как действуют древние лекарства! Не прошло и минуты, а этот счастливцев уже вернул себе не только утраченную шевелюру, но и молодость вместе с потенцией. Кстати, о мужской силе... — Голеску толкнул посрамленного скептика между лопаток, так что тот буквально слетел со сцены. — Как известно, неспособность доставить удовольствие прекрасной даме является под-

линой трагедией для многих представителей сильного пола. Ну-ка, кто из вас заметил, что с некоторых пор перестало хватать того, чем он мог похвастаться в молодости? Нет таких? Я так и думал! И все же нельзя исключать, что никому из вас не придется столкнуться с подобной проблемой в будущем. Каждый может однажды обнаружить, что пытается открыть замок ключом, который ведет себя как снулая рыба. А теперь подумайте, желали бы вы, чтобы, когда этот день придет, при вас оказался флакончик «Фараоновой Силы»? Все-го одна крона за бутылку, господа! Надеюсь, всем понятно, почему в данном случае бесплатная демонстрация несколько затруднительна?

Последовала пауза продолжительностью примерно пять секунд, после чего мужчины толпой ринулись к сцене, сметая все на своем пути и размахивая зажатými в кулаках монетами.

— Только одну бутылочку в руки, господа! Только одну бутылочку! — надрывался Голеску. — Как я уже говорил, с моей стороны это чистая благотворительность. Единственная моя цель — послужить людям и избавить их от огорчений. Я люблю, когда все вокруг довольны и счастливы. Да, почтеннейший, в любое время после еды, но лучше всего принимать лекарство, э-э-э... не скажу — перед сном, точнее будет — на ночь... Эй, там, не затопчите детей! Я понимаю, что теперь вы всегда можете настрогать новых, но все-таки будьте поосторожней. Кстати, насчет детей... — распродав все бутылочки с «Лосьоном Птолемея» и «Фараоновой Силой», Голеску опустил в чулок последнюю пригоршню монет и отступил в глубину сцены. — Позвольте спросить, что проку в самой могучей потенции, если ваша законная половина холодна, как рыба? Если она не питает к вам ничего, кроме равнодушия, недоверия, презрения? Холодность между супругами — еще одна причина, по которой множество людей чувствуют себя несчастными. Конечно, вы наверняка слышали о любовных напитках; возможно, некоторые из вас даже покупали у цыган особые амулеты и приворотные зелья, но на самом деле вашим нежно любимым голубкам нужен только «Эликсир Изиды»! Это единственное в мире средство, которое гарантированно вызовет приветливую улыбку на любом самом хмуром лице.

И снова покупатели ринулись вперед, подобно волне, которая, правда, была не такой яростной, как первая, но и она тоже принесла немало золотых монет. Голеску раздавал бутылочки с «Эликсиром Изиды», опускал деньги в чулок и лихорадочно подсчитывал барыш. В несколько минут запасы «Эликсира» были распроданы подчистую, одна-

ко это было еще не все. На десерт Голеску приберег еще одно лекарство. Поставив последнюю полную коробку на штабель пустых, он вернулся к публике и широко улыбнулся.

— А теперь, уважаемые господа, задайте себе вот какой вопрос: что способно превратить долгую жизнь в проклятие? Ответ, я думаю, очевиден. Это боль. Острая и режущая, тупая и пульсирующая, постоянная, как ноющий зуб, и схваткообразная, как колотье в боку, — все эти разновидности боли вместе и по отдельности способны сделать несчастным самого жизнерадостного человека. Если боль вонзила в вас свои зубы, вам остается лишь молиться. Но стоит только смазать больное место чудесным «Бальзамом Баст», как боль будет мгновенно побеждена, и вы получите долгожданное облегчение!

И снова среди зрителей возникло движение к помосту, однако оно почему-то оказалось значительно слабее, чем рассчитывал Голеску. Людей отвлекло нечто, находящееся в самом центре толпы, но что именно, ему не было видно. Он, впрочем, догадывался, в чем дело, а привстав на цыпочки и вытянув шею, убедился, что не ошибся. Несколько человек медленно вели к сцене мужчину с забинтованной головой и единственным глазом: мужчина еле ковылял, опираясь на костыли.

— Дорогу, дорогу! Дайте бедняге пройти!

— Эй, профессор Гадес, вот человек, на котором вы можете испытывать ваш болеутолитель!

— Как насчет бесплатной демонстрации для инвалида?

— Кто же это такой? — спросил Голеску самым игривым тоном, на какой был способен. — Наверное, это отважный солдат, герой последней войны. Как бы там ни было, он получит лекарство бесплатно! Вот, друг, держ... — Его голос оборвался на высокой, визгливой ноте, ибо, наклонившись вперед, Голеску вдруг обнаружил, что глядит в изуродованное лицо Буздугана Лилиу.

Оба узнали друг друга почти одновременно.

— Т-ты... — начал было Буздуган, но Голеску, не растерявшись, откупорил бутылочку с бальзамом и как можно скорее сунул ее в приоткрывшийся рот крестьянина. Буздуган едва не задохнулся от возмущения — и от лекарства, попавшего не в то горло. Пока он кашлял и плевался, Голеску воспользовался моментом.

— *Этого* парня я знаю! — сказал он, прилагая невероятные усилия, чтобы удержать бутылочку на месте. — Кроме всего прочего, он немного не в себе. У него случаются и бред, и всякие видения, которые не имеют ничего общего с действительностью. Родные однажды уже

привозили его ко мне и просили вылечить от безумия, но, к сожалению...

Однако волнение в толпе не утихало, а напротив — становилось все сильнее. Причина состояла в том, что большинство мужчин, купивших «Фараонову Силу», поспешили откупорить свои бутылочки и выпить их содержимое. Результатом был всеобщий «синдром Приапа»*, который достиг максимума как раз в тот момент, когда Голеску начал рекламировать «Эликсир Изиды». Это, впрочем, было сущим пустяком по сравнению с тем, что довелось пережить покупателям «Лосьона Птолемея». Увы, слишком многие из них решили испытать средство для рращения волос немедленно, хотя гораздо благоразумнее было бы отнести бутылочку домой, чтобы проделать все необходимые манипуляции в спокойной обстановке. Теперь же несколько человек с ужасом обнаружили, что роскошные, густые волосы растут у них не только на головах, но и на других местах, куда попали брызги лосьона: на носах, веках, ушах, щеках — и даже на женах. Еще хуже пришлось тем, кто решил усилить действие лекарства, втирая его в плешь голыми руками.

Но все это было сущим пустяком по сравнению с участием, постигшей беднягу, который вообразил, будто «Лосьон Птолемея» подействует куда лучше, если принять его внутрь. Теперь он катался по земле и изрыгал страшные проклятья — впрочем, не слишком громкие, так как изо рта у него торчали ключья какого-то мокрого меха, однако соседи все равно пятились от него в непростительном ужасе.

Буздуган, воспользовавшись тем, что Голеску на секунду отвлекся, ухитрился выплюнуть бутылочку с «Бальзамом Баст».

— Шлюхин сын! — воскликнул он. — Я тебя узнал! Хватайте его, это тот негодяй, который продал нам...

— Я же говорил, что он безумен! — еще громче крикнул Голеску.

— Это он продавал лекарство, от которого... — успел проговорить Буздуган прежде чем подействовал чудодейственный бальзам. Мгновенно утратив всякую чувствительность, он выронил костыли и, как бревно, повалился под ноги толпы. К счастью, его слова мало кто расслышал, а если и услышал, то не придавал им особого значения. К этому времени всеобщим вниманием завладел некий горожанин, который приобрел и «Фараонову Силу», и «Эликсир Изиды», намереваясь, вероятно, во что бы то ни стало добиться в своей семейной жиз-

* Синдром Приапа, приапизм — длительная патологическая эрекция, часто сопровождающаяся болевыми ощущениями.

ни полной гармонии. Увы, в темноте и в суматохе он выпил содержимое не той бутылочки. Разлившаяся по его телу волна тепла, смешанного с каким-то непривычным томлением, сменилась необъяснимой и противоестественной страстью к лицам одного с ним пола, требовавшей к тому же немедленного и полного удовлетворения. Это, в свою очередь, привело к параличу всех центров торможения, и теперь несчастный, сняв штаны и взвизгивая, как шимпанзе, предлагал себя всем без разбору. Некоторые из зрителей, попав под действие «Фараоновой Силы», уже были близки к тому, чтобы поддаться его чарам, как вдруг...

— Святые угодники, защитите нас! — выкрикнул кто-то в толпе. — Еще один петух-монстр! Спасайся, кто может!

Этот крик привел всех, кто его слышал, в некоторое замешательство, которое, однако, продлилось лишь до тех пор, пока чудовище не появилось из-за угла.

Голеску, который, улыбаясь и потя, крошечными шажками пятился в глубину сцены, рассмотрел его лучше других. Это действительно был петух, но какой!.. Рост он имел около восьми футов; хвост горел, как фонтан ярко-зеленого пламени, шпоры отливали золотом, перья были словно выкованы из блестящей меди, кроваво-красный налитой гребешок напоминал коралл, а клюв походил на бронзовый мясницкий нож. В свете факелов глаза чудовища яростно поблескивали, однако, как у всех кур, в них не мелькало ни тени разума, и это было, пожалуй, страшнее всего. Увидев людей, петух забил крыльями, громоподобный звук прокатился над толпой, и горожане стали разбегаться кто куда. Исключение составили лишь те, кем овладела похоть — этих не смог бы отвлечь от их занятия и конец света.

— Ну почему, почему со мной вечно что-нибудь да случается?! — жалобно воскликнул Голеску, ни к кому в особенности не обращаясь. — Ведь я же хотел как лучше!..

Тем временем гигантская птица увидела детей, сгрудившихся на пяталке перед сценой. Еще минуту назад они потешались над странными выходками старших, но, едва увидев чудовищного петуха, примолкли и, забравшись под помост, сидели тихо, как мышки. Петух, однако, все равно их заметил и двинулся вперед, изредка останавливаясь и поворачивая голову, чтобы посмотреть на детей то одним, то другим огненным глазом. Поняв, что их убежище открыто, дети принялись в ужасе швырять в него своими горшками. Глиняные черепки и горох разлетались, как шрапнель, однако петуха это не остановило. Огромный и страшный, он продолжал неумолимо двигаться вперед неровной кури-

ной походкой, и казалось, будто сама земля дрожит и трясется под его тяжелыми шагами.

Но за пронзительным визгом испуганных детей, за невнятной бранью очнувшегося Буздугана и воплями разбежавшихся горожан Голеску внезапно уловил еще какой-то пугающий звук. Он был негромким, но таким низким, что от него ныли зубы и свербело в ушах. Говорят, что подобный звук исторгается порой из земных недр, служа предвестником какой-нибудь страшной катастрофы — горной лавины, землетрясения или извержения вулкана.

Кто-то или что-то глухо рычало вдали.

И с каждой секундой рычание становилось все громче.

Голеску поднял голову. И в одно мгновение, которое до конца жизни являлось ему в кошмарных снах, он увидел мерцающие, как угли, глаза и ослепительно-белые зубы, стремительно надвигавшиеся на него из мрака. И чем ближе они становились, тем громче раздавалось у него в ушах грозное рычание, от которого, казалось, вибрировали кости. Вот жуткие глаза оказались совсем рядом, и в свете факелов Голеску разглядел вытянутые руки, перепачканные в глине скрюченные пальцы, волочащийся по земле саван и выражение безумной ярости на перекошенном лице.

— Боже милостивый, это же Амонет!.. — пробормотал Голеску и в следующий миг обмочился. Как видно, Черная Чаша снова не сработала.

— Я тебя пр-р-р-рикончу! — прогремела Амонет, бросаясь к нему. Голеску в панике заметался по помосту, но страх придал ему прыти. Оттолкнувшись от края сцены, он совершил головокружительный прыжок и приземлился прямо на спину гигантской птицы. Судорожно сжав коленями огненно-красные петушиные бока, Голеску пятками пришпорил своего скакуна, словно это была обычная лошадь.

Оглушительное кудяхтанье расколело ночь. Петух захлопал крыльями, неуклюже подпрыгнул и в страхе бросился наутек. Голеску, мертвой хваткой вцепившийся в отливающие медью перья, оглянулся через плечо и успел заметить Эмиля, который, тряся проволочными усами, пытался выбраться из бутафорского гроба.

— Дядя Барбу! — провыл он, но Амонет уже схватила паренька за лодыжку и потянула к себе. Еще секунда — и слабо барахтавшийся мальчуган почти исчез в грязно-белых складках ее савана. Последним, что увидел Голеску, была Амонет, властно прижимавшая Эмиля к груди в жуткой пародии на Мадонну с младенцем.

Больше Голеску не оглядывался. Крепко обхватив руками шею петуха и отчаянно работая пятками, он мчался сквозь ночь, на лету оплакивая утраченную любовь и проклиная злосчастную судьбу. В окружении сияющих золотых перьев он мчался, словно ужасный дух, сквозь огонь, воду и слабый свет равнодушных звезд. Наступивший день застал Голеску еще в пути. Кто знает, где закончился этот его стремительный бег?..

Впрочем, за дремучими лесами и синими горами затерялась среди топей и ручьев крошечная деревушка. Туда не ведет ни одна дорога, и тамошние мужчины вынуждены жениться на двоюродных сестрах. В этой деревне бытует легенда о том, как однажды, много лет назад, на болотах объявился сам Дьявол верхом на золотом петухе. Жители были так напуганы видением, что пали пред ним ниц и пообещали Дьяволу сделать его своим королем, если он сохранит им жизнь.

В легенде говорится, что Дьявол некоторое время прожил в той деревне. Надо сказать, что из него вышел сравнительно неплохой король, поскольку в той части света добрые короли не редкость. Вот только он слишком часто оглядывался, опасаясь, как бы его жена, которую он называл Мать Тьмы, не настигла его неожиданно-негаданно. Его страх был так силен, что он боялся оставаться долго на одном месте и вскоре снова отправился в путь, чтобы не дать ей догнать себя.

Когда Дьявол исчез, жители деревни были довольны, хотя никто из них не мог бы объяснить — почему. Ведь, как ни суди, он был неплохой король. И все же без него стало как-то лучше. «Даже черт боится свою жену!..» — говорили друг другу крестьяне и глубокомысленно качали головами. Они повторяли эту фразу так часто, что чиновник Министерства культуры, посетивший их затерянную деревню много лет спустя, записал ее в книгу народных пословиц и поговорок.

Но если вам случится побывать в стране, где произошли описанные события, вы напрасно будете искать эти слова в сборнике пословиц, потому что какой-то вандал вырвал нужную страницу.

**Перевел с английского
Владимир ГРИШЕЧКИН**

© Cage Baker. Mother Aegypt. 2004. Публикуется с разрешения автора и ее литературных агентов, Virginia Kidd Agency (США) и Агентства Александра Корженевского (Россия).

ПАВЕЛ АМНУЗЬ

ГОЛУБОЙ

Иллюстрация Владимира ОВЧИННИКОВА

АЛЬЦИОР

Тебе сегодня лучше, милая, я вижу, тебе лучше, Елена Семеновна говорит, что ты поела немного каши, ты должна хорошо кушать, чтобы поправиться, я приподниму тебе подушку, так тебе удобнее, давай, если хочешь, поиграем в нашу игру, ты еще не забыла последний маршрут, куда это мы летали, да-да, ты права, на Вегу, погоди, я тебе еще немного приподниму подушку, и мы отправимся...

...Вега. Созвездие Лиры. Четыре звезды ромбиком. Вега в уголочке. Видишь? Самая яркая. Самая яркая звезда на небе — летом, конечно, а зимой Сириус, туда мы с тобой летали в декабре. Представила? Голубая яркая Вега, поворачивай корабль, штурвал у тебя, два румба к востоку... Что ты говоришь? Оранжевая? Нет, солнышко, Вега — голубая и самая яркая. Почему ты настаиваешь, может, ты не туда смотришь? Хорошо, пусть будет оранжевая, это не так уж важно. Что ты говоришь, солнышко? Рядом действительно голубая, только слабее? И кажется, будто две капли? Милая, ты, наверное, перепутала — оранжевая и голубая, рядом, как капли, это Альбиро, в созвездии Лебеда, я тебе рассказывал, но туда мы полетим в другой раз, а сегодня Вега, хорошо? Да-да, оранжевая, как апельсин. И голубая пусть рядом, если тебе так хочется, не будем спорить... Господи, сейчас-то уж какая разница, пусть будет оранжевая, пусть будет зеленая, пусть хотя бы просто будет...

* * *

— Доктор, она сегодня выглядела гораздо лучше, я вам говорю. Не такая бледная.

— Садитесь, Владимир Александрович. Я сожалею, но... Это временно. Девочка очень обрадовалась вашему приходу.

— Ей стало лучше, я вижу.

— Боюсь, Владимир Александрович, эта неделя... м-м... окажется последней. Вы должны быть готовы.

— Вы не можете так говорить, доктор!

— Ремиссия... Вы знаете, последняя пересадка не помогла, и...

— Вы не имеете права так говорить! Господи, ей всего пять лет! Она должна жить, пусть лучше я...

— Сожалею, Владимир Александрович, но болезнь не разбирается...

— Еще одна пересадка?

— Сожалею...

— Да, я понимаю. Вы правы, доктор, она выглядит лучше, но что-то уже... Знаете, мы играем... У Машеньки богатое воображение, замечательная память, я с трех лет учил ее запоминать звезды и созвездия.

Мы играли, я рассказывал о звездах, показывал на небе, если был ясный вечер, и мы как будто отправлялись на звездолете, Машенька навигатором, наносила маршрут на карту — в уме, чтобы лучше запомнить, меня отец так учил, когда мне было шесть или семь лет, я до сих пор помню, может, потому и стал астрофизиком...

— Не нужно так волноваться. Я хочу сказать...

— Подождите, доктор, послушайте. Она уже запомнила много звезд и половину созвездий, северные — почти все. А сегодня... Я проложил маршрут к Веге, мы уже летали туда, она прекрасно знает Лиру и все звезды... Голубая Вега, а сегодня Машенька сказала, что Вега — оранжевая. Спутала Вегу с Альбиро. Я подумал... Наверное, вы правы. Ей не лучше. Она начала забывать... Господи, это ужасно... Почему? Почему — дети? Почему не...

— Пожалуйста, возьмите себя в руки. Час назад приходила ваша жена...

— Бывшая. Мы не...

— Да-да. Бывшая. Она держалась крепче.

— Ира всегда была крепче меня. Может, потому и ушла, что... Я могу еще побыть с дочерью?

— Сейчас она спит. Подождите в холле, медсестра вас позовет, когда будет можно.

— Я бы не хотел столкнуться с...

— Ваша бывшая жена ушла, Владимир Александрович, сказала, что придет вечером.

— Подожду в холле.

— Конечно. И еще... На память лейкоemia не влияет. Если ваша дочь говорит, что Вега зеленая...

— Оранжевая.

— Неважно. Значит, она так с вами играет. Не спорьте с ней.

— Я и не спорю.

* * *

Я тебя немного поверну, вот так, теперь мы можем смотреть друг другу в глаза, ты хорошо поспала, до ужина есть время, надо поесть, милая, чтобы быть сильнее, я понимаю, что не хочется, хорошо, давай играть дальше, не к Веге, ну и ладно, мы еще не летали к южным созвездиям, есть среди них очень красивые, они видны и у нас — летом, низко над горизонтом, созвездие Скорпиона, помнишь, когда мы были в зоопарке, заходили в маленький домик, о, ты даже помнишь название, конечно, террариум, точно, и там... правильно, такой противный, но нам же не с живым скорпионом играть, а созвездие очень красивое, несколько звезд — клешни, несколько — хвост, и в хвосте самая яркая

звезда, красная, как эта кнопочка на панельке, она называется Антарес, и знаешь почему, потому что она очень похожа на планету Марс, это бог войны, мы называем его Марс, а в древней Греции был бог Арес...

Что ты говоришь, милая? Нет такого бога? Ремос? Почему Ре... Хорошо, пусть будет Ремос. Если ты хочешь... Красный, как... Почему голубой? Милая, ты хочешь играть в другую игру? Давай, только я не... Голубой Ремос, и я сам тебе это объяснял? Милая... Что ты сказала? Да, конечно, сейчас голубой, а когда-нибудь станет красный, ты права, но я тебе это не гово... Хорошо, давай полетим к голубому Ремосу в созвездии Скорпиона. Ориентиры такие, запоминай: три звезды рядышком в хвосте и три в голове... Нет, погоди, я говорю — три... Хорошо, милая, не нужно нервничать... Четыре так четыре... Скажи, родная... Я у тебя спрошу, а ты вспомни, это очень важно. Когда мы только начинали играть... Верно, Большая Медведица. Ковш. И ручка... Сколько? Ты уверена? Ты точно помнишь? Повтори, это очень важно. Да, я понял: ручка вверх, а в глазу медвежонка яркий синий зрачок...

* * *

— Я понимаю, Елена Семеновна, но...

— Ваша игра очень взволновала девочку, у нее участился пульс и поднялась температура. Пожалуйста, в следующий раз играйте во что-нибудь другое.

— Ей хуже?

— Она опять заснула, а вечером придет Ирина Павловна и останется на ночь, вы же не хотите с ней...

— Я приду утром.

* * *

Знаешь, милая, давай сегодня играть иначе, поменяемся, ты будешь капитаном, а я штурманом, куда ты хочешь, чтобы мы полетели, Альциор, пусть будет Альциор, я только забыл, где... да, конечно, в созвездии Ориона, Орион — небесный охотник... ты думаешь, что... хорошо, пусть будет греческий царь, хотя... нет, молчу... Альциор — он яркий? Нет, я вспоминаю, конечно, но ведь ты сегодня командуешь, а я только наношу путь на небесную карту... Голубой, понятно, ярче Сириуса, даже так, самая яркая звезда на нашем небе, прошлой зимой я тебе показывал... да, помню, я еще говорил... что же я говорил, милая... я помню, конечно, но ты повтори, пожалуйста, вот оно что, Альциор — минус первой величины голубой гигант... что ты сказала... спектральный класс «О»... ты знаешь, что это такое, я тебе этого не... впрочем, если ты знаешь, значит... Расскажи, что еще тебе известно об этой звезде.

Три планеты, понятно, одна, как наша Земля, только далеко и все равно холодно, а две ближе, и на одной, самой близкой... да, очень интересно, скажи, пожалуйста, ты ведь знаешь и другие созвездия, нет, туда мы сегодня не полетим, но если я тебе о них рассказывал... Кассиопея, говоришь... послушай, родная, мне кажется, я еще... прости, я ошибся, не нужно нервничать, Кассиопея, и в ней самая яркая красная звезда Дирона... Дирона... если ты говоришь, то так оно и есть, точно, ты у меня умница, ты мне обязательно расскажешь о Дироне и об Альциоре, а сейчас давай ненадолго посадим звездолет на какой-нибудь астероид, тебе нужно принять лекарства... потом полетим дальше, только не забывай, что сегодня ты капитан, ты выбираешь, полетим мы к Альциору, или Дироне, или... ну, скажем, Альтаиру... хорошо, пусть нет такой звезды... мы опускаемся на астероид... все хорошо, правда?

* * *

— Мне нужно с вами поговорить, Владимир Александрович. Садись, пожалуйста.

— Машенька сегодня...

— Да, у вашей дочери наблюдается определенное улучшение. Ре-миссия, к счастью, оказалась более длительной, но... Вы сами, видимо, понимаете, что это временное улучшение.

— Нет, доктор, теперь Машенька пойдет на поправку.

— Владимир Александрович, послушайте...

— Нет, это вы послушайте! Маша пойдет на поправку, она выздоровеет, я уверен.

— Я понимаю, вам хочется думать...

— Доктор, я знаю! Сегодня мы полетим к Альциору. А может, к Дироне. Это звезды, мы с Машенькой играем в звездные путешествия уже два года.

— Я помню, вы говорили. Постарайтесь ее не утомлять. Когда девочка устает, она хуже воспринимает лекарства, и это укорачивает ей...

— Удлиняет, доктор! Вы сами сказали: ей сегодня лучше. Я уверен: завтра...

* * *

Теперь расскажи мне о Дироне. Это большая звезда? Маленькая? Меньше Солнца? Почему же она самая яркая в Кассиопее? Ну да, верно, твой отец поглупел, как я не догадался — раз ярче, значит, ближе, а если ближе, то мы на нашем звездолете долетим за... сколько, говоришь... завтра к утру... завтра, как хорошо, что есть завтра, можно думать о завтра... ты думай... о завтра и о послезавтра... что ты говоришь,

я не расслышал... конечно, к галактике Андромеды мы полетим тоже... подумать только, ты знаешь слово «галактика», разве я тебе... прости, у меня, должно быть, склероз, и если ты напомнишь мне о галактиках, о тех, что я тебе показывал... правда?.. такие близкие?.. как огромные цветные спирали, перечеркнувшие небо... это замечательно, карандаш... где здесь можно найти карандаш... вот, оказывается, есть в тумбочке, и бумага тоже, правда, немного помятая... очень красиво, и ты знаешь, очень точно... очень... и расположение ветвей, и балдж в центре... да, вот это... Господи, ты знаешь, что такое балдж, я уверен, что никогда не рассказывал тебе... молчу... да, раз ты говоришь, что видела в телескоп, значит, я действительно брал тебя с собой в обсерваторию... с мамой? Почему с... конечно, с мамой, правда, я не уверен, что твоя мама захочет играть в эти игры, ты же ее знаешь... ну, если ты так считаешь, то, конечно, мама пусть тоже поедет с нами, я уверен, что она согласится... а сейчас поспи, во сне лечатся все болезни, да-да, ты здорова, но и здоровым детям нужен здоровый сон... ха-ха... это я от счастья, милая.

* * *

— Владимир Александрович, на минуточку... Ваша дочь... Нет, с ней все в порядке, она проснулась и хочет играть. Вы всю ночь провели в этом кресле?

— Как она сегодня?

— Вы знаете... Это очень странно, доктор с вами еще поговорит... Но анализы значительно улучшились. Доктор даже надеется, что это не ремиссия, а... При лейкемии бывают... очень редко, но случаются... доктор не хочет внушать вам надежду, но похоже...

* * *

Капитан, штурман прибыл и ждет приказаний. Ты хочешь прямо сегодня полететь к квазару? К какому? Три цэ двести семьдесят три? Уверена? Ты знаешь, что это такое? Это очень страшное место, там внутри огромная черная дыра, миллионы солнц, и если она захватит наш звездолет... Нет, я не мог говорить тебе такой чепу... Ну, хорошо, если это написано в книге... Детская книга о звездах, говоришь? Я ее тебе купил? Видишь ли: есть какие-то вещи, которые я забываю, это потому, что я уже старенький... Что ты говоришь, милая, мы с мамой уже год... Прости, я опять ошибся. Да, конечно, мы не расставались и в прошлом году вместе ездили к бабушке... Куда, ты сказала? В Кампаро... Но наша... Да, конечно, Кампаро — замечательный городок. А в будущем году вместе полетим на море... Что ты говоришь? Мама сейчас придет? Знаешь, я, пожалуй, пойду немного погуляю.

* * *

— Послушай, Володя, ты понимаешь, что это чудо? Господь его нам сотворил, и я... я обещала Маше, что... В общем, давай попробуем еще раз. Не так уж мне было хорошо без тебя.

— Господи, а мне без тебя было просто отвратительно! Я все время ездил на наблюдения...

— Знаю, ты недавно вернулся из Средней Азии.

— Давай пообедаем вместе после того, как я поиграю с Машей. Она сегодня хочет отправиться к квазару...

— Тебе не кажется, что эти игры ее утомляют? Машеньке всего пять лет, а ты нагружаешь ее сведениями, совершенно ей не нужными.

— Пожалуйста, Ира, не будем опять ссориться. Это не я нагружаю Машу, а... Но ты мне не ответила: мы пообедаем вместе?

— Хорошо. Пойдем, Машенька ждет.

* * *

Расскажи мне еще о Беллатриксе. И о Ригеле. Ты так много знаешь, милая. Да, из книг и из анимации, и я тебе тоже показывал, но мне и в голову не приходило, что ты так хорошо запоминаешь. Рассказывай. Пусть это будет экзамен: я профессор, а ты студентка. Ригель. Желтый карлик. Ригель? Ну конечно, желтый, не спорю, ты права. В том мире, где мы играем, все происходит именно так, и ты очень удивишься, когда... Впрочем, как хорошо, что ты удивишься. Только дети умеют так замечательно удивляться. А мы, взрослые, не понимаем... Мы удивляться разучились, и другие звезды кажутся нам... Нет, милая, это я о своем. Полетели...

* * *

— Нет, Владимир Александрович, завтра мы вашу девочку еще не выпишем, я хочу понаблюдать... Все в порядке, никаких осложнений, выздоровление полное, можете не сомневаться, но перестраховка не помешает, я выпишу Машу в понедельник и объясню, как с ней себя вести в первое время, чтобы реабилитация прошла нормально. Вы пришли с женой? Замечательно, я рад, что у вас все наладилось. Скажите, вы не станете возражать, если о случае с вашей дочерью я доложу на конференции по проблемам лейкоза в Санкт-Петербурге? Спасибо. Как я обосную? Скажу откровенно, медицина еще не может объяснить подобные феномены, хотя они время от времени происходят. С детьми, кстати, значительно чаще, чем со взрослыми, но все равно очень редко — один случай спонтанного выздоровления на сто тысяч смертей. Что вы говорите? Игра? Вы играли, я знаю, но, извините, я врач, а не... гм... От игры в звезды состав крови измениться не может, вы физик, долж-

ны понимать. Да, всего хорошего, жду вас с женой в понедельник в восемь утра. У вас замечательная девочка, Владимир Александрович!

* * *

Ира укрыла дочь, подоткнула концы одеяла, чтобы не сползло, Машенька всегда спала беспокойно, а после болезни вообще не любила укрываться. В комнате было прохладно, окно Ира оставила на ночь приоткрытым, доктор дал такие противоречивые рекомендации: чтобы свежий воздух и чтобы не допустить простуды.

Маша что-то пробормотала во сне, улыбнулась, и Ира улыбнулась в ответ, хотя дочь не могла этого видеть. А может, могла, может, улыбка матери видна ребенку всегда — спит он или бодрствует, играет или смотрит телевизор, болеет или... Особенно, если болеет.

Ира постояла у кровати спящей дочери и тихо вышла на веранду, где Володя сидел на ступеньках, курил и смотрел на звезды. Он всегда смотрит на звезды, звезды он знает лучше, чем людей, а людей не знает, детей особенно, и собственную дочь тоже... Если бы он не мучил девочку своими играми-путешествиями, может, она и поправилась бы раньше...

Ира опустилась на ступеньки рядом с мужем, положила ладонь ему на колено, он положил сверху свою, и они молча сидели, пока не взошла огромная рыжая луна.

— Хорошо, правда? — произнесла Ира.

Володя молчал, Ира повернула голову и посмотрела на мужа. Он плакал. Смотрел на звезды и плакал молча, сухо, невидимо, как могут плакать только мужчины.

— Нервы, да? — спросила Ира. — Успокойся, все уже хорошо. Теперь все у нас будет хорошо, слышишь?

Володя молчал, у него едва заметно дрожали губы.

— Тебе нужно отдохнуть, — сказала Ира. — Хочешь, съездим втроем в Калугу к твоей маме? О чем ты думаешь?

«Машенька умерла, — думал Володя. — Вы ничего не поняли. Ты. Врач. Никто. Только дети могут понять, но не понимают, потому что для них это естественно, как пить материнское молоко. А потом они вырастают и думают, что начинают понимать, хотя на самом деле тогда-то и перестают чувствовать очень многое из того, что было им доступно... Мы играли, я учил ее узнавать звезды и созвездия. Однажды она сказала, что Вега — оранжевая. Я подумал сначала, что она забыла... из-за болезни... Это не так. Маша... И все дети, не только она... Они живут во многих мирах... Все мы — ты, я — тоже живем во множестве миров, потому что нет одной вселенной, каждое мгновение мир ветвится, возникают новые... И каждое мгновение мы выбираем мир, в котором проживем сле-

дующую секунду. Но мы этого не ощущаем, а если ощущаем, не придаем значения, а если кто-то такое значение придает, мы говорим, что он страдает шизофренией... Для детей все естественно, для них это игра — они легко переходят из мира в мир, меняются мирами, как фантиками, и всякое мгновение они другие, понимаешь, нет, ты же взрослая, ты не можешь этого понять, а я понял, когда Маша сказала, что Вега — оранжевая, это была Вега из той вселенной, где она действительно оранжевая, и там я действительно говорил Машеньке, что Орион — греческий царь, потому что там это так и есть, и я ей действительно... Эта игра... Я играл с Машей из другого мира, из того, где она была здорова. И я начал задавать вопросы, своими вопросами я заставлял ее, ту Машу, из другого мира, больше времени проводить здесь, а наша Машенька уходила туда, и я все спрашивал, она отвечала и оставалась, я уже понял, что происходит, и задавал новые вопросы, для Маши это была игра, а для меня... И я уже понимал: если Маша поправится, то там... в том мире, где Вега оранжевая и бабушка живет в Кампаро, а не в Калуге, в том мире она умрет. Я забрал ее — здоровую — из мира, который... А там она умерла. Наша Машенька. Мы играли, и я обещал ей, что на будущий год мы полетим к морю. Обязательства. С Машенькой. Но — не с нашей. А наша не полетит, потому что там... ее уже нет. Понимаешь?»

— Володя, — сказала Ира. — Ты устал. Мы все устали, это были такие долгие недели... Пойдем спать, хорошо?

— Детские игры... — пробормотал Володя. — Мы забываем о них, когда становимся взрослыми.

— Что? — не поняла Ира.

«Я не должен был заставлять ее играть в эту игру... Это была наша судьба, а я переложил ее на... На наши плечи, все равно на наши, но там мы с тобой немного другие...»

— Володя, — сказала Ира, — хочешь, я сделаю тебе массаж, как раньше, когда у тебя болела голова, помассирую тебе виски и затылок, и все пройдет.

Володя тяжело поднялся и помог встать жене.

— Да, — сказал он, — сделай.

По дороге они заглянули в детскую. Маша спала, свернувшись калачиком и подложив ладони под щеку. В лунном свете она выглядела такой бледной, что...

Ира коснулась щеки дочери и облегченно вздохнула.

— К маме мы можем съездить на выходные, — сказала она мужу. — А летом — к морю.

журнал

АНТИКВАРИАТ

ПРЕДМЕТЫ ИСКУССТВА

И КОЛЛЕКЦИОНИРОВАНИЯ

Ваш гид по рынку

**Достоверная информация
и реальные цены**

Подписка:

- ◆ по каталогу ООО «Межрегиональное агентство подписки» (кроме Москвы) — индекс **99438**;
- ◆ по каталогу «Пресса России» — индекс **45720**;
- ◆ в отделе распространения, тел. (095)248-6819.

Адрес: 119435, Москва, Б.Саввинский пер., 9.

Тел.: (095)248-2090 (редакция), 248-6819

(отдел распространения), тел./факс: 248-2190.

www.antik.ru, e-mail: info@antik.ru (редакция),

sales@uuu.ru (отдел распространения)

Р И Ч А Р Д Л О В Е Т Т

ЗАВТРАШНЯЯ

Иллюстрация Сергея ШЕХОВА

ЗЕМЛЯНИКА

Второй самый счастливый день своей жизни Билл Джонстон провел на балконе, где возился в своем огороде. Конечно, настоящим огородом назвать это было трудно, да и балкон особыми просторами не отличался, так что Билл давно научился использовать каждый дюйм доставшегося ему пространства. С одной стороны по шпалерной решетке, служившей одновременно ограждением, висел сахарный горошек, с другой — виселись привязанные к колышкам томаты. В центре располагались аккуратные грядки свеклы, моркови и салата-латука, стиснутые с обеих сторон кочнами брокколи, брюссельской капусты и кустиками зеленых перцев. Как-то Билл попытался пристроить в уголке несколько плетей цуккини, но буйные растения задушили и вытеснили едва ли не половину соседей. Пришлось довольствоваться фасолью волокнистой и десятком стеблей карликовой кукурузы.

Вторая часть балкона была отведена ягодам: по большей части, ремонтантной землянике да нескольким тщательно подстриженным веткам ежевики и малины. В углу, рядом с раздвижной кухонной дверью, рос его любимец, кустик черники, дававший достаточно ягод, чтобы украсить тарелку с овсянкой или чашку с йогуртом.

И хотя квартира Билла находилась почти наверху шахтного ствола высотой с милю, солнце никогда в нее не проникало, и на балконе всегда царил приятный полумрак густого леса, куда редко заглядывают солнечные лучи... впрочем, нужно сказать, что Билл много-много лет не видел настоящего леса. Сады его юности наверняка погибли бы при столь скудном освещении. Но сегодняшние суперрастения выживали почти так же хорошо, как когда-то их предки — на солнце.

Билл, как всегда, начал с земляники. В особенно удачные дни ягод поспевало столько, чтобы вместе с черникой и малиной хватило на компот к бельгийским вафлям. Конечно, капля по сравнению с фруктовым изобилием его юности, но вполне достаточно, чтобы освежить старческую память.

Билл раздвинул листья, напоминавшие гигантские чернильные класкы — генно-модифицированные, чтобы поглощать всю доступную энергию. Пятьюдесятью этажами выше растения с черными листьями покрывали все крыши. Когда-то, чтобы прокормить одного человека, требовалось несколько сот квадратных метров земли. Теперь хватало нескольких квадратных метров крыши, и даже меньше, если вы соглашались питаться, в основном, переработанной целлюлозой. Суперрастения были одним из многих чудес, которые Билл помог привезти на планету, стонавшую от усилий дать пищу одиннадцати миллиардам людей. Но дар оказался поистине троянским конем. Сегодня, даже когда под

давлением правительства прирост населения был остановлен, прежние одиннадцать миллиардов виделись чем-то буколически-патриархальным.

Билл осторожно отвел в сторону листья земляники, высматривая яркие пятна спелых ягод, которые, слава Богу, были такими же картинно-красивыми, как много лет назад. Полдюжины явно поспели, а вдвое больше — уже дозревали и, на первый взгляд, казались такими же вкусными, какими наверняка будут завтра. Но Билл давно научился искусству растягивать удовольствие. Воровать ягоды некому: здесь нет ни птиц, ни насекомых, ни белок, а следовательно, чуть недозрелые ягоды останутся на кустах до завтра. Когда настанет завтра, его сегодняшняя бережливость будет вознаграждена.

По другую сторону шахтного ствола одна из соседок Билла тоже вошла на балконе — в крошечном садике, где росли розы. Они молча помахали друг другу, не утруждаясь беседой. Билл даже не удосужился узнать ее имя, но, как все его соседи, она была старушкой. Не то чтобы она действительно выглядела старой. Но старики двигались иначе, чем молодые, даже если нанобустеры делали их тела, с точки зрения медиков, неотличимыми от молодых. Билл мог распознать своих сверстников с одного взгляда по уверенности движений, которая приходит только с годами, когда производишь одно и то же действие так часто, что лишний раз не захочешь шевелиться: слишком глубоко засела в мозгу память о до-нано-артрите, запрограммировавшем ваше сознание на боль, возникающую при неосторожном повороте или резком взмахе рукой.

Большинство соседей Билла обладали совершенно одинаковой «экономией движений», и это выдавало в них стариков, но куда более глубоких, чем люди, которых он встречал во время путешествий в торговый центр или в транспортных кабинках. Может, стоит прожить долгую-долгую жизнь, чтобы помнить прежние дни, полные света и пространства, прежде чем твоим уделом станет крошечная квартирка с балконом.

Соседские розы с тем же успехом цвели бы и в комнатах. Ягоды Билла поспевали бы в стекляннопластмассовых аквариумах, расставленных в любой квартире на этой планете. Электроэнергия для освещения таких мини-садилов тоже была не бесплатной. Но обходилась куда дешевле, чем счета за такую роскошь, как использование кубатуры балкона. Гидропонные фрукты на вкус были ничуть не хуже чернолистных суперрастений и уж гораздо лучше месива из переработанной целлюлозы, половина которого изготавливалась из веток и стволов быстрорастущих трехгранных тополей. Но они казались ненастоящими, такими же, как безлюдные леса на крышах. Столь же нереальными ощущались оке-

аны, превратившиеся в гигантские аквафермы угольно-черных водорослей, за которыми ухаживали автоматы, не допускавшие постороннего вмешательства.

Билл сорвал ягоды земляники и уже подошел было к плетям сахарного горошка, когда мысленный пузырек помешал его приятным занятиям.

Билл так увлекся, что не заметил, как пузырь, появившийся из приемника, укрепленного на стене кухни, пролетел сквозь стену за его спиной. Даже бледный, мерцающий свет не привлек внимания Билла, пока пузырек не звякнул, объявляя о своем присутствии.

Еще одно неплохое качество людей, много лет топтавших землю: их не так-то легко испугать. Когда раздался звон, Билл как раз отодвинул лист и потянулся к большому красивому гороховому стручку. Прежде чем обернуться к пузырю, он сорвал стручок и, поскольку самое вкусное — это свежесорванный сахарный горошек, с удовольствием стал его жевать, наслаждаясь хрустящей мякотью. Только проглотив последний кусочек, он выпрямился и обернулся к световому шару размером с футбольный мяч, маячившему за его спиной. Дождавшись легкого кивка, шар поплыл вперед.

Некоторые технологии до сих пор казались настолько странными и чуждыми, что люди, на чьи зрелые годы пришлось их внедрение, так и не смогли привыкнуть к новинкам. Билл довольно редко пользовался мыслепузырьками, предпочитая прежние, более старые, интерактивные способы общения. Правда, за эти годы пузырей, должно быть, накопилось несколько тысяч. И все же его неизменно сбивали с толку прикосновения, вовсе не бывшие прикосновениями, хотя пузырьки проникали сквозь череп. Беспокоил его и факт спонтанного приобретения знаний — абсолютно и полностью новых, неожиданно всплывавших в голове.

Вначале он не верил, что пузыри (несмотря на все заверения галактик, продавших человечеству эту технологию) никоим образом не смогут перепрограммировать ваш мозг. Все, на что способны пузыри — имплантировать информацию. Но все равно это тревожило и раздражало.

И теперь Билл узнал, что выиграл двадцатичетырехчасовое посещение Десяти Тысяч Акров — один из главных призов в лотерее текущего года. К этому объявлению прилагался калейдоскоп фактов, часть которых он, возможно, знал раньше, а об остальных понятия не имел. Действие мыслепузырей и отличалось тем, что обычно требовалось несколько минут, чтобы отсортировать старые данные от новых. Самый лучший тест был и самым простым: если не помнишь, каким образом ты узнал нечто новое, значит, информация исходит от пузырька.

Одной из самых назойливых особенностей информации было чересчур точное определение: акр — устаревшая единица площади, равная чуть более 4046,856 кв.м. Билл чертовски хорошо знал, что такое акр. Он вырос на семистах акрах неподалеку от Фаллона, штат Невада, где пустынная почва нуждалась лишь в небольшом орошении, чтобы родить лучшие в мире дыни-канталупы. Однажды Билл, поддавшись ностальгии, попытался вырастить канталупы на своем балкончике, но они оказались еще более наглыми захватчиками, чем цуккини, и ему пришлось выдернуть плети задолго до того, как на них появились плоды.

Десять тысяч акров — это размер маленького ранчо или очень большой фермы: 40,46856 кв.км. Эту мысль внушил Биллу мыслепузырек: можно подумать, сам он забыл таблицу умножения. Билл предпочитал прежние единицы измерения. Десять тысяч акров — примерно пятнадцать квадратных миль: пятнадцать квадратных миль грязи, неба, солнца и миллионы и миллионы живых, растущих организмов. Недостаточно пространства, чтобы затеряться, но куда больше, чем его балкон.

Десять Тысяч Акров был самым большим парком Земли — и единственным парком под открытым небом, если не считать нескольких невероятных дорожных частных садов на крышах. Большинство относилось к нему примерно так же, как родители Билла — к Новой Зеландии, твердя, что это таинственное незнакомое место, которое они обязательно когда-нибудь посетят... когда отпадет необходимость кормить скот, выращивать дыни, не останется нуждавшихся в починке оборудования и требующих ремонта зданий. Они старательно делали вид, что только неотложные обстоятельства мешают им немедленно купить билеты. Отдых, о котором мечтаешь всю жизнь. До последних дней. Но разница в том, что родители вполне могли бы посетить Новую Зеландию. А вот билет в Десять Тысяч Акров купить нельзя. Только выиграть. Каждый день девяносто шесть победителей лотереи получали доступ в парк. По одному в час с северного, южного, западного и восточного входов. Билл войдет в парк в одиннадцать дня по его времени из Ворот номер три, непонятно, с какой стороны.

Девяносто шесть человек в день, это... даже считать не нужно (еще один подарок мыслепузырька) — 35 040 человек в год. Можно прожить очень долго и ни разу не увидеть своего имени в списке выигравших.

А вот Билл, несмотря на почти полное отсутствие шансов, выигрывал в лотерею дважды!

Первый раз — когда ему было всего тридцать три года. В то время он все еще был на седьмом небе, сбежав из душивших его условностей маленького городишки Фаллона. Какая ирония! При огромных про-

странствах, тянувшихся во всех направлениях, Фаллон казался капканом. Ограничившей свободу хитрой ловушкой, из которой так хотелось вырваться. Он и вырвался. Как и многие поколения деревенских мальчишек до него, Билл променял бескрайние просторы на тесные клетушки: сначала колледж, потом аспирантура и наконец астротехнология, после чего, к его изумлению, он был отобран в экипаж первого межзвездного корабля, отправленного человечеством в космос.

Его родители одновременно и расстраивались, узнав, что единственный сын отказывается продолжать их дело, и гордились тем, что он осуществил свои мечты. К несчастью, оба погибли в автокатастрофе за месяц до того, как Билл выиграл вожацкое место на космическом корабле «Бесстрашный». На Билла навалилась куча дел, поэтому он передал ферму доверенному лицу с просьбой сдавать ее в аренду до его возвращения, а сам сосредоточился на подготовке к отлету, омраченной скорбью по родителям.

Предполагалось, что путешествие окажется простой увеселительной прогулкой в систему Центавра. Но корабль едва сумел выйти за пределы Солнечной системы. Где-то на границах Облака Оорта, этого обширного лабиринта ледяных астероидов, места рождения комет, система датчиков засекала вспышку старта. Компьютер вычертил траекторию, и стоило космическому кораблю миновать орбиту Плутона, датчики определили, что цель обнаружена. К тому времени, когда корабль официально оказался в межзвездном пространстве, определенном Торговой Конвенцией Галактики как одна- π^{th} пути к ближайшей звезде, — и корабль, и человечество были объявлены легкой добычей, а поэтому внезапно оказались окружены инопланетянами.

Одним из заданий, порученных команде «Бесстрашного», был поиск внеземной жизни. Но на самом деле никто не ожидал никаких находок. В древней головоломке, названной Парадоксом Ферми, давно отмечалось, что даже при самых медленных формах субсветовых путешествий инопланетяне должны были давным-давно пересечь Галактику и добраться до Земли. Двадцатый век сменился двадцать первым, и люди уверовали, что человечество — единственная форма разумной жизни во всей Вселенной.

Этот мир лопнул. Судя по легионам инопланетян, окруживших «Бесстрашный», Галактика была битком набита разумными существами. Члены команды чувствовали себя богатыми туристами, оказавшимися в одной из развивающихся стран, которая кишела торговцами, нищими и уличными мальчишками, осаждавшими их со всех сторон. И все чего-то хотели. Только вот поменялись ролями. Они, представители высоко-развитой цивилизации, понятия не имели о простейших формах путе-

шествий со сверхсветовыми скоростями. Их окружали расы, уже успевшие овладеть всеми мыслимыми и немыслимыми технологиями, о которых мечтало человечество. Исследователи были потрясены не только количеством и разнообразием чуждых рас, но и тем, что внезапно оказались в центре всеобщего внимания.

Хорошенко вдумавшись в Парадокс Ферми, они могли бы куда быстрее сообразить, что нечто подобное было неизбежным.

Даже самые поверхностные рассуждения приводили к ложному выводу: представители Галактики ждали, пока человечество само придет к ним. Торговая Конвенция существовала долгое время, и одно из ее первых постановлений гласило: любая система, имеющая потенциал создания разумной жизни, должна оставаться в неизвестности, пока не сумеет связаться с другими планетами, доказав в достаточно убедительной форме необходимость отмены эмбарго. Если же этого не произойдет, все останется по-прежнему.

Но системы, где эмбарго продолжало существовать, встречались редко. Очень редко. В остальном целесообразность парадокса повсюду была доказана. Если до места можно добраться, значит так оно и будет. А после посещения непременно следовала колонизация. Земляне оказались первыми звездными пришельцами за миллион лет. Всего одиннадцать миллиардов людей, контролирующих целую солнечную систему — люди оказались на данный момент самой богатой расой в Галактике. А Билл был самым богатым из команды «Бесстрашного».

Местоположение Десяти Тысяч Акров держалось в секрете. Поиски в Эртнете, ветви галактического Юнивеба с тахионными связями, не давали никакой полезной информации, хотя последнее было вполне понятно: телепортация разрушала старомодные географические представления. Но Билл даже не смог найти сколько-нибудь вразумительного описания этого места. Очевидно, его ждал настоящий сюрприз.

Мыслепузырь не содержал иных сведений, кроме кода телепорта (где-то в Северной Америке) и сообщения о разбросе температур — от десяти до тридцати пяти градусов по Цельсию. Соответствующие климату одежда и снаряжение будут ждать в кабине по прибытии. Трудно поверить, что другие победители не разместили дополнительную информацию в Юнивебе, но, может, паутине была дана инструкция стирать все, что могло испортить сюрприз.

В назначенный день Билл ступил в свою личную кабину телепортации и назвал код, данный пузырем. Последовала короткая пауза, пока его личность сверяли с кодом и подтверждали, что приемник его пропустит.

Потом в глазах Билла потемнело, после чего он оказался в крохотной комнате, уставленной рядами шкафчиков, на одном из которых красными буквами горело его имя. Шкафчик открылся по голосовой команде. Внутри обнаружили ботинки на толстой подошве, тонкая куртка, темные очки, бутылка воды, таблетки против солнечного ожога и рюкзак, такой удобный и легкий, словно внутри было спрятано антигравитационное устройство.

Билл натянул ботинки, надел рюкзак и очки, принял таблетку и сказал, что готов к выходу. Дверь открылась, и впервые за много лет он оказался в залитом солнцем пространстве.

Подростком Билл посетил нью-йоркский Центральный парк во время единственной семейной вылазки в большой город. Тогда он так и не решил, нравится ли ему парк: невысокие холмы и рощицы напоминали о доме. Но уж слишком все было подстрижено и ухожено. Не давало забыть, где он на самом деле.

Билл ожидал, что Десять Тысяч Акров окажутся чем-то вроде такого же парка, только больше. Но перед ним расстился кусочек исчезнувшего мира. Теперь он понял, почему в Юнивебе не было описаний этого места. Победитель лотереи предлагалось самому понять, какие они, эти Десять Тысяч Акров. В другой раз семья Билла отправилась к Гранд-каньону. Билл помнил, как еще ребенком шел к самому краю по поросшему соснами плоскогорью, казалось, тянувшегося бесконечно, подобно гигантской столешнице. Еще один шаг — и величайшая пропасть мира неожиданно оказалась прямо перед ним. Бесконечность воздушного пространства и ярко окрашенной скалы, обрывававшейся у его ног, заставили мальчика невольно охнуть, хотя он и раньше знал, что каньон здесь — ждет его, подстерегает.

Но Десять Тысяч Акров ничем не напоминали Гранд-каньон. В свое время через это геологическое чудо перекинули мост и застроили, заодно с Йосемитской долиной, и пирамидами, и сооружениями инков, и всем остальным на Земле, за исключением того, что сейчас простиралось перед ним. И при виде Десяти Тысяч Акров у него точно так же захватило дух, как когда-то на краю каньона.

Судя по всему он находился на юго-западе Америки. Ландшафт, во всяком случае, был очень похожим. Слишком похожим, так что Билл невольно задался вопросом: уж не было ли все это чрезвычайно точной имитацией пустынного пейзажа. В одном направлении красовалось хаотическое нагромождение холмов из песчаника, превращенных ветром в странные, перетекающие одна в другую взвешенные скульптуры. Повсюду валялись гранитные валуны, словно гигантские шары для боулинга, разбросанные у подножий куполообразных гребней — гигантских

хлебных караваев, выпеченных в геологических пекарнях, с корочками, медленно застывавшими в пустынном воздухе. Между скульптурами и валунами возвышалась столовая гора, усаженная цереусами, можжевельником и пиниями. Растительность никоим образом не назовешь обильной, зато она — зеленая. Прекрасно, восхитительно, расточительно зеленая! Не режущей глаза зеленью, как альфальфа весной, но достаточно яркой для человека, привыкшего к жалкому подобию растений, выживающих в постоянных сумерках.

Но какими бы суровыми ни казались Десять Тысяч Акров, все же эту местность никак нельзя было назвать дикой. За горой виднелись небоскребы, возвышающиеся, словно неприступные стены каньона, глубиной в милю. Нет, не каньона... скорее, ямы. Такие же неприветливые, даже отталкивающие небоскребы высились со всех сторон, а за ними множились все новые и новые, устремленные в небо, головокружительно высокие и все до единого неприветливые, безликие, серые. Ни балконов, собирающих свет для грядок земляники, моркови и сахарного горошка, ни даже окон. Жильцы, скорее всего, и не подозревали, какое чудо находится совсем рядом с их домами. Возможно, это было сделано для того, чтобы сохранить тайны Десяти Тысяч Акров для людей вроде Билла, но со стороны казалось, что дома решительно повернулись спинами к открытому пространству парка, вызываясь объявляя: человечество больше не нуждается в эрозионных скульптурах, столовых горах, можжевельнике и во всем том, что они когда-то знаменовали.

Глухие, незрячие стены подчеркивали также тот факт, что весь пейзаж существует исключительно для Билла. Давным-давно в Неваде он принимал это как должное. В Неваде, где длинные зубчатые горные гряды показались одному первопроходцу похожими на армию гусениц, ползущих в направлении Мексики. Там можно было целыми днями бродить по горам и встретить больше диких лошадей, чем людей. Здесь он делил Десять Тысяч Акров с девяноста пятью победителями, появлявшимися и исчезающими каждый по своему расписанию.

Следы свидетельствовали о пребывании других людей, но здесь не было одной главной дороги. Множество тропинок переплеталось и расходилось; некоторые исчезали среди гранитных валунов, другие между причудливых скульптур. Кое-какие вели к лощинам и оврагам, словно предлагали маршруты различной трудности, включая подъем на вершину поросшей можжевельником горы. Десять Тысяч Акров, несмотря на то, что выглядели открытой местностью, на самом деле имели столько закоулков и укромных уголков, что, если повезет, Билла ожидает день полного одиночества.

Собственно говоря, если вернуться к подсчетам, здесь на сто акров приходится в среднем один человек. Учитывая все валуны, скульптуры и заросли можжевельника, можно сказать, что целых сто акров представляют достаточное пространство для маневра.

Солнце отбрасывало длинные тени, но холодок в воздухе подсказывал: это тени рассвета, а не заката. Билл, регулярно занимавшийся на тренажерах в спортивном клубе, был в хорошей форме, а ботинки так ловко сидели на ногах, что и речи идти не могло о мозолях или волдырях. До заката он сумеет прошагать довольно много и столько за это время увидеть...

Едва инопланетные торговцы, окружившие «Бесстрашный», узнали, что Билл владеет большим земельным наделом, он немедленно стал центром всеобщего внимания. Через несколько дней ему удалось продать фамильную ферму за такое количество галактических кредитов, что хватило бы на собственную роскошную межзвездную яхту. И еще он выторговал для себя замечательный бонус: доступ к передовой технологии. Это делало его таким же богатым на Земле, как торговые кредиты — в космосе.

Билл был уверен, что просто поменяй он ферму на яхту, его бы и близко к ней не подпустили. Правительство немедленно национализировало бы судно и велело разобрать, чтобы посмотреть, как оно работает. Правда, они вряд ли узнали бы что-то полезное. Изготовитель яхты, как многие галактические производители, снабдил изделие специальным устройством, превращавшим его в груду хлама, если кто-то, кроме уполномоченного дилера, попытается влезть внутрь дорогой игрушки, а семисот акров Билла было совершенно недостаточно, чтобы купить все секреты яхты. Поэтому он обратился к другому претенденту — банковской фирме, которая предлагала заключить менее рискованную сделку: куча денег плюс та технология, которая была ему по карману.

Биллу предложили несколько вариантов на выбор, но в конце концов он остановился на сверхмощном автомобиле, который, похоже, мог раз и навсегда решить вечную зависимость человечества от жидкого топлива. Но, к сожалению, просчитался. Покупка не обогатила его. Торговые кредиты Билла были надежно размещены за пределами планеты. Однако большая часть автомобильных денег сгинула в недрах космической администрации, предъявившей права на все, что было получено от неожиданного превращения «Бесстрашного» в торговую миссию.

Потом русские продали половину Сибири в обмен на телепортационные кабинки. За одну ночь автомобильные патенты Билла оказались столь же бесполезными, как кареты восемнадцатого века.

Канадцы, не желая плестись в хвосте, пустили с молотка Юкон за нанобустеры; датчане продали Гренландию за первые суперрастения, а китайцы отказались от Тибета за путешествия со сверхсветовыми скоростями по умеренным ценам.

Теперь Билл вполне мог купить яхту. Он обналечил торговые кредиты и следующие шестьдесят лет бороздил Галактику, попеременно поражаясь бескрайним и безлюдным просторам межзвездного пространства и оживленным, суматошным, богатым метрополиям, встречавшимся повсюду, куда его заносила судьба. Ко времени его возвращения на Землю, родной мир выглядел почти так же, как те, которые он успел посетить. Целое поколение выросло на галактических технологиях, а самые способные и талантливые уже успели найти работу на других планетах: следующее поколение фермерских детей, слышавших зов дальних космополитических городов.

Билл однако прошел полный круг. Навестил фамильную ферму и обнаружил, что ее превратили в город, выстроенный под единым куполом высотой в милю: дом и место работы для трех миллионов обитателей, как людей, так и инопланетян. Вся Невада, мало того, вся Земля, шла по тому же пути. Участок за участком продавались за торговые кредиты и технологии. Единственным исключением оказались Десять Тысяч Акров: памятник планете, которая уже никогда не будет прежней.

Яхта Билла сильно обесценилась, но за нее все еще можно было выручить значительную сумму. Он продал ее, снял квартиру с балконом и ушел на покой. Ко времени выигрыша в лотерею он прожил здесь семьдесят три года.

Первым порывом Билла, стоявшего на пороге Десяти Тысяч Акров, было подняться на гору и оттуда обозреть окружающее пространство. Но тут ему пришло в голову, что каждый второй посетитель проделывал то же самое. А ведь он хотел, по возможности, остаться один на своей сотне акров — доставшейся ему доле.

Это навело его на другую мысль, вернее, на воспоминание о странице школьного учебника истории: что-то насчет сотни акров и муле. Нет, не так: там было только сорок акров. Он не сразу, но сообразил, о чем шла речь. В конце Гражданской войны какой-то генерал пообещал сорок акров земли и мула каждому бывшему рабу, решившему начать новую жизнь. Но на деле обещание оказалось пустыми словами: очень немногим удалось получить землю и мулов до того, как генерал отменил собственный указ.

Билл оказался примерно в том же положении: ему дали целых сто акров, но всего на один день. И никаких мулов. Нет, думал он, подтяги-

вая лямки рюкзака, это не совсем так. Ему дали высокотехнологичного мула. Рюкзак определенно снабжен антигравитационным устройством.

Он снова дернул за лямки, мысленно бросил монетку и решил направиться к созданным ветром скульптурам.

И прежде всего обогнул центральную гору. За скульптурами тянулись почвы, сильно искаленные эрозией, так называемые бедлендз: лощины, канавы, рывтины, овраги, крутые многоцветные скалы, спускавшиеся в бездонные каньоны. Самая легкая дорога проходила ближе к восточному входу в парк, у основания очередной серой стены без окон. Но Билл предпочел выбрать срединный маршрут и держался как можно ближе к горе, насколько позволяла местность.

После бедлендз пошли поросшие травой холмы. В узкой лощине бежала речка, дающая достаточно прохлады для сосен. Исток она брала где-то в горе, а дальше вода исчезала в поросшем рогозом болоте, у самого входа в долину. Хорошо бы узнать: природная это вода или повторно использованная... Но Билл тут же понял, что особого значения это не имеет. Даже если речка просто искусственно созданная копия настоящей, то выглядит вполне убедительной. А это самое главное.

По дороге он все же встретился с другими людьми. Одна женщина взбиралась на валуны, другая сидела на камне у реки, болтала ногами в воде и наблюдала за расхажившими по поверхности кругами. Какой-то мужчина разделся до трусов и бегал босиком по камням и песку. На глазах Билла он трижды обогнул гору, лидируя в своем личном марафоне. К их третьей встрече он уже хромал. Ноги его покрылись кровавыми царапинами, а лицо превратилось в маску боли. Странный тип.

Бегун предпочел сунуть куда-то свой рюкзак, чтобы не таскать его с собой, но другой турист нашел панель управления антигравом, и пустил свой рюкзак в полет над самой землей и потащил его за собой на веревочке: остроумная выдумка, однако если чуть перестараться, добавив слишком много энергии, ведь рюкзак может просто скрыться, как оторвавшийся воздушный шар. При встрече Билл и незнакомцы обменивались кивками, но не разговаривали, а наоборот, старались обойти друг друга по возможно более широкой дуге.

Наконец Билл сообразил, что большинство встреченных им людей, даже бегун и остроумец с рюкзаком, имели кое-что общее. Как и его соседи по балконам, они двигались с осторожной, выверенной аккуратностью, приобретаемой с возрастом. Единственными исключениями были женщина, болтавшая ногами в воде, и еще пара туристов, чьи тела излучали небрежную свободу движений, свойственную тинейджерам. Очевидно, чаша весов лотереи клонилась в сторону пожилых, вроде Билла,

людей, которые достаточно повидали современный мир, чтобы по достоинству оценить все, что было когда-то распродано.

Днем он оказался в исходной точке, жалея, что не хватит времени снова обойти гору, но уже по другому маршруту. Вместо этого он направился к вершине, надеясь, что никто другой не вздумает раскинуть там лагерь.

Ему не стоило волноваться. Высота горы была примерно триста метров: достаточно серьезный подъем даже при наличии рюкзака с антигравом, чтобы отпугнуть тех, кто не утруждал себя посещениями спортклуба. Добравшись до вершины, он обнаружил, что она была исполосована глубокими каньонами, такими, как тот, откуда брала начало речка. Устраивай лагерь, где хочешь.

В рюкзаке оказались и палатка, и спальный мешок, но ему не хотелось ставить палатку. Он положил рюкзак под куст можжевельника вместо подушки, удобно прислонился к нему и дернул за нагревательную петельку на контейнере с ужином. Позже он заберется в спальный мешок, но пока и без того было вполне уютно.

С высоты Десять Тысяч Акров еще меньше напоминали глушь, чем снизу. И хотя ближайшие стены были в двух милях отсюда, с этого наблюдательного пункта они казались еще более навязчивыми и неуместными, к тому же загораживали треть неба. Казалось, что даже здесь, на вершине горы, Билл все равно томится на дне гигантского прямоугольного ящика.

В темноте ощущение тесноты только усилилось. Подножие горы потонуло во мраке, а стены стали еще более угнетающими: темные, мрачные призраки, подступившие совсем близко границы его мира, превращающие даже Десять Тысяч Акров в нечто ничтожное и незначительное. То здесь, то там мелькали огоньки — другие туристы устраивались на ночлег. Но и эти огни быстро погасли, и остался только прямоугольник недостижимо высокого темно-синего неба. Билл намеревался пролежать всю ночь без сна, наслаждаясь горьковато-сладостной магией усеянного звездами пустынного неба. Но наблюдать звезды таким образом оказалось непросто. И эпитет «горьковато-сладостный» тут не подходил. Все было гораздо хуже: Билл еще сильнее, чем всегда, чувствовал себя заключенным, брошенным в яму, откуда никогда не сможет выбраться.

Через несколько минут он закрыл глаза и большую часть оставшегося ему времени проспал в этой девственной глуши, обернувшейся чем-то вроде тюрьмы.

Проснулся Билл отдохнувшим, но не освеженным. Вчера он гадал, что будет, если он откажется уйти. Сегодня, когда мыслепузырь медлен-

но поплыл к нему из какого-то скрытого приемника, он был готов к отказу. Но пузырь сообщил, что Биллу не следует выходить через те же ворота. Такие вещи не поощрялись: всегда существовала опасность встретиться с вновь прибывшим. Однако пузырь проинформировал, где найти кабинку отлета (в лесу, за лагерем), и напомнил, что у посетителя осталось менее двух часов пребывания в парке.

Билл полежал на земле еще несколько минут, припоминая другие ночи детства, под более дружелюбными звездами. Ночи, когда он мечтал покинуть тюрьму без стен, каковой считал жизнь в маленьком городе. И он осуществил свою мечту. Помог человечеству распродать все это за мыслепузыри, серые небоскребы, еду из целлюлозы и антигравитационные рюкзаки, с которыми некуда ходить.

Он сунул в рюкзак спальный мешок и направился к выходу на час раньше положенного времени.

Мыслепузырь добавил, что он может оставить себе ботинки, рюкзак и все остальное снаряжение на память, в качестве сувениров. Следующие несколько дней они валялись в углу комнаты: грязная, пропахшая потом одежда, ботинки, покрытые красной пустынной пылью, которые он не дал пропылесосить домашним роботам. По утрам Билл возился в саду, днем ходил по торговым центрам, заглядываясь на выставленные в витринах высокотехнологичные, совершенно не нужные ему штучки, а потом до вечера торчал в спортклубе, тренируясь, сам не зная для чего.

Он честно пытался вернуться в прежнюю жизнь, но все казалось никчемным: так, способ убить время. И вместо того, чтобы вернуть вторую молодость, посещение Десяти Тысяч Акров только ярче подчеркнуло границы, в которые было втиснуто его существование. Он попытался прибегнуть к виртуальной реальности, программируя стены спальни, послушно превращавшиеся в прерии, горы или пустыни. Но какой бы добротной ни была имитация, Билл не мог забыть, что это всего лишь иллюзия, и задыхался в созданной с его же помощью тюрьме. Он даже подумывал вернуться в космос: денег хватало даже на долгое путешествие в туристическом классе. Но он заранее знал все об этом путешествии: те же границы, те же обитатели небоскребов, вплавившиеся в однородность цивилизации-улья, из которой он мечтал вырваться.

Через несколько недель Билл наконец пришел к решению.

Весь следующий месяц он тренировался, поднимая тяжести. Однажды утром, посчитав, что сильнее все равно уже не станет, он угостился всеми зреющими ягодами земляники, включая те, которые в обычных обстоятельствах оставил бы до завтра. Та же участь постигла сахарный

горошек и даже зеленый перец, который стал бы гораздо вкуснее, повисев на кусте еще пару дней. Он повыдергал с грядки всю недозрелую свеклу и морковь, сорвал с полдюжины зеленых томатов, а затем мелко порезал и потушил зелень и крошечные плоды, как это делала мать, когда первые заморозки убивали стебли, оставляя урожай крошек-томатов, которым не суждено было созреть.

Потом он надел ботинки и пропотевшую одежду, немного подумав, натянул куртку, хотя в саду стояло приятное теплое утро. Остальное снаряжение вывалил из рюкзака и вырвал подкладку, обнажив панель управления антигравом. Индикатор показал, что энергии еще достаточно, поэтому он отнес пустой рюкзак на балкон.

И поглядел вверх, на голубой квадрат, пропускавший скупой ручеек рассеянного дневного света, который и позволял суперрастениям вести свое генно-модифицированное существование. Обвел глазами все остальные балконы, ниже и выше его собственного, крохотные пространства, заполненные памятными сувенирами других людей. Напоминания об их давно прошедшей юности: не только овощи и розовые кусты, но и рододендроны, кактусы и даже пальмы в кадках. Когда он еще только перебрался сюда, то посчитал освещение шахтного ствола настоящим благословением, но оказалось, что это очередной ящик.

Билл крепко вцепился в одну из лямок рюкзака, а свободной рукой продолжал активизировать антиграв, пока рюкзак не взмыл вверх. Потом, крепче сжав пальцы, он повернул диск антиграва еще на несколько цифр и схватился за вторую лямку. Рюкзак продолжал уносить его к манящему квадрату голубизны.

Планируя побег, Билл сначала хотел продеть руки в лямки так, чтобы нести рюкзак за спиной, вместо того чтобы болтаться на нем. Но, мысленно прорепетировав это движение, решил, что, скорее всего, ничего не получится. Так было гораздо легче, проще и достаточно безопасно. Правда, пришлось оттолкнуться ногами от нескольких верхних балконов, прежде чем он достиг крыши, но потом путь оказался свободен, и антиграв неуклонно поднимал его в небо, хотя ветер упорно сносил вбок.

Внизу зияющая яма его балкона светилась пустым прямоугольником среди полей темных суперрастений: одна из дюжин подобных «плантаций», видневшихся на гигантской равнине крыш. Небольшая разница в оттенках отличала один урожай от другого, однако в основном поля простирались черной мозаикой до самого горизонта. Билл предпочел бы зеленую мозаику, но отсюда черные растения вовсе не выглядели такими уж унылыми. А над ним голубела опрокинутая чаша

неба, испещренная безупречными пушинками облаков. И ни звука, ни ощущения движения, если не считать постоянного мелькания ферм далеко внизу. Впервые за долгие годы он не чувствовал себя заключенным.

Билл недаром упорно поднимал тяжести каждый день — теперь он без труда держался за рюкзак. Но постепенно мышцы рук стало жечь и сводить судорогой. Он знал, что этот момент обязательно настанет. Даже если он и сможет дотянуться до панели управления антигравом, чтобы вернуть рюкзак на землю, возвращение в тюрьму после этой безбрежной свободы было бы куда более тяжелым, чем возвращение из Десяти Тысяч Акров. Когда его руки заныли так сильно, что полет над крышами больше не радовал, Билл в последний раз огляделся и разжал пальцы. К этому времени он был уже достаточно высоко.

Кое-кто из соседей Билла видел, как он поднимается вверх, так что его гибель не прошла незамеченной. Уже к вечеру хозяин поместил объявление на сайте Юнивеба о сдаче свободной квартиры и устроил двадцатичетырехчасовой аукцион. Самую высокую цену дал цефалопод с Клан. Ему балкон был совсем не нужен, и позже он поменялся с пожилой женщиной.

Даже после обмена цена оказалась немыслимой, однако цефалопод считал, что ему повезло. Земля была для него новым, необжитым местом, но, хотя рождаемость приближалась к галактической норме и иммиграционный бум подходил к концу, найти жилье было вовсе не так легко.

Сначала многие галактики возражали против существования Десяти Тысяч Акров, считая их возмутительной и бесполезной тратой кубатуры. Но теперь этому пришел конец. Билл выбрал поистине зрелищный способ уйти из жизни. Он был не первым, кто выиграл в лотерею, и не единственным, кто не пожелал возвращаться к прежнему существованию. И когда земельная лихорадка ушла в историю, Десять Тысяч Акров оказались весьма полезным способом устроить стабильную утечку кубатуры.

Галактики наверняка поняли бы, почему Билл до самого конца всегда оставлял завтрашнюю землянику на завтра.

**Перевела с английского
Татьяна ПЕРЦЕВА**

Д У Г Л А С С М И Т

СОСТОЯНИЕ

Иллюстрация Владимира ОВЧИННИКОВА

ХАОСА

Вот так-то круговорот времен несет с собой отмщение.

Уильям Шекспир. «Двенадцатая ночь».

Тик-так.

В обеденном зале огромного дома, больше похожего на замок, женщина поднимает голову и удивленно озирается. Грязная посуда все еще громоздится перед ней. В начале вечера стол был так безукоризненно сервирован. Она пытается вспомнить, как на месте порядка воцарился хаос, и не может.

Тик-так.

Она вздрагивает от этого звука. На противоположном конце стола лежат мужские наручные часы. Он почему-то оставил их здесь, забыл или они ему не нужны. Часы старые, ремешок у них порван, — женщина молодая, сердце ее разбито. Часы лежат циферблатом вниз, но она знает, что это старомодные часы со стрелками. В маленьком окошке — дата. Число из далекого прошлого. Две жизни назад. Дата наверняка сегодняшняя. Она спрашивает себя, откуда ей это известно.

Тик-так.

Она встает и направляется к часам.

— Господи, Джеймс! Только посмотри на это! — воскликнула Кэролин.

Джеймс Макаби закрыл книгу, которую читал своему сынишке Дэвиду, и выглянул в окно лимузина. Водитель осторожно вел авто по улице, заваленной мусором и забитой сожженными машинами. Солнце клонилось к закату. Обитатели квартала грелись в его последних лучах, примостившись на ступеньках неказистых домишек. Иные устроились прямо на тротуаре. Отхлебывая по очереди из бутылки, оборванцы что-то кричали вслед дорогому автомобилю.

Лимузин остановился перед грязно-серым трехэтажным домом. Ветхие ступени вели к двери, заколоченной крест-накрест там, где было выбито стекло. Макаби осмотрелся и вновь обернулся к жене.

— Похоже, доктор Гарниш опустился ниже, чем я думал.

— Ты уверен, что тебе стоит идти туда? — спросила Кэролин. — Он вел себя с тобой очень грубо, когда его уволили из университета.

Макаби поежился от этого воспоминания, но ради жены изобразил на лице улыбку.

— Тогда он со всеми так обращался.

— Да, но...

— Он просит меня о помощи. Да и поздно отменять обед, хотя, соглашусь, перспектива на вечер не лучшая, — он усмехнулся, и Кэролин улыbnулась в ответ. Макаби обнял Дэвида: — Пока, старик. Веди себя хорошо!

Дэвид тоже обнял его.

— Пап, мы ведь дочитаем историю вечером?

— Папа вернется, когда ты уже будешь спать. Завтра дочитаем.

Макаби притянул к себе Кэролин и нежно поцеловал. Затем выбрался из машины на прохладную улицу. Запах духов жены кружил ему голову. Он сказал водителю:

— Заберите меня ровно в десять. Квартира 202. Если понадобится, позвоните на мобильный.

Водитель кивнул.

Кэролин выглянула в окно.

— Подожди, твои часы. Их починили, но ремешок будет только на следующей неделе.

Она достала из сумочки мужские часы. Золотые стрелки, черный циферблат, порванный кожаный ремешок. На обратной стороне выгравирована надпись: «Джеймсу. Вечно твоя. Кэролин».

Кэролин бросила недоверчивый взгляд на дом, перед которым они остановились.

— Джеймс, ты...

Макаби снова поцеловал ее.

— Увидимся еще сегодня — до полуночи.

Он положил часы в карман и поднялся по ступенькам, у двери остановился, чтобы помахать на прощание, но лимузин уже скрылся из виду. Джеймс опустил руку. Ему опять стало не по себе.

Тик-так.

Этот звук ее больше не пугает. Она обходит длинный стол, тянется к часам.

Макаби взялся за дверь, та открылась с ржавым скрипом. Он вошел в тесный подъезд, и в нос ему ударила резкая вонь — запах мочи и пота. На полу валялось грязное одеяло. Макаби оглядел ряд кнопок звонков: у половины не было ни имен, ни номеров. Он нашел кнопку 210, отсчитал до 202 и нажал, надеясь, что не ошибся. Ему ответил сразу же.

— Это вы, Макаби?

— Да, доктор. — Похоже, Гарниш наблюдал за ним.

Раздался резкий звонок, и внутренняя дверь открылась, впус­тив Макаби в холл с грязными обоями и креслами, из которых торчали пружины. Лифт не работал, поэтому гость поднялся по обшарпанной лестнице на второй этаж и двинулся вдоль заплесневелого коридора, освещенного редкими тусклыми лампочками, пытаясь разглядеть номера на дверях. Одна из дверей открылась, но тут же захлопнулась, стоило ему оглянуться.

Дойдя до квартиры 202, он постучал. Дверь отворилась, и он оказался лицом к лицу с доктором Гарнишем. Макаби попытался скрыть свое удивление. Со времени их последней встречи прошло два года. Макаби понял, что два года — это очень много. Гарниш ссутулился, исхудал, выцветший голубой халат висел на нем, как на вешалке. Волосы, зачесанные назад, поседели раньше времени. Ворот халата открывал рубашку, когда-то белую, и косо повязанный галстук. Серые брюки, которые неплохо было бы почистить, дополняли наряд. Он протянул тощую руку, Макаби суетливо пожал ее.

— Доктор Макаби! Как хорошо, что вы пришли! — сильный голос старика совсем не соответствовал его обрюзгшему виду. И глаза на желтоватом лице горели так же ярко, как и два года назад.

Гарниш провел Макаби в маленькую гостиную. Справа находилась кухня, слева — коридор, ведущий в ванную, и закрытая дверь во вторую комнату. Гарниш взял пальто гостя, пощупал ткань.

— Дорогое пальто. Приятно, наверное, позволить себе такую хорошую вещь. А вот я не имею подобной возможности, — он повесил пальто в пустой шкаф. — Проходите, прошу вас. Как насчет аперитива?

Макаби сделал несколько шагов и оказался в центре маленькой комнатухи. Сильный запах лука ударил ему в ноздри.

— Обед пахнет восхитительно, — попытался улыбнуться он.

Гарниш указал на одно из двух потертых кресел. Между ними располагался маленький стол, на краешке которого, под покосившимся абажуром настольной лампы, лежала книга.

— Садитесь, садитесь... Да, боюсь, обед не поразит вас изысканностью блюд. Зато я приправляю мясо соусом, так что вы и не догадаетесь, какого оно качества.

Гарниш усмехнулся, как будто такая рекомендация могла обрадовать гостя.

— Что вы предпочитаете: скотч или шерри? Эту роскошь я себе все еще позволяю.

— Шерри, пожалуйста.

Макаби сел в скрипучее кресло и огляделся. Пятна на голых стенах

(ни картин, ни каких-либо еще предметов искусства), потрескавшаяся штукатурка. Он посмотрел на книгу, лежавшую на столе: рассказы По. Книга была открыта на «Бочонке Амонтильядо».

Гарниш достал из старого деревянного буфета полупустую бутылку и два стакана. Он подошел к накрытому на двоих обеденному столу — единственному, помимо буфета, предмету мебели в комнате — и разлил шерри по стаканам. Передав один Макаби, он сел в кресло напротив своего гостя и улыбнулся.

— Итак...

Макаби почувствовал себя неловко.

— Да... Так...

Гарниш расхохотался.

— Светская беседа ни к чему. Мы с вами никогда не умели ее вести. — Наклонившись вперед, он дотронулся костлявым пальцем до колена Макаби. — Я вам расскажу, что побудило меня пригласить вас. С вашей стороны было очень любезно принять мое приглашение.

Макаби сделал глоток шерри. Дешевка...

— Насколько я понял, вы хотите вернуться на факультет и надеетесь, что я помогу вам, используя свое положение в совете директоров.

Гарниш улыбнулся.

— Я действительно намереваюсь использовать вас, чтобы заставить судьбу вновь улыбнуться мне.

При этих словах улыбка исчезла с его лица.

— Вы помните конференцию в Амстердаме?

Макаби нахмурился.

— Меня там не было. Эта конференция состоялась пять лет назад, не так ли? — Он почувствовал, что его опять охватило беспокойство.

— Да, пять лет, — ответил Гарниш, взглянув на фотографию женщины, стоявшую на маленьком телевизоре. Макаби вспомнил, что Гарниш был женат. Но жена ушла от него после того, как его уволили.

Гарниш продолжил:

— Мы с вами тогда взобрались почти на вершину карьеры. Цели наших исследований были разными, а вот области — очень близкими. И, казалось, нам обоим суждено войти в историю науки. — Он глотнул шерри. — История. Уместная тема для разговора, если вспомнить ту конференцию.

— Я не понимаю, о чем вы, доктор... — начал было Макаби.

— Позвольте мне договорить, — криво усмехнулся Гарниш. — Вы ознакомились с докладом, который я читал на той конференции?

Макаби наморщил лоб.

— По-моему, вы оспаривали утверждение Хокинга о термодинамическом векторе времени, о его направлении, когда увеличивается энтропия.

Гарниш кивнул.

— Хокинг считал, что энтропия также определяет направление нашего психологического вектора времени, наше чувство времени. Та последовательность, в которой мы запоминаем события, зависит от возрастания энтропии. Так мы устроены. Это делает второй закон термодинамики нерелевантным. Хаос возрастает с течением времени, потому что мы измеряем время в направлении возрастающего хаоса.

Макаби слегка успокоился, когда они заговорили о науке.

— Да, припоминаю. Вы пытались доказать, что если изменить состояние хаоса в закрытой системе, то ее можно будет перемещать назад во временном пространстве.

— Да, назад по отношению к человеческому вектору времени.

— Насколько мне известно, ту часть вашей работы слушали с интересом.

Гарниш раздраженно махнул рукой.

— Это банально. Очевидно. А сутью моей работы вы заинтересовались?

Макаби вздохнул, понимая, к чему клонит хозяин.

— Вы предлагали создать закрытую систему, в которой можно было бы уменьшить энтропию с помощью бомбардировки антиматерии, кажется. Подробностей я не помню.

Несколько секунд Гарниш смотрел на гостя не мигая.

— Подробностей вы не помните, — повторил он. — Да, конференция состоялась довольно давно. И вас на ней не было, поэтому вам не известно, как ваша работа повлияла на мою.

Губы его кривились в улыбке, но глаза оставались холодными.

У Макаби пересохло в горле. Он отпил шерри.

— Я занимался исследованием, связанным с проблемой черных дыр. Действительно, это имело отношение к вопросам границ энтропии, но...

— Ваши исследования обнаружили ошибку в моей теории, Макаби. Определение границ. Телбронд из Массачусетского технологического развил вашу теорию в докладе, с которым он выступил после меня. Я доказал, что мой метод уменьшит энтропию всего вещества, находящегося внутри системы. А Телбронд указал на то, что энтропия стенок си-

стемы, в которой содержится это вещество, увеличится и сведет на нет уменьшение энтропии вещества. — Его губы задрожали. — Общая энтропия в моей системе возрастет, а не сократится.

Макаби молчал, не в состоянии отвести взгляд от лица Гарниша. Рука, в которой он держал стакан, вспотела.

— Телбронд разрушил мою карьеру. И сделал он это, используя вашу работу, Макаби. Это теперь тоже часть истории, — Гарниш говорил бесстрастно — как ученый, подводящий итог эксперимента. Если он что-то чувствовал, его лицо этого не выдавало.

Однако по спине Макаби пробежал холодок.

— Доктор, я понятия не имел о том, что Телбронд использовал мои ранние работы против вас.

Гарниш прервал его, подняв руку.

— Я вас не осуждаю, я просто констатирую факт. После конференции меня высмеивали везде: на симпозиумах, на факультете. В конце концов мне отказали в финансировании.

Хозяин встал и подошел к маленькому окну. Куски грубой ткани, висевшие на кривом карнизе, служили занавесками. Его взгляд устремился куда-то вниз, на улицу. Неловкая пауза, уродливая, как тряпки на окне, повисла в воздухе. Макаби собирался уже положить конец этому странному вечеру, когда Гарниш обернулся к нему.

— Такой милый район. Боюсь, я его забуду... Прошу к столу. Сейчас я подам обед.

Размышляя над его странными словами, Макаби сел за стол лицом к кухне. Чтобы незаметно наблюдать за временем, он положил часы с разорванным ремешком перед собой. Раздался сигнал микроволновой печи, и Гарниш появился в дверях с двумя тарелками, в которых что-то дымилось. Они приступили к жидкому картофельному супу, нещадно пересоленному.

Гарниш хмыкнул, и Макаби поднял голову от тарелки.

— Макаби, а вы знаете, на что я потратил последние деньги?

Макаби покачал головой.

— С тех пор вы не опубликовали ни одной работы. Вы уволили всех своих помощников...

— Они предали меня, — тихо проговорил Гарниш, — выдали секреты моим врагам, украли мои идеи...

«Он сумасшедший», — пронеслось в голове Макаби.

— Да, но как бы то ни было вы работали один. И никто не знал, над чем.

Гарниш холодно улыбнулся.

— Тогда сегодняшний вечер станет откровением. — Совсем тихо, едва слышно он добавил: — И кое-чем еще.

Он пристально посмотрел на Макаби, затем огляделся, как будто впервые увидел свою комнату, и гримаса исказила его лицо.

— Времени прошло достаточно, — пробормотал он, поднялся и, прихрамывая, направился к закрытой двери в другую комнату.

Макаби услышал звук поворачиваемого ключа, стук двери, а потом воцарилась тишина. Он ждал... Ничего! Его терпение иссякло, и он встал, намереваясь уйти. Вспомнив о часах, вернулся к столу и остановился: часы исчезли. Он искал на столе, на полу... Безрезультатно.

Часы пропали.

Комнату заполнил низкий гул, заглушивший шум с улицы, который быстро превратился в завывание на очень высокой ноте. По спине Джеймса пробежал озноб, он почувствовал головокружение и слабость. Макаби тяжело опустился на стул, задел стол и разлил шерри. Пятно расплзлось по скатерти там, где только что лежали часы.

Какой-то звук заставил Макаби поднять голову. Одна из стен треснула по диагонали и распалась на две части. Но в щель была видна не крошечная кухня, а белая пустота. От ужаса Джеймс даже не мог закричать. Он с трудом поднялся на ноги и, спотыкаясь, пошел к двери. Однако комната стала невероятно длинной. Предметы начали расплываться, цвета тускнели. Несчастный пронзительно закричал, мир вокруг него разбился, словно зеркало. Осколки реальности закружились и стали превращаться в белое ничто. Он услышал, как Дэвид зовет его: «Папа!», — потом свой собственный крик, почувствовал, что падает, ощутил...

Пустота.

Тик-так.

В голове одна мысль: почему такие маленькие часы тикают так громко? Может быть, это ей только кажется... да, впрочем, неважно.

Она тянется к часам...

Макаби вытер рот дорогой льняной салфеткой. Последние звуки концерта Вивальди затихли. Чуть слышно шелкнул магнитофон.

— Отличное ризотто, доктор, спасибо вашему повару.

Гарниш сдул пылинку со своего ладно скроенного пиджака, тонко улыбаясь Макаби, который сидел по другую сторону стола.

— Лыстите, коллега. Подобной роскоши я не могу себе позволить. Пока. Я нанял повара из ресторана.

Гарниш был радушным хозяином, но Макаби все еще чувствовал себя неуютно.

— Вам не стоило идти на такие расходы, доктор.

Бледные губы Гарниша тронула улыбка.

— Уверяю вас, по сравнению с другими приготовлениями к сегодняшнему вечеру, еда — просто мелочь.

Он позвонил в маленький серебряный колокольчик, из-за стеклянной двери появился официант, убрал тарелки и снова исчез на кухне.

Макаби еще раз оглядел Гарниша: коротко стриженные седеющие волосы и прямая, как в молодости, осанка.

— Вот уже второй раз вы намекаете на то, что этот обед особенный. Чем же?

— Как же! Годовщина *того* обеда! — Гарниш предпочел не заметить озадаченного выражения лица своего гостя. — Хотя «годовщина» не совсем точное определение. Но подходящего слова просто не существует, ведь это событие беспрецедентно.

Он вновь улыбнулся.

— Я вас не понимаю, доктор, — сказал Макаби.

Гарниш встал и подошел к огромному окну, занимавшему всю стену от пола до потолка. Ухоженной рукой он отодвинул гардину и пристально посмотрел вниз, на улицу. Макаби не понял, что могло завладеть вниманием коллеги, хотя бульвар с пышными деревьями и изящными скульптурами в саду был действительно хорош.

— Вы ведь не помните наш первый обед в этот же самый день? — спросил Гарниш, все еще стоя спиной к своему гостю.

Джеймс почувствовал, что запас его терпения скоро иссякнет.

— О чем вы?

Гарниш обернулся к Макаби.

— Жаль. Если бы вы все помнили, было бы приятнее. Видимо, придется довольствоваться тем, что я сам вам все расскажу. Когда закончу, естественно.

Макаби разозлился. Он поднялся и посмотрел Гарнишу в глаза, сверху вниз — старик был ниже него.

— Доктор, я принял ваше приглашение, потому что вы обещали обсудить возможность моего восстановления в должности. Вы сказали, что можете это устроить благодаря своему положению на факультете. Но я вижу...

Гарниш жестом остановил его.

— Как ваша жена Кэролин? Милая особа.

Макаби удивили эти слова. Он пробормотал:

— Все хорошо, не жалуется. Правда, ей пришлось пойти на работу из-за моего...

— А ваш сын?

Макаби непонимающе посмотрел на старика.

— У нас нет детей. Мы решили не заводить ребятишек, пока не появится постоянный доход. — Он оправился от удивления. — Доктор, я настаиваю...

И опять Гарниш жестом велел ему замолчать.

— Достаточно. Время пришло. Вновь.

Даже не извинившись, он вышел из комнаты. Его шаги гулко раздавались в просторном коридоре.

Макаби был ошеломлен грубостью и эксцентричностью Гарниша. Затем его снова охватила злость, и он резко поднялся со стула. Когда он достиг дверей столовой, у него закружилась голова, в ушах раздался пронзительный свист. Пытаясь ухватить рукой ускользавшую створку, он упал. Комната начала растворяться в воздухе; цвета и предметы сливались в какой-то кошмарный суп, который помешивала космическая рука. В вихре пронеслось лицо Кэролин. Она плакала, и слезы превращались в ручейки крови. Ураган оторвал ее от Джеймса и потянул вниз, в неведомую белую пустоту.

Тик-так.

Она берет в руки часы — и начинает дрожать. Чувства, эмоции то ли приходят извне, то ли рождаются внутри нее. Вскрикнув, она опускается на пол и в слезах умоляет, чтобы это прекратилось. Все останавливается, но лишь когда она уже обессилела от борьбы. И тогда она видит образы, слышит звуки, чувствует запахи, прикосновения, как волны забытых снов. Снов о человеке, которого она любила. О ребенке. Об их ребенке.

Она разжимает руку. Часы падают на ковер. Она пытается понять, куда пропал этот человек, что стало с ее сыном.

Доев последний кусочек пирога, Макаби положил вилку на стол. Дворецкий в униформе быстро убрал посуду и приборы. Макаби поднял голову и с удивлением обнаружил, что взгляд Гарниша, сидящего на другом конце стола, прикован к нему.

— Вы голодны, Макаби? — в глубине его глаз, казалось, затаилась усмешка.

— Родерик! Не смущай нашего гостя! — Кэролин встала со стула и улыбнулась Макаби. — Я оставляю вас одних. Родерик после обеда курит сигары, а я так и не смогла привыкнуть к их запаху.

Макаби посмотрел ей вслед — больно и в сердце пустота. Как будто отняли что-то, принадлежавшее ему. Почувствовав на себе взгляд Гарниша, Макаби пробормотал:

— Пожалуйста, извините меня, доктор, я давно уже так не обедал.

— Давно. Да, очень давно. Последний раз я имел честь принимать вас у себя пять лет назад, — лицо Гарниша не меняло насмешливого выражения.

Макаби помолчал в замешательстве.

— Я не помню, чтобы когда-нибудь бывал у вас в гостях.

Гарниш усмехнулся.

— Сегодня мы обедаем уже в третий раз в этот самый день. Хотя... — он замолчал и обвел рукой богато отделанную столовую, — обстановка значительно улучшилась по сравнению с нашим первым обедом.

Макаби уставился на него. Гарниш поднялся, посмеиваясь.

— Пойдемте в библиотеку. Пора открыть истину.

Прихрамывая, опираясь на палку, Макаби вышел вслед за Гарнишем из столовой. Хозяин остановился у двери в библиотеку.

— Прошу прощения, я забыл, что вы хромаете из-за травмы. Мне казалось, должно было зажить.

Макаби попытался скрыть боль, но лицо его исказила гримаса.

— Теперь меня мучает артрит коленного сустава.

В просторной комнате Гарниш указал на кожаное кресло с высокой спинкой. Усевшись рядом с Макаби и положив ноги на пуфик, он достал сигару из кармана пиджака.

— Ужасно, эта катастрофа! Хотя вам, можно сказать, повезло: вы выжили. Как хорошо, что с вами не было жены.

Макаби посмотрел на картину, висевшую над камином: в бархатном кресле сидит Кэролин, одетая в синее вечернее платье, за ней стоит Гарниш в смокинге. Макаби невесело вспомнил, что когда-то собрался сделать предложение Кэролин, если его жизнь устроится, но затем судьба отвернулась от него. Он посмотрел на Гарниша.

— Вы ведь знаете, что я никогда не был женат.

Гарниш с цинизмом изучал лицо гостя.

— Ах, да. Как глупо с моей стороны! — он закурил сигару и поудобнее устроился в кресле. — Ну, а теперь мой рассказ. На самом деле три рассказа, хотя третий вы все еще помните, и я не буду вам этим документать.

— Все еще помню... О чем вы?

Гарниш ухмыльнулся, глядя на гостя сквозь дым сигары.

— О вашей жизни, Макаби, или, вернее, о трех жизнях, две из которых больше не существуют.

Он отложил сигару и достал из кармана мужские наручные часы, поглаживая их, как любимое домашнее животное.

— Представьте себе, что какое-то событие навсегда меняет вашу жизнь: все, чем вы могли быть, кем могли стать. Вы бы, наверное, запомнили это событие, да?

Макаби почувствовал себя сбитым с толку. И еще он ощутил, как в нем рождается страх. Необъяснимый страх. Он судорожно сглотнул, но промолчал.

Поглаживая часы, Гарниш продолжал:

— Вы бы вспоминали об этом событии с радостью или с сожалением, в зависимости от того, как оно изменило вашу судьбу. Мы с вами, Макаби, пережили три таких события в один и тот же день. Все эти события были очень разными, но они одинаково влияли на наши судьбы. Они означали счастье для меня и несчастье для вас.

Гарниш положил часы на стол. Макаби с трудом поборол внезапное желание отодвинуться от них подальше. Его охватил приступ тошноты, слова Гарниша доносились до него, словно сквозь туман.

— ...говоря «будущее», вы, как и остальные недалекие люди, рассчитываете на продолжение существования и на то, что ваше теперешнее положение улучшится в соответствии с вашими наивными мечтаниями. Я уже разобрался со своими жизнями в будущем и сегодня вечером намерен говорить только о прошлом.

Макаби был ошеломлен. Он почувствовал слабость. Его оглушало тиканье часов.

— О чем вы говорите? — прошептал он.

Гарниш усмехнулся.

— После конференции в Амстердаме я вложил оставшиеся средства в исследование роли энтропии в других областях науки.

Он придвинул часы к Макаби, и тот с большим усилием убрал от них руку. Посмеиваясь, Гарниш продолжал:

— Моя работа привела меня к теории коммуникаций, согласно которой повторение сигнала ведет к возрастанию хаоса — энтропии — в сигнале.

В глазах Гарниша загорелся огонь: на месте незаметного старичка появился ученый.

— Я избрал систему, где можно было бы создать волну электромагнитного излучения с уменьшенной энтропией. Такая волна двигалась бы назад по отношению к нашему психологическому вектору времени,

потоку времени в нашем представлении. Если бы я смог изменять форму волны, то получил бы передатчик. Короче говоря, я смог бы отправить сообщение назад во времени.

Макаби попытался что-то ответить. Ему казалось, что часы тикают неестественно громко и что придется кричать, чтобы его слова были слышны, но он смог только прошептать:

— Назад — куда? Кто бы вас услышал?

— Я, любезный Макаби. Я также мог сконструировать приемник и ждать в своей маленькой обшарпанной квартире, когда Родерик Гарниш из будущего пришлет мне послание. Можете догадаться о его содержании?

Гарниш снова взял часы и поднес их к лицу Макаби, который сидел, оцепенев от ужаса при мысли, что может случайно дотронуться до них. Он взывал к своему разуму, убеждал себя, что этот страх безосновательный, но подсознание было сильнее.

— Молчишь? Тогда я тебе расскажу, — лицо Гарниша окаменело. — Я бы подсказал себе, еще молодому, в какую область исследований направить усилия, чтобы они принесли мне славу и богатство, а не презрение. — Гарниш наклонился к Макаби, и тот почувствовал неприятный запах у него изо рта. — И я научил бы молодого Родерика, как расправиться с теми, кто навредил ему. С теми, кто смеялся над его работой. С теми, кто лгал ему и клеветал на него. — Голос старика прервался. Сстиснув зубы, он продолжал: — С теми, кто разрушил мою жизнь.

Гарниш откинулся в кресле, часы в его руке раскачивались, как маятник По.

— Я столкнулся с некоторыми проблемами. Оказалось, что передача сообщения возможна только в определенные дни. Я создал новую отрасль математики и рассчитал дату ближайшего дня. Догадываешься, что это была за дата, Макаби?

Макаби знал, но от страха потерял дар речи. Гарниш положил часы на ручку кресла, где сидел гость. Тот отодвинулся от них как можно дальше, скорчившись и едва дыша. Гарниш встал и принялся ходить по комнате, видимо, не замечая ничего вокруг себя.

— Сегодня, Макаби, именно сегодня. И раз уж ты стал причиной моего падения, я выбрал именно тебя, чтобы ты мог разделить со мной результат моего труда. Я следил за твоей работой и за работой твоих современников. Как я и ожидал, четыре года спустя было опубликовано исследование, опровергнувшее выводы твоих ранних работ. Просто наука движется вперед — и мы идем по головам своих предшественни-

ков. Но что если бы те исследования опубликовали одновременно с твоей работой? Ты выглядел бы просто дураком, некомпетентным типичей. А ученый, пришедший к верным выводам? Его звезда взойшла бы в научном мире. И этим ученым был я, Макаби! Я уничтожил тебя, присвоил себе твое место в университете и твою репутацию. И многое другое, что принадлежало тебе.

Он остановился, глядя на портрет Кэролин.

— Что вы имеете в виду? — прошептал Макаби. — Я никогда не состоял в штате университета...

Гарниш сел в кресло и закурил еще одну сигару.

— Определив день передачи, я пригласил вас на обед. В самом начале вечера я покинул комнату и вошел в свою машину — в закрытую систему, — чтобы отправить сообщение назад на пять лет. Я предполагал, что Гарниш, отправивший сообщение, исчезнет в момент передачи, ведь я в прошлом, получив это сообщение, буду поступать так, что я в настоящем уже не появлюсь. И в новой жизни я буду помнить, как получил сообщение, а как отправлял его — нет. Моя тогдашняя память перестанет существовать. Ведь я уже не проживу ту жизнь. Я думал так, когда нажимал кнопку передатчика.

Макаби смотрел то на злорадное выражение лица Гарниша, то на часы, лежавшие так близко. Их тиканье подчеркивало каждое слово, произнесенное Гарнишем.

— Что же произошло? Ничего. Я не почувствовал никаких изменений. С тяжелым сердцем я вышел из машины. И оказался в новом мире! Я стоял в комнате богатого дома в пригороде. Я почувствовал слабость и увидел, что мои руки и ноги — все мое тело — казались прозрачными, нереальными; они как будто таяли. В это время странные мысли, чувства, видения заполнили мой ум: новая память, если так можно сказать. На мгновение я почувствовал головокружение; а потом обнаружил, что сижу напротив вас за столом. Я помнил всю свою новую жизнь — после того, как молодой Гарниш получил сообщение. Но я сохранил и память о моей больше не существующей жизни. Я объясняю это тем, что закрытая система защитила мою память. Когда я вышел из машины, мое старое и новое «я» слились.

Гарниш взял часы в руки.

— Я не ожидал, что мне удастся сделать свою жизнь идеальной с первой попытки. Последние пять лет новой жизни заполнили мои мысли — они стали источником для второго сообщения, исправившего дальнейшую судьбу. Мою и вашу, потому что я «помнил», что решил еще раз устроить обед — в «годовщину» того дня, когда началась

моя новая жизнь и когда у меня снова появится возможность передать сообщение. В тот день мы доели первое блюдо, а когда принесли второе, я снова вышел из комнаты, чтобы отправить послание. И я стал тем, кем являюсь сейчас, — Гарниш обвел рукой комнату. — Опять слился со своим новым я, полностью сохранив память о своих прежних жизнях. И теперь мы в третьем акте этого необычного обеда.

Макаби вновь подавил в себе страх.

— Это просто смешно. С вашей стороны жестоко, доктор, так злорадоваться по поводу моих неудач.

Гарниш опять улыбнулся:

— То, что вы мне не верите — единственный промах в моем плане. Я не могу насладиться своей мстью сполна, если вы ничего не знаете о произошедшем и если мне не удастся вас убедить. Поэтому я создал одну теорию, и сейчас мы ее проверим. — Он дотронулся до часов. — Во время нашего первого обеда я взял эти ваши часы с собой в закрытую систему. Они оставались там во время передачи, а сегодня я их принес сюда.

Макаби почувствовал комок в горле, от ужаса перехватило дыхание. Гарниш продолжал:

— Я предположил, что если в моей системе будет предмет, принадлежавший вам в нормальном времени, то этот предмет сохранит связь с вашим прошлым, стертым мной. — Гарниш наклонился к Макаби и помахал часами перед его лицом, на котором выступили капли пота. — В конце концов, это все, что осталось от жизни, которая когда-то была вашей. Все остальное я уничтожил, когда передал первое сообщение. Вы верите в психометрию, Макаби? Говорят, что, взяв в руки предмет, можно узнать многое о жизни его прежних владельцев. О чем могли бы рассказать вам эти часы?

Гарниш положил часы на подлокотник кресла Макаби и наклонился к нему.

— Возьми их! — эти слова звучали как приказ, но Макаби не пошевелился. Он не взбунтовался против приказного тона Гарниша, а просто оцепенел от ужаса. Внезапно Гарниш издал странный шипящий звук. Схватив Макаби за руку, он вложил в нее часы. Макаби попытался разжать пальцы и отбросить предмет. Но не мог и пошевелиться. Из его груди вырвался страшный крик; на него хлынул поток звуков, запахов, разговоров. Он почувствовал боль, радость, ликование. Он смеялся, плакал, любил. Его оцепеневшая душа впускала все новые и новые чувства. Перед его глазами стоял один образ. Он чувствовал ее губы, кожу, вдыхал запах ее духов. «Кэролин!» — воскликнул Макаби, и она исчезла. Все исчезло — видения, воспоминания, его жизнь.

Гарниш опять что-то говорил. Макаби посмотрел на него снизу вверх и понял, что лежит на полу.

— Прекрасно! — Гарниш потер руки. — Вот и последнее звено: моя жертва знает обо всем. — Он встал на колени возле Макаби и прошептал: — Кэролин была твоей женой. У вас был сын — Дэвид. В своей области ты был просто гением. Благодаря родителям ты был богат. И все это я у тебя отнял. Забрал себе.

Макаби почувствовал сильный приступ тошноты и с трудом поднялся на четвереньки; его вырвало на ковер. Затем он вытер рот рукавом своего потертого пиджака и встал. Дрожа от ярости и ужаса, ощущая отвратительный вкус во рту, он смотрел в лицо своему врагу. Но взгляд Гарниша был направлен мимо Макаби, его лицо уже опять ничего не выражало. Макаби обернулся. В дверях стояла Кэролин. Ее глаза были широко открыты.

— Родерик, я услышала свое имя... — начала она. Макаби не понял, спрашивала она или обвиняла.

Гарниш выпрямился.

— Кэролин, боюсь, гостю стало плохо после нашего обеда, — он повернулся к Макаби: — Или это от моей сигары?

— Может быть, — прошептал тот, чувствуя стыд, боль и охватывающую его черную бездну отчаяния. Он посмотрел на Кэролин, на доли секунды встретился с ней взглядом и отвернулся.

— Джеймс, с вами все в порядке? — спросила она.

«Я ей все расскажу, — подумал он. — Расскажу... что?» Он посмотрел на нее. Кэролин все еще стояла в дверях — воплощение всего, о чем он когда-либо мечтал, всего, что он любил. Кэролин, Дэвид, его жизнь, его жизни. Он попытался уловить аромат ее духов, но почувствовал только запах рвоты и понял, что Гарниш победил. Он сглотнул.

— Я в порядке, миссис Гарниш. Думаю, мне лучше пойти домой.

Напряженное выражение исчезло с лица Гарниша. Он пожал Макаби руку. «Это ради Кэролин», — подумал тот.

— Жаль. Но я рад, что вы смогли прийти, — произнес Гарниш. — Уилсон проводит вас.

Едва взглянув на Кэролин, он вышел из комнаты.

Макаби направился к двери, но Кэролин остановила его, взяв за руку.

— Джеймс! — выдохнула она.

Он обернулся. Глаза женщины были широко раскрыты. Макаби понял, что часы все еще у него, и вырвал руку.

— Простите меня! — воскликнул он и, спотыкаясь, прошел через обеденный зал, бросив часы на стол.

Перед дверью, открытой Уилсоном, Макаби обернулся. Кэролин сидела за столом и пристально смотрела на него. Одними губами она прошептала слово. Он кивнул и выбежал из дома, по его щекам текли слезы.

Макаби шел по длинной улице, хромая, и все тер и тер руку о пальто, руку, которая держала часы, как будто пытался стереть пятно этого вечера со своей кожи. И повторял слово, которое произнесла Кэролин — имя ребенка, который теперь никогда не был рожден. Он шептал: «Дэвид».

Тик-так.

Она снова сидит за столом, держа в руках часы. Слышно, как звенит посуда, которую убирает прислуга, как наверху поет ее муж. Надо было вернуть часы мужу. Но ее муж никогда не был ее мужем. Ее сын никогда не родился.

Тик-так.

На столе стоит пирог, рядом с ним лежит нож, длинный и острый. Она пытается прочесть надпись на пироге, но от него отрезали куски, и смысла фразы больше не разобрать. Ее жизнь... ее жизни тоже больше не имеют смысла. Она знает, что уже никогда не сможет собрать кусочки вместе или вспомнить, что они означали.

Тик-так.

Проснувшись, она поднимает голову. В комнате темно, в доме тишина.

Только тикают часы. Она удивляется, почему прислуга не разбудила ее.

Она встает и поднимается по широкой лестнице, останавливается у двери в спальню, входит в комнату и бесшумно закрывает за собой дверь. Человек в кровати — незнакомец, но она все же знает его. Она думает о Джеймсе, о Дэвиде. Она думает о пироге. О своей жизни, о своих жизнях. Все — хаос.

Тик-так.

В одной руке она держит часы, в другой сжимает нож, который лежал на столе. Она подходит к кровати.

Тик-так.

**Перевела с английского
Анна ШУРАЕВА**

...И ПУСТЬ НИКТО НЕ УЙДЕТ ОБИЖЕННЫМ

Дмитрий ВОЛОДИХИН

Предлагаемые заметки не о творчестве, не о вдохновении и даже не о высокой этике писательского ремесла. Речь пойдет о буднях. О том, с чем сталкиваются все писатели, но о чем мало кто говорит. Произносить речь о литкарьере так же неприлично, как пересчитывать деньги посреди улицы... Тем не менее автор этих заметок рискнул «пересчитать» формы писательского успеха и даже выстроить более или менее стройную схему. Правда, получилась она весьма условной и спорной.

Разговор о сужении книжного рынка начался не сегодня и не вчера. Несмотря на то, что в 2005 году вышло больше новых фантастических романов, чем в 2004-м, а в 2004-м больше, чем в 2003-м, падение средних тиражей и огромные складские остатки свидетельствуют о том, что коммерческий успех в фантастической литературе стал редкостью.

Как говорили в старину, «природа не терпит пустоты». На протяжении последних пяти—семи лет в нашей фантастике появилось несколько ниш литературного успеха, не связанного с уровнем продаж. Это и понятно: большей части землян свойственно желание делать карьеру. Пишущим людям оно присуще в той же мере, как и всем остальным. И если пробиться в перьевики по части гонораров и тиражей стало труднее, чем, скажем, в благословенном 1997-м и урожайном 2001-м, то иные приорите-

ты возвышения, карьерного продвижения просто обязаны были возникнуть.

Банковский билет в миллион фунтов стерлингов

Эта форма успеха проста, понятна и не требует особых комментариев. Существует множество рецептов, как попасть в бестселлеристы. Причем сами авторы (например, Юрий Никитин) время от времени преподносят хиты, содержащие самые подробные инструкции по созданию книги на миллион. Буквально все знают, как это делается, а редкие люди, которые все-таки не знают, старательно следуют инструкциям уже пробившихся... Но издатели продолжают сетовать, до чего же мало в их обаямах людей, способных «взять» первым тиражом хотя бы двадцатипяти тысячный рубеж. Да что там 25 000 экз.! Мысленно сбросим десятку, и... добавится очень небольшое количество

умельцев. В мейнстримовских проектах, ориентированных на потребителя, принадлежащего более или менее образованной части среднего класса, что ни год, то новые Гришковцы и Робски. А у нас, как ни странно, выдвижение в бестселлеристы происходит намного реже.

Казалось бы, существуют абсолютные лидеры продаж — Сергей Лукьяненко, Василий Головачёв, Ник Перумов, Андрей Белянин, Роман Злотников, Александр Бушков, тот же Юрий Никитин... Есть у кого поучиться коммерческому успеху. Но конкурентов у мэтров немного...

Причин тут может быть две, и обе они неоднократно озвучивались. Постараюсь сформулировать их в максимально корректной форме.

Первый вариант. Написание бестселлера в нише массовой фантастики накладывает слишком серьезные ограничения на литературную работу, и многим трудно смириться с этими ограничениями — они предпочитают отказаться от успеха подобной ценой. Проще говоря, требование жесткой форматности письма мало кого способно вдохновить на подвиги и свершения.

Второй вариант. Вся сложность имеет не этическую, а чисто технологическую природу. Сделать текст, интересный для очень широкого круга читателей, написанный прозрачно, понятно, динамично — задачка в духе «сядь и сочини шлягер». Тут нужны особые способности. Высокоумный самовыраженец может тысячу раз заявить:

«Подобной дрянью я пачкать благородное стило не стану. А деловито: месяцок посидеть за «клавой», наступив на горло собственной песне, и вот тебе бестселлер». Однако никто не знает, получится ли у него продаваемая книга на самом деле. Бывало и то, и другое.

Поэтому каждый может: а) сделать бестселлер; б) не сделать бестселлер. И в последнем случае объяснить свою неудачу причиной номер один или причиной номер два. На выбор. Возможно, он окажется прав...

Шайбу! Шайбу!

Успех совсем другого свойства даруется фэндомом. Нет смысла обсуждать здесь, чем фэндом хорош и чем он плох. Важнее другое: у него, в силу определенной организованности, есть возможность, во-первых, обеспечить избраннику рекламу (как через интернет, так и по «сарафанному радио») и, во-вторых, одарить его литпремиями.

В настоящее время нет никакого единого фэндома. Существует несколько влиятельных группировок. Каждая из них подчиняется своим авторитетам, но никогда не ведет себя как партийная фракция в Госдуме, где все обязаны голосовать унифицированно. Ничего плохого нет ни в их существовании, ни в консолидированных действиях. Это естественная часть литературного процесса в секторе фантастики. Деталь антуража. Одно из правил игры.

Четыре самых устойчивых группировки фэнов: Харьковская, Питерская, Московская старая и Московская новая.

Наверное, отечественный фэндом достоин самостоятельной статьи или даже книги. Но в данном случае важно лишь то, как возможности каждой группировки связаны с механизмом литературного успеха. Редко кто замечает, что любая организованная часть фэндома, помимо товарищества немолодых сильно пьющих фантастоедов (вариант: молодых и не сильно пьющих фантастоедов), представляет собой группу людей, поддерживающих определенный набор идеалов. Эти идеалы нечасто проговариваются фэнами вслух, порой они варьируют в широком диапазоне, но просматриваются у каждой группировки довольно четко.

Следовательно, «избранник» всякой группировки должен в своем творчестве и отношениях с людьми фантастики соответствовать корпоративному идеалу. Так, например, Московская старая группировка фэндома исповедует либеральное мировидение, традиционный гуманизм, критически относится к советскому времени, предпочитает научную фантастику, а не фэнтези, уважает четкий динамичный сюжет и оригинальные идеи; к религиозным вопросам она индифферентна. Три наиболее известных приобретения нашей фантастики, сделанных с подачи Московской старой группировки, это

Александр Громов, Владимир Васильев и Алексей Калугин.

Другой пример: Московская новая группировка, в том числе ее ядро — клуб «Стиратели» (по составу намного шире Москвы и Московской области). Ей ближе фэнтези, эзотеризм, магизм, этика профессиональной состоятельности и абсолютной независимости личности в любом мире. Она отрицает любое стеснение индивидуальной свободы, она не видит каких-либо законов, которые стоило бы соблюдать, кроме правил поведения, установившихся между членами команды, сбитой для решения конкретной задачи; после распада команды все эти принципы теряют смысл. Московская новая группировка аполитична. Предметы, которые старым фэндомом отнесены к периферии интересов, столь же маргинальны и для нее. Мощную поддержку от этого сообщества получили Алексей Пехов, Роман Афанасьев, Ольга Громыко, Елена Бычкова и Наталья Турчанинова.

Беспечный ездок

В фантастике есть своя альтернатива, как есть она, скажем, в музыке. Никто до конца не смог дать ей точное определение.

Допустим, существуют идеи, этические принципы или эстетические стили, близкие и дорогие для множества людей, но нет никакой определенной группы, поддерживающей их. Допустим, какой-то фантаст примется ярко и талант-

ливо манифестировать эти идеи (стили, принципы) в своих текстах. Поскольку они окажутся в некоторой оппозиции к четко выраженным корпоративным ценностям или, по крайней мере, выпадут из общего потока, — а для литальтернативы вообще характерен дух оппозиционности, — то поставивший на них писатель может получить славу духовного авторитета альтернативы. Разумеется, это произойдет только в одном случае: если альтернативные элементы вызовут душевный резонанс у множества читателей.

Мотивы, способные обеспечить фантасту такого рода успех, могут быть самыми разными: мачизм, масшированное использование трэша или, скажем, стиля «красного ретро». Желательно быть убежденным панком. Известность духовного лидера альтернативы иррациональна, она основывается на его высоко-развитой интуиции. Ее системная неустойчивость предполагает два исхода: либо она довольно быстро рассеется (Александра Сашнева), либо будет отконвертирована в другой вид литературного успеха (Михаил Тырин). На нашей фантастической сцене один Олег Дивов демонстрирует способность на протяжении многих лет оставаться своего рода вождем альтернативы.

Астенический синдром

В последние четыре-пять лет в отечественную фантастику вернулся маршрут писателя-интеллектуала, любимца «качественных

читателей». В 80-х это был естественный путь для «Четвертой волны» наших фантастов, но в 90-х названная ниша фактически не объявляла набора новичков. Теперь положение изменилось: стра-та «умников» опять востребована. И в ней-то как раз котируются искусные стилисты, эстеты и эрудиты, люди, сумевшие выработать собственный художественный язык.

Стать на этой почве бестеллером почти невозможно. Уникальное и, вероятно, не совсем адекватное исключение — Макс Фрай. Но заработать добрую репутацию среди любителей интеллектуальной фантастики и тем более среди ее творцов само по себе нелегко. Это может считаться своеобразной карьерой. С императивами массовой литературы в таком случае придется порвать. Читиво, порожденное сообществом высоко-колобых и им же высоко ценимое, может стать достоянием широких масс только в результате крайне редкого, можно сказать, экзотического стечения обстоятельств. В подавляющем большинстве случаев ничего подобного не происходит.

Славу фантастов интеллектуалов получили Андрей Валентинов, Елена Хаецкая, Марина и Сергей Дяченко, Олег Овчинников, Василий Мидянин, Ольга Елисеева, Юрий Бурносов...

Тихий американец

На протяжении нескольких лет в середине 90-х было весьма немодно

становиться писателем–политиком, писателем–идеологом, т.е. человеком, сознательно обкатывающим социально–политические модели в художественных текстах. Продолжали работать Владимир Михайлов, Вячеслав Рыбаков, Эдуард Геворкян, для которых это было нормальной функцией писателя–фантаста. Но в целом социально–политическая НФ сдала свои позиции. Более того, репутация литератора, «забавлавшегося с политикой», стала восприниматься негативно. Футурология «ближнего прицела» пришла в ничтожное состояние.

Однако в 1999–2000 годах положение начало изменяться. К настоящему моменту оказаться в обойме авторов, чьи имена не сходят с уст политологов и политехнологов — очень хорошая литкарьера. Политика властно вошла в фантастику и не собирается ее покидать. Десятки писателей заинтересовались будущим России и мира. В том секторе фантастики, где живет борьба идеологий, распускаются футурсценарии, возникают комментарии к политической реальности, пожалуй, самым громким за последние годы был успех Кирилла Бенедиктова, Виктора Косенкова и Елены Чудиновой. Политические мотивы в книгах Вадима Панова и Романа Злотникова также немало способствовали приобретению ими широкой популярности.

Хакеры

Русский интернет будто специально создавался для роли «садка

гениев». Теоретически, обилие пишущей, а главное, читающей публики, относительно быстрое возникновение литературных сайтов и порталов, неограниченные возможности самовыражения могли привести к новому витку в истории отечественной беллетристики. Или, как минимум, к формированию «коацерватного бульона», где один за другим зарождались бы новые звезды изящной словесности.

Ничего подобного не произошло. Литературная сфера русскоязычной сети представляет собой братскую могилу графоманов. Изредка среди их курганов попадаются погребения талантливых литераторов, безвестно сгинувших в сетевом болоте. Слава сетевого фантаста — никакая слава. Выйдя призером из горнила крупного сетевого конкурса («Грелка», «Эквадор», «большой» конкурс рассказа в Московском КЛФ, питерский «Фантакритик»), можно получить недурную репутацию, т.е. своего рода «прописку» в фантастике. Это неплохое начало для литературной карьеры, но и только.

Авторы, мечтавшие о рождении совершенно особой фантастической сетературы, резко отличающейся по тематике и художественному арсеналу от своей «бумажной мамы», оказались на задворках литпроцесса. Более или менее заметны Мерси Шелли (автор романа «Паутина»), Илья Новак да несколько несгибае–

мых бойцов из обоймы Александра Житинского.

Немного благосклоннее обошлась судьба с сетевыми критиками. Некоторые из них сумели завоевать доброе имя, ничуть не уступающее авторитету оффлайновских коллег. Возвышению сетевых критиков способствовал триумф системы livejournal (ЖЖ). Ведь ЖЖ-блоги — идеальный формат для микрорецензий, к тому же исключительно удобный для их обсуждения.

Властелин Колец

С каждым годом все более влиятельным становится сообщество писателей, вышедших из ролевой среды. Подобному взлету немало способствовала экранизация Питером Джексоном эпопеи Дж.Р.Р.Толкина. Сама по себе ролевая субкультура не является абсолютно открытой. Но этические концепции и эстетические стили, опробованные там, нередко обретают популярность во «внешнем» мире.

Ролевой «мастер» или иной духовный авторитет субкультуры может получить немалую известность. Так произошло, например, с авторами «Черной книги Арды» Натальей Некрасовой и Натальей Васильевой.

Смерть на взлете

Современные условия игры таковы: в целом ряде «страт» нет шансов высоко взлететь после выхода первой же книги. О бестсел-

листах тут и говорить нечего: в первой половине девяностых случилось всякое, в том числе триумф «Меча и радуги» Елены Хаецкой, «взявшей банк» после первого же выстрела. Но теперь фигуры, по уровню продаж сравнимые с Сергеем Лукьяненко, Василием Головачёвым, Ником Перумовым, Андреем Беляниным, не имеют шансов появиться на свет в громе и буре дебютного романа. На третьем или пятом романе — еще туда-сюда. А то и на десятом...

Интеллектуалы не менее требовательны. Да и то сказать, имя в кругах «высоколобых» можно заработать отличной повестью, превосходным рассказом, а вот крупная форма мало кому дается. Можно, конечно, назвать трилогию Юрия Бурносова «Числа и знаки», но автор долго шел к этому успеху, скрываясь под маской Полубурцева. Здесь, скорее, показатель успеха — восторженно принятый сборник повестей и рассказов. Например, «Левый глаз» Андрея Плеханова. Признание эта книга получила после «Сверхдержавы» и целого сонма фэнтезийных боевиков, появившихся в печати намного раньше... Нет, здесь имя добывают долго и трудно, как в классическом балете: вроде бы легко прыгает и скачет главный герой по сцене, а на репетициях он чуть ли не весь, с костями вместе, исходит на пот.

В сфере писателей-политиков пробиваться чуть полегче. Вот Ми-

хаил Харитонов взял высоту уже дебютным «Моргенштерном». Но он прежде получил немалую известность под другим именем. А «Война за «Асгард» Кирилла Бенедиктова или «Новый порядок» Виктора Косенкова далеко не дебютные книги. «Мечеть Парижской Богородицы» Елены Чудиновой появилась после того, как автор опубликовал первую полудюжину книг. Нет, положительно: человек, идущий по этому пути, прежде должен заработать определенную репутацию, и лишь потом к нему станут относиться с вниманием.

Фэндом способен сделать фантаста известным после первой же книги: в качестве примера можно привести «Коммутацию» Леонида Каганова. Но коллективное сознание фэнов (что «старых», что «новых») представляет собой капризное существо. Сегодня ты герой, а завтра тебя сдают в утиль...

Легче всего, наверное, «выйти в авторитеты» на почве альтернативной фантастики. Иногда этого можно достигнуть за счет мощной трэшевой подкладки. Так поднялась та же Александра Сашнева. Но и тут все зыбко. С утра ты был вождем краснокожих, а к вечеру тебя забыли... Ведь по-настоящему никто не знает, что такое альтернативная литература...

В среде ролевиков давно установились горизонтальные корпоративные связи весьма высокой прочности. Так что если сообщество захочет поддержать определен-

ный текст или определенного человека, то он получит высокий статус с первого раза. Так произошло с диалогией «По ту сторону рассвета...», принадлежащей перу Берена Белгариона (Ольги Чигиринской). Однако возможности ролевиков перевести своих «выдвиженцев» в другие ниши литературного успеха невелики.

* * *

Писателю присуще желание прославиться. В огромном большинстве случаев именно стремление к известности подвигает людей на литературный труд. Тем, кто пишет все-таки не для славы, не стоит соваться на тропу, заканчивающуюся красной ковровой дорожкой: напрасная трата времени. Ну а с большинством жизнь обходится неласково, словно охотник, получивший лицензию на отстрел в «санитарных целях»: вот сидит он в камышах и лупит по взлетающим уткам картечью. Собьет очередную эскадрилью, похихикает вдоволь и давай перезаряжать ружьишко. Падают, теряя перышки, и сущие графоманы, и талантливые люди, и крепкие середняки. Стена из фотовспышек ждет немногих. И через фантастику туда пролегает не самый легкий маршрут.

Но чем тяжелее заработать славу, тем дороже она стоит. И по кривой не объедешь, сколько ни старайся.

На этот раз мы решили задать нашим экспертам очень личный вопрос, лишь косвенно связанный с темой статьи: «Расскажите, пожалуйста, о самом приятном воспоминании, связанном с признанием вашего творчества: когда вы почувствовали, что к вам пришел успех, что вы состоялись как писатель?». И поскольку мы посчитали, что читатели с повышенным интересом отнесутся к подобным ответам, то редакция решила увеличить число писателей, выступающих в этой рубрике.

Г.Л.Олди:

Летом 2004 года мы прилетели в Израиль по приглашению телекомпании «НОР». Компания открывала круглосуточный телеканал, посвященный исключительно фантастике, и хотела, чтобы на церемонии присутствовал ряд известных авторов. Кроме нас, там были Роберт Шекли, Святослав Логинов с женой, Елена Хаецкая, Марина и Сергей Дяченко с дочкой. Нас чудесно приняли, встретили, неделю возили по всему Израилю, показывая красоты и достопримечательности... Это уже само по себе было определенным критерием популярности. Но речь о другом.

В последний день, готовясь буквально через пару часов отбыть в аэропорт Бен-Гурион и улететь домой, мы шли по одной из центральных улиц Тель-Авива. Прогуливались без особой цели, просто желая скоротать время. Глазели на витрины, купили какие-то сувениры в лавке у милейшего старичка-араба, болтали о пустяках. Планировали эпизод новой книги. И вдруг от входа в ближайший банк, названия которого мы не запомнили, к нам бросился охранник.

Он бежал самозабвенно, расталкивая прохожих, едва не опрокинув лоток, где давили сок из свежих апельсинов, смешной в своей военизированной форме, с кобурой на боку и очень взволнованный. Догнав нас, этот молодой человек выпалил на всю улицу:

— Олди, а вы-то что здесь делаете?

Мы слегка опешили. Придя в себя, объяснили охраннику, что мы приехали по приглашению телекомпании. Он закивал, уяснив ситуацию, пожал нам руки и внезапно закричал:

— Погодите! Я сейчас! Никуда не уходите!

Тем же галопом удрав обратно ко входу в банк, он схватил рюкзачок со своими вещами, достал оттуда книгу и вернулся к нам. После чего протянул изрядно зачитанный томик — роман «Нам здесь жить», напи-

санный нами совместно с А.Валентиновым, где, в частности, речь идет и о наших эмигрантах — и попросил дать автограф.

Вскоре мы отбыли с Земли Обетованной, весьма растроганные.

Святослав ЛОГИНОВ:

Честно говоря, вопрос разбивается на два. Когда я понял, что добился успеха... Всякий раз при работе над серьезным произведением наступает минута, когда понимаешь: вещь получается! Впереди может быть еще куча работы, но что-то в душе переломилось, и ты знаешь, что рассказ (повесть, роман) уже есть и осталось всего лишь не испортить. Самое чудесное ощущение из всех возможных.

Если же речь идет о признании моего творчества другими, то, конечно, приятно, когда тебя хвалят, но самое лучшее мгновение случилось, когда меня ругали. Речь идет о романе «Свет в окошке». Эту книгу многие не признают, причем из принципиальных соображений. И вот, когда убежденный противник, почти враг, с неудовольствием сообщил, что во время чтения и еще долго потом он непрерывно вспоминал всех умерших родных, друзей и просто знакомых, я понял, что написал по-настоящему сильную и нужную вещь. Это был миг победы.

Алексей КАЛУГИН:

В свое время мне просто фантастически повезло — на первый же мой опубликованный роман журнал «Если» напечатал рецензию, написанную не кем-нибудь, а самим Всеволодом Ревичем. На мой взгляд, Ревич был и остается лучшим литературным критиком, посвятившим себя фантастике, досконально знавшим свой предмет и до конца объективным, редко когда демонстрирующим свои собственные предпочтения и пристрастия. Рецензия была отнюдь не восторженно-хвалебная — да и странно было бы ожидать панегирика от Ревича, но, в целом, положительная. Не могу сказать, будто, прочитав этот отзыв, я понял, что состоялся как писатель — на сей счет меня до сих пор одолевают сомнения, но публикация убедила меня в верности выбранного направления. К сожалению, я не был лично знаком с этим замечательным человеком, но мне всегда было интересно, что бы он сказал о последующих моих книгах. И еще: после этой рецензии меня уже совершенно не задевали даже самые гадкие высказывания на мой счет.

Михаил ТЫРИН:

Сразу хочу внести ясность: признанным автором я себя еще не почувствовал. Ни огромными тиражами, ни обилием лауреатских регалий,

ни толпами поклонников я не могу похвастаться в той степени, чтобы ощутить лавровый венок на темени. Впрочем, возможно, я плохо информирован по теме своей признанности.

Но это и не главное. Главное, что профессия избрала меня. Помню тот листок формата А4, первый авторский договор, который дал мне право говорить: я — писатель!

Помню, как со мной начали здороваться продавцы на книжном рынке. И как все местные газеты публиковали мои интервью и портреты с единым лейтмотивом: офицер милиции пишет фантастику!!! Даже журнал «Милиция» дал заметку с двусмысленным заголовком «Милиционер написал фантастическую повесть». Звучало так, как будто обезьяна заговорила человеческим голосом... а все равно приятно.

А еще, как ко мне домой пришла девочка из школы, где я учился (и откуда меня только чудом не вышибли за хулиганство), и взяла у меня интервью для школьной стенгазеты.

И как маститые калужские авторы подходили со стереотипным вопросом: «А как бы и мою книжечку (роман/повесть/рассказ/сказку) пропихнуть куда-нибудь в Москву?».

Еще помню, как меня приняла страна — Москва, Питер, Урал... Как люди, о которых я раньше только слышал или читал, вдруг начали с уважением жать мне руку. Помню, как сидел в редакции «Уральского следопыта», где приветствовали нас, свежееиспеченных лауреатов «Аэлиты», «Старта» и других «слоников», и думал: «Неужели это не сон?».

Да простят мне читатели эти милые пустяки, эти маленькие лепестки, ласкающие самолюбие, которое в избытке есть у любой творческой личности. Главное — в другом.

Главное — потрясающее чувство свободы, которое пришло вместе с первой книгой. Отныне можно было выбирать любую работу, любой город, любую судьбу. И не страшно ошибиться, потому что главный выбор уже сделан, главное всегда со мной.

Приятно не бояться никакого начальства и приятно, что начальство это знает. Замечательно, что вообще вокруг все знают: у тебя за душой есть что-то более значимое, чем рабочий день, оклад и вечерняя бутылка пива.

Приятно утром просыпаться в одном мире, а за рабочим столом погружаться в другой.

Что тут говорить... Это просто фантастика.

Олег ОВЧИННИКОВ:

Наверное, это приятно, когда тебя узнают в магазине, в метро или на улице, а милиционер, проверив паспорт, робко просит автограф. Но при-

знание членов семьи намного приятнее и важнее. Мне, например, сложнее всего было добиться понимания от старшей дочери, для которой фраза «папа работает» означала лишь, что этим вечером ей снова не удастся поиграть в Симов.

Но все изменилось 12 января, когда я наконец перестал «заниматься ерундой» и сел писать фэнтезийный роман для детей. Катерина, во-первых, извела меня вопросом: «Ну, ты принес новую главу?», что отлично стимулирует творчество; во-вторых, стала заходить в мой кабинет на цыпочках и поминутно шипеть на младшую Юльку: «Тихо ты, не видишь, папа работает!». А когда я прочел ей вслух одну из последних глав, написанную в стихах, бросилась мне на шею, что в девятилетнем возрасте вообще-то считается недопустимым проявлением чувств.

Тогда-то я и подумал: «А может, и вправду все не зря?».

Сергей ЛУКЬЯНЕНКО:

Моя история будет связана с автографами — и будет состоять из двух частей.

Помню, как в 1989 году я приехал в тогда еще Свердловск на свою первую «Аэлику». У нас была небольшая алма-атинская делегация, и с собой мы привезли так называемые «книжки-минутки»: отпечатанные на дешевой газетной бумаге, никак не скрепленные брошюры из шестнадцати листочков, где публиковались наши же рассказы... Это нельзя было назвать ни книгой, ни газетой. Вообще в ту пору изданий подобного формата не существовало, мы были первыми. Фэнов, понятное дело, формат не смущал — и «минутки» довольно активно покупали. И вот кто-то, купив эту брошюрку, подошел ко мне и попросил автограф. Я очень смутился: в моем представлении на такой несерьезной книжке автограф ставить было нельзя. Но фэн настаивал. «Через десять лет вы станете знаменитым писателем, — шутиливо сказал он, — а у меня будет уникальный автограф!»

Как ни странно, но это и запомнилось, и добавило какой-то уверенности в себе...

А окончательно я почувствовал себя писателем лет через пять, уже имея несколько книг и даже премий... На какой-то встрече у читателя не оказалось моей книжки. И он невозмутимо дал мне свой... паспорт. Я опять же стал возражать, напоминая, что паспорт с моим автографом станет недействительным. «Ничего, — последовал ответ. — Я скажу, что потерял, и получу новый».

И вот тут-то я понял, что это, похоже, действительно успех.

СЛУЧАЙ ФИЛОСОФИИ

Станислав ЛЕМ. «ФИЛОСОФИЯ СЛУЧАЯ». АСТ — Транзиткнига.

Эта книга стала последним прижизненным переводом произведения Лема на русский язык. Вскоре после смерти автора, последовавшей 27 марта, почти весь ее тираж был раскуплен в московских магазинах. Эта посмертная дань уважения писателю стала своеобразным комментарием к идее случайности общественного признания литературных произведений, которая изложена в книге.

«Философия случая», впервые изданная в 1967-м, — работа из того же ряда, что и «Сумма технологий». Общая теория всего. Хотя предмет исследования ограничен рамками литературы, остроумный исследовательский метод Лема охватывает различные области знания, относительно которых трудно предположить, что они смежны с литературоведением. Биофизика и эволюционизм, кибернетика и теория игр — из разных дисциплин автор заимствует примеры для рассуждения по аналогии, а также мощные объяснительные схемы, претендующие на универсальность.

Нередко приходится слышать, что академическая филология занимается частными вопросами, друг с другом не связанными, и не видит за мелкими деталями целого — художественного текста во всей полноте его существования. Но

вряд ли кто-нибудь кроме Лема решится на такую авантюру — отодвинуть филологию в сторону и на пустом месте с помощью научного метода попытаться создать новое учение о литературном тексте и его общественном статусе. С нуля — целиком, от фундамента до крыши, от собственной версии семиотики (учение о знаках) до собственной герменевтики (учение о понимании). С опорой (преимущественно) на опыт естественных наук.

Разумеется, подобные эксперименты никогда не приветствовались академическим сообществом. И не только в силу его «косности», но еще и потому, что в рамках существующей научной традиции уже рассмотрено большое число вопросов и проблем. Заведомо больше, чем способен придумать и рассмотреть любой самоучка, даже гениальный. Создаваемая с нуля кон-

цепция не учитывает многих деталей и поэтому сама не может претендовать на целостность. В этом плане работу Лема следует признать неудачной: его модель захватывает лишь отдельные кусочки из проблемного поля наук о языке. В одних вопросах автор заново изобретает велосипед; попытки дать «окончательный и полный ответ» на другие выглядят однобоко, призывы к использованию методов статистики кажутся необидительными.

Впрочем, перед нами блистательная неудача. Остроумные наблюдения, неожиданные находки и сравнения, проблематизация «очевидного» на многочисленных примерах из истории литературы — все это превращает книгу в занимательное чтение. Здесь наиболее привлекательно само движение мысли — энергичное, антидогматическое.

Многие критические выпады Лема не устарели. Например, критика структурализма находит со временем все больше сторонников. В качестве главного жупела здесь выступает известная работа Цветана Тодорова «Введение в фантастическую литературу». Много раз повторено, что концепция Тодорова оставляет «за бортом» практически всю фантастику, и Лем отметил это одним из первых.

Большое число примеров из фантастической литературы, попытки определить теоретические границы жанра и сопоставить их с особенностями читательского восприятия — яркая демонстрация то-

го, насколько важным является для Лема вопрос о жанровой природе фантастики. Представленные здесь теоретические конструкции служат одной главной цели: автор пытается самому себе объяснить, чем он, собственно, занимается. Дело в том, что у писателя, как и у знаменитой сороконожки, время от времени возникает необходимость сформулировать теорию собственного движения, чтобы более эффективно продвигаться вперед.

Результатом теоретической работы стало появление «естественнонаучной» версии герменевтики. В ней произведение литературы не является чем-то самодостаточным и каждый раз воспроизводится заново в ходе читательской интерпретации, которая зависит от распространения в обществе набора стереотипов. У каждой группы — свой набор кодов, которые по-разному обеспечивают обработку возникающих в тексте ситуаций неопределенности. А распространение кодов в обществе и их соответствие тексту подчиняется, согласно Лему, законам статистики. Вот почему понимание и общественное признание книги зависит от счастливого случая (мы помним, таких случаев в биографии самого Лема было немало).

За теоретическими моделями пришел черед практики — изложенный в книге подход к пониманию «конфликта интерпретаций» во многом лег в основу известных лемовских «рецензий на ненаписанные книги».

Сергей НЕКРАСОВ

Нил ГЕЙМАН

ЗВЕЗДНАЯ ПЫЛЬ

Москва: АСТ —
Транзиткнига,
2006. — 254 с.

Пер. с англ.

А. Дубининой.

(Серия

«Альтернатива.

Фантастика»).

6000 экз.

Автору этих строк уже приходилось высказываться на страницах «Если» по поводу издательских аннотаций. Но подобной дистанции между романом и его жанровым определением преодолевать еще не доводилось: для этого читателю необходимо не меньше сил и времени, чем потребовалось Тристану Тёрну, герою книги, на все свое волшебное путешествие. «На этот раз эстет тьмы, — гласит издательских приговор, — пробует себя в жанре декадентской, символической фэнтези». В этом жанре, надо сказать, писатель выступал неоднократно, так что записывать автора в дебютанты — решение, запоздавшее на десяток книг. Но «проба пера», действительно, состоялась — по крайней мере, для российской аудитории. Гейман предложил читателям почти хрестоматийную сказку, наполненную как фольклорными персонажами, так и (по своему обыкновению) созданиями, рожденными собственным воображением. Причем сказку типично английскую, в которой пафос события непременно снижается юмором, а кошмар всегда имеет оттенок нонсенса.

И, кстати, о кошмарах «эстета тьмы». Взявшись за новый для себя жанр, профессионал действует в логике поставленной перед собой задачи. Поэтому в «Звездной пыли» почти нет натурализма, присущего Гейману (не удержался лишь в паре эпизодов), нет пресловутого «символизма» — все символы прозрачны, как и свойственно сказке; благородство не превращается в свою противоположность, а коварство так и остается коварством. Но и образы, по закону жанра, утрированы и чаще напоминают выхваченный из маскарада персонаж.

Да и как иначе, если действие происходит в Волшебной стране, расположенной По Ту Сторону Стены, близ вполне обыкновенной деревушки. В эту страну, живущую по своим диковинным законам, отправляется романтик Тристан, дабы принести упавшую звезду своей возлюбленной. А то, что звезда окажется весьма симпатичной молодой особой с несносным характером... так на то и сказка, верно?

Вероника Ремизова

Салман РУШДИ

ДЕТИ
ПОЛУНОЧИ

СПб.: Лимбус

Пресс,

2006. — 760 с.

Пер с англ.

А.Миролюбовой

под ред.

А.Славинской.

10 000 экз.

Салман Рушди, писатель индийского происхождения и неизвестного местонахождения, в 1983 году оказался в списке «Granta» вместе с Кристофером Пристом и Йэном Макьюэном как самый многообещающий молодой писатель. Поводом послужил роман «Дети полуночи». К сожалению, скандальная слава объекта преследования религиозных фанатиков обогнала литературную известность писателя.

В час после полуночи 15 августа 1947 года — дня, когда была объявлена независимость Индии — на свет появились тысяча и один ребенок, наделенные уникальными, магическими дарованиями. На этом фантастическом посыле Рушди выстраивает величественное здание романа, в центре которого фигура Салема Синая — одного из детей полуночи, который в девятилетнем возрасте открыл в себе способность к чтению мыслей и основал Конференцию полуночных детей.

В спутавшейся ткани текста история главного героя тесно переплетена не только с историей его семьи, но и с хроникой целой страны, в создании которой Салем принял активное участие. В исторической части роман демонстративно пристрастен, однако для большинства читателей национальный колорит и сюжет, наследующий традиции сказок «Тысячи и одной ночи», преобладают над политическими концептами автора.

Повествование, переполненное по-восточному сочными метафорами и аллегориями, добавляет к реальности новое, сказочное измерение, в котором лжепровидцы выдают точные предсказания, почтенные отцы семейства ведут непрекращающуюся войну с джиннами, сказочные сокровища выигрываются на бегах, а самые оберегаемые секреты можно узнать, спрятавшись в бельевой корзине.

Удивительный синтез магического реализма и исторического романа расположил Индию на литературной карте по соседству с округом Макондо. Впрочем, это не единственный пример синтеза в романе: «Дети полуночи» удачно позволили Востоку и Западу познакомиться поближе — в преддверии не Страшно-го суда, а Калиюги.

Сергей Шикарев

Яна ЗАВАЦКАЯ

ЛИКЕЙ

Москва:

Лепта-пресс —

Яуза — ЭКСМО,

2006. — 512 с.

9000 экз.

Поначалу и не поймешь: утопия перед нами или антиутопия. Мир XXII века, нарисованный Яной Завацкой, не похож на страшилки, привычные нашему читателю. Здесь нет ни кровавых диктатур, ни пандемий, ни нового средневековья. Более того, человечество преодолело войны, справилось со многими болезнями — одним словом, жить стало лучше. И все — благодаря тому, что миром де-факто правит специально выращенная элита. Аристократия в подлинном смысле этого слова. Там уже полтора столетия существует система специальных учебных заведений — Ликей, куда со всего мира отбирают самых лучших, самых способных детей. Их развивают интеллектуально и духовно.

Если читатель насторожился при слове «духовно» — он насторожился правильно.

Чем дальше, тем страшнее оказывается этот благополучный, на первый взгляд, мир. За respectable фасадом — власть «сверхлюдей», которые с величайшей гордыней смотрят на «убогое» человечество. Фактически, Ликей — это тоталитарная секта (чье учение во многом списано с «Розы мира» Даниила Андреева). Тоталитаризм, конечно, нового типа: без концлагерей, пыток и казней, использующий более тонкие методы — социальные, экономические, культурные.

Власти Ликейя противостоит Сопротивление — неумное, жестокое, бесполезное. С террористами и их пособниками ликейцы борются, причем вполне гуманными методами. Сюжет строится на том, что у молодой ликейцы Джейн, присланной на практику в варварскую Россию, в Петербург, происходит переоценка ценностей — благодаря закрутившимся вокруг нее событиям. Там и безнадежная любовь, и террористы, и обретение веры...

«Ликей» — дебютный роман Завацкой, но ее текст не похож на работу новичка. Это крепкая, вполне профессионально сделанная проза, где хитросплетения сюжета не заслоняют мысль.

Виталий Каплан

Герберт ФРАНКЕ

**ТРАНСПЛУТОН.
ЗВЕЗДА
ХИОБА.
В КОНЦЕ
ВРЕМЕН**

Москва: АСТ —
Транзиткнига,
2006. — 429 с.
Пер. с нем.
Е.Первушиной.
(Серия
«Координаты
чудес»).
3000 экз.

В сборник вошли три романа самого известного западногерманского фантаста. Все они созданы в конце 1980–х годов и так или иначе посвящены теме фальшивости окружающего мира и методам борьбы с навязываемой кем-то иллюзией.

К сожалению, небезынтересные идеи помещены в чудовищно надуманных, вторичных литературных декорациях, вызывающих у искушенного читателя приступы зевоты.

В «Трансплутоне» некая сила препятствует выходу человечества в дальний космос, старательно дурача участников межзвездных путешествий и не давая вырваться за пределы Солнечной системы. Однако более или менее внятно эту задумку немецкий фантаст озвучил лишь в конце романа, изрядно затянув экспозицию, да еще и не предложил ни одного ответа на поставленные им же вопросы: «Что это за сила? Каковы ее цели? Добрая она или злая?». В итоге, пройдясь через десятки ничего не значащих страниц, чувствуешь себя обманутым.

Роман «Звезда Хиоба» тоже о подмене реальности. Правда, здесь речь идет не об аппаратной имитации, а о социальном манипулировании. В будущем человечеством управляет тайная элита, которая, с одной стороны, предотвращает крупные войны, а с другой — не позволяет людям превращаться в сытое, самодовольное стадо. Для этого был «изобретен» анархист Хиоб, устраивающий революционные выступления на самых разных планетах.

Последний из трех романов, «В конце времен», увы, также производит впечатление вторичности. Здесь Франке явно пытался подражать стилистике и темам Балларда, но неудачно, что особенно заметно в нелепом финале книги.

Обидно, когда талантливый фантаст начинает выдавать столь неубедительные подражания англоязычной НФ, в то время как в его «портфолио» немало самобытных вещей, в том числе блестящая антиутопия «Клетка для орхидей».

Глеб Елисеев

Мэри Д.РАССЕЛЛ

ПТИЦА МАЛАЯ

Москва: АСТ —
Транзиткнига,
2006. — 477 с.

Пер с англ.

Г.Доломан.

(Серия

«Координаты
чудес»).

3000 экз.

Тема Контакта с внеземной цивилизацией — одна из магистральных в научной фантастике. Интригующая возможность смоделировать образы жизни и мыслей инопланетного разума и/или посмотреть на человечество со стороны всегда занимала умы писателей.

Первая книга обласканной премиями (в том числе Артура Кларка) дилогии Мэри Расселл затрагивает острые теологические вопросы, также не обойденные вниманием жанровых авторов. Любители фантастики вспомнят, например, историю священника из «Гипериона», рассказы «Путь креста и дракона» Джорджа Мартина и «Смертные муки пришельца» Гарри Гаррисона.

Впрочем, Расселл лишь косвенно связывает Контакт и религию. Фабула романа такова: после обнаружения сигналов из системы Альфа Центавра орден иезуитов отправляет туда свою миссию, из которой возвращается только один человек, влекущий за собой шлейф нелицеприятных слухов совершенно аморального свойства. По мере развития действия, раскрывающего произошедшие события в ретроспективе, тематика Контакта отступает на второй план, а сами инопланетяне приобретают значение экзотического антуража для вполне земной истории. Несомненными достоинствами книги являются психологическая проработка характеров героев и особое внимание, уделяемое их взаимоотношениям.

По большому счету, главное в романе не Контакт, а религиозные искания отца Эмилио Сандоса, внутренний конфликт священника и его духовные (и физические) муки. Неслучайно на языке оригинала произведение было опубликовано в нежанровой серии.

Даже если бы Расселл переместила действие во времена освоения североамериканского континента (а идея книги родилась, по признанию автора, в годовщину празднования открытия Америки), мало что изменилось бы. А вот если бы автор уместила данный сюжет в значительно меньший объем, произведение, право слово, только выиграло бы.

Сергей Шикарев

Андрэ НОРТОН

ГОД КРЫСЫ

Москва — СПб.:

ЭКСМО —

Домино,

2006. — 384 с.

Пер. с англ.

Н. Некрасовой.

(Серия

«Фантастический

бестселлер»).

5000 экз.

В 2005 году, на 94-м году жизни, скончалась Андрэ Нортон. И вот благодаря издательству «ЭКСМО» российский читатель получил возможность познакомиться с ее последним романом — «Год крысы». Это завершение дилогии, открытой книгой «Знак Кота». В США роман вышел в 2002 году. Он оказался последним авторским произведением Андрэ Нортон — при том, что сочинения, написанные совместно с литературными ученицами, издавались в последние годы ее жизни не раз и, видимо, еще будут выходить долго: Нортон оставила после себя целую литературную школу.

Сюжет дилогии достаточно типичен для поздних творений Нортон — и авторских, и соавторских. В романе «Год крысы» мы видим историю первых лет правления молодого императора Хинкеля. Повествование ведется попеременно от лица двух персонажей — героя-императора и его возлюбленной. Молодого государя ждет, как и положено в классической фэнтези, множество невзгод: политические интриги, борьба с разумными крысами и, самое главное, противостояние с очередным усыпленным (ненадежно, разумеется) древним злом. Но кончается все хорошо.

Подобные тексты принято оценивать как признак кризиса фэнтези. Но, странное дело, любители жанра находят их весьма привлекательными. Поздняя Нортон вовсе не «исписалась», хотя некоторая усталость чувствуется в последних томах оригинального «Мира Вельд». Просто гранд-дама фэнтези находила удовольствие в том, чтобы перекладывать сложную мозаику привычных, устоявшихся в читательских глазах мотивов. Она с легкостью соединяет приемы классической мифопоэтической (high epic, как определяют это в США) и династической фэнтези. Сюда бы еще немного научности — и перед нами отдаленное наследие того же «Мира Вельд». В конечном счете получалось не следование чужим шаблонам, а изобретение своего. Так что Нортон вполне заслуженно носила свой высокий титул.

Сергей Алексеев

Олег
ОВЧИННИКОВ

**АРАХНО.
В КОКОНЕ
СМЕРТИ**

*Москва:
Корпорация
«СОМБРА»,
2006. — 480 с.
7000 экз.*

Новый роман Олега Овчинникова составлен из двух сюжетных линий. Первая знакома читателям по повести «Кокон». Другая появляется уже в романе, с повестью у нее, на первый взгляд, мало общего — лишь несколько фамилий и тема пауков.

«Кокон» рассказывает о злоключениях семейной пары спелеологов-энтузиастов в логове гигантского паука, который способен управлять мыслями и поступками угодивших в его ловушку людей. Зарисовки тут выполнены в русле психологической прозы: переживания героев, их самоопределение в критических жизненных ситуациях помещены в центр повествования, а сам паук появляется лишь в финале.

Новая сюжетная линия, героем которой стал начинающий литератор Толик Голицын, демонстрирует знакомство автора с техникой карикатуры. Описание окололитературных — точнее, околоиздательских — кругов полно сарказма и мизантропии в духе «Театрального романа». Пародии и узнаваемые шаржи на посетителей ресторана «Старая мансарда» (традиционное место фантастических встреч) порой на грани скандала (не беда, ведь хороший скандал оживляет ситуацию). Еще здесь много пауков, каждый из которых по-своему интересен: литераторы в романе вовлечены в долгосрочный проект по формированию позитивного имиджа пауков в человеческой аудитории, и каждый норовит по-особому раскрыть тему любви и уважения к членистоногим.

Ближе к финалу становится понятно, что две сюжетные линии — звенья одной цепочки. Здесь нужно совместить два рисунка в одну стереоскопическую картину. И тогда обнаружится, что вовсе не пауки являются главной темой романа, а человеческая психология. Способность человека творить иллюзии, подчиняться им и подчинять окружающих, чтобы затем их преодолевать. Добавьте к этому авторский сарказм, динамичное повествование, присущий автору ясный и проработанный в деталях стиль — и получите великолепную фантастическую прозу. Кстати, издатель обещает продолжение.

Сергей Некрасов

СРАВНИТЕЛЬНОЕ ЕСТЕСТВОЗНАНИЕ

Евгений ЛУКИН

Манифесты самой мирной и интеллектуальной из существующих партий — партии национал-лингвистов — пользуются неизменным успехом у читателей нашего журнала. Что ж, лидер партии и по совместительству популярный фантаст продолжает свои изыскания в дебрях русского языка.

Мне тебя сравнить бы надо...
Из песни.

Наверное, с момента своего появления на земле человек полюбил присваивать себе почетные титулы: он и царь природы, и венец творения, и мера всех вещей. Сам себя не похвалишь — никто не похвалит. Существует даже экзотическая гипотеза, будто именно с этой целью и был изобретен язык. Следует, впрочем, заметить, что истинные национал-лингвисты никогда ее всерьез не воспринимали. Язык не изобретешь, ибо изобрести что-либо можно только с помощью языка. А если кто приведет в пример бессловесных крыс, тем не менее придумывающих и передающих потомству все новые и новые приемчики и уловки, то я сочту себя вправе сослаться на Эдисона, сделавшего уйму открытий и при этом, насколько мне известно, тоже не знавшего ни слова по-русски.

Одно из главных положений партии национал-лингвистов звучит так: язык, на котором мы лжем,

по сути своей правдив. Против нашей воли он, стоит в него вникнуть, беспощадно обнажает подоплеку вещей и явлений. К примеру, нет смысла возмущаться несвоевременной доставкой почты (бумажной). По-другому и быть не может, пока над дверью красуется вывеска «Отделение связи». Тут уж, сами понимаете, либо отделение, либо связь — одно из двух.

Итак, какие бы теплые слова мы о себе ни говорили, как бы ни титуловали себя венцом, царем и мерой, правда неминуемо выйдет боком. Точнее — языком. Поможем ей в этом.

Замечено, что чем точнее сравнение, тем оскорбительнее оно для рода людского. Наименее всего человек сопоставим с небесными телами — должно быть, именно поэтому так лестно слышать, что тебя уподобили звезде, комете, галактике! Единственный космический объект, от сравнения с которым хочется невольно уклониться, это, конечно, черная дыра, но после того, как создатель теории черных дыр публично отрекся от своего

детища, данное явление переключалось из астрофизики в эзотерику. Так сказать, выпало из номенклатуры.

Теперь переберемся поближе, в места обитания самочинного царя природы, на планету Земля. Начнем с царства минералов.

Геология поставляет не менее приятный материал для сравнений, чем астрономия. Какой бы горной породе ни уподобили вы своего ближнего, он будет неизменно польщен. Стойким называли, упорным. Особенно хороши в похвальной речи драгоценные и полудрагоценные камни. Одно условие: ни в коем случае не злоупотребляйте научной терминологией, обходитесь исконной лексикой. Даже за «обсидиан» по нашим временам можно ответить, поскольку незнакомые слова многими расцениваются как матерные. Мрамор, гранит, лава (конечно же, кипящая) — это дело иное, это пожалуйста.

Но обратите внимание: сомнительных комплиментов явно прибавилось. «Ну ты слюда-а!..» «Ну ты раку-ушечник!..» За такое, согласитесь, побить могут, причем не столько за интонацию, сколько за общее звучание и неприличную хрупкость упомянутых пород.

Да! Забыл предупредить: ирония при сопоставлении недопустима в принципе, ибо неминуемо вывернет смысл высказывания наизнанку. Второе: понятие обязательно должно прилагаться к человеку в целом, а не к какой-то его части. И третье: никаких суффиксов — с их

помощью можно придать слову любой оттенок: от пренебрежительного (алмазишко) до ласкательного (уголеч).

С минералами покончили, приступим к рельефу местности.

География также способна пощекотать наше самолюбие: континент, океан, остров, хотя бы даже и риф — все это звучит вполне уважительно. Но заметьте, как множатся и наползают термины, вызывающие откровенную досаду: пропасть, пустыня, болото. Разумеется, не случайно. Сойдя с небес на грешную землю, мы сильно приблизились к себе любимым.

Но подлинное унижение начинается, стоит нам вторгнуться в мир живой природы. Даже самые дальние человеческие родичи, растения, наряду с гибкой ивой и стройным тополем уже являют нам строевой дуб и контрафактную липу. Названия трав, овощей, грибов — преимущественно бранные: крапива, репей, тыква, хрен, мухомор, сморчок, опёнок. Список можно продолжить, вычеркнув из него разве что одни лишь цветы — между прочим, с точки зрения обывателя, самые никчемные растения, не годящиеся ни в пищу, ни на одежду, ни на стройматериалы. Из крапивы хотя бы суп сваришь! Любопытно, что многие плодовые деревья, будучи сопоставлены с особами женского пола, также не оскорбляют достоинства прекрасных дам, однако не потому, что приносят урожай, а именно потому, что цветут.

Из этого можно сделать осторожный предварительный вывод: язык предпочитает красоту пользе. Стало быть, Пушкин прав — и Аполлон действительно выше печеного горшка.

А теперь соберитесь: настала очередь родного царства животных, где нас ожидает полный беспредел наименований. Здесь, кстати, мы убедимся, что выявленная нами закономерность (чем ближе к человеку, тем обиднее) отнюдь не линейна. До определенной ступени эволюционного развития все существа суть прямое оскорбление величества. Поэтому не стоит даже упоминать о насекомых, членистоногих, амфибиях и рептилиях. Все они в смысле инвективы стоят друг друга.

Поговорим о птицах и млекопитающих, среди которых пусть крайне редко, но все же встречаются милые нашему сердцу орлы и гепарды. В остатке — попугаи, пехуки, козлы и шакалы. Имя же им легион.

Выделим три следующие странности.

Во-первых, все благозвучные птицы и звери — сами не местные (ласточка — и та мигрант). Они обитают в Африке, в Индии, на худой конец в уссурийской тайге — где угодно, только не в средней полосе России.

Во-вторых, большинство из них — хищники. Все травоядное в приложении к нам звучит бестактно. Кроме лани и еще там кого-то, занесенного в Красную Книгу.

В-третьих, они поголовно дикие. Не дай Бог, если тебя сравнят невзначай с домашним животным! Позору не оберешься.

Что же из этого следует? А следует из этого то, что великий и могучий, правдивый и свободный страсть как не любит тех, кого мы приручили (собака, индюк). Ему, как видим, больше по нраву наши враги и жертвы (и лев, и лань). Далеко не все, естественно. Как уже упоминалось, крыс, гиен и ворон — не считано-немерено. Что же касается домашних животных, то, кажется, исключений среди них не бывает вообще. Нейтрально звучит одна лишь кошка, но только потому что гуляет сама по себе.

Интересные пристрастия у нашего языка, правда?

Ему не нравится то, что мы сделали с домашними животными.

Ему не нравится то, что мы делаем с дикими животными.

Ему нравится то, что дикие животные делают с нами.

Но хватит о дальних родственниках, вспомним о близких. В отряде приматов что ни вид — то пощечина роду людскому. Мы не знаем ни единой обезьяны, с которой можно было бы безнаказанно соотносить меру всех вещей. Лемуры? Ну, эти похожи больше на тех же кошек, нежели на двуногое без перьев и с плоскими ногтями.

Вот мы и приблизились вплотную к царю природы. Продолжив ряд, неминуемо получишь вывод, что нет ничего оскорбительнее, чем отказ от сравнения. Достаточно

просто назвать человека человеком, чтобы опустить его до конца.

Ан нет! Выясняется вдруг, что человек — царь, венец, мера и вообще звучит гордо.

Те, кто не знаком с программными документами партии национал-лингвистов, скорее всего, решат, будто причина данной непоследовательности — вульгарный инстинкт самосохранения. Дескать, потому-то и сберегли душевное равновесие, что вовремя научились останавливать мысль. Выжили не благодаря разуму, а вопреки ему.

Или даже благодаря глухоте в отношении собственной речи.

Все, однако, обстоит несколько сложнее, но об этом чуть позже, поскольку пропущена такая обширная залежь словес, как имена артефактов. Умолчать о ней было бы несправедливо и нечестно.

Итак, произведения рук человеческих.

Достаточно первого взгляда, чтобы и здесь выявить подмеченную ранее странность: мы злимся, будучи уподоблены чему-нибудь насущному, и млеем, когда нас равняют с бесполезным, а то и вредным. Лишь бы оно было красивым!

Кирпич, балка, булыжник, долба — хотелось бы вам услышать нечто подобное в свой адрес?

Станок, тормоз, шестеренка, винтик?

Шляпа, валенок, хлястик, штанина?

Колбаса, буханка, лапша, котлета?

А изделия-то ведь все полезные...

Исключения опять-таки редки и сомнительны: из механизмов — мотор (он же двигатель), из продуктов питания — кое-какие спиртные напитки (шампанское, например), из одежды — даже и не знаю...

Совершенно иначе обстоят дела с орудиями убийства. Особь, уподобленная вами холодному оружию (кинжалу, стилету), возможно, ошалеет, но неизбежно проникнется уважением к себе и благодарностью к вам. А вот оглушающими снарядами (палицами, булавами) лучше никого не называть.

С современными средствами уничтожения — сложнее. Пуля, бомба, танк в приложении к человеку звучат несколько насмешливо. Зато как звучит истребитель! А перехватчик?

Короче, та же история, что с хищниками. Красиво, опасно, лестно. Но опять же не без уродов (секира, гаубица).

Патентованно ласкают слух одни лишь произведения искусства. Много ли найдется людей, которых бы не тронуло сравнение с картиной, статуей, мелодией, поэмой? Надо думать, искусство — единственный род человеческой деятельности, угодный языку (архитектуру, понятно, в расчет не берем, поскольку бесполезное считается в ней с насущным).

Подведем черту.

Напрашивается догадка, что язык позволяет нам говорить о самих себе хорошо, поскольку мы — его носители, а носителей надо беречь и не слишком огорчать. Но подспудно он питает к нам глубокую неприязнь.

Ему не нравится то, что приносит нам пользу.

Ему нравится многое из того, что нас убивает.

Ему отвратительно все, что мы делаем.

Кроме искусства.

Потому что главное для него, получается, красота.

* * *

В отличие от других народов мы, русские люди, с большей чуткостью прислушиваемся к пожеланиям родной речи и вредим себе везде, где только можем. Мы спустя рукава обустройстваем свой быт, мы погрязли в собственных отбросах, нам трудно пройти мимо стены, не испохавив ее афоризмом, при взгляде на что-либо общественно полезное нас немедленно подмывает его сломать. Иногда мы, правда, пытаемся противостоять требованиям языка, и тогда нас тянет сломать что-нибудь красивое.

«Нельзя же предположить смешную мысль, что природа одарила нас лишь одними литературными способностями!» — воскликнул в отчаянии Федор Михайлович Достоевский. Разумеется, нельзя. Оружие мы тоже неплохо делаем,

поскольку язык против него ничего не имеет. Во-первых, красивые шутовины, во-вторых, вред человеку наносят.

И все-таки, знаете, манят порой уют, чистота, благоденствие... Возможно ли их достичь и если да, то каким способом?

Первое, что приходит в голову: утратить языковое чутье и тупо заняться приборкой территории. Но для этого наш народ-языко-творец слишком талантлив и упрям.

Впрочем... Теоретически имеется одна возможность, хотя не представляю, осуществимо ли такое на практике. Язык невозможно одолеть, но почему бы не попытаться его обмануть? Скажем, оставив слово в неприкосновенности, изменить его эмоциональную окраску, то есть наше к нему отношение.

Перестав быть бранным, имя потребует от нас большей теплоты к обозначаемому им предмету. Подумайте, насколько улучшится уход за крупным рогатым скотом, когда корова начнет звучать гордо!

Но для этого необходимы добровольцы. Необходим безумец, способный, рискуя физией, с нежностью назвать любимого человека чем-нибудь полезным. Только чур не прибегать к уменьшительно-ласкательным суффиксам!

Конференция «Интерпресскон»,

семнадцатая по счету, состоялась в обычные сроки: с 4 по 7 мая. Традиционные тематические семинары (на этот раз большая часть была посвящена взаимосвязям литературы и игры) сочетались с нововведениями. Аналогом роскошных мастер-классов стали творческие студии для молодых фантастов, которые вели известные писатели А.Балабуха, С.Логинов и В.Рыбаков. Харьковский дуэт, пишущий под псевдонимом А.Зорич, выступил с докладом на тему «Есть ли жизнь после книги?»; состоялась дискуссия на тему «Молодые талантливые авторы — судьба или диагноз?». На берегу Финского залива по традиции прошел «Пикник на обочине» — с очередным открытием/закрытием «Семигранного болта», памятника творчеству братьев Стругацких.

Как всегда, на «Интерпрессконе» вручались Литературные премии им. А.Беляева (за вклад в популяризацию науки). Среди лауреатов этого года — Андрей Балабуха за книгу «Когда врут учебники истории», Александр Гордон за серию книг «Диалоги», журнал-альманах «Досье».

Были названы лауреаты именной премии Бориса Стругацкого «Бронзовая улитка». В номинации «Роман» мэтр отметил книгу «Эвакуатор» Дмитрия Быкова. За повесть «Спросите ваши души» приз получил Александр Житинский. Лучшим, по мнению Стругацкого, выступлением в «малой» форме стал рассказ «Звезда в подарок» Олега Овчинникова. В номинации «Критика и публицистика» победителем был назван Алан Кубатиев за статью «Что дали ему Византии орлы золотые?..».

Премии «Интерпресскон» вручались по итогам голосования участников конвента, коих в этом году приехало более 120 человек. Результаты получились весьма интересные — все произведения-лауреаты в прозаических номинациях (даже роман) имеют непосредственное отношение к журналу «Если». Итог таков: лучший роман — «Феодал» Александра Громова, повесть — «У Билли есть штуковина» Олега Дивова, рассказ — «Лес господина графа» Святослава Логинова. Премию за критику и публицистику завоевала Светлана Бондаренко за сборники «Неизвестные Стругацкие» (тома 1 и 2); лучшее издательство — «ЭКСМО»; художник/автор обложек — Владимир Бондарь; художник/график — Олег Юдин.

Впервые свои премии за лучшие публикации вручал журнал «Полдень, XXI век». Лауреатами стали Дмитрий Быков (проза) и Алан Кубатиев (публицистика).

Еще одна сказка

Роальда Даля, автора «Чарли и Шоколадной фабрики», обретет масштабное кино воплощение. Повесть «Ведьмы» — о мальчике, превратившемся в мышь — уже однажды была экранизирована: в 1990 году одноименный фильм снял режиссер Николас Роуг. На этот раз за дело возьмутся голливудские мексиканцы: постановку осуществит Гильермо Дель Торо («Блэйд 2», «Хеллбой»), а продюсировать проект будет Альфонсо Куарон («Гарри Поттер и Узник Азкабана»).

Премии «Сатурн»

фантастический аналог «Оскара», вручались 2 мая в Универсал-Сити, штат Калифорния. Лидерами по количеству обретенных призов стали «Бэтмен: начало» (лучший фэнтези-фильм, лучший актер, лучший сценарий) и «Кинг-Конг» (лучший режиссер, лучшая актриса, лучшие спецэффекты). Фильмы «Звездные войны. Эпизод III. Месть ситхов», «Город грехов» и «Хроники Нарнии: Лев, Колдунья и Платьяной шкаф» завоевали каждый по две премии.

Роман

Джозефа Раймена «Воздух» получил премию Артура Кларка. Церемония вручения прошла 26 апреля в Лондоне. Это уже не первая премия книги в нынешнем году — «Воздух» завоевал и приз Типтри-младшего, и премию British Science Fiction Association. Кроме того, Раймен стал третьим автором (после Пат Кадиган и Чайны Мьевилля), который умудрился получить премию Артура Кларка дважды.

Мода дописывать

произведения великих фантастов прошлого захватила и творчество Роберта Хайнлайна. После смерти вдовы писателя Вирджинии в бумагах фантаста были обнаружены наброски ненаписанного романа классика НФ. Впрочем, план «Цефеиды» (или «Переменной звезды») сохранился не полностью. История молодого человека, которого любовь заставила покинуть Солнечную систему и отправиться на космическом корабле в путешествие длиной 85 световых лет, обрывается на седьмой странице плана. Написать роман по наброскам и придумать окончание вызвался известный фантаст Спайдер Робинсон. Книга уже закончена и выйдет в свет осенью.

Американская

фирма–производитель игрушек Hasbro выпустила пластиковую куклу, одетую в костюм имперского штурмовика из фильма «Звездные войны». Вроде бы ничего особенного в этом факте нет, но если снять с куклы шлем, то под ним обнаружится лицо режиссера Джорджа Лукаса.

Вручены

очередные премии «Небьюла» 6 мая в Темпе, штат Аризона. Как всегда, это произошло на специальной церемонии, организованной SFWA и носящей название «Небьюла–банкет». Главный приз за лучший роман достался уже неоднократно премированному «Камуфляжу» Джо Холдемана. Обе номинации по повестям взяла Келли Линк: лауреатами стали ее «Магия для начинающих» (повесть) и «Волшебная сумочка» (короткая повесть). Лучшим рассказом признан «Я живу с тобой» Кэрол Эмшвиллер, лучшим сценарием — сценарий фильма «Серенити» Джоса Уэдона. Также были вручены премии «Гранд–мастер»: это звание получили Харлан Эллисон и Уильям Ф.Нолан.

In memoriam

20 марта в своем доме в городе Салливан, штат Нью–Гемпшир, от сердечного приступа скончался писатель Джон Моррисси. Ему было 76 лет.

Моррисси родился в 1930 году в нью–йоркском Бруклине. Служил в армии и на флоте, работал курьером на Уолл–стрит. После окончания университета занимался преподаванием английской литературы и языка, стал профессором. Прозу начал писать в шестидесятые годы — после двух реалистических романов дебютировал в фантастике рассказом «Точность» (1971). Первые фантастические книги писателя, цикл из шести романов о Деле Уитби, были исполнены в жанре «космической оперы». Затем Моррисси переключился на фэнтези. Особой популярностью у читателей пользовался его юмористический и детективный цикл о приключениях мага Кедригерна; рассказы о маге публиковались в журнале «The Magazine of Fantasy & Science Fiction» и затем были собраны в три антологии. Позже вышло и несколько романов о Кедригерне — «Голос принцессы», «Кедригерн задает вопросы», «Кедригерн в Вэнделэнде» и другие.

Читателям «Если» Джон Моррисси знаком по рассказам «Проблема с кадрами» (№ 7, 1994), «Баллада о прекрасной даме» (№ 10, 1999) и «Среди ясного неба» (№ 4, 2006).

Агентство F-пресс

АМНУЭЛЬ Павел Рафаилович

Писатель и ученый-астроном Павел Амнуэль родился в 1944 году в Баку. Окончил физический факультет Азербайджанского государственного университета; кандидат физико-математических наук. Много лет проработал в Шемахинской астрофизической обсерватории и Бакинском Институте физики. Автор более 60 научных работ в области релятивистской астрофизики.

Первым выступлением в жанре стал рассказ «Икарция Альфа», опубликованный в 1959 году в журнале «Техника — молодежи». П.Амнуэль — один из самых последовательных приверженцев «твердой» НФ, автор книг «Сегодня, завтра и всегда» (1984), «Капли звездного света» (1990), «Приговоренные к высшей мере» (1990), «День последний — день первый» (1993), «Люди Кода» (1997), «Все разумное» (2002), «Странные приключения Ионы Шекета» (2005). Рассказ «20000000000 лет спустя» включен в антологию «Фантастика века». Известен также публицистическими выступлениями по различным проблемам НФ, в том числе и на страницах «Если».

Павел Амнуэль является лауреатом приза «Великое кольцо».

БЕЙКЕР Кейдж (BAKER, Kage)

(Биобиблиографические сведения об авторе см. в № 5 за этот год)

Из интервью Кейдж Бейкер журналу Locus:

«Я не думаю, что человечество просто проигрывает одну и ту же историю — раз за разом. Но, с другой стороны, мы те же представители рода человеческого, что и наши предки, и наши потомки окажутся в большинстве своем в тех же самых ситуациях, в которые попадаем мы. Это в высшей степени полезно — вообразить, как они будут реагировать на эти ситуации, с иными технологиями и в иных мирах. Вот почему я пишу научную фантастику — хотя даже сам этот термин вызывает презрение у некоторых людей».

БЕРЕЗИН Владимир Сергеевич

Московский прозаик, журналист и критик Владимир Березин родился в 1966 году. Получил два высших образования — на физическом факультете МГУ и в Литературном институте им. А.М.Горького, некоторое время учился в Кёльнском университете. Имеет степень магистра экономики, автор трудов по математике. Работал обозревателем в еженедельниках «Ex Libris НГ» и «Книжное обозрение».

В литературе дебютировал в 1994 году как критик и эссеист, а с 1996-го в журналах «Новый мир», «Октябрь», «Знамя» появляются и прозаические произведения В.Березина. В 2001-м в петербургском издательстве «Лимбус Пресс» вышел роман «Свидетель». Фантастические рассказы писателя публиковались в серии антологий «Новые русские сказки» и периодической печати.

Владимир Березин лауреат премий журнала «Новый мир», Общества им. Н.Карамзина, журнала «Знамя». В 2000 году награжденной лист писателя пополнился и первой жанровой премией — «Золотой кадудей».

ДАНИХНОВ Владимир Борисович

Молодой ростовский фантаст Владимир Данихнов родился в 1981 году в Новочеркасске. Высшее образование получил в Южно-Российском Государственном техническом университете, работает старшим инженером-конструктором на научно-производственном предприятии Ростова-на-Дону.

По собственному признанию, фантастикой увлекся в детстве после просмотра телесериала «Гостья из будущего». Дебютировал в жанре в начале века: первые рассказы Данихнова появились в журналах «Порог» и «Магия ПК». В 2005 году в московском издательстве «Армада» увидела свет первая авторская книга фантаста — роман «Братья наши меньшие», номинированный на премию «Еврокон» в категории «Лучший дебют».

ДОКТОРОУ Кори (DOCTOROW, Cory)

Кори Доктороу родился в 1971 году в Канаде. Его предки родом из России и Белоруссии, фамилия деда — Докторович. Ныне писатель живет в Лондоне, работает европейским координатором фонда «Электронный Фронтир», а также является соредактором интерактивного журнала «Боинг-Боинг».

Первой публикацией был рассказ «2000 лет контроля», напечатанный в 1990 году. Сейчас Доктороу — автор многих сетевых и традиционных журналов, его романы удостоены премий имени Джона Кэмпбелла, журнала «Locus», а книга «В магическое королевство и обратно» вышла в финал премии «Небьюла». Последний роман «Кто-то приходит в город, кто-то уходит» появится в июле 2005 года одновременно в виде книги и электронной версии.

ЛОВЕТТ Ричард (LOVETT, Richard A.)

Американский автор Ричард Ловетт закончил университет с дипломом астрофизика, затем получил второе образование — юридическое, после этого и третье — экономическое, а потом защитил диссертацию по экономике. Однако с 1989 года он полностью переключился на творческую деятельность — литературу, журналистику, фотографию. Спектр интересов Ловетта чрезвычайно широк: он опубликовал шесть книг и более 2000 статей в журналах и газетах на темы дистанционного зондирования, экологии, аналитической химии, токсикологии, пищевой микробиологии и прочего. Кроме того, Ловетт активно пишет об экстремальном туризме, велопутешествиях и марафонском беге. Читателям научной фантастики Ловетт известен, в основном, своими научно-популярными статьями в журнале Analog.

В 2004 году он попробовал себя в научно-фантастической прозе, дебютировав в том же издании двумя рассказами — «Броуновское движение» и «Равновесие».

САЛОМАТОВ Андрей Васильевич

Андрей Саломатов родился в Москве в 1953 году. Учился в Московском геолого-разведочном институте, но не закончил его. Высшее образование получил на факультете станковой живописи Художественного училища им. 1905 года. Прежде чем полностью посвятить себя литературной деятельности, сменил множество профессий — от змеелова и лесоруба до художника-оформителя и литконсультанта.

Первые рассказы А.Саломатова появились в печати в середине 1980-х. Выпускник легендарных Малеевских семинаров, он приобрел известность, в первую очередь, как детский писатель, автор остроумных сказочных и фантастических новелл о подростках. Эти рассказы позже составили содержание первой авторской книги «Наш необыкновенный Гоша» (1994). Для детей и подростков писатель, первый лауреат премии «Алиса», написал более десятка книг.

Во взрослой прозе Саломатов известен как писатель, работающий на границе мейнстрима и фантастики. Наибольшей известностью пользуется роман «Синдром Кандинского», впервые опубликованный в журнале «Дружба народов», а затем изданный в Париже. «Взрослое» творчество Саломатова представлено в авторских сборниках «Проделки Джинна» (2003), «Синдром Кандинского» (2003) и «Кокаиновый сад» (2004).

Рассказы и повести А.Саломатова были удостоены жанровых премий «Странник» за рассказ «Праздник» и «Филигрань» за повесть «В будущем году я стану лучше».

В последнее время писатель активно работает в анимационном кино: по его сценариям вышло два мультфильма — «Эволюция Петра Сенцова» и «Знакомые нашей ёлки», а в настоящее время идет работа над созданием полнометражного анимационного фильма по повести «Цицерон и боги Зеленой планеты».

СМИТ Дуглас (SMITH, Douglas)

Канадский писатель Дуглас Смит родился в 1976 году и дебютировал в научной фантастике рассказом «Танец духов» (1997). С тех пор он опубликовал более двадцати рассказов в журналах, антологиях и сетевых изданиях. Смит номинировался на Премию имени Джона Кэмпбелла, вручаемую лучшему молодому автору, и дважды, в 2001-м и 2004-м, завоевывал высшую канадскую премию в жанре — «Аврору». В настоящее время Смит проживает «к северу от Торонто и, как и все остальное человечество, работает над романом».

Подготовили

Михаил АНДРЕЕВ и Юрий КОРОТКОВ

КОСМОопера в «ЕСЛИ»

НОВЫЕ ПОВЕСТИ

**Уолтера Йона Уильямса
«ВЛОЖЕНИЕ КАПИТАЛА»**

**Николая ГОРНОВА
«ПРОЕКТ “ОРАКУЛ”»**

НОВЫЕ РАССКАЗЫ

**Алексея КАЛУГИНА,
Бориса РУДЕНКО,
Джона ХЕМРИ**

а также

**статья Глеба ЕЛИСЕЕВА:
звёздные карты фантастов**

**комментарий Владимира МИХАЙЛОВА:
какова роль человечества в мироздании**

ЧИТАЙТЕ АВГУСТОВСКИЙ НОМЕР ЖУРНАЛА

**Подписку на наш журнал с любого месяца вы можете
оформить в своем почтовом отделении
по двум каталогам: «Пресса России»
и «Роспечать. Газеты и журналы».**

**Цена одного номера (без стоимости почтовых услуг) —
53 рубля. Индекс — 73118.**

ISSN 1680-645X

06007

9 771680 645003

